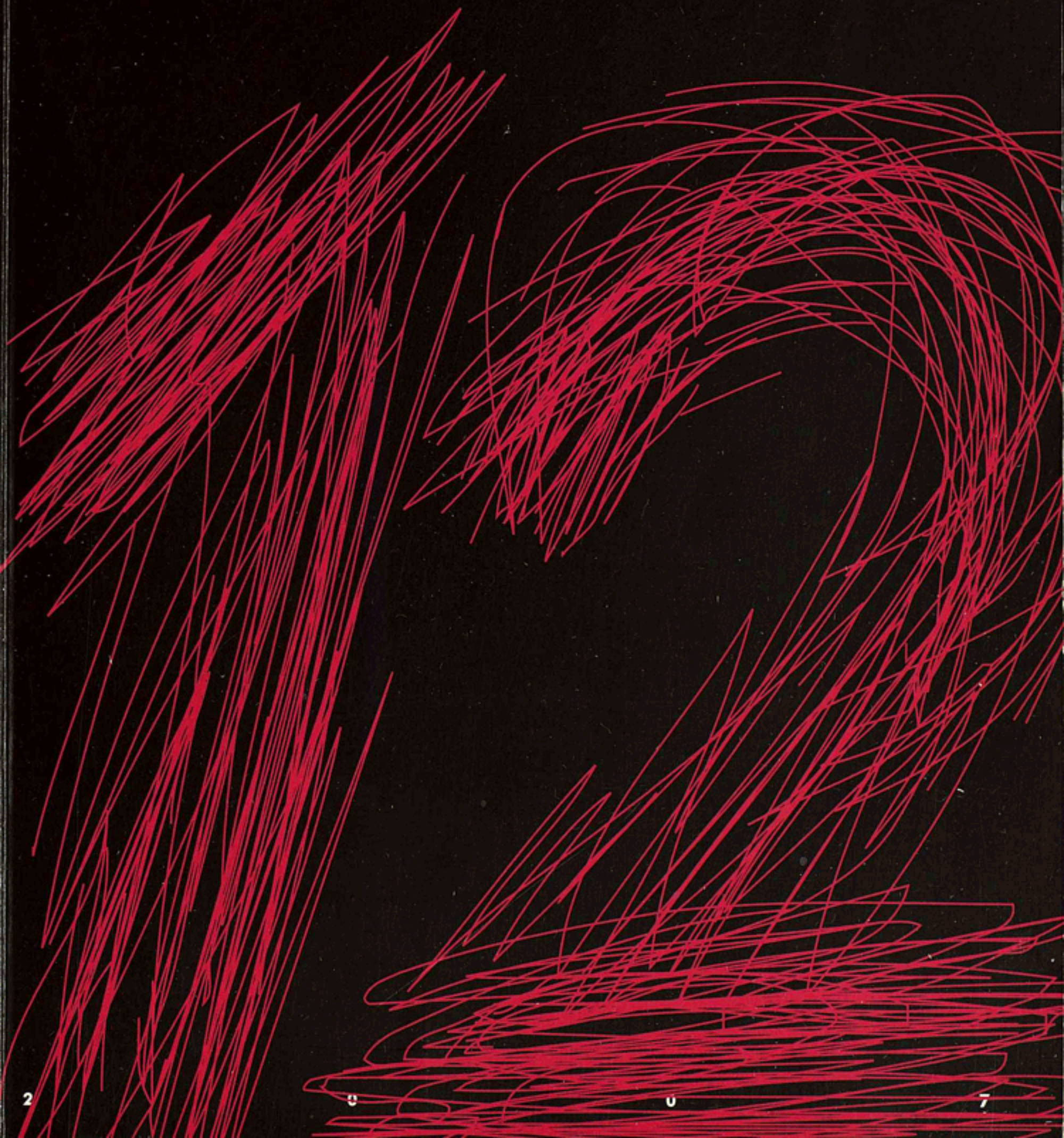
ИСКУССТВО КИНО



2 0 0 7

Золотая коллекция
отечественных кинофильмов

ДОМАШНИЙ

Кино на «Домашнем»
ежедневно в 23.30

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Летом 2007-го умер один из лидеров российской анимации Александр Татарский: фильмы этого яркого, харизматичного режиссера, продюсера, педагога, созданная им студия «Пилот», работы его учеников свидетельствуют о том, что в российском кино — скажем точнее — в мультипликации есть возможности для формирования традиций, школы для открытия новых эстетических территорий. Мы публикуем подборку материалов о Татарском, которые показывают, что эти территории активно осваиваются, подтверждая тем самым, что масштаб личности способен обеспечить привлекательность стиля, направления и готовность молодых следовать за мастером.

Традиционная для журнала тема — состояние отечественной кинодраматургии, определяющей как успехи, так и кризис нашего кинематографа, — в этом номере представлена публикацией трех сценариев, обнаруживающих интерес молодых драматургов к социальной проблематике, дефицит которой в российском кино не раз становился предметом обсуждения на страницах «Искусства кино».

Нам кажется важным отметить, что сценарий Владимира Зуева «Шарманка» привлек внимание Киры Георгиевны Муратовой — съемки фильма на его основе близки к завершению.

В рубрике «Публикации» читатель найдет материал, впрямую связанный с проблемами сегодняшней отечественной кинодраматургии, — несколько рассказов, написанных одним из ведущих представителей некогда важнейшей, затем отброшенной «за ненадобностью», а ныне вновь актуальной профессии «редактор»: Элла Корсунская несколько десятилетий работала на «Мосфильме», участвуя в создании картин таких режиссеров, как Эфрос, Абдрашитов, Лотяну.

СОДЕРЖАНИЕ «ИК» №12/07

ИМЕНА

5

ЛАРИСА МАЛЮКОВА — ИГОРЬ КОВАЛЕВ — АНАТОЛИЙ ПРОХОРОВ

Весь мир — метаморфоза

19

ИГОРЬ КОВАЛЕВ:

«Татарский вырос среди клоунов»

Беседу ведет и комментирует Лариса Малюкова

26

Внутри гэга жил другой гэг

Об Александре Татарском вспоминают Юрий Норштейн, Евгений Сивоконь, Михаил Тумеля, Наталья Березовая, Сергей Меринов, Алена Оятьева, Елена Чернова, Федор Хитрук

38

АЛЕКСАНДР ТАТАРСКИЙ

Участие в жизни — тоже фильм

Короткие рассказы «Письмо счастья», «Страховой случай», «Полет медведя»

Подборка материалов памяти Александра Татарского

ПУБЛИКАЦИИ

49

ЭЛЛА КОРСУНСКАЯ

Рассказы

«Мы стареем», «Уборка», «Родословная», «Двое в доме, не считая хозяйки», «Концепция», «Благодарность»

ЧТЕНИЕ

63

ВЛАДИМИР ЗУЕВ

Шарманка

Сценарий

93

ВЛАДИМИР ЗАБАЛУЕВ, АЛЕКСЕЙ ЗЕНЗИНОВ

Медвежья шкура

Сценарий

133

ИЛЬЯ РУБИНШТЕЙН

Пять снов Николая Козырева

Сценарий

Предисловие Одельши Агишева

167

Содержание журнала «Искусство кино» за 2007 год

S U M M A R Y

Larisa Malyukova — Igor Kovalyov — Anatoly Prokhorov
All the world is metamorphosis

Igor Kovalyov:
«Tatarsky was brought up among clowns»
Conversed by Larisa Malyukova.

Inside this gag there lived another gag
Yury Norstein, Evgeny Sivokon, Mikhail Tumelya, Natalya Berezovaya, Sergei Merinov, Alyona Oyatyeva, Elena Chernova, Fyodor Khitruk remembering Aleksandre Tatarsky.

Aleksandre Tatarsky:
«Participation in life is also a film»
Short stories by the outstanding animator: A letter of happiness; Insured accident; Flight of a bear.

A set of stuff to commemorate the late animator Aleksandre Tatarsky.

Ella Korsunskaya
Stories
Short stories by a noted film editor: We are getting old; Cleaning; A family tree; The twosome at home without a mistress; Conception; Gratitude.

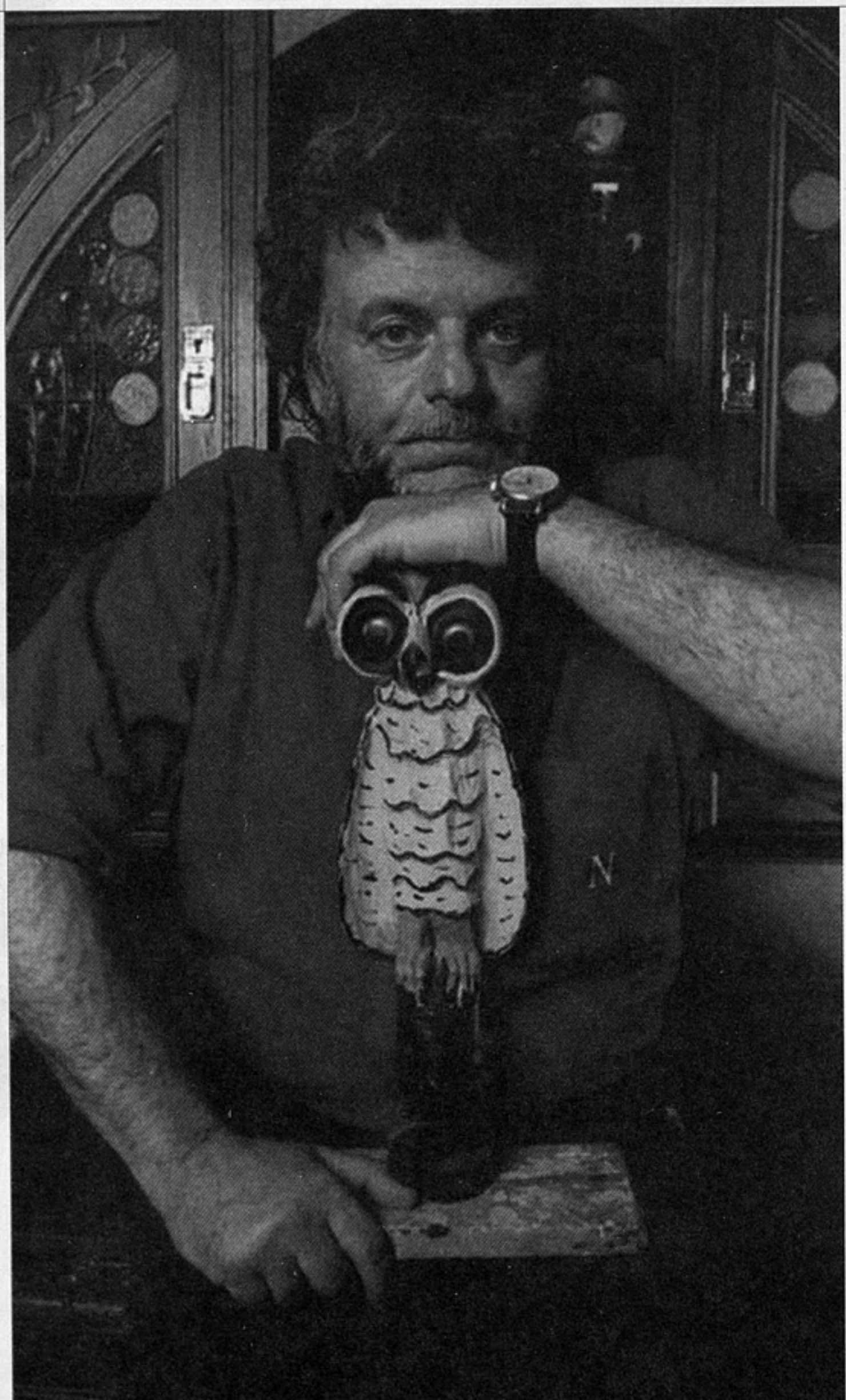
Vladimir Zuyev
A Street organ
A script.

Vladimir Zabaluyev, Alexei Zenzinov
A Bear's skin
A script.

Ilya Rubinstein
Five dreams of Nikolai Kozyrev
A script.

Index of the IK-2007.

И М Е Н А



Александр
Татарский

ЛАРИСА МАЛЮКОВА — ИГОРЬ КОВАЛЕВ — АНАТОЛИЙ ПРОХОРОВ

Весь мир — метаморфоза

При щедрой раздаче в нынешние времена самых высоких эпитетов, не умеем мы по достоинству оценить редких, немногих киносозидателей, киностроителей. Александр Татарский — из их числа. Только после его внезапного ухода анимационное сообщество осознало громадность этой потери. Ну да, есть, конечно, заслуженные, выдающиеся, великие. Но кто еще, как Татарский, занимался не столько собственными открытиями, своими фильмами, личной карьерой, сколько реанимацией дышащей на ладан нашей общей мультотрасли? Созданная с чистого листа компания «Пилот» стала не только образцом современной анимационной студии, но и главным наследником традиций советской анимации, прежде всего «Союзмультфильма». Только реалистический фантаст Татарский мог замахнуться на масштабный проект «Гора самоцветов» — 150 фильмов по сказкам народов России, — он стал основой возрождения российской анимационной мультиндустрии.

Критик Лариса Малюкова беседует об Александре Татарском с основателями крупнейшей российской анимационной студии «Пилот» Анатолием Прохоровым и Игорем Ковалевым.

Лариса Малюкова. Все сферы деятельности Александра Татарского важны, взаимно переплетены, но в сегодняшнем разговоре давайте сосредоточимся на его кино, режиссерском почерке. Неохватная многоаспектная работа — продюсерская, педагогическая — останется фоном. Саша учился в Киевском институте имени Карпенко-Карого, получил диплом теоретика — киноведа, кинодраматурга. Всегда мог развернуть разговор в незапланированное русло. И фильмы смотрел как практик и как кинокритик. Татарский овладел всеми сторонами профессиональной деятельности: от сценария до раскадровки, от записи звука до монтажа. Он собственноручно складывал молекулы целлулоида в ткань фильма. Но если говорить о характере его режиссуры, о творческом мировоззрении, то, конечно же, начинать надо от печки, от «Киевнаучфильма». Там сложился знаменитый творческий тандем Татарский — Ковалев, там они соорудили свой первый мультстанок, как известно, из рентгеновского аппарата, начали делать свою первую картину «Кстати о птичках». Там завязалось многое. К примеру, когда говорят об особенной атмосфере «Пилота», то ее часто сравнивают с «Союзмультфильмом» 50—60-х. Мне же кажется, характер взаимоотношений на «Пилоте» генерирован атмосферой «Киевнаучфильма», где остались любимые Сашины учителя Давид Черкасский и Евгений Сивоконь, где, несмотря на гнет жесткой идеологии, царил дух веселого хулиганства и даже была своя футбольная команда. Кста-

ти, если говорить о преемственности, то в почерке раннего Татарского я вижу школу Черкасского, его способ рассказа.

Игорь Ковалев. Это так смешно вспоминать, но когда он собирал этот станок, то знал, что в результате все получится. Просто не обращал внимания на мнения знатоков. Потому что если их слушать, то все нельзя, все неправильно. Приходили эксперты и доказывали, что лучше не так. Они уходили, он послушно соглашался: «Знаешь, они правы. Но все же... давай попробуем иначе». И ведь работало!

Анатолий Прохоров. В вашем первом фильме «Кстати о птичках» есть ключ к пониманию режиссуры Татарского. Фильм нашпигован гэгами, но важна не их плотность, а умение рассказать историю с помощью гэга, как писатель рассказывает историю с помощью слов.

Л.Малюкова. Гэг — больше, чем способ рассмешить зрителя, он — семантическая единица. Возможно, это проистекало в какой-то степени из-за их безумной с Ковалевым любви к цирку. Саша в юности работал в цирке униформистом. Поэтому и стихия смехового начала их с Ковалевым фильмов была во многом клоунской.

И.Ковалев. В нашей первой работе «Кстати о птичках» были рисованные сюжеты («Остров»), в перекладках («Роботы»). Но, понимаете, изображение и техника — второстепенны. Главное — идея смешного, гэгового. Да, Саша продолжал клоунаду в анимации, хотел нагрузить ее гэгами настолько плотно, что... «Игорь, давай заставим смеяться зрителя каждую минуту. Это удавалось только Диснею и Флейшнеру».

Л.Малюкова. Я бы не выводила за скобки мажорно-минорную манеру Юрия Никулина, оказавшего на Татарского ощутимое влияние...

А.Прохоров. Любопытно, что в драматургии реприз Никулина — Шуйдина не было особой глубины. Пожалуй, только актерское существование Никулина расширяло репризу до ощущения клоунского бытия Грустного человека.

Л.Малюкова. В фильмах Татарского можно уловить и влияние Чаплина. Клоунское начало, с одной стороны, очень оторванное от «нормы жизни», при этом скрупулезно прописанное в деталях, приросшее к быту в реалистических подробностях. Мужик берет в руки метлу, и с ним и метлой происходят невероятные метаморфозы. Режиссер на глазах изумленного зрителя лепит из пластилина не игрушечных зверушек, он взламывает законы мироздания. Лепит мир заново. Клоунада становится космической. Опираясь на мелкие «вещественные доказательства».

А.Прохоров. Это и называется сюрреализмом, то есть сверхреализмом, или тем, что сейчас стали называть постреализмом. Как у Дали? Берется комар, берется слон, часы... и вдруг эти привычные обыденности, что называется, «дают течь», перетекают одна в другую. Дали подвергает обыденность мира кардинальному остранению. Таков же у Татарского и дворник, летающий на метле. Сколько в этой метафоре всего замешано.

Л.Малюкова. Саша опирался не столько на метафоры, сколько на метаморфозы, которые с первого кадра становятся тотальными. По его творческой формуле, весь мир — метаморфоза.

А.Прохоров. Визуальная метаморфоза — базовая основа мультипликации. Потом уже Дисней и его школа ввели повествовательную мультипликацию, где гэги несут вспомогательную драматургическую нагрузку. Но еще раньше были Александр Алексеев или Джеймс Стюард Блэктон... Или вспомним Кэролин Лиф в сумасшедших переплывах фильма «Улица». Метаморфозное сумасшествие, сюрреалистическое мышление Татарского нашло себя именно в анимации. Мироощущение личности и профессии склеились в нем невероятно точно и дали особый объем.

Л.Малюкова. Да, метаморфоза становится способом изложения, художественным стилем. За тотальной трансформацией бытовых деталей и персонажей разворачивается пластическая метафора жизни. И хотя Татарский — не пионер пластилиновой анимации, именно у него пластилин обретает ка-

чество чувственной, окрашенной юмором и эмоцией метаморфозы. Вакханалия, фонтанирующая у нас на глазах в прямом смысле этого слова: по экрану летят пластилиновые брызги, бьют фонтаны, превращаясь в осязаемые предметы мира. Эта изобильная фантазия переполняет экран. Возникает ощущение, что сейчас он сам вывернется и выстрелит пластилином в зрителя...

И.Ковалев. И все же пластилин на нашем пути возник случайно, как судорожный поиск нового материала. Когда стали делать «Колобки», все стали спрашивать Сашу: «Куда делся пластилин?», он отвечал: «Я чувствую себя свободней в рисунке. Пластилин — обязательная программа превращений. Он меня сковывает». Саша не мыслил абстрактно, все детали брал из жизни, но сворачивал шею реальным ситуациям.

Л.Малюкова. Итак, трансформация стала основой его стиля. Сам он повторял: «У меня мышление пластическое. Не люблю пересказывать историю». Впрочем, последний его проект «Гора самоцветов» основан именно на историях. Но эти фильмы так и не стали по-настоящему «татарскими» фильмами. В народе же он прежде всего известен как автор пластилиновых картин.

И.Ковалев. Вы же знаете эту историю. Когда был готов первый и второй сюжеты в сборнике по детским рисункам, стали придумывать третий. Тут и возник пластилин. Суперуспех «Пластилиновой вороны» подвиг Сашу на заставку к «Спокойной ночи, малыши». Конечно, и «Ворона», и «Падал прошлогодний снег» — прежде всего его фильмы. Если я и делал изображение, то был только дизайнером, хотя, естественно, и раскадровку я делал. Но идеологически это Сашино кино. В пору «Вороны» я еще плавал в профессии, не знал, что могу делать. Мультипликат, ритм, тайминг — мое. А все идеи, понимание кино как искусства гэга, уход в фантастический реализм — это Саша.

Давайте расскажу, как он начинал работать. За основу брал карикатуру, гэги в немом кино, Чаплина, Флейшнера, Диснея. Он собирал карикатурные журналы. «Шпильки», «Карикатуры», Punch. Все вырезалось, обклеивались стены. Складировались тома из папок. И когда возникала тема, он говорил: «Подожди, сейчас посмотрим...» Я возражал: «Ты с ума сошел. Это же уже напечатано». «Ну и что? Все уже было. Семь нот, например». Но, знаете, в новом повороте, в другом материале, например, пластилине, с иным выходом — это никогда не смотрелось как плагиат. И Чаплин нередко подсматривал свои гэги.

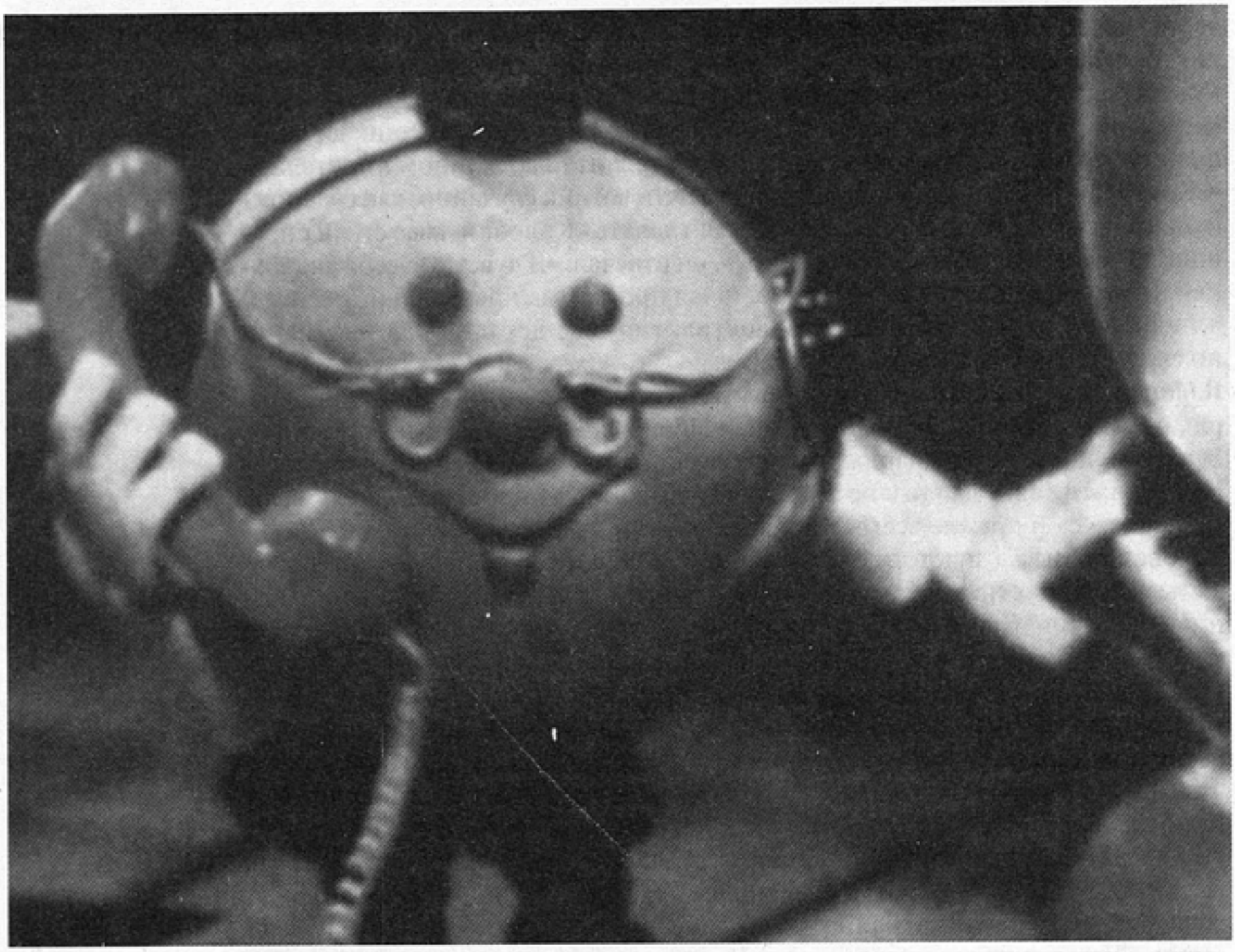
А.Прохоров. Вся цирковая клоунада и вся ранняя «комическая фильма» — искусство повтора, не имеющее авторства, в котором темы, гэги, а то и целые репризы кочуют от одного исполнителя к другому. Это как в музыкальном языке — «темы с вариациями». Важно лишь, чья вариация тоньше, смешнее. А когда карикатура приходит в анимацию, она начинает жить абсолютно другой жизнью.

И.Ковалев. Все же пользуются красным цветом, но в сочетании с другими цветами красный обретает новые оттенки. В «Падал прошлогодний снег», в «Обратной стороне Луны» знакомые гэги заново интерпретированы...

А.Прохоров. Помните, у Поля Валери «Лев состоит из хорошо переваренного барана»? В искусство оратора входит и замечательное использование чужих аргументов. Главное — ради чего?

Л.Малюкова. Кстати, о заимствованиях. В знаменитом, увенчанном «Оскаром» фильме студии Aardman Animation о Громите и Уоллисе есть эпизод, в котором обыгрывается механизированный быт героев, который почти буквально воспроизводит фрагмент из вашей первой работы «Кстати о птичках». Хотя не факт, что Ник Парк видел этот ранний фильм Татарского-Ковалева.

Можно было бы «путь Татарского» весьма условно разделить на несколько станций. Проба себя в профессии и поиск собственного стиля в «Кстати о птичках». Пластилиновая феерия: «Колобки», трансформированные в «Братьях Пилотах», — утверждение фирменного почерка Татарского. Незавершенный эстетический прорыв в полнометражном кино «Прибытие поезда». Попытка смены курса в «Унесенных ветром». Индустриально-художест-

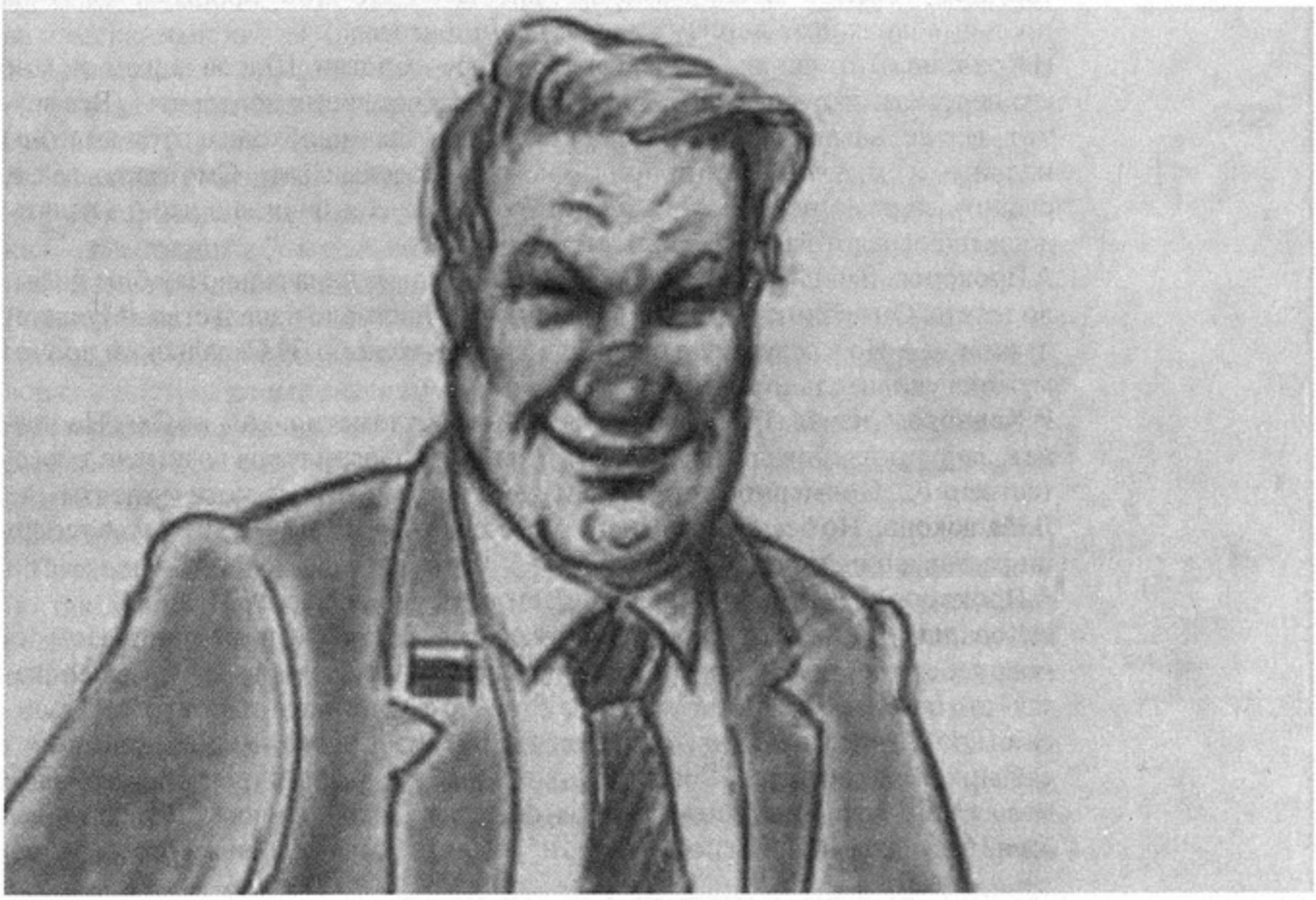


«Следствие ведут Колобки»

«Падал прошлогодний снег»

«Красные ворота Расёмон»

«Путч»



венный цикл «Гора самоцветов». И, наконец, начатый проект «Безумные волосы» — возвращение к себе. Ученик Татарского Дмитрий Наумов рассказывал, что был свидетелем последних сцен, которые делал Татарский как аниматор для фильма «Крылья, ноги и хвосты»... А свою первую сцену он снял в фильме Давида Яновича Черкасского «Приключения капитана Врунгеля», в ней военные корабли окружают маленькую перевернутую яхточку.

И.Ковалев. Он делал у нас еще «Кубик-рубик» и «Городки». Он был хорошим актером, точно понимал, как надо разыграть сцену. Повторял: «Смотрите Чаплина, как у него все разыграно до мельчайших деталей. Там нет двойных смыслов, подводных камней». Конечно, зритель мог найти и некий дополнительный смысл, но Саша прежде всего хотел быть понятым. Он придерживался старого доброго флейшнеровско-диснеевского стиля. Не мог его персонаж просто взять стакан. Нет, обязательно с замахом.

Л.Малюкова. Как и его учителя, Татарский говорил, что аниматор — это актер рисованного кино, но слово «актер» ставил на первое место.

А.Прохоров. Если говорить о стилистических направлениях, то актерство Саши ближе «Принцессе Турандот», классика «Союзмультфильма» — это МХАТ, а поиски Норштейна — сродни внутреннему эксперименту Анатолия Васильева в «Серсо».

И.Ковалев. Уже был готов мой сценарий к «Обратной стороне Луны». Он звонит из Москвы: «Игорь, нельзя после Назарова («Жил-был пес») делать украинскую тему. Назаров ее закрыл. Ты не против, если мы из твоего сценария сделаем грузинское кино?» «Саша, ты — режиссер, решай». Он сохранил сценарную структуру, добавил чудесные гэги. Вышел фильм с легким дыханием. С поразительно тонким грузинским колоритом. Он мне так понравился! Конечно, там есть дань загребской школе. Мы все безумно любили фильмы Довниковича.

Л.Малюкова. Давайте поговорим о жанровых разворотах Татарского. От первых легких комедий к комической трагедии в «Унесенных ветром». Хотя он и в пространстве одного фильма умел развернуть зрителя на 180 градусов: от смеха к слезам. Как в картине «Падал прошлогодний снег» — комедии положений с пронзительно грустным, если не трагическим, финалом.

А.Прохоров. Этот фильм, на мой взгляд, — вершина творчества раннего Татарского. Именно здесь, возможно, впервые в его кино прорывается такая пронзительная нота лиризма, печали, одиночества...

И.Ковалев. Этот фильм от начала до конца — Сашин. Шаг за шагом он мне его пересказывал, советовался. Приходилось все время повторять: «Все звучит, все складывается, не комплексуй». Ему был необходим этот эмоциональный и смысловой пинг-понг — кому-то рассказывать. Смотреть в глаза, следить за реакцией. Я этого не понимал. Когда я начинаю что-то делать, должен сосредоточиться, закрыться, исчезнуть...

А.Прохоров. В фильме «Падал прошлогодний снег» изначально вообще не было текста. Он возник в приказном порядке — настояло начальство «Мульттелефильма». Но в результате получилось замечательно. И Садальский прочел мужика удивительно точно...

И.Ковалев. Сначала были лишь отдельные междометия: «А!» и «Ох». Но когда наверху потребовали «разъяснить этот бред», фразы героя возникли так естественно... Примерно то же было и с фильмом «Крылья, ноги и хвосты».

Л.Малюкова. Но без текста «Снег...» не стал бы народным фильмом. А теперь он растаскан на цитаты.

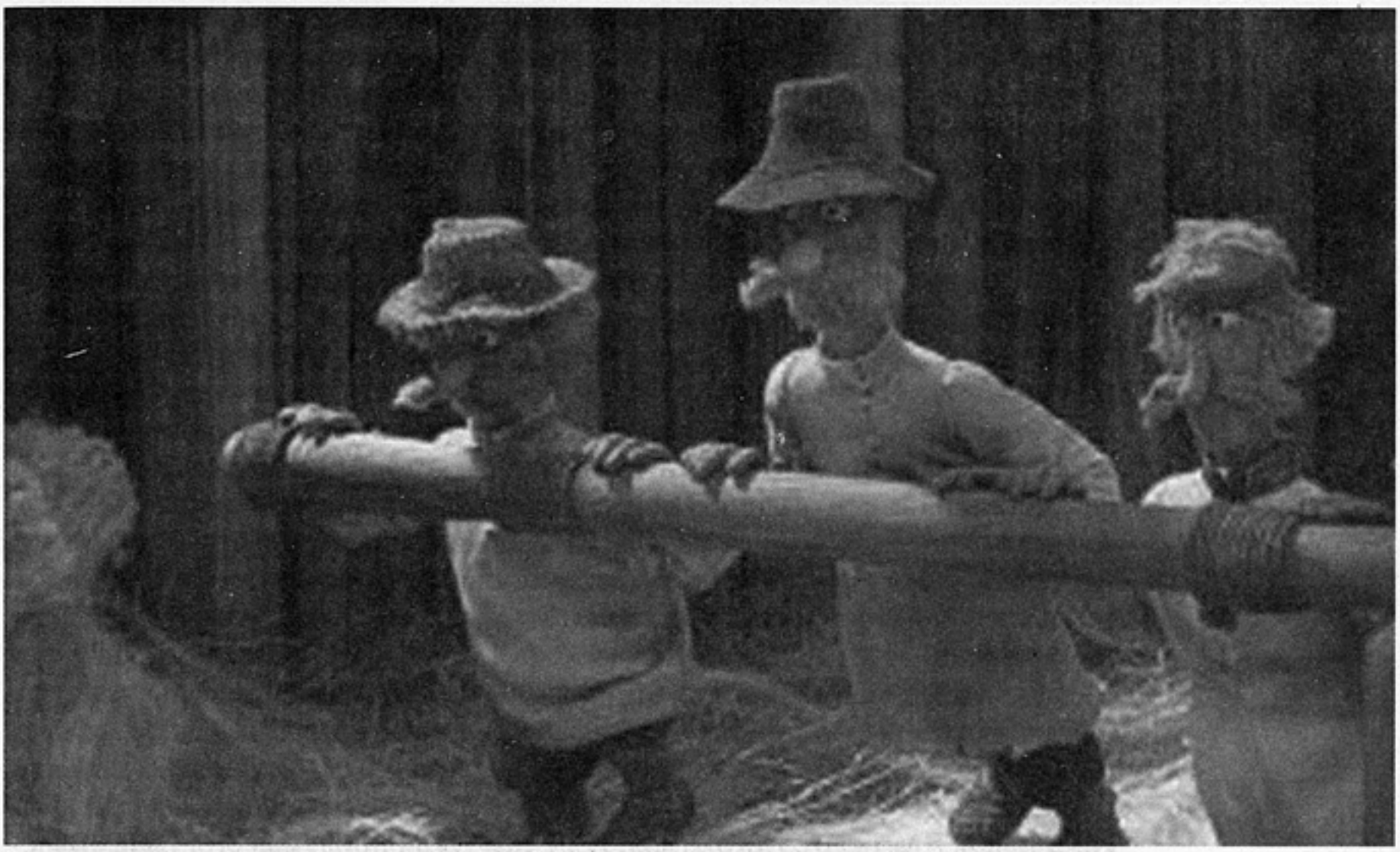
А.Прохоров. Текст писал Саша или автор сценария Сергей Иванов?

И.Ковалев. В данном случае Сергей нужен был для того же пинг-понга. Но в основе все слова Татарского. Что-то было придумано и Ивановым, но Саша «сказал» это по-своему. Многое в фильме списано с самой жизни. Вот возвращаемся мы из киевского Дворца пионеров, где преподавали детям. Час ночи, холод собачий, ледяной дождь. Дрожим на остановке в ожидании троллейбуса. Рядом мерзнет пьяный. Проезжает машина и обдает его с ног до головы. Дядя: «У... все же не рассчитаешь». Мы посмеялись и забыли, а Саша подарил реплику герою.

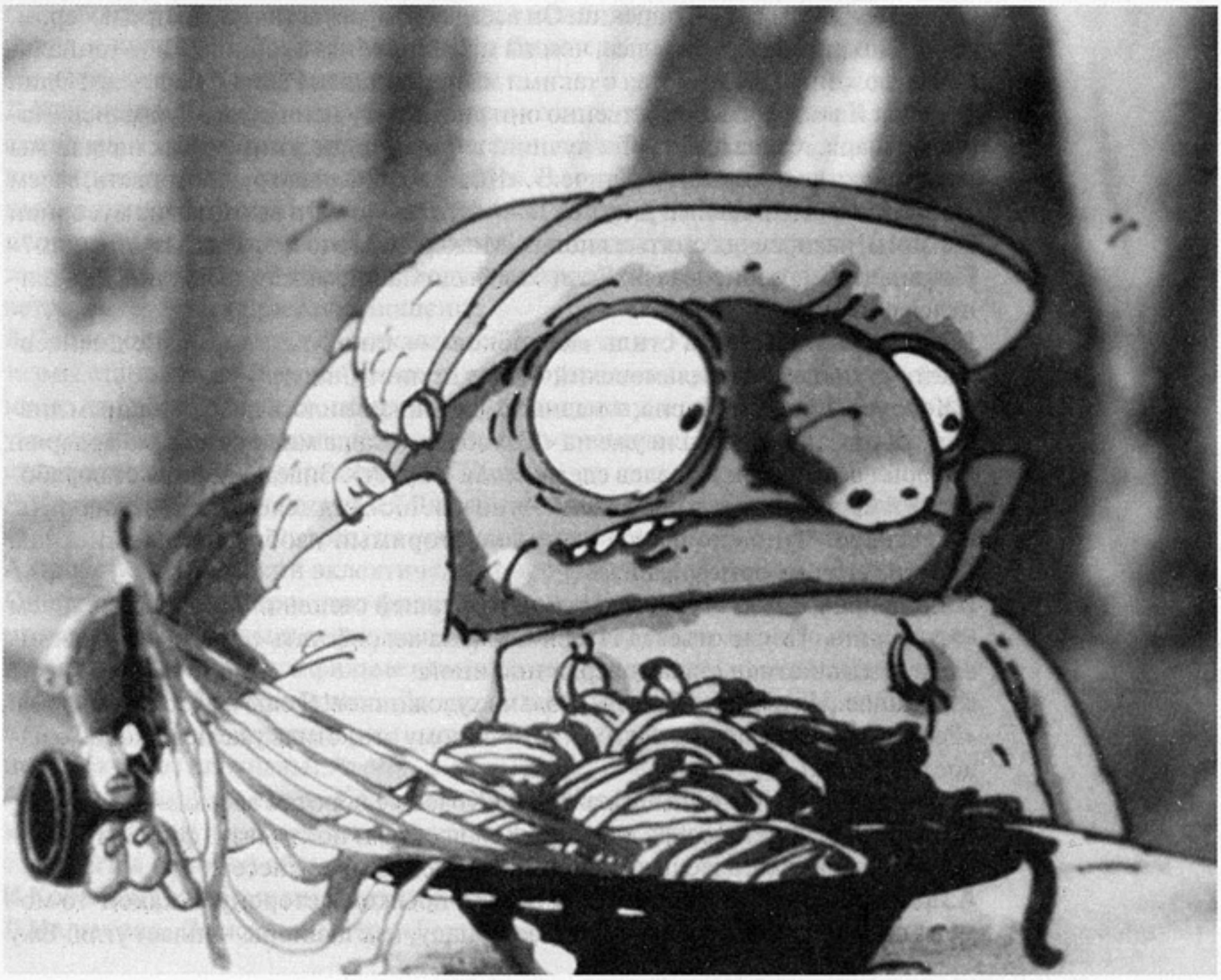
Л.Малюкова. Он был коллекционером в прямом и переносном смысле. Случаев и персонажей из жизни, литературных и живописных произведений. В его доме-корабле в Архангельском — старинные игрушки, машины, Деды Морозы...
И.Ковалев. В этом доме он пустил кич в свободный полет творческого самовыражения... Я бы не смог там жить. Но это феномен Сашиного мира. Сумасшедшей любви к деталям. К ретроэклетике...
Л.Малюкова. В нем жил пытливый ребенок. Поэтому природой его существования стала стихия игры. Когда строил свой дом, свои фильмы или станок для создания фильмов... Вот еще одна важная тема: Татарский никогда не относился к прикладной анимации как к прикладной. Первостепенна была сама анимация. И узкие рамки задачи подчас не то чтобы не мешали, но, напротив, ограничения (в лице заносчивого заказчика, неподатливой темы) лишь будили сумасшедшую фантазию. Ведь по сути и «Пластилиновая ворона» — заказ, и «Гора самоцветов» по большому счету тоже. Просто он всегда думал о зрителе, боялся ему наскучить.
И.Ковалев. Когда мы с Сашей говорили о киноискусстве, процентов на семьдесят я был с ним не согласен. Для меня космос кино был шире, неприступней. Сашу же прежде всего интересовал зритель. Увлечь. Вовлечь. Безусловно, он делал фильм для себя, как все режиссеры, но для него была важна любовь, разделенная зрителем. Поэтому он не мыслил себя без комедии.
Л.Малюкова. Но, думая о публике, он не потрафлял ей. Ведь в самых его народных фильмах — «Пластилиновая ворона», «Падал прошлогодний снег», «Обратная сторона Луны» — густой артовский замес. И даже в любимой страной телезаставке к «Спокойной ночи, малыши», которая по количеству показов вошла в книгу рекордов Гиннесса.
И.Ковалев. Не думаю, что он так все прогнозировал. Попадал в унисон, потому что по складу своему был народным художником.
Л.Малюкова. Но в чем тогда отличие его фильмов от народного назаровского кино?
И.Ковалев. Все-таки у Назарова более изысканный дизайн. Посмотрите, как Назаров монтирует, какие делает временны́е перебивки, что показывает и что уводит за кадр. Саше же было необходимо показать все.
А.Прохоров. Любопытно сравнивать кино Татарского и Назарова. У Назарова изысканный киноязык при осознанно фольклорном стиле изображения. У Татарского — вроде бы более простой, но фонтанирующее клоунадное ви́дение потока событий, которое почти перестает быть историей как таковой...
И.Ковалев. Можно сказать, что Саша делал изысканный новый лубок.
А.Прохоров. И вершиной этой линии стали «Колобки», которые подтвердили, что корни его эстетики не в литературе, а в визуальной пластике. «Колобки» — блестящий образец «сюрной» истории, служащей лишь пунктирной основой происходящего водопада комической событийности.
Л.Малюкова. Но ведь в «Колобках» сдвиг реальности происходит уже на уровне текста. Зритель все время обманывается в ожиданиях, персонажи говорят и поступают непредсказуемо.
А.Прохоров. Да, уже на сценарном уровне Саша делает интересный разворот. Ему абсолютно не интересны характеры. Ведь Колобки, как настоящие клоуны, не имеют характера.
Л.Малюкова. Это маски?
А.Прохоров. Прежде всего функции. Коллега — это дурдомовское зеркало точно такого же Шефа. Их пародийные функции разворачиваются в дурдоме обстоятельств. Важно, что характеры малозначимы для «татарской» поэтики. Впрочем, и у истории — роль обслуживания мира сумасшедших обстоятельств.
Л.Малюкова. Зритель погружается в ситуацию детективного расследования, но неочевидный абсурд отрывается от реальности. Помните характеристику самого Слона? «Слон полосатый, редкий, очень любит рыбий жир, при звуках флейты теряет волю...»

«Гора самоцветов. Толкование сновидений»

«Пластилиновая ворона»



«Гора самоцветов. Как пан конем был»



«Братья Пилоты готовят на завтрак макарончики»

А.Прохоров. Когда я говорю об отсутствии характеров в Сашиных фильмах, я имею в виду характер как достаточно реалистическое и логически связное описание человека, данное через его поступки. Здесь все происходит совершенно по-иному. Например, в точных, на мгновение возникающих черточках таможенника в его реплике «Слон. Одна штука» — мгновенно выстреливает-возникает колоритнейший портрет персонажа. Происходит цирковое жонглирование этими отдельными чертами, я бы сказал, штрихами характера. Эти штрихи располагаются во времени фильма свободно, как нужно жонглеру-автору, а не выписывают достоверное лицо, как это принято в добропорядочной литературе.

Л.Малюкова. Понятно, эта точечная графика, почти пуантилизм, — далека от системы Станиславского или школы передвижников. Именно в «Колобках» утвердился стиль Ковалева—Татарского, который на долгие годы станет фирменным стилем студии «Пилот». Как возникли братья Пилоты?

А.Прохоров. Конечно, их рисовал Игорь. Но Саша всегда стоял за спиной и дирижировал: «Вот тут верно, а здесь «цапочек» добавь»...

И.Ковалев. Конечно, мы все обсуждали. Он говорил: «Сделай голову поменьше».

Л.Малюкова. И ты делал?

И.Ковалев. Иногда да, иногда нет. Порой упирался, порой перерисовывал.

Л.Малюкова. А этот острый стиль, словно дрожащий карандаш, — он был и у Прийта Пярна. Но в пилотовской интерпретации он стал еще более нервным..

И.Ковалев. Я устал от этого стиля. И не сам Пярн придумал его. Наш коллега Женя Делюсин нашел подобное в работах художников 50-60-х. Как мы стали самими собою? Я — во многом благодаря Саше. Мы познакомились в 1971 году. У меня была мечта стать аниматором, я и не думал о режиссуре. Тут Саша и говорит: «А давай сделаем кино». Где? Как? На студии никто не даст. «Давай сами. Дома». А камера? Станок? Деньги? Пленка? «Все достанем. Или сделаем». В этом весь Татарский. Он всегда был фантастическим продюсером. Умел вдохновлять на большее, чем ты можешь. Мне говорил: «Ты — гениальный художник». Но, работая с такими мастерами, как Радна Сахалтуев и Эдик Кирич... Я видел, как божественно они рисуют, и у меня руки опускались. Нарисую шарж, Саша ахает: «Ты лучший карикатурист в мире». Так начали мы потихоньку делать наших «Птичек». «Ковалев, тебе надо руки оторвать, зачем ты выбросил гениальный рисунок?» — «Это плохо». Он вынимал из мусорной корзины, расправлял смятые листы: «Можешь вот это и это сделать начисто?» Постепенно я разрисовался. Если б не было Саши, может, я бы так и не сдвинулся с места.

Л.Малюкова. Но ведь стиль «Колобков» — такой эстетский, не диснеевский, не союзмультфильмовский — был принят Сашей.

И.Ковалев. Влияние Пярна, западных художников лилось на нас мощным ливнем. И когда мы работали уже на «Колобках», Саша мне полностью доверял. Говорил всем: «Как Ковалев сделает, так и будет». Знаете, когда я стал работать в Америке на студии «Класки Чупо», в Лос-Анджелесе начали говорить: «У «Класки Чупо» появился свой неповторимый изобразительный стиль. Русские его импортировали».

Л.Малюкова. Этот стиль, очевидно, в большей степени «ковалевский», чем «татарский». После отъезда Игоря Саша начал работать с другими художниками, и стилистика стала совершенно иной.

И.Ковалев. На студии «Пилот» столько художников! Я еще в Москве говорил: «Ребята, сделайте что-то другое». Мне самому этот стиль уже невыносимо надоел.

Л.Малюкова. «Унесенные ветром» и «Красные ворота Расёмон» — уже совсем другая стилистическая история. Вообще, если показывать фильмы Татарского, не сразу догадаешься, что их создавал один режиссер.

А.Прохоров. Он был способен на резкий прыжок в сторону. В какой-то момент почувствовал, что выработал клоунаду, как шахтеры — пласт угля. Ему

все время хотелось изменяться. Уже в последних «Лифтах» это было. И «Крылья, ноги и хвосты» — тонкая, изящная работа, но это уже не клоунада.

И.Ковалев. И «Крылья...», и все фильмы, которые мы делали вместе, это все равно Сашины фильмы. Меня спрашивают: «Почему ты так говоришь? Изображение твое, ты делал раскадровку, все композиции ситуаций». Да. Но дух все равно Сашин. Отчего мы и расстались творчески — после «Колобков». Мне захотелось сделать что-то другое. Свое. Помогла болезнь. Из-за язвы я в больнице провел месяц. И за этот месяц сделал всю раскадровку своего будущего фильма «Его жена курица». Пригласил домой в Павшино Толю и Сашу. На полу разложил раскадровку. Я помню ваши растерянные лица, Толя.

А.Прохоров. Да. Потому что мы увидели: фильм готов. Но совершенно иной. Все другое, незнакомая эстетика. Ты не знаешь, что с этим делать, как относиться. Для Саши это была шоковая терапия.

И.Ковалев. Саша обижался: «Я не против. Но почему ты делал это в тайне? Мы могли бы вдвоем режиссировать». У меня был протест. Я знал, что если Саша станет сорежиссером, получится снова «татарское» кино. Не будет синей чернухи зубного кабинета...

Л.Малюкова. Почему он вдруг пришел к страшноватой абсурдистской истории о любви безголовых кур в «Унесенных ветром»? Это самая мрачная из его картин, самый черный анекдот. При этом эстетически сделанный в совершенно иной стилистике, невероятной тщательности, визуальной выписанности кадра.

И.Ковалев. Я слышал от многих критиков, что когда «Его жена курица» стала получать призы, Саша решил сделать свое мрачное, философское кино. Я так не считаю. Когда появился этот сценарий, еще в конце 80-х, Саша с блеском в глазах пересказывал его мне. Сценарий всем понравился, динамичная черная шутка. Но из него выросло что-то другое. Это не то эклектичное кино, где все срастается, сплавляется. Я не могу понять, зачем нагнетается такой саспенс и зачем такая анекдотичная концовка с заталкиванием яиц обратно в курицу... Может, если бы это было сделано в стиле «Колобков»... Не знаю, здесь нет для меня гармонии.

Л.Малюкова. На мой взгляд, это кино — свидетельство очередного непредсказуемого творческого виража, попытка нащупать новую дверь. Ему просто не хватило времени этот путь продолжить. В этом фильме столкнулись полярные стихии. Гэговое начало и трагедийная история о смерти и жизни. Плюс непривычная визуальная тщательность выделки с лессировками. Толя, ты говорил о гоголевской стихии в творчестве зрелого Татарского, к «Унесенным ветром» это имеет прямое отношение.

А.Прохоров. Да, эта тема возникала и в «Снеге», но в «Унесенных ветром» фантазмы становятся болезненными, доминирует тема карнавализации смерти, но не по Рабле, а, скорее, по зрелому (не позднему, а зрелому) Гоголю. С его умышленно изощренным сплавом тотально-иронической интонации, бешенства фантазии и «некрореализма» XIX века.

Л.Малюкова. Если говорить о близости этой картины с авторскими фильмами Ковалева, то она, скорее, на уровне интонации.

А.Прохоров. Татарский эклектичен априори, потому что мир для него един. Он втягивает в пространство фильма кино чужое и свое, хорошо пережеванный кусок баранины и совершенно сырой, который ни под что иное не загримируешь. Поэтому в фильме и возник визуальный стиль изысканного модерна Сергея Шрамковского... Да, он пытался черный анекдот, разросшийся в сценарий «Унесенных ветром», опрокинуть в другую материю, максимально далекую от клоунады...

Л.Малюкова. Есть ли в «Красных воротах Расёмон» движение Татарского к истории? Там переплетаются сразу несколько сюжетов, и это переплетение становится основой общего движения фильма.

И.Ковалев. По моему мнению, это самый литературный из его фильмов.

Л.Малюкова. За исключением «Горы самоцветов».

И.Ковалев. Нельзя смешивать телевизионный проект и его задачи с авторским кино.

А.Прохоров. У Игоря и у Саши — сложные отношения с литературой. Они не литературоцентристские в своем ощущении. Но если в начале в ваших трансформациях и фантасмагории эта внелитературность вас объединяла — потому что вы обрели другой способ повествования, — то потом вы разошлись в разные стороны. Игорь разбирает историю по частям, не оставляя от последовательного повествования ни одной целой косточки. Саша, уйдя из пластилина, вынужден был решать свои проблемы с литературоцентризмом другим способом. Он говорил: «Я не мастер придумывать истории, но я мастер их разыгрывать»

И.Ковалев. Мне Татарского всегда не хватало в Америке. Делались коммерческие проекты, нужно было придумывать сценарии. На основе скелета придумать «как» и «что». В этих придумках Саше равных не было.

А.Прохоров. Все его поздние фильмы и есть способ нащупать свои отношения с фабулой, с историей, как-то определить невыясненные отношения с литературоцентризмом. Ты эти отношения выстроил. Саша, возможно, не успел. Он же снял меньше картин, чем ты.

Л.Малюкова. В самом деле, его личная фильмография не такая уж большая. Хотя во многих картинах студии он был художественным руководителем. Замечу, неформальным. В ряде фильмов легко угадывается рука Татарского, его юмор, пластика. Режиссер — профессия тоталитарная, эгоистичная. Саше же даже в его авторских картинах был необходим партнер. Чаще всего соавтором становился художник. Ковалев, Качаев, Телегин... Посмотрите, он, меняя своих сотворцов, меняется сам. Он научился реализовывать свой творческий потенциал через призму работ других авторов. Он приводил в пример «Альтиста Данилова». Там был выдающийся музыкант, он достиг такой высоты, что перестал сам играть. Музыка звучала в голове, не было необходимости водить смычком по струнам. Игорь, а, по-твоему, зачем Саше нужен был сорежиссер?

И.Ковалев. Ему не терпелось осуществить свой проект. Увидеть на экране результат. В этом его, например, отличие от Норштейна, для которого чрезвычайно важен процесс. Саше было необходимо что-то сдвинуть, довести. Поэтому он использовал чужие руки. Для элементарной раскадровки. Но всегда четко знал, что хочет получить. Мне было хорошо с ним работать. Думаю, и другим. Когда он выбирал соавтора, он давал ему свободу.

А.Прохоров. Я бы добавил к нацеленности на результат особую психологическую черту — боязнь одиночества. Он так нуждался в собеседнике, что часто просил меня ездить вместе с ним на фестивали. Одиночество его травмировало. Но в результате этой психологической особенности он развернулся как гениальный педагог.

И.Ковалев. Педагог и уникальный продюсер в одном лице.

Л.Малюкова. Татарский — один из немногих по-настоящему креативных продюсеров. Вот отчего пилотовцы чувствуют себя осиротевшими. Теперь за их спиной нет всегда практических, помогающих подсказок, идей, предложений. Он не боялся окружать себя талантами, выискивал их повсюду. Срывал с места, заманивал на «Пилот», давал возможность развиваться самостоятельно.

А.Прохоров. Если можно, я скажу несколько слов о студии «Пилот» как о проекте Татарского. И Игорь, и я много чего сделали на ней. Но я всегда чувствовал и с гордостью говорил, что «Пилот» — это Сашина студия.

Л.Малюкова. Даже теперь, когда его нет, это его студия.

А.Прохоров. И в этом — нынешняя проблема «Пилота». Чья теперь эта студия? Как ей идентифицировать себя. Поздний Татарский как явление в большей степени осуществился как педагог, как режиссер своего метафильма под названием «Пилот». Начался его пострежиссерский период. Когда он говорил: «Я уже и так вижу этот фильм. Зачем мне его воплощать?»

Л.Малюкова. Понятие «художественный руководитель» было востребовано в пору советского кино. Татарский был именно таким профессионалом, он давал направление движению фильма, автора, студии.

И.Ковалев. Все говорят о Саше как о генераторе идей, я в жизни не встречал ничего подобного. Представляете, сколько проведено творческих человекочасов в той же Ялте, Киеве, Коктебеле, Москве. Нескончаемые дебаты с утра и до утра: «А что, если сделаем вот это, вот так...» Я хватаюсь за голову: «Ура! Где карандаш?» А он уже озарен совершенно иным замыслом. Все идеи мне нравились. Из каждой можно было сделать фильм.

А.Прохоров. И в зрелом возрасте он по-прежнему бешено генерировал художественные идеи. Пару лет назад говорил: «Толь, не представляешь себе, как я точно вижу, во всех подробностях, свой будущий фильм».

И.Ковалев. Да, я удивлялся, насколько ясно, логично, детализированно он рассказывал о проекте. Я ему завидовал, потому что если бы я любой сценарий своего фильма изложил на бумаге, вы бы сказали: «Что за бред. Одно же не стыкуется с другим».

Л.Малюкова. Мне кажется важным вспомнить о главном, увы, неосуществленном проекте Александра Татарского «Прибытие поезда». Этот полнометражный фильм, будь он создан в свое время, окончательно бы опроверг мнение о полном метре как коммерческом кино. Об этом красноречиво говорят сохранившиеся материалы, мультипликат. Но и этому фильму был присущ ваш фирменный стиль.

И.Ковалев. Мы придумывали сценарий как сумасшедшие. Вместе. И параллельно. «Прибытие...» возникло в 1985 году из произведений его любимого писателя Юрия Сотника. Но когда Саша в трех предложениях объяснил, что бы он хотел сделать, меня кликнуло: «Эх!» И дальше все шло снежным комом: идеи, эскизы, это был настоящий творческий тандем.

А.Прохоров. Как нежно он к тебе относился! Может, и ревновал, но авторские проекты Ковалева на студии были «священными коровами». Ради них сдвигались графики, в том числе и его картин. Почему так поздно сделаны, а потому и «прошляпили» свою эпоху — «Унесенные ветром»? Фильм был задуман давно, но мощностей студии на две авторские картины не хватало. И... Саша решил, что этой авторской картиной будет первый самостоятельный фильм Ковалева «Его жена курица». Он понимал, что для Игоря это невероятно важно!

Л.Малюкова. «Прибытие поезда» — экспериментальная работа и с точки зрения расширения горизонтов анимации, и по содержанию. Фильм был бы революционным для своего времени...

И.Ковалев. У нас начались разногласия по поводу «Прибытия...», когда Саша стал уходить от Сотника в сторону Октябрьской революции, взятия Зимнего дворца. Сейчас смотрю — это все работает. А тогда вызывало отторжение. Меня коробило от всего, что было связано с советской властью. Я стоял на коленях, умоляя его не вступать в партию. Был просто болен...

А.Прохоров. Но по стилю это же был чистый соцарт, Саша его отлично чувствовал.

Л.Малюкова. Плюс технологические новшества, превращенные в эстетические. Этот проезд поезда через Петроград, снятый одним кадром, одной камерой. Без всякого компьютера. Без единого шва.

И.Ковалев. Мне хочется закончить этот фильм, потому что он — Сашин. Для меня самые «татарские» фильмы — «Падал прошлогодний снег» и «Прибытие поезда».

А.Прохоров. Но если все сложится, ты его будешь снимать как Сашин фильм, снятый тогда, двадцать лет назад, или предугадывая, как Саша снял бы его сегодня?

И.Ковалев. Меня сейчас мучают все эти вопросы. Например, Саша хотел озвучить фильм на грузинском, вставить много грузинской музыки. Я этого делать не буду. Может, это было бы органично, но только если бы он сам это

осуществил. Любая работа строится из нюансов. Мне не очень нравится изображение. Хотя это мои персонажи, но сейчас я бы их переделал. Слишком все нагромождено, изображение гиперплотное. Воздуха не хватает.

Л.Малюкова. Вот ты сказал «татарское» кино, что это для тебя значит?

И.Ковалев. Это плотное кино, по изображению перенасыщенное. Когда с экрана идет столь мощный натиск, — не успеваешь продохнуть. Густой воздух. Тебя вкручивает внутрь. И, конечно, если о жанре — то это комедия. «Снег» — это скорее Чаплин и Дисней, а в «Прибытии» комизм более скрытый, как у Жака Тати.

Л.Малюкова. Татарский был, можно сказать, Дон Кихотом и бароном Мюнхгаузеном в одном лице. Он назначал подвиги — строил независимую студию еще в пору тоталитарной эпохи, зачинал громадные проекты, когда не было денег и индустриальных возможностей, бился с ветряными мельницами чиновных запретов. В итоге он стал пионером новой индустрии.

И.Ковалев. А знаете, Саша не был строителем. Он не умел даже гвоздь забить.

А.Прохоров. Невероятно! В моем сознании он — человек, умеющий абсолютно все: и починить кинокамеру, и построить дом, и принять роды...

И.Ковалев. А он ломал пилы. Над ним смеялись, показывали, как надо пилить. Но он до всего хотел дойти сам. В этом отношении был абсолютным гением. Поэтому для него не существовало запретов. Даже когда теоретически что-то было сделать невозможно, говорил: «Посмотрим». Есть в украинском языке слово «хист». Когда вдруг понимаешь, что можешь осуществить неосуществимое. Он и меня называл хистом и, как пример, всегда вспоминал одну историю. Сидим с аниматорами как-то вечером. Кто-то работает, кто-то выпивает. У меня в руке труба металлическая, очень тяжелая. Сижу, перебрасываю с руки на руку. На улице зима, снег. Батареи топятся, огромное окно открыто на узкую щелку. Комната метров тридцать. Я в противоположном от окна углу. Не помню точно, о чем думал, кажется, о какой-то девушке, с которой возникли неразрешимые проблемы. Перебрасывал эту трубу... А все говорят, говорят. И я с каким-то диким криком швырнул эту трубу. Она улетела в ту узкую щель... Это и есть «хист».

Л.Малюкова. Формулой его творческого существования было: «Нельзя — но я сделаю...» Последние годы говорил только о полнометражном проекте «Безумные волосы». Там его возлюбленная ретростихия — 40-е годы, четкая графика на фоне теплых фонов. Лондон и маленький шотландский городок Сент-Джорджия неподалеку от озера Лох-Несс. Герои — сыщики: крокодил и невысокий человечек. Фильм планировался к выпуску в 2008 году. Саша по многу раз показывал эскизы, так ярко пересказывал сюжет, что, похоже, у этого фильма уже были свои первые зрители.

И.Ковалев. Мне в Лос-Анджелес присылал минимум три варианта сценария, эскизы. Жил этим фильмом последнее время.

А.Прохоров. Это очень важная мысль, что для него не существовало запретов. Самым важным было — начать делать то, что он — а потом, как всегда, выяснялось, что и никто другой — еще не умеет. В результате Саша, абсолютно не помышляя об этом, начал делать *пост*советское анимационное кино еще в эпоху Брежнева—Черненко. Именно поэтому его фильмы начальство принимало за *анти*советские и клало на полку. С его работ и началась подлинная перестройка мозгов, а не ломка всего и вся в нашей анимации. С него — десятилетием позже — началась и российская анимационная индустрия национального масштаба и мирового уровня... Он, заведясь с полоборота, шел вперед, не размышляя о последствиях.

Л.Малюкова. Еще в советские годы писатель Виктор Некрасов из Франции написал своей знакомой в Россию, что видел два поразивших его мультфильма — «Падал прошлогодний снег» и «Обратная сторона Луны». И впервые подумал, что у России есть будущее, если здесь живут люди, снимающие такие картины.

ИГОРЬ КОВАЛЕВ:

«Татарский вырос среди клоунов»

БЕСЕДУ ВЕДЕТ И КОММЕНТИРУЕТ ЛАРИСА МАЛЮКОВА

В 2008 году крупнейшей российской анимационной студии «Пилот» исполнится двадцать лет. Ее отцами-основателями были режиссеры Александр Татарский и Игорь Ковалев. Позже к ним присоединился искусствовед Анатолий Прохоров. Татарский с Ковалевым вместе делали пластилиновые эссе, например, «Пластилиновую ворону», потом были не менее знаменитые «Крылья, ноги и хвосты». Но всемирно известным имя Игоря Ковалева стало после первого самостоятельного авторского фильма «Его жена курица». В начале 90-х один из талантливейших отечественных аниматоров уехал в США. Но и в Америке на студии «Класки Чупо» Ковалев продолжал заниматься артхаусным кино. Его картина «Молоко» — фантастический пейзаж внутреннего мира взрослеющего мальчика — завоевала все мыслимые и немыслимые награды. Ковалев — единственный из мультипликаторов мира, который трижды удостаивался Гран-при кинофестиваля в Оттаве. Он же режиссировал нашумевший мультсериал 90-х The Rugrats Movie («Карапузы»), к удивлению прокатчиков взлетевший в США на высшую строчку рейтинга кассовых сборов. И мало кто заметил, что над самым популярным сериалом на ключевых должностях в Америке работали девять россиян — «птенцов» российской студии «Пилот».

Игорь Ковалев. Идея самостоятельной студии «Пилот» родилась, еще когда мы жили в Киеве. Мы тогда о режиссуре только мечтали. Работали мультипликаторами на студии «Киевнаучфильм». Нет, еще раньше. Мы учились на курсах аниматоров, а Саша уже говорил о будущей студии. Я его урезонивал: «Может, сначала аниматорами станем?» Мы работали в Киеве в удивительном студийном коллективе, про который Саша всегда рассказывал изумительные байки. Но решение создать свою маленькую студию созрело уже тогда. Мы поняли, что режиссурой нам заниматься просто не дадут. Хотя обещали из года в год. Значит, надо исхитриться заработать деньги и сделать что-то свое. Так, работая на «Киевнаучфильме», мы начали потихоньку мастерить свою технику. Мы... Да нет, конечно же, Саша. Он находил на свалках металлолом, среди которого затесался потрепанный рентгеновский аппарат. Кажется, более двух лет он сооружал мультстанок собственного производства. Это «мы» возникло от Сашиной щедрости. Он потом всегда рассказывал: «Мы сделали... мы смастерили». Но наша доморощенная «студия» тогда состояла из нас двоих. Мы делали всё — от сценария до записи звука. Первым был фильм (мы замахнулись аж на сериал) «Кстати о птичках». Вышли две серии. Придумали название для своей андерграундной студии «Фокус».

Лариса Малюкова. Но смотри, ты продолжаешь до сих пор идти по пути андерграунда, а он стремился к народному кино...

И.Ковалев. Безусловно. И стал народным режиссером.

Л.Малюкова. Тогда как же вы могли совмещаться?

И.Ковалев. Скажу тебе честно. Просто я изменился. Мы же познакомились на почве комедиантства. Я, как и он, обожал смешное искусство. Цирк, клоуны... Татарский вырос среди клоунов. Его папа сочинял для них скетчи.

Сам Саша работал в цирке униформистом. Я тоже любил цирк. Обожал Чаплина. Точка нашего соприкосновения — смешное. Но когда мы начали работать вместе уже в Москве, я, как въедливый комар, стал ему твердить, что хочу делать что-то иное. У меня накопилась усталость от смешного. К тому моменту мы уже так насмеялись — в жизни и на экране, столько всего понаделали... Эти наши бесконечные розыгрыши, которые в Сашиных пересказах выглядели еще забавней, чем в жизни. При этом мы фанатично бредили режиссурой.

Почти год длилось наше с Сашей поступление на Высшие режиссерские курсы. Наша студия упиралась, и нас не отпускали. Курсы (куда мы уже отправили свои «подпольные работы») просили студию прислать направление, но нам отказывали под любым идиотским предлогом. В результате многомесячной позиционной борьбы направление выдали только мне. Но Сашу пригласили на «Мультителефильм», кажется, это доброе дело сотворила Елизавета Бабахина.

На режиссерских курсах я, мальчик из Киева, увидел, что существуют Брессон, Бергман, Дрейер... Земля поплыла под ногами. Все перевернулось с головы на ноги...

Л.Малюкова. И ты решил, что нечто подобное можно делать и в анимации. Рисованный артхаус.

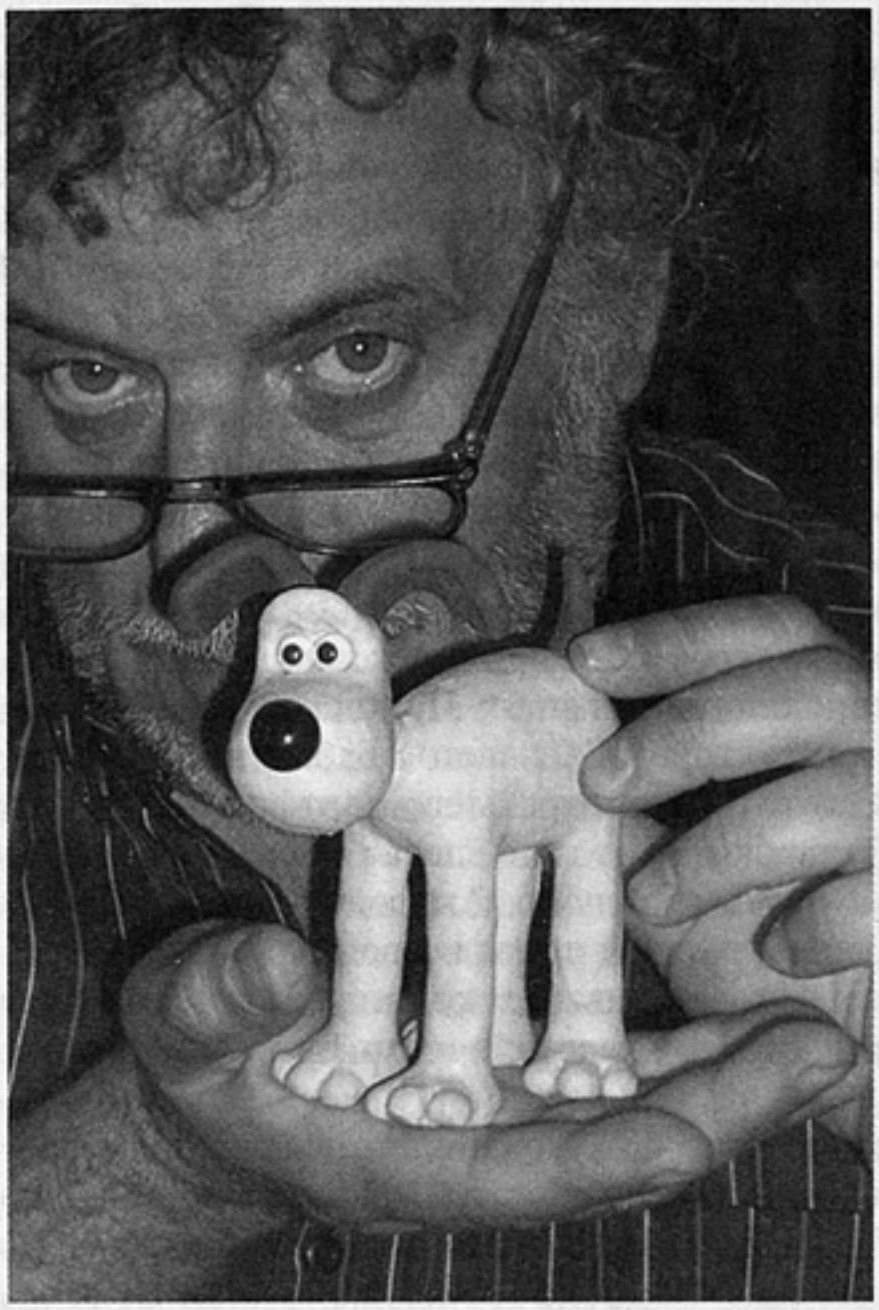
И.Ковалев. Конечно, мне не хватало насмотренности. Ведь и в анимации уже существовали свои шедевры.

Л.Малюкова. Саша рассказывал, какие жесткие дотошные разборы вы устраивали еще на «Киевнаучфильме», анализировали покадрово каждую новую картину. И, невзирая на иерархию, камня на камне не оставляли... Учились на ошибках других. Саша говорил, что вы дополняете друг друга по принципу взаимодействия двух шестеренок. После всех перипетий и расставаний вы должны были вновь слиться в один удивительный и противоречивый организм: Татарский-Ковалев.

И.Ковалев. До «Пилота», ты же помнишь, было телевидение. «Экран». Саша там уже работал, а я за ним приехал в Москву. Но в столице невозможно было прописаться. Меня приняли на работу нелегально. Мой псевдоним был — Ольга Охримец. У нас на киевской студии работала такая художница. Вышла замуж за москвича. И вместо меня устроилась на работу... Потом уж вся наша команда пришла в «Пилот»: мы с Сашей, наши соратники и ученики.

Л.Малюкова. А как возникла ваша «пластилиновая симфония» — заставка к программе «Спокойной ночи, малыши» и «Пластилиновая ворона»?

И.Ковалев. Да как обычно: просто и весело. Студия запланировала сделать фильм по рисункам детей. Были уже готовы два сюжета из сборника. Первый «О картинах» сделан в гуаши, второй — в карандаше. Его тоже как бы весь нарисовали дети. На самом деле, рисовал я — левой рукой. В первом сборнике тоже было несколько детских рисунков. А тут я просто взял карандаш в левую руку. Было ужасно трудно. Но Саше очень понравилось: «Вот так и рисуй. Невозможно отличить от ребенка». На самом деле, посмотришь внимательно: конечно — можно. Тут пришел Эдуард Успенский, принес стихотворение «Про ворону». Стали думать: что же еще можно сделать? Как? Сидели втроем. Что-то предлагали. Тут Саша и воскликнул: «Пластилин!» Успенский подхватил: «Отлично!» Я трезво заметил, что не умею лепить. «И я, — развел руками Саша. — Что ж, придется брать другого художника... Игорь, ты с ума сошел, ты же ходил заниматься в скульптурную студию?» «Вспомнил бы еще драмкружок, когда это было». — «Ковалев, будем делать пластилин». И мгновенно как-то все сложилось, завертелось. Пластилиновую ворону и дворника я сделал, скажу тебе честно, за день... Но других персонажей... В основном их лепила Лена Косырева. Вот отчего так вышло. Звонок из Киева. Папа умер. Пятьдесят пять лет. Теперь вот сравниваю: младше Саши на год. Я уехал в Киев. Обещал Саше, что приеду через пять дней. Задержался. Он был обижен.



Александр Татарский

Евгений Делюсин, Игорь Ковалев, Александр Татарский. 1992. ***Фото Олега Кузовкова***

Мне же безумно понравились персонажи, которые смастерила Лена. Они все сделаны в одной стилистике. Так и начался наш «пластилин». А «Падал прошлогодний снег» — это уже все Саша. Сценарий его и покойного Сережи Иванова. Я в то время работал в Киеве аниматором. Но режиссерский сценарий — шаг за шагом — обсуждали по телефону, каждый кадр. Звонил он мне утром, днем и вечером.

Л.Малюкова. Как в центре идеологически стерильного «лапинского» ТВ, с его железобетонными уставами вдруг возникла ваша общность свободного творчества? Как вы все вместе оказались в одном месте в одно время?

И.Ковалев. Однажды мы пришли на ярмарку, помнишь, где были всякие художественные поделки? Стояли ребята и продавали свои фигурки из пластилина, рисунки. Спрашиваем: «Любите анимацию?» «Да». Это были Сережа Шрамковский и Дима Маланичев. Но самым первым появился Андрей Свислоцкий. Сам решил попробовать себя в анимации. Уже знал фильмы «Обратная сторона Луны», «Падал прошлогодний снег». Пришел на «Мульттелефильм». Стал говорить с нашим редактором Елизаветой Бабахиной. Она нас зовет: «Вот новый человек, не хотите посмотреть его портфолио?» И нас представляет: «Это тот самый Татарский, который сделал «Обратную сторону Луны», а это — сценарист того самого фильма». Андрей натурально обалдел. Бабахина приняла его на работу. Андрей привел своего друга Женю Делюсина. Оба архитекторы. Так начала складываться команда. И пошли фильмы: все три «Профессора Чайникова», «Следствие ведут Колобки» разные рекламы типа «Экономьте воду»...

Там же на студии мы организовали курсы художников-мультипликаторов. Саша всегда хотел и любил учить, делиться, сплачивать... Потом, когда мы уже из основного здания Телецентра переехали в так называемый «барак», работали командой.

Л.Малюкова. И как же возникла студия?..

И.Ковалев. Очень просто. Наши ученики стали аниматорами классного уровня. Я говорю: «Саша, скоро они начнут работать намного лучше нас». Он отвечает: «Значит, хорошо учим. Должны обучать еще больше людей». И так как курсы работали успешно, нам пошли навстречу и дали две комнаты, где мы и вели занятия. Совершенно бесплатно. В «бараке» возникло ядро: Татарский, Ковалев, Делюсин, Свислоцкий, Барбэ. Алла Юрковская (она сейчас живет в Германии), Сережа Шрамковский, Дима Маланичев (тот самый, имя которого нынешней осенью появилось на российских экранах в качестве артдиректора нового полнометражного блокбастера «Симпсоны»). Потом пришли Виталий Шахиров, Степа Бирюков.

А Саша уже двигался дальше. Узнав о создании корпорации «Видеофильм», рванул к его главе Олегу Уралову. Так на рубеже 80-х и 90-х и возникла студия «Пилот». Сначала государственная, а потом — первая частная в стране. Профессионалов всех звеньев готовили тут же, на студии.

Но до этого еще были поиски здания. Думаешь, кто занимался этим? Правильно, Саша. Скажу тебе честно: не потому, что я не хотел. Я сидел и работал. У меня для этого есть главные качества аниматора — «чугунный зад» и «пальцы с мозолями». А Саша уже уволился с телевидения. Уралов взял его на ставку, разрешил искать здание. Вот мы под его эмблемой «Видеофильма» и возникли. С 1988 года студия начала существовать как «Пилот». А уже в 1989-м вышли сразу два фильма: «Лифт» и «Его жена курица».

Л.Малюкова. Рассказывают легенды про «Пилот» первых лет, про студийную атмосферу. Когда все вместе дневали и ночевали, делая одно общее дело...

И.Ковалев. Так и было, хотя я уже снимал свое кино. Но и преподавал как сумасшедший. Учил ребят. Вскоре и второе поколение: Андрюша Свислоцкий и Женя Делюсин стали сами преподавать. Представляешь, насколько быстро они все схватили? Учили вместо нас, разгрузили. За Барбэ, Свислоцким, Делюсиным пришли просто гении аниматоры Леша Алексеев и Игорь Вейштагин — они сейчас работают в Венгрии. Свой второй фильм «Андрей Свис-

лоцкий» я снимал уже практически с одним аниматором — Лешей Алексеевым (только пару сцен — с В.Орловым).

Л.Малюкова. Но почему же вы все — такие близкие, самые его любимые, талантливые — уехали? Как он всеми вами гордился и как обижался тогда... В какой-то момент он почувствовал себя преданным, страшно одиноким.

И.Ковалев. Если ты спрашиваешь о ребятах, которые отправились в Венгрию, то это было чуть позже. Ты же сама помнишь — это было безнадежное кризисное затишье. Самое начало 90-х. Они не знали, что делать. Уезжали от безденежья, от тоски в отсутствие работы. У меня — отдельная история. Я приехал в Америку с «Его женой курицей». Там был такой тур: раз в год приглашают режиссеров со всего мира. Я оказался на диснеевской студии с классиком Ежи Кучей. Показывал свой фильм. И встретился там с президентом студии «Класки Чупо» Габором Чупо. Он посмотрел картину, подошел ко мне и пригласил на свою студию. Не сразу режиссером, потому что я не говорю по-английски. Но повторял изо дня в день, что двери его компании всегда открыты для меня. «Приезжай прямо сейчас». — «Я не могу, делаю в Москве фильм «Андрей Свислоцкий». — «Заканчивай у меня». — «Нет. Это фильм студии «Пилот». Я действительно не был готов ехать. Но определенную роль сыграла моя жена. Она чувствовала приближение чего-то нехорошего... Представляешь, мы уехали, и через двадцать дней — путч. Все стали говорить: «Ковалев как в воду глядел, он, наверное, что-то прознал». Но мне было просто интересно поработать в новых условиях. Чупо уговаривал грамотно: «Ты ничем не обязан. Приезжай, поработаешь, посмотришь. В любую минуту вернешься». Мне и хотелось, и нет. Жена давила: «У нас ребенок. Давай поедем. Осмотримся». Я был уверен на сто процентов, что это временно. Максимум на год. Но Саша сразу сказал: «Знаешь, оттуда еще никто не возвращался. И ты не вернешься». Я спорил: «Увидишь, через два месяца вернусь». Приехал через одиннадцать месяцев, но в отпуск...

Л.Малюкова. Он был по-настоящему деморализован...

И.Ковалев. Он никогда этого мне не показывал. Хотя, знаю, был настолько обижен, что позволил себе вещи, которые меня задели. Во всех интервью повторял (о чем потом искренне сожалел): «Вот и мой лучший друг Ковалев не выдержал. Я — патриот — остался. Он уехал за колбасой». Это было порывом обиды. При этом он был обижен не столько на меня, сколько на Габора...

Л.Малюкова. Да, всегда говорил, что Чупо — настоящий лазутчик, ворует у него лучших людей студии...

И.Ковалев. А знаешь, что потом случилось?.. Пошли звонки. «Игорь, как ты там?» Один, второй, третий, четвертый. Славик Ушаков. Миша Алдашин. «Поговори, может, и нас возьмут?» А с другой стороны давил Габор: «Нужны сторибордисты, аниматоры». «Но они не поедут» «А ты позвони. Спроси. Не решай за них». Звоню Жене Делюсину, Андрею Свислоцкому. Как раз после путча. На той стороне провода: «Игорь, ты нас ошарашил. Дай подумать хотя бы неделю». «Думайте сколько угодно». Ровно через два дня звонит Андрюша: «Я готов». Через три — Женя: «Я согласен. Оформляй документы».

Л.Малюкова. Потом Леша Алексеев, Игорь Вейштагин и еще несколько ребят уехали в Венгрию — так вы оголили все тылы Татарского.

И.Ковалев. На студии «Класки Чупо» образовался филиал «Пилота»: Свислоцкий, Делюсин, Дима Маланичев, Сережа Шрамковский, который до того уже работал в Испании... Виталик Шафиров. Я уже не мог остановить этот «исход». Это было их решение.

Л.Малюкова. Саша ярился, как лев. Но ничего не мог сделать. И тогда включился «резервный бак» твоего «брата Пилота» Татарского. Он стал обучать новых аниматоров.

И.Ковалев. Да, ему пришлось начинать все заново.

Л.Малюкова. При этом вы умудрялись постоянно контактировать через океан.

И.Ковалев. Я приезжал в Москву каждый год. Мы советовались, обсуждали новые проекты. Я пересказывал ему сценарий своего очередного фильма

«Птицы на окне». Он подолгу говорил про «Прибытие поезда», революционный полнометражный проект, который мы начинали вместе. Тут уже я начинал на него напирать: «Почему ты не заканчиваешь фильм? Такой материал. Такое кино». «Тебе легко говорить. Нет денег». Мы чуть ли не до драки доходили: «Саша! У тебя хватает энергии на столько вещей, проектов, на студию, на строительство дома. Почему ты не заканчиваешь фильм?» Все говорили ему, что материал гениальный. Он сам рассказывал, что снятые куски понравились Норштейну, Давиду Черкасскому. Но что-то произошло... Словно надорвалось. Думаю, он охладел к фильму. Говорил, что никому не доверяет, что должен сам заниматься студией. Что нет времени режиссировать. Я не мог этого понять. Он же прежде всего — режиссер. Но он действительно разрывался. Я умолял его буквально на коленях: «Давай закончим»...

Хорошо помню один звонок. Замогильным голосом Саша сообщает мне, что материал пропал, случилась авария, все залило. Представляешь, говорит: «Всё. Ужас! Фильм восстановить невозможно...» А в голосе, зараза, улавливаю нотки какого-то затаенного оптимизма. «Так ты рад?» — «Ты что, с ума сошел? Ведь это конец». Возможно, он просто перегорел. Первые сцены мы сделали еще в 90-м. Да и заливало целлулоид не один раз. Все лежало на складе в подвале жилого дома. Когда в очередной раз все залило, перенесли на новую студию. Разложили повсюду. Все листы. Сушили. И тут пошел бешеный дождь. Прямо сквозь крышу на десятый этаж. Тогда Саша сказал: «Значит, это судьба. Провидение. Фильм не будет закончен». Может, я ошибаюсь, но это должен был быть именно тот самый «татарский» фильм. Именной. Главный. Которого все так долго ждали. Хотя они с Валей Телегиным и делали «Красные ворота Расёмон», фильм, который я люблю, даже давал ему призы на фестивалях. Но «Расёмон» — это даже больше Валин фильм, чем Сашин. После долгого перерыва мог бы состояться мощный эстетический и смысловой прорыв, каким должно было стать «Прибытие поезда»...

Л.Малюкова. А этот фирменный пилотовский стиль: стремительный штрих, дрожащее, словно дышащее изображение... В анимации этот стиль близок тому, что делал эстонский классик Прийт Пярн.

И.Ковалев. Я обожал этого режиссера. И страшно благодарен ему. Расскажу в двух словах, как в начале 80-х впервые увидел его «Треугольник». Вообще-то, я собрался на какой-то иностранный игровой фильм в киевский кинотеатр «Дружба». Как ты помнишь, перед началом показывали киножурналы. И вдруг анимационный сборник, один из сюжетов — «Треугольник». Я посмотрел... Сразу ушел из зала, не остался на игровой фильм. Пошел в кассу, купил билет на следующий сеанс. Подождал на улице, снова пошел на «Треугольник». Он меня так шарахнул... Потом познакомился с автором. Мы подружились. Этот стиль мне очень близок, ничего подобного я не видел...

Л.Малюкова. А Саша принял его?

И.Ковалев. Ведь в некоторых пилотовских проектах, в частности в самом последнем, незавершенном полнометражном фильме «Безумные волосы», действие которого происходит в 40-е годы в Лондоне, Саша частично использовал наши персонажи из «Прибытия поезда». В Саше жила эта наша общая линия, такой визуальный пульс... Хотя они стали и другие вещи делать... Вообще-то, мы всегда пытались найти компромисс: чтобы нравилось и ему, и мне.

Л.Малюкова. Даже когда вы жили на разных концах света?

И.Ковалев. Вот пример. Саша, посмотрев мой фильм «Молоко», сказал: «Ковалев, снимаю перед тобой шляпу. По изображению, по технике я ничего подобного в своей жизни не видел. Это апофеоз анимации... Свет, тень, объем... Вот это да. Но что там происходит внутри... Я ничего не понял. Мне это совершенно не близко...»

Л.Малюкова. Но я знаю, что потом он много раз пересматривал картину...

И.Ковалев. Совершенно верно. И проникся, словно пропитался ею... И может, нескромно мне повторять его слова... Нет, не буду.

Л.Малюкова. Он гордился тобой как собой. Всегда говорил, что Ковалев — гений, один из лучших режиссеров мира. Слушай, а ведь и к формированию студии «Пилот» он с самого начала пытался тебя привлечь.

И.Ковалев. Да, Саша меня все время на это легонько так, но неотступно подталкивал. Чем мы отличались? Конечно, мы и творчески созревали по-разному. И человечески. Саша всегда хотел делать что-то новое. А лучше — параллельно несколько проектов. У него было столпотворение идей. Я спрашивал: «Саша, как можно сразу работать над несколькими проектами?» Он улыбался: «Ты глупый, мы и не должны все сами делать от «а» до «я». Мы начнем, научим людей, будем ими руководить. Как делал Дисней». Саша безумно хотел студию-фабрику, студию — учебный центр. И ориентировался в этом на Диснея. А я... Когда делаю свой проект, то должен рисовать и одушевлять все сам от начала до конца. Все своей рукой. Понимаешь? Пусть даже мне самому это не слишком нравится. Ни в процессе, ни в результате. Я-то знаю, что есть люди, которые могут что-то сделать лучше меня. Но... Не могу. Искренне говорю. Приступая к «Молоку», дал себе зарок: «Всё. Этот фильм сниму с другим художником». Надо изменить персонажи. Я устал от своего стиля. Он однообразный, узнаваемый, начиная с фильма «Его жена курица»... Хотелось чего-то совершенно иного. И вот я стал привлекать других художников. Они начали рисовать. А когда я взял карандаш и начал работать с этими чужими персонажами, я взвыл. Выходила корявость невероятная. Ну не мог я их двигать. Они не слушались, не одушевлялись. И тогда я начал чуть-чуть их корректировать. Здесь подправил капельку. Здесь. Еще. А потом... Выбросил к чертовой матери все в корзину. И сделал по-своему. Сразу все зажило, задышало...

Л.Малюкова. Для тебя важно это краткое расстояние от руки к листу, целлулоиду, экрану. Для Саши главным была все же идея, он — Вдохновитель с большой буквы. Конкретных фильмов — своих и чужих. И еще гигантских проектов, каким стал национальный проект, цикл сказок «Гора самоцветов». В этом было его бесстрашие. Когда все говорили: «Это невозможно», он просто начинал делать, пробивать, сплачивать под флаги новой идеи людей...

И.Ковалев. Но Саша — больше режиссер, чем художник...

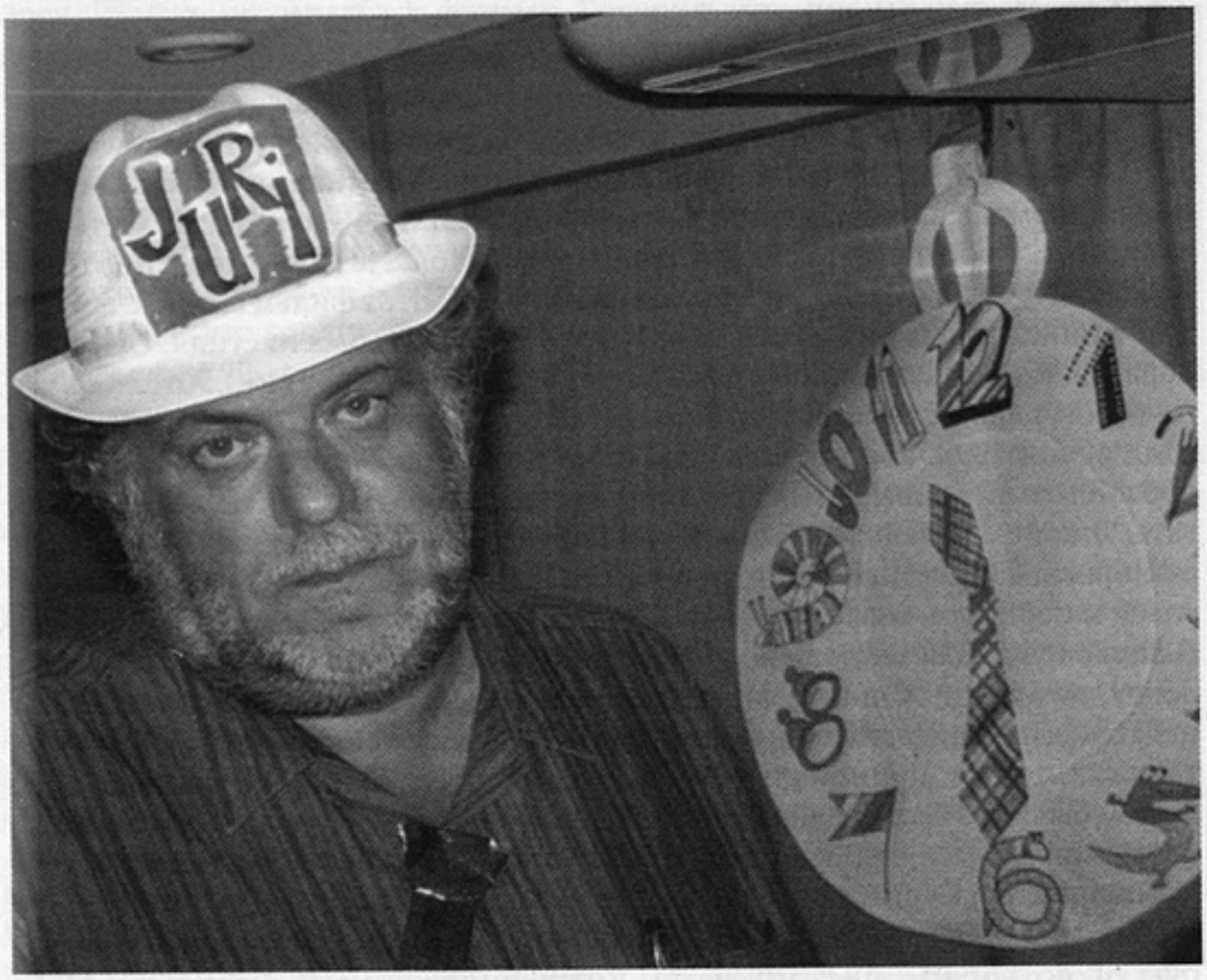
Л.Малюкова. Режиссер в самом широком смысле. Фильмов. Студии, которую он сотворил с чистого листа. Волшебного дома-Корабля, который он строил все последние годы. Своей судьбы и судеб многих-многих аниматоров, которых он вовлек в орбиту своего мощного таланта, сорвал с места, притащил на «Пилот»...

И.Ковалев. Студия была для него всем. Она дала ему ту самую волшебную возможность: творить сразу несколько проектов вместе с единомышленниками.

Л.Малюкова. Правда ли, что ты готов взяться за восстановление и завершение «Прибытия поезда», проекта его жизни?

И.Ковалев. Вот только что говорил с директором студии Игорем Гелашвили. Напугали меня просто ужасно. Все уничтожено. Только на DVD остался материал, снятый с монитора монтажного стола. Я понимаю, что это конец. Но тут догадался спросить: «А где тот исходник, который был на монтажном столе?» Черновая пленка вроде осталась. Ну, слава богу. Теперь буду выяснять, насколько можно технически все это переводить в цифру... Очень надеюсь, что можно. Это ведь наш общий проект. И сценарий мы писали вместе, и все персонажи — мои. Концовки, правда, мы так и не сочинили... Все как-то руки не доходили. Но ясно, что это нужно делать. Не откладывая. Саша бы меня поддержал. И потом... Он заслужил эту премьеру

Внутри гэга жил другой гэг



Александр Татарский

ЮРИЙ НОРШТЕЙН

Вновь и вновь пересматривая работы Татарского, понимаю, что Саша — это Слава Полунин в мультипликации. Он совершенно искренне признавался в своей детскости: «Я просыпаюсь с ощущением ребенка, такой же готовности к жизни». Это состояние он проводил через фильмы. Хотя, думаю, пожи-ви он еще десяток лет, стал бы делать совершенно другие картины. Мне кажется, он подошел уже к какой-то черте, перелому. В этом смысле интересен его фильм, который я в свое время не очень приветствовал, — «Унесенные ветром», фабульно несоразмерный своему метражу. А Саша настаивал: «Нет, мне нужен был этот зазор. Этот воздух».

Он, мне кажется, если и возвращался к клоунаде, то драматически окрашенной. Для меня это совершенно очевидно. Каждый творческий человек приходит к формуле «Лета к суровой прозе клонят». Постоянные размышления о жизни и смерти его не отпускали. Но и брызжущая весельем клоунада, принесенная им на экран, продолжает жить сегодня. Его невозможно ни с кем спутать. Это жажда обрадовать кого-то. Превратить событие кино в розыгрыш. Не мелкие подколы, а художественный розыгрыш, чтобы потом обрадоваться вместе.

Саша воспринимал кино так: в фильме каждую секунду должно что-то происходить. В его кино так и было. Ты не успеваешь не то что осознать — прочувствовать произошедшее, а уже идет новый накат. У тебя остается досада. Тебе хочется повернуть кадр в обратную сторону, снова по нему «проехать» и двинуться дальше. Как это принято в кино: «Открутим события назад». Я не поспевал за такой реактивностью. Может, мое сознание стало вялым, восприимчивость — недостаточно активной? Откуда это идет? Думаю, это чисто кинематографическая черта: не зацикливаться на материи. Ему до пересыхания горла хотелось обновления. Плюс непрерывная азартная игра. Ведь, в сущности, он никогда не преследовал идеологических целей.

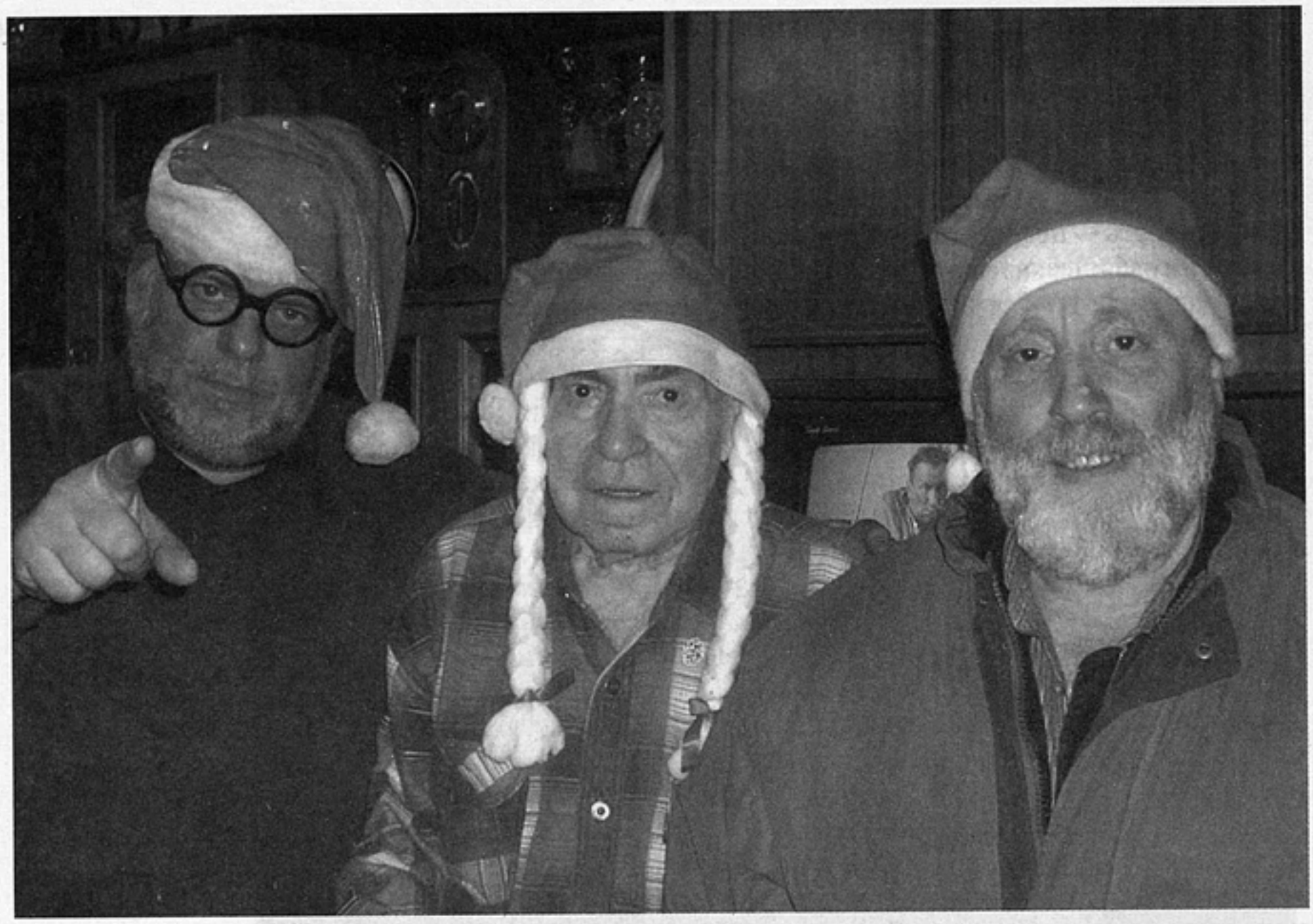
Я с бóльшим удовольствием смотрю Сашины фильмы, которые я бы никогда не смог сделать, чем фильмы, сделанные «под меня». Татарский всегда делал кино, противоположное моему. При этом Саша как-то рассказывал, как он впервые посмотрел в Киеве «Цаплю и журавля», кажется, в 1975 году: «Ну да, Норштейн, слышал... Ну да, очередная басня... И вдруг чувствую, как меня взяли за волосы и стали поднимать над землей».

А то, что он впитывал идеи карикатуры, Великого немого, — это показатель его силы, а не слабости. Маяковский тоже легко брал чужие рифмы. Прямо говорил Асееву: «Слушайте, дайте мне эту рифму. Зачем она вам? Я лучше сделаю». «Любовная лодка разбилась о быт» —это не Маяковского образ — подсмотренный. «Большие» этого не стесняются. Они переработают рифму, как любое впечатление в собственной творческой плавильне. Так поступали все художники. У Толстого в «Хаджи-Мурате» я наткнулся на один абсолютно мультипликационный образ. Флигель-адъютант Николая I стоит на страже царского покоя, тихо подходит к двери... И Толстой пишет: «И, мягко ступая, так плавно, что полный стакан воды, поставленный ему на голову, не пролился бы...» Я подумал: «Вот, сукин сын, какой образ!» Потом купил книжку о том, как писался «Хаджи-Мурат», воспоминания очевидца, кого-то из секретарей. Он рассказывает, что Толстому возами привозили книги. И этот образ он взял из дневника одного помещика. Это свойство сильной натуры. Слабый стремится всеми силами выражать собственную индивидуальность. Сильному не надо — она у него сама проявится.

Мои любимые фильмы Татарского — первые три. Даже не знаю, какому из них отдать предпочтение. «Пластилиновая ворона» — сильный толчок для поступательного движения анимации. Энергия поиска приносила ему радость. Верю, когда он говорил, что спешил записывать идеи, летевшие ему откуда-то сверху. Он боялся их расплескать, проворонить. Это состояние мне знакомо. Ты вдруг р-раз — и начинаешь все видеть.

Для Саши не было принципиальной разницы между деланием фильма и участием в самой жизни. Участие в жизни — тоже длинный фильм с яркими фрагментами. Люблю его «Падал прошлогодний снег» и «Обратную сторону Луны» — виртуозно сделанную картину. Если рассматривать ее подробно, там несть числа придумкам, которые летят брызгами. Можно потом на диске ее покадрово изучать.

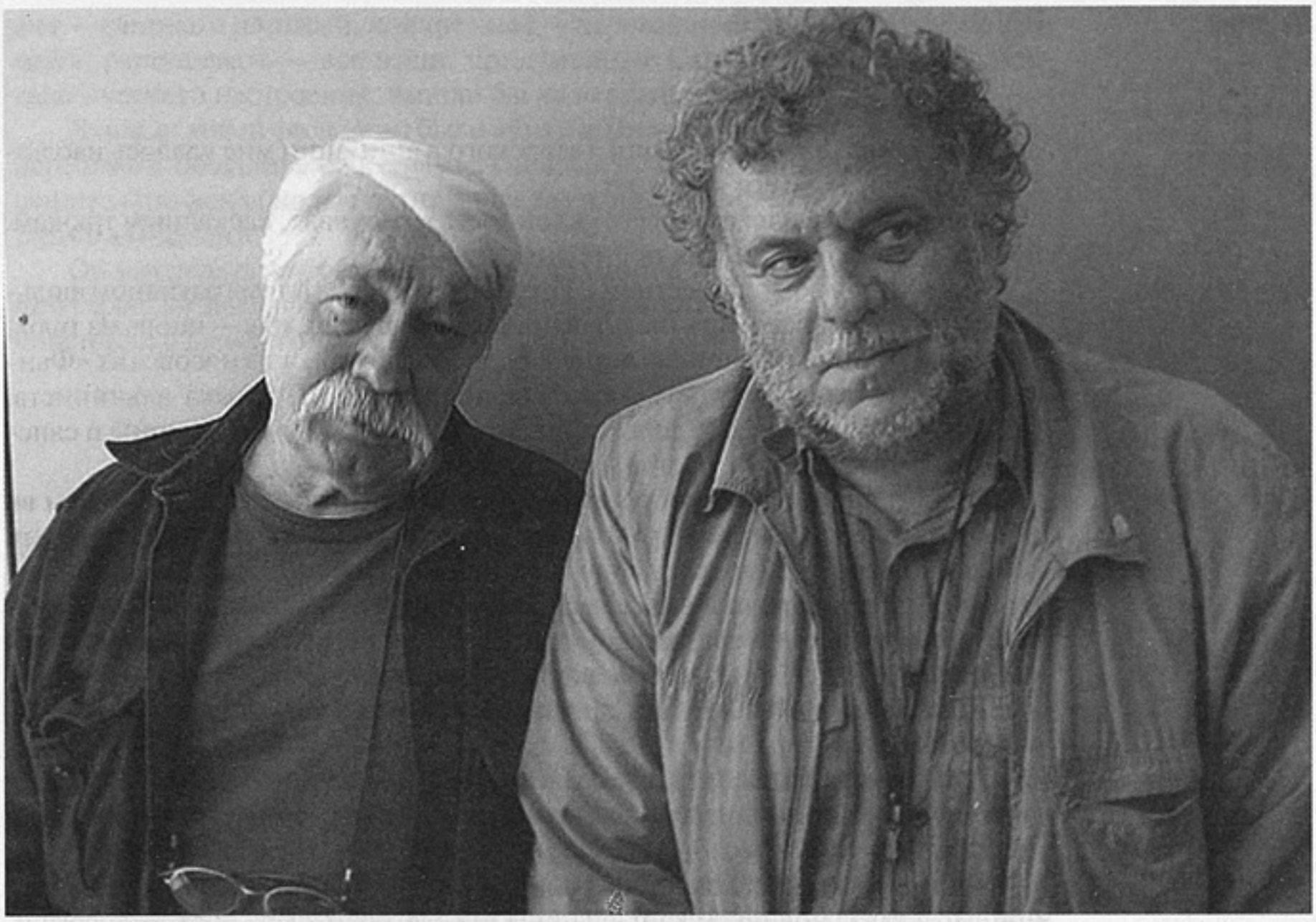
Собственно говоря, уже в первом их с Ковалевым фильме «Кстати о птичках» возник фантастический и гармоничный мир: и графическая метафора, и манера поведения персонажей — все было особенным. Я смотрел и завидовал Сашиной жажде купаться в том, что он делает. Кажется, они сразу, с первого броска погрузились в свое — в тему, в стиль. Я продирался через ржавое колючее железо. Да и вообще в анимации у меня совершенно органичного легкого существования никогда не было. Временами настигала такая горечь: что я такое? Сижу, голову ломаю, погряз, закис. Думаю: «Занимался бы живописью, был бы сам по себе. Свободен в отношениях с собой». Саша был свободен с собой, даже когда «Пилот» организовывал. Огромное количество времени, да нет, все время тратил на студию и, конечно, передавил собственное горло... Свой режиссерский путь. Но ведь и в этом был его азарт и удовольствие. Это тоже было его кино...



Александр Татарский, Федор Хитрук и Юрий Норштейн

«Круглый стол». Александр Татарский о кино, мастерстве и финансах. 2005

Фото Ларисы Камышевой



Эдуард Назаров и Александр Татарский. 2006. ***Фото Алексея Будовского***

Начало студии «Пилот»: А.Свислоцкий, А.Татарский, В.Барбэ, Е.Делюсин, И.Ковалев, С.Шрамковский, Д.Маланичев. 1984
Фото Олега Кузовкова

ЕВГЕНИЙ СИВОКОНЬ

За траекторией движения Саши Татарского в анимации мне удалось наблюдать практически с его юных лет...

Вначале была очевидной его склонность к клоунаде, каскадным трюкам. Все его первые фильмы так построены.

Уже в их первом, совместном с Игорем Ковалевым андерграундном фильме «Кстати о птичках» есть главный признак его режиссуры — опора на трюк. Там было много эпизодов-сюжетов. Он, как мальчишка из носовских «Фантазеров», хватался за голову: «Мы такое придумали... Про рака-альпиниста. Ползет вверх с примусом, долго лезет, устанавливает его на вершине и свистит». Сюжет назывался «Когда рак свистнет».

Он был настоящим изобретателем. Снимали они с Игорем по ночам во Дворце пионеров, никто из руководства студии об этом не знал. Потом они конспиративно пробирались к нам в монтажную и приносили отснятый материал. Смотрим: птички в касках сидят в окопе и отстреливаются из автомата. Меня совершенно сразила эта «трасса» из светящихся пуль. Спрашиваю: «Как же вы это сделали?» «Мы накапали резиновый клей, он же на бензине, и поджигали по капельке. Снимали покадрово, получилось горящее трассирование».

И в моих фильмах, где Саша с Игорем работали аниматорами, они всегда экспериментировали. У меня был сборник миниатюр «Дверь», я старался привлекать к работе молодых ребят, которым практически невозможно было пробиться к самостоятельной работе. Придумали сборник, сюжеты были мои. Но я давал новичкам карт-бланш. Они с Игорем сделали сюжет о двери, открывавшейся не в ту сторону. Вокруг этой двери происходила вся фантасмагория — руки вырастали безразмерно, дверь открывали с помощью трактора и троса. Потом был фильм «Лень» на перекладках, нас тогда увлек стиль гиперреализма. Рыбы должны были уходить на глубину и плыть на нас. Как? Они прицепляли рыбок тонкими проволочками и двигали их на камеру. Там же комбинировали рисунок с настоящими предметами — с вилкой, с яблоком. Татарский и Ковалев были неистощимы на выдумку и сами ловили кайф от процесса изобретательства.

Мы были вместе на фестивале в Болгарии. На последние левы Саша покупал сборники карикатур, это тогда была питательная среда для его кино. К тому же мы все увлекались в те годы загребской школой. Чудом к нам попали «Любопытный» и «Пассажир второго класса» Боривоя Довниковича. Эти фильмы стали для нас школой профессионализма. Помню, в той же Болгарии Саша с Игорем Ковалевым предложили: «Давайте образуем клуб поклонников Бордо» (так в профессиональной среде именовали Довниковича).

А в «Унесенных ветром» Саша попытался перейти в другой мир — мир трехмерной, как казалось, анимации, хотя фильм и делался в традиционной рисованной технологии. Мы с ним много спорили в связи с этой работой. Он переделывал картину раза два. Мне казалось, что анекдот, ставший его основой, тянул минуты на три. А он его растянул и... проиграл. Хотя технически — по звуку, по монтажу — все сделано безукоризненно. «Как же так? — спрашивал он. — Хотиненко показывает эту картину студентам как пример ритмического построения фильма, а вам не нравится...»

Из последних работ стоит обратить внимание на «Красные ворота Расёмон» — опять совершенно другое направление. Здесь тоже гэги, но главное — попытка сделать лирический фильм-воспоминание о детстве, о Москве. Опять мы спорили. Я говорил ему, что меня отвлекает анекдотический сюжет. Это абсурдистская история про «две точки зрения». Конькобежец во время соревнований разглядывает подо льдом играющих в карты людей. А один из игроков при взгляде на потолок видит мелькающего сверху конькобежца. Сю-

жет — слишком плотный, конкретный — перевешивает. Его бы немного размыть, растушевать — все вещи, придуманные Сашей для атмосферы ностальгического настроения, вышли бы на первый план.

А между этими фильмами были «Братья Пилоты», «Чердачок Фрутис», где персонажи общались с актерами. Он азартно осваивал новые технологии, решительно искал новые пути. Вроде бы и анимация, и что-то другое — актеры с датчиками.

Он мог делать любой фильм, кроме скучного. Мог проколоться в сюжетном строе, но зрителя пришпиливал к стулу намертво. Все самое яркое, им сочиненное, шло из его детства.

МИХАИЛ ТУМЕЛЯ

Знакомство с Татарским, конечно же, началось на экране. Но потом они с Игорем Ковалевым пришли к нам на Высшие режиссерские курсы. Мы еще раз пересмотрели «Пластилиновую ворону». Скажу честно, это был профессиональный шок. Совершенно новое ви́дение кадра, сцепления кадров. Меня поражала неистощимость выдумки. У Саши кадр барочно переполнялся микрособытиями. Внутри каждого гэга жил другой гэг.

Видно было, что запасено больше, чем может вместить экран.

В Сашином кино — свое время. Оно волшебным образом сжимается и растягивается, там свой темпоритм. И в «Падал прошлогодний снег», и частично в «Братьях Пилотах», когда они еще были «Колобками». Такой дерганый, взвинченный монтаж. Все персонажи не просто двигаются, но на грани истерики. Герой не может пройти, чтобы за ним струился плащ. Он обязательно двинется короткими стежками, обернется, фыркнет резкую реплику. Изобретались какие-то особенные походки — для каждого персонажа. Татарский добивался иного качества анимации. Ошеломительно чувственной. Безусловно, здесь большое значение имела загребская школа. Они с Игорем Ковалевым поддерживали это направление. Пару раз сделали коммерческие работы, где требовалось нормальное движение. Они и это умели, но им было скучно. Так готовили и аниматоров — без унификации в почерке, но в пилотовском стиле.

Потом, пройдя школу Татарского, его ученики могли работать в разной стилистике. Плюрализм Сашин уникален. Например, мои фильмы «Пилот» приобретал и выпускал в большую «фестивальную жизнь».

Когда мы стали общаться, открылась иная ипостась его дарования — он всегда мыслил, как продюсер. Еще не было «Пилота». Он увидел мою работу по мультипликату на Высших курсах. Сказал: «Сделай мне про это кино». А мне вроде некогда было, мы с Шурой Петровым делали картину «Марафон», но слова его врезались, точили... И в один из выпусков сборника «Лифт» я сделал тот самый сюжет про джигита-кентавра. Он назывался «Асса», потому что в то время гремел фильм Сергея Соловьева.

Я наблюдал, как Саша работает с ребятами на курсах. Что меня удивляло и радовало: это был формулирующий режиссер. Он точно и образно артикулировал мысль, задачи, он свободно использовал профессиональные термины. Помню, кому-то из студентов он объяснял, что такое компоновка и чем она отличается от фазы. «Компоновку, — говорил он, — всегда можно поместить в журнал как самостоятельную иллюстрацию. А фаза — часть общего движения, образа».

Когда Саша стал менять стилистику, переходить от «Колобков» к «Унесенным ветром», изображение тоже становилось предельно избыточным.

Оно было рисованным, но по эффектам, по плотной живописности казалось многомерным. Уже организовался вокруг него на «Пилоте» круг художников — например, Юра Пронин или Сережа Шрамковский, — которые эту Сашину неуемность в изображении могли реализовать.

Но в одном из разговоров он признался, что ему уже наскучило делать веселые и веселящие фильмы. Его притягивало загадочное, немного сюрреалистичное кино.

Работа его жизни — «Прибытие поезда». Материал грандиозный. Я как аниматор, когда смотрел материал, отметил, что в краю кадра мелькают номера компоновок. И стоял номер 1628 — сцены такой длины в мультипликации мне не встречалось, — это был подробный розыгрыш одного персонажа, Стрелочника, примерно двухминутный кусок, один несмонтированный эпизод. Персонаж жил в кадре обстоятельно. Такие сумасшедшие эксперименты Саша себе позволял. Не говоря уже о пролетах камеры по революционному Петербургу с массами бегущих матросов...

Это драматическая история: тонны материала залило водой. Сколько труда пропало... Жалко, не нашлось сил довести этот проект до финала. Но шло время, студия должна была выживать, необходимо было заниматься сериалами. Казалось, время такого великого незаказного кино проходило. Нужно было думать о коммерческом успехе.

Были времена, когда «Пилоту» приходилось заигрывать с сиюминутной конъюнктурой, с политической ситуацией. Но Саша был художником-экстравертом, он отражал свое время с его метаниями, болезнями...

Мой любимый фильм — «Пластилиновая ворона». Мы с Сашей спорили. Он не считал ее своей лучшей работой. Мне же кажется, это одна из самых гармоничных картин. Редкое сочетание несочетаемого: резкость и мягкость, плавность и взрыв. Потрясающе в изображение вплетены музыка и стихи, что вообще редкость в анимации. Эти стихии чаще всего уничтожают друг друга. Либо анимационное действие надо вытягивать под ритм стиха, либо стихом тормозить действие. В «Вороне» все сошлось. Думаю, не одно поколение детей будет любить этот фильм.

НАТАЛЬЯ БЕРЕЗОВАЯ, СЕРГЕЙ МЕРИНОВ

Наталья Березовая. Для Татарского краеугольный камень анимации — деталь. За точную деталь он был готов простить даже плохой сюжет и не слишком качественный мультипликат. Деталь делает историю. Как он хвалил за удачно найденную подробность. Не просто подробность — ту, которая создает мир. Фильм мог ему не понравиться, но за одну деталь он мог его полюбить.

Татарский часто повторял: «Конечно, все, что мы создаем, — вранье. Все, от «а» до «я», придумываем. Но если мы фантазию насытим плотью деталей, она заживет».

Когда мы начали делать сказки для «Горы самоцветов», столкнулись с главной преградой — трудно быть оригинальными в прочтении старых сюжетов. Причем мы не были уверены, точно ли этому народу принадлежит именно эта сказка. Они же все перемешаны. У меня была «Сказка про медвежонка». Я сделала ее якутской — так нам показалось. А Саша говорил: «Теперь и в Якутии станут думать, что сказка — якутская. Ты только ее уплотни деталями».

Его творческий процесс не прекращался, он включался во все наши работы. Всегда предлагал идеи, решения. Работал со сценарием. Искал вместе

со мной что-то особенное, живое, индивидуальное. Придумали, например, что медвежонок все время переспрашивает, как любой малыш. Ему говорят: «Это Евражка». Он удивляется: «Евражка? А кто такой Евражка?» «Я утка». — «Утка?» Татарского так много в каждом нашем фильме.

Сергей Меринов. Важный момент его режиссуры — скрупулезное отношение к монтажу. Все его ученики умеют монтировать с точностью до кадра. Когда он пришел на «Мультгелефильм», там решили, что он пижонит. Сидит и вырезает: тут кадрик, там кадрик. Ему замечают: «Саша, какая разница — на один кадр больше, меньше?» У нас в 25 (раньше 24) кадрах в секунду на эту самую секунду — очень мало картинок. Он требовал, чтобы эти 25 кадров были лучшими из того, что может быть. Прежде всего, по движению. И потом при монтаже долго искал склейку. Когда была пленка, возникали серьезные проблемы, потому что ОТК часто не принимал его работу — пленки были изрезаны в лапшу и переклеены. Норма, кажется, была на метр не больше трех склеек. А тут такое конфетти — до двадцати склеек. Но когда режиссеры с «Мультгелефильма» увидели результат, сразу изменили отношение к монтажу, решили, что секрет Татарского именно в этой точности мелкой нарезки. И кто-то очень смешно сказал: «Ха, Татарский по кадру вырезает. Я вот полкадра вырезал».

В его фильмах одна сцена подхватывает другую, фильм обретает живое дыхание, превращается в стремительное, захватывающее действо. Монтаж задает интересную синусоиду, которая держит зрителя в постоянном напряжении. Например, в фильме «Падал прошлогодний снег» — фантастический монтаж. Одна сцена переплывает в другую непостижимым образом. Ты забываешь, что там разные планы, кадры, картинки, — живешь внутри истории. Ощущение, что монтажа нет вовсе, будто фильм снят одной сценой. Он сам знал, что хорошо умеет монтировать, старался нас этому научить.

Татарский всегда говорил нам, что главное внутри сцены, внутри фильма — ритм. Причем джазовый. Очень любил джаз, который, с одной стороны, подчинен жесткому ритму, с другой — это свободная, открытая, даже рваная структура. Он говорил, что джаз и есть жизнь, верная правилам, но и непредсказуемая, максимально удаленная от стандарта. «Каждый фильм, — повторял он, — строится, как джазовая импровизация. Ты же слышишь, когда импровизация хорошая, когда плохая. Если эпизод ложится на джазовую тему, значит, все в порядке».

Это известный прием: подкладывать музыку, которая тебе нравится, во время работы, играть и складывать под нее свое кино... Наташа Березовая как настоящая Сашина ученица и аниматик собирает и монтирует под музыку...

Наталья Березовая. Мы на каждом этапе показывали Татарскому, что получилось. Начинаем смотреть сырой материал, черно-белые картинки, без шумов, без текста и музыки, он требует: «Сиди, озвучивай, что там происходит». Не просто текст сказки за кадром, а все шумы — подробно: «Здесь, ш-ш-ш-ш, потом ту-тум, ту-тум, побежал, побежал... ведро упало ба-бах...» Если я отвлекусь, он сам включается: «Так, дуу-ду-дум... А-ах... Здесь — лишнее, затянуто — убрать, здесь не разыграно, тут, наоборот, потяни»...

Он не разрешал нам бессмысленного «шевеления»в кадре. Каждый персонаж должен знать, что делает. И если ему не надо ничего делать — пусть замрет. У него был абсолютный слух на актерские голоса. Помогал нам всем еще на стадии подбора актера. Я хотела на «Барана и козла» пригласить Нагиева и Роста, они вместе на ТВ разыгрывали сериальное шоу. Вроде бы и по типажам, и по голосам они очень подходили. А Саша все оттягивал, сомневался: «Поищи еще». Когда я принесла ему пробу Сухорукова, он схватился за голову: «Какая находка! Уговори».

Сергей Меринов. Он любил со своими учениками ездить на озвучку. У него были и слух, и опыт. Когда шла запись, слушал актера с закрытыми глазами, чтобы не попасть под его обаяние. И объяснял: «Актер может сыграть и ли-

цом». Поэтому закрывал глаза и дирижировал, задавал ритм фразе. Он уже видел про себя будущее кино.

Наталья Березовая. Во время съемочного процесса он, как в джазе, позволял нам импровизировать, импровизировал сам, но всегда точно знал, к чему мы идем. Во всех интервью говорил, что заранее видит фильм. У него не было амбиций мэтра. Если что-то делал, всегда прислушивался к совету, был открыт для обсуждения. Даже студента выслушивал с благодарностью. Вообще критика, подсказки приветствовались и поощрялись. Собирал нас всех: «Надо придумать, давайте обсудим». Идешь по коридору, хватает за локоть: «Слушай, вот такой поворот истории. Какой следующий шаг?» И уходил. Через неделю спрашивает: «Придумала?» Его диалог с нами будто и не прерывался... К примеру, спрашивает: «На что могут быть похожи уши Микки Мауса? Представляешь его тень?» Ты включаешь фантазию: две шляпы? две кастрюли?

Они с Гордеевым монтировали рекламу для пилотного ролика. Что-то про томатную пасту. Проходя, слышу, как смеется Помидоринка, ну как-то не так, неестественно. Не так она должна смеяться. Говорю: «Вы бы ее ускорили» — и пошла дальше. Татарский догоняет: «Понимаешь!» Такая похвала дороже иного приза...

АЛЕНА ОЯТЬЕВА, ЕЛЕНА ЧЕРНОВА

Алена Оятьева. Мне повезло. Удалось поработать с Александром Татарским. Жаль, коротко получилось. Мы прорабатывали сценарии к социальным роликам «Правила дорожного движения». Как-то все быстро и весело получалось. Атмосфера работы редкая. Татарский называл нас с Леной Черновой «бесполыми существами». Говорил: «У настоящего режиссера нет пола. Не мужчина это и не женщина. Режиссура — это раса. Или национальность».

Татарский — мощное явление в анимации. Он выстроил свой путь и предложил в нем участвовать всем, кто сможет следовать этим путем. Татарский — это карнавал, фейерверк, бесплатные карусели. Но участвовать в этом карнавале могут лишь те, кто не просто трудится, но готов раздавать себя так же, как он. Не у всех это получается. Он был электрическим зарядом с мощным полем поражения. Рядом с ним ты обязательно зажигался, выдавал неожиданные для тебя самого идеи. Такой каждодневный праздник — тяжелый труд.

Я все время нахожу в его фильмах новые детали. В «Прошлогоднем снеге» безумное число знаковых вещей. Каждый кадр — открытка. Эта «открытка» создается еще на уровне идеи, но доделывается уже в процессе съемок, на монтаже. Все существует по законам противоречия: ждешь хмельного веселья, а на глаз навернется слеза, он тебя рассмешит, но вдруг: «Нет, подожди, погрусти». Совмещение несовместимого. Мы смеемся над героем «Снега», а у него вдруг такая поза бывает, когда он замирает с палочкой — словно чего-то недополучил...

Елена Чернова. Да, в финале они с вороной сели вдвоем, когда все уже закончилось, и нас, зрителей, как будто отпустили. И — печальный вздох. Такое дуновение тоскливого одиночества после всей этой снежной круговерти. И музыка трагическая.

Веселье тоже бывает разным. Когда-то хочется и уши заткнуть, и неловко ужасно. Режиссура Татарского — веселье, в котором хочется участвовать.

Он обладал мощным центростремительным свойством. Если начинал разговор в коридоре, все тут же окружали его, вслушивались. Это не любопытство даже — просто знаешь, что получишь заряд сил, энергии. Такая вот редкая энергопривлекательность.

Но главное его качество — щедрость. Я изумлялась. Так себя тратить! А это было его гармоничное существование. Такое растрачивание не только природное свойство, но и болезнь — как выяснилось, со смертельным исходом.

Ученики про учителя Татарского не могут толком рассказать. Ведь это был организованный хаос. Но он разжигал у тебя внутри то, что может гореть, любой крошечный фитилек.

Татарский умел отбирать и пригревать на студии людей с потенциалом. Насколько они смогут распорядиться своим талантом — другое дело. Но у него был наметанный глаз. Смотрим какую-то программу фестивальную. Он загорается всеми лампочками: «Вот это да, это здорово!» Прирастать на «Пилоте» было просто. Татарский создал такую ауру, демократическую обстановку, возможность творчества и коллективного сотворчества. Не знаю, где еще можно так самовыразиться, научиться и остаться самим собой.

Был у нас разговор про темпоритм его режиссуры. Он говорил: «Не надо давать зрителю рассмотреть все с первого раза. Тогда возникает интерес на физиологическом уровне: посмотреть еще. Смотри: наш центр внимания — движение какой-то точки. Если это движение произошло, а ты уловила его лишь периферийным зрением, ты обязательно туда повернешься, постараешься рассмотреть. Все на этом базируется».

Говорят о перенасыщенности его картин... Так вот, всегда есть люди новые, а есть люди из прошлого. Татарский был впереди. Люди из будущего живут в уплотненном времени. Это заметно по детям. Татарский и наших детей опередил лет на двадцать. Сейчас темп восприятия анимации стал значительно выше. Изменилась единица времени. А Татарский чувствовал это опережение уже в первых своих фильмах. Поэтому они и стали настоящей бомбой. Уже тогда нашлись зрители, которые желали существовать в этом уплотненном времени. И магия его режиссуры в том, что он время немного поджимает, вызывая просто животный интерес к происходящему на экране: жажду еще раз пересмотреть картину.

Когда я монтировала ролики, чувствую: сцену надо сокращать кадров на десять. Глаз согласен с этим, а мозг — нет. Не могу понять, всего полсекунды, какая разница? Татарский возражает: «Правильно чувствуешь, доверься интуиции».

Он расширял границы возможного в режиссуре. Знаете, есть много профессионалов, всегда знающих «как» и — делающих. Из фильма в фильм. Они мастеровые. А он не был ремесленником...

Многие вещи в кино он рассматривал с точки зрения энергии. Как она течет, какие происходят обмены. Насколько гармонично, вовремя. Постоянно расширял границы и анимации, и юмора... Шутки на грани фола, броски то в смеховое, то в драматическое. Иной раз думаешь: «Нет, так шутить нельзя». А он мог. Яйца в курицу вставить. Шокировал, но не оскорблял. И все время заставлял тебя решать: «А разве так можно?» Подумай на эту тему, не теки по привычному желобу.

Алена Оятьева. Для всех каждое событие или явление имеет две стороны. А Татарский смотрел с какой-то третьей. Делал разрезы там, где невозможно резать, даже в монтаже. Нарушал правила с видимым удовольствием. И ты понимал: «Смысла в правилах нет, если их не нарушать». Достать любимого из бульона, извалять его в перьях и улететь с ним за тридевять земель. С мертвым, с вареным. Летим! Это love story по Татарскому. В этом идиотизм. И смех. И печаль. И размышления о скоротечности жизни...

ФЕДОР ХИТРУК

До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что Саши Татарского нет больше с нами. Это так неожиданно, так жестоко и несправедливо. Он был в расцвете творческих сил, полон энергии, планов, проектов, которые осуществились бы под его руководством. Нам всем будет очень не хватать его: и тем, кто знал Сашу близко, и зрителям, которые полюбили его и его картины.

Я вспоминаю нашу первую встречу... Даже не встречу, а... просто тогда я впервые обратил на него внимание. Это было в середине 70-х годов в Киеве, на студии научно-популярных фильмов. Я часто бывал там как председатель секции и принимал участие в обсуждениях и собраниях. И на одном отчетном собрании среди прочих выступил высокий кудрявый молодой человек, который начал говорить не так, как все остальные, резко, я бы даже сказал, дерзко, критиковал происходящее на студии. По-моему, он был прав, хотя я не помню точно, что именно он осуждал. Зал встретил его неодобрительно. Не потому, что все были с ним не согласны, а потому, что это говорил новичок, только что пришедший на студию.

Потом была встреча уже личная. Она состоялась в начале 80-х годов. Тогда мы только открыли отделение анимации на Высших режиссерских курсах и нам стали присылать абитуриентов. Из Киева приехали двое — Игорь Ковалев и Саша Татарский, причем Ковалев приехал официально (с сопроводительной бумагой), а Саша — нелегально, его не хотели отпускать. То ли он там был слишком нужен, то ли его решили так наказать. Скорее, второе. Они привезли рулон фильмов, по-моему, даже на шестнадцатимиллиметровой пленке. Вполне хорошие, готовые фильмы! Я даже сказал им: «А что вам учиться? Вы уже готовые режиссеры». Игорь Ковалев был принят, а Саша приходил к нам как вольный слушатель, и мы его с удовольствием принимали. Настойчивость, настырность, сила воли и умение преодолевать препятствия проявились уже тогда и очень пригодились ему впоследствии.

А потом мы увидели серьезную работу зрелого мастера — «Пластилиновую ворону». Пожалуй, Саша был одним из первых, кто начал работать у нас в технике пластилиновой анимации. «Пластилиновая ворона» — очень хороший фильм. Он сразу вывел Сашу в ряд ведущих режиссеров. Потом были «Обратная сторона Луны», «Падал прошлогодний снег». Каждый новый фильм был настоящим событием. Но, как это часто бывает, у нас шедевры могут оценить лишь после смерти их создателя.

Силой воли, настойчивостью, умением, великолепными организаторскими способностями, сплотив вокруг себя единомышленников, Татарский открыл свою собственную студию. Группа молодых людей, полных энергии, веры и силы, организовала студию «Пилот», и один за другим стали появляться фильмы, которые в скором времени заняли солидное место в отечественном мультпроизводстве.

Все их фильмы были настоящими произведениями искусства, очень грамотные. Но самый серьезный проект — по своему объему, по своим задачам — это цикл из пятидесяти двух фильмов под названием «Гора самоцветов». Я надеюсь, что с уходом Татарского студия не остановит эту работу, ведь есть талантливые и зрелые мастера, способные продолжить то, что начал Александр Татарский.

Без него нам трудно. Он занимал очень важное место в нашей жизни. И в моей, в частности. Никогда не забуду, как в мой день рождения я увидел из окна поднимающуюся в небо фигурку Вини Пуха. Он уплывал вверх на воздушных шарах. Я выбежал на балкон и увидел, что это придумал Саша.

Наша последняя встреча также состоялась в мой день рождения. Каждое 1 мая я уже знал, что на следующий день у нас в гостях будут Юрий Норштейн, Александр Татарский с женой, Эдуард Назаров — мои любимые друзья, в какой-то степени даже мои ученики.

Саша был в своем роде шоумен в самом лучшем смысле этого слова. Не из тех шоуменов, которые сейчас мелькают на телевизионных экранах, а человек, любящий и умеющий создавать зрелище. Зрелище остроумное, нужное, поучительное и в то же время очень веселое.

Трудно назвать жанр, в котором Саша не пробовал бы свои силы, но есть один фильм, к сожалению, незавершенный, который стал бы заявкой на нового Татарского. Это «Прибытие поезда». Я видел черновой материал — это удивительные сцены, совершенно не похожие на то, что Саша делал в «Колобках» или в других фильмах. Очень тонкий импрессионистский сюжет, великолепное выразительное движение. Помню, что там был вокзал, железнодорожное полотно, какой-то стрелочник... Я смотрел как профессионал и удивлялся: «Какое великолепное, острое чувство движения! Какой гротеск! Какая наблюдательность в отдельных сценах». Повторяю, это был не фильм, а только черновой материал в разрозненном виде, но он обещал очень многое. Не раз, когда Саша бывал у меня в гостях или мы встречались, я спрашивал: «Ну, когда же будет ваше «Прибытие поезда»?» Он вздыхал и говорил: «Да вот не хватает времени, не хватает сил». Он был так загружен! Он успевал сделать столько, сколько успел бы целый коллектив. Очень жаль, что он не доделал этот фильм. Он снимал его буквально по ночам, на остатках пленки, для себя, для души. И так и не осуществил.

Я уверен, что у него в голове и под рукой уже были многие новые планы. Я надеюсь, что эти планы осуществят его друзья, сотрудники, последователи. Меня все время преследовал вопрос: кто будет руководить «Пилотом» после Саши? Кто возьмет на себя труд, смелость и терпение выносить всё, преодолевать все препятствия? Сколько трудностей ему создавали с помещением, с оборудованием, с финансами! Сколько ума, хитрости, терпения нужно было для того, чтобы эти препоны преодолеть. Татарский умел это делать, хотя любой другой, по-моему, на его месте давно бы уже сдался и махнул бы рукой: «Пропади оно пропадом...»

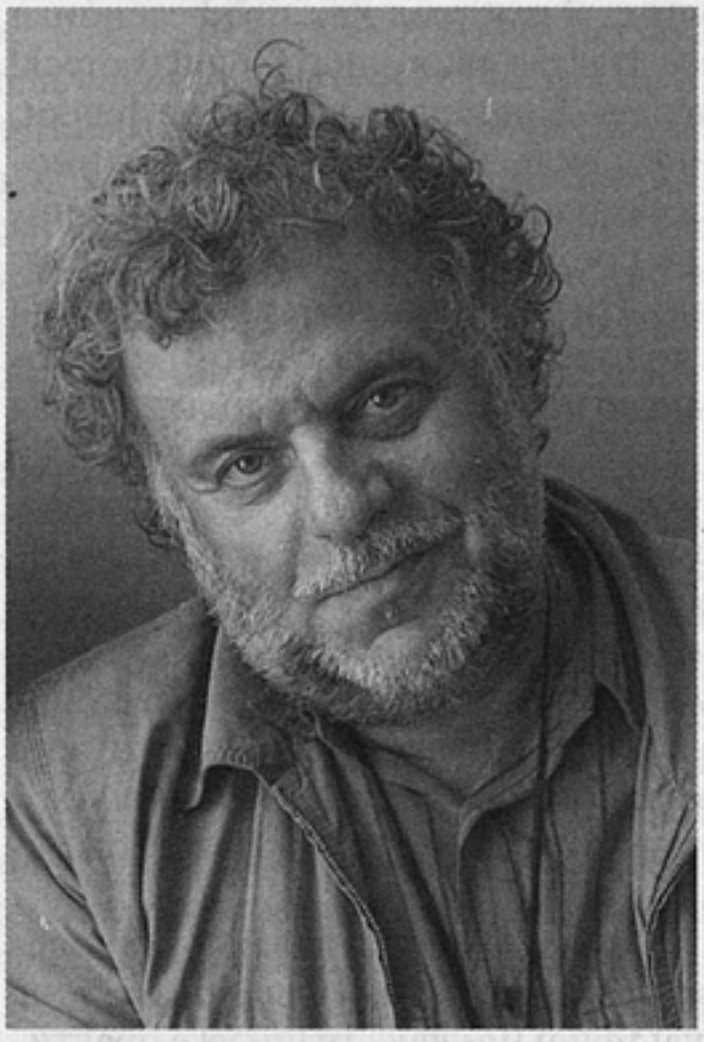
Было бы здорово, если бы Ковалев, Назаров, Алдашин взялись бы вместе продолжать и развивать студию «Пилот». Она должна существовать, и не одним проектом. Сейчас, когда «Союзмультфильма» как студии уже практически нет... Надо сказать прямо: «Союзмультфильм» остался лишь как здание, и неизвестно, долго ли оно будет собственностью студии, пока еще остались вывеска и несколько работников. Но той студии, которая была школой для всей России, для всего Советского Союза, извините за пафос, кузницей кадров, студии, которая утверждала стиль, направление и значение нашей отечественной анимации, — больше нет. В этом смысле роль лидера, по-моему, берет на себя «Пилот». Хотя никем не руководит, никому ничего не внушает. А все-таки, когда мы анализируем результаты года, мы ориентируемся на «Пилот» — на то, что уже сделано и что предстоит еще сделать.

Закончу тем, с чего начал: я не могу привыкнуть к мысли, что Саши Татарского нет с нами.

АЛЕКСАНДР ТАТАРСКИЙ

Участие в жизни — тоже фильм

РАССКАЗЫ



Александр Татарский

Письмо счастья

Я вырос в семье советского офицера-сапера, который, рискуя каждый день своей жизнью, прошел две войны и, как и все мальчишки моего поколения, воспитывался в большом и искреннем уважении к армии...

Но советская власть — штука посильнее «Фауста» Гёте — любое хорошее и нужное дело всегда умела постепенно превратить в полное дерьмо!

Уже к шестнадцати годам я твердо знал, что не хочу служить в *такой* армии и сегодня не пожелаю этого ни своему старшему сыну, ни его одногодкам.

Надежным способом отсрочить армейскую службу было поступление в институт, хотя, конечно же, я мечтал о высшем образовании совсем не по этой причине.

Но учеба в институте оказалась для меня делом почти невозможным — как раз в эти годы вовсю действовало негласное постановление партии и правительства — ни при каких обстоятельствах «не принимать в институты лиц еврейской национальности»!

Членам приемных комиссий советских вузов предписывалось не брать у подобных сомнительных граждан даже документы для поступления под любым предлогом, не допуская их тем самым до экзаменов! Особенно это касалось престижных вузов и в первую очередь заведений культуры!

Единственным местом, куда меня с удовольствием готовы были принять, был мукомольный институт (в нем готовили инженеров для зерновых элеваторов и хлебопекарен).

Тут все объяснялось просто: институт находился в Одессе — городе особенном, где советская власть (впрочем, как и сейчас украинская) всегда была категорией относительной... Желающих учиться этой, в прямом смысле хлебной, профессии было почему-то немного, и в институте наблюдался недобор. А главное, ректором вуза был в то время близкий друг одного моего родственника, уроженца славной Одессы.

Однако даже угроза, исходящая из военкомата, по совпадению находящегося как раз стена к стене с крупным киевским хлебозаводом (из-за чего в коридорах призывной комиссии стоял немыслимый запах — смесь крепкого мальчишеского пота с ароматом хлебных дрожжей), не могла заставить меня обучаться мукомольному делу...

И в то же время никаких реальных попыток «откосить» от военной службы я не предпринимал (да и не представлял себе, как это сделать), честно являлся по повесткам в военкомат, проходил все медицинские комиссии, даже согласился лечь на обследование в больницу.

У меня в детстве был серьезно травмирован правый локоть, последовали три не совсем удачные операции, долгое время приходилось даже писать и рисовать левой. Несколько лет рука почти не сгибалась, но я, вопреки пессимистичным прогнозам врачей, разработал ее с помощью своего любимого настольного тенниса. И все равно она всегда болит при изменении погоды, и мне трудно поднимать тяжести...

Но проблемы с рукой почему-то не возымели на медкомиссию никакого воздействия — меня признали годным лишь с небольшими ограничениями по родам войск.

А в институт я поступал уже несколько раз (в один год успевал сделать две попытки — подать документы в Институт культуры, а потом в театральный), но везде я «не добирал» баллов. Сдав несколько экзаменов успешно, на последнем из них, независимо от подготовленности, я получал три балла и не проходил по конкурсу.

И был уже объявлен день, когда мне надлежало поутру явиться с вещами на место сбора, под облупленную стену хлебозавода...

Но тут в наш военкомат назначили нового главврача — толстую симпатичную даму Надежду Васильевну.

Она добросовестно взялась за работу, перепроверила многих призывников с сомнительным здоровьем, забраковала дистрофиков и серьезно больных людей, которых наша омерзительная военная машина и сегодня без всякого стеснения «забривает» в солдаты!

И тут выяснилось, что в моей медицинской карте давно и четко прописано: «Врожденный порок сердца» и т.д.

Бравый начальник призывной комиссии майор Шмыргун от меня этот диагноз просто утаил!

Парадокс заключался в том, что, несмотря на явную невозможность служить в армии с пороком сердца, в законе это заболевание «ошибочно» вписали не в ту статью!

В результате все отдавалось на откуп военкоматам — могли с таким диагнозом взять в армию, а могли и не взять...

Мой друг Миша Титов, человек, внешне удивительно похожий на Швейка, страдал пороком сердца, но, невзирая на болезнь, как и подобает настоящему Швейку, отслужил три года!

Мой друг и бывший сосед Витя Сауляк, человек внешне удивительно не похожий на Швейка, тоже отслужил три года с пороком сердца, да еще и в оккупированной Чехословакии!

Меня майор Шмыргун тоже приказал забрать в солдаты, но у нового доктора была профессиональная совесть, и она, по крайней мере, проверяла диагнозы...

Накануне я опять прошел в больнице комплексное обследование и теперь сидел среди еще нескольких «сомнительных» призывников под дверью кабинета главврача и дожидался ее окончательного приговора.

Но сама Надежда Васильевна задерживалась. Она лично поехала в районную больницу посоветоваться с врачами и забрать наши медицинские карточки.

Приходилось ждать и гадать...

В это же самое время мой папа собрался проведать своего отца (папа всегда называл его «батя», а я поэтому называл дедушку «деда Батя»).

Накануне деда Батя позвонил от соседей (телефона у него никогда не было) и просил папу помочь перенести из сарая дрова.

Весна выдалась холодной и ветреной, по квартире нагло гуляли сквозняки, и старую прохудившуюся печку приходилось топить без остановки.

Работа предстояла грязная — дрова были запасены на много зим вперед и давно пылились в покосившемся сарае.

Именно по этой причине отец извлек из кладовки какие-то свои старые вещи... Обычно он, как и любой бывший офицер, одевался аккуратно. А тут — редчайший случай — напялил на себя всякую дрянь и принял максимально бомжеватый вид!

Спустившись на лифте вниз, он уже распахнул было дверь на улицу, но в этот момент навстречу вошла вооруженная большими авоськами соседка с третьего этажа, и папа посторонился, пропуская ее...

Увидев моего отца в столь необычном виде, соседка тоже замешкалась, и на мгновение они оба приостановились в дверях...

Только из-за этой заминки папа боковым зрением отметил, что в нашем почтовом ящике что-то белеет (одним глазом отец видел плохо и, если бы стоял в этот момент в другом положении, не разглядел бы даже и сам ящик!).

Соседка прошла к лифту и уже через час сообщила всем знакомым ей жильцам нашего нового дома интересную новость: от писателя Татарского, того, который живет на шестом этаже, явно ушла жена, и он теперь выглядит крайне неухоженно!

Но вернемся к моему папе, так как он все еще не вышел на улицу. Обычно (а отец во многих вопросах был педантичен) он никогда не вынимал почту, уходя из дому. Читать на ходу при его неважном зрении было некомфортно, газеты и письма в пути можно было измять или потерять.

Папа же любил устроиться в кресле за письменным столом, придвинуть к себе большую старую пепельницу в виде рыбы (неоднократно разбитую и склеенную), закурить болгарскую сигарету и только тогда «с аппетитом» внимательно прочитать письмо! Ритуал соблюдался неуклонно, и только в этот день, сам не зная почему, отец вернулся к почтовому ящику и достал оттуда письмо. Даже без очков он увидел, что это письмо от Юрия Никулина: на том месте, где пишут обратный адрес, Никулин нарисовал автошарж.

Никулин был близким другом нашего дома и, прежде всего, моего отца.

Они познакомились давно, когда Юрий Никулин и Михаил Шуйдин были еще никому не известными клоунами в труппе знаменитого Карандаша. Отец писал для Карандаша репризы и клоунады и обратил внимание на его помощников, явно талантливых клоунов. Они быстро подружились — все трое фронтовики, прошли войну «от и до»!

Никулин был связистом, под пулями ползал по передовой, восстанавливая перебитый осколками кабель. Шуйдин прошел войну танкистом, неоднократно горел, все тело в ожогах! Ну а мой отец — сапер, бежавший из немецкого концлагеря, чтобы оказаться потом в советском...

Отец стал писать репертуар для своих новых друзей, а часто они делали это все вместе, потом часами репетировали, до хрипоты спорили, переписывали текст и пробовали все снова и снова!

Мне посчастливилось провести много времени на таких репетициях, и сейчас, когда я вспоминаю их работу, в памяти всплывают и характерный, вызывающий необъяснимое ликование запах цирка, и голоса всех троих в необычной акустике пустого зала, и потрясающе веселую атмосферу, которую умели создавать вокруг себя эти уникальные люди!

Никулин всегда очень тепло ко мне относился, во многих вопросах был вторым отцом, и помощь, которую он несколько раз оказал мне, просто неоценима! Конечно же, в нашей семье его просто обожали!

Отец аккуратно засунул письмо поглубже в карман и направился к троллейбусной остановке.

Сначала он решил проявить саперскую выдержку и прочитать письмо, как и положено, дома и в привычной обстановке.

Но конверт словно вибрировал в кармане и настойчиво требовал к себе внимания — так вело себя Кольцо Всевластия за пазухой у хоббита Фродо!

— Приеду к бате, перекурю и прочту, — «отступил» папа.

Или...

Подошел нужный троллейбус, но в нем были заняты все сидячие места, а папе уже не терпелось сесть у окна и побыстрее прочесть письмо. Не было мест и во втором... Только в третьем оказалось свободным длинное переднее сиденье. Отец прокомпостировал талончик, уселся поудобнее, достал из глубин старого ватника заветный конверт и вскрыл его.

Троллейбус трясло на старинном киевском булыжнике, и прочесть, что же написал Никулин, было почти невозможно. Отец, вздохнув, опустил письмо и решил дождаться остановки.

На остановке «Поликлиника» выходило и заходило много людей, и у папы появилась возможность прочитать хоть кусочек.

Он поудобнее умостился на высоком сиденье, подвинулся чуть вправо, освобождая плацдарм севшей рядом плотной женщине, и, положив вскрытый конверт на колени, дальнозорко вытянул вперед руку с письмом. Никулин знал, что у его друга проблемы с глазами, поэтому писал крупно и разборчиво.

Отец читал письмо, но вскоре обнаружил, что делает это не один. Скосив здоровый глаз, папа отметил, что сидящая рядом женщина читает это же письмо, причем явно быстрее, чем он сам! Отец с удивлением повернулся к ней, а она тоже подняла на него глаза и вдруг спросила:

— А что, ваша фамилия действительно Татарский?

— Откуда вы знаете? — удивился папа.

— А вот, на конверте написано! — незнакомка опустила взгляд на лежащий у папы на коленях вскрытый конверт с крупно надписанным адресом.

— Я действительно Татарский, — представился папа, — меня зовут Михаил Семенович.

— А сын призывного возраста у вас есть?

— Есть! — еще больше изумился отец. — Его зовут Саша, он сейчас как раз находится в военкомате!

Таинственная женщина полезла в свою большую нейлоновую сумку и, покопавшись в лежащих в ней потертых папках, вытащила одну с надписью «Татарский».

— А я как раз главврач Сашиного военкомата! Меня зовут Надежда Васильевна, — представилась наконец незнакомка. Она стала быстро пролистывать бумаги в папке и нашла мою автобиографию. — Тут написано, что вы писатель-драматург.

Надежда Васильевна недоверчиво покосилась на папин явно не писательский ватник.

— Я еду помогать своему старому отцу, — стал оправдываться папа, ужасно досадуя на свой нелепый вид, — у него там проблемы с печкой... В общем, грязная работа, почти как ремонт!

— А что, человек, который вам пишет, это действительно знаменитый Юрий Никулин?

— Да, это наш близкий друг!

— И Сашин тоже? Ваш Саша с ним знаком?

— Конечно, знаком! С самого детства! Никулин считает его очень способным парнем, он неоднократно так говорил! И... вот смотрите... Видите, в конце письма он передает Саше привет и даже посылает смешной анекдот — они всегда обмениваются анекдотами!

— Мы с мужем обожаем Никулина! — призналась Надежда Васильевна. — У нас в серванте даже его фото из фильма стоит! И знаете что? У вашего сына такой эпикриз, что его можно брать в армию, а можно и не брать... Пожалуй, пусть лучше в институт поступает! И напишите Юрию Никулину, что мы его очень любим! Ой, чуть не проехала...

С этими словами главврач вдруг вскочила и, запихивая в сумку папки с делами призывников, подозрительно легко для своей комплекции выпрыгнула в переднюю дверь.

Троллейбус поехал дальше, а отец, неловко вывернувшись в толстом ватнике к находящемуся за спиной окну, смотрел вслед неожиданной попутчице.

В военкомате меня ждал большой сюрприз.

А еще говорят, что не бывает писем счастья!

Страховой случай

Пластилиновая заставка к программе «Спокойной ночи, малыши» родилась как внебрачный ребенок. Она не стояла в планах студии, на нее не были запланированы деньги, и даже комната, где могла бы сесть наша съемочная группа, и та отсутствовала.

И все-таки мы ее сделали! Всего два человека — я и моя замечательная художница Лена Косарева.

Нас с Леной посадили прямо в кабинете главного редактора студии Елизаветы Бабахиной.

В этой комнате помещалось два стола. У входа сидела сама Елизавета Осиповна, а в глубине у окна мяли пластилин мы с Леной.

Как это часто бывает, скоро на нас перестали обращать внимание. За первым столом проводились бесконечные совещания. Спорили, смеялись, сплетничали...

А мы тихо лепили. И тоже постепенно перестали вслушиваться в то, что происходило в кабинете.

Но писатель Эдуард Успенский, который в то время работал на студии главным консультантом, — человек очень эмоциональный. Не услышать его невозможно.

Поэтому однажды мы услышали: «Нет, Елизавета Осиповна, от этого никто не застрахован!» Эта фраза Успенского пробилась к нам с Леной, хотя начало разговора пролетело мимо наших ушей. Мы и дальше старались не слушать, но фразу «От этого никто не застрахован!» Успенский повторял еще не менее трех раз.

Тут уж я не выдержал и громко встрял в разговор: «Я не знаю, о чем вы спорите, но если хоть еще один раз скажете слова «от этого никто не застрахован», в комнату сейчас же войдет страховой агент!»

Успенский и Бабахина улыбнулись, вернее, только начали это делать, но тут в кабинет постучали, и, не дожидаясь ответа, в дверь просунулась женская голова. «Я — страховой агент, — сказала голова натренированным голосом. — Есть тут кто-нибудь, кто еще не застрахован?»

Получив в ответ взрыв смеха, голова растерялась и скрылась.

Мы все остались незастрахованными. И от этого не застрахован никто!

К этому можно добавить только два сообщения.

Первое: заставка, правда, уже в усеченном виде, идет уже более двадцати пяти лет и по количеству выходов в эфир — чемпион мира, у нее просто нет конкурентов.

А второе: посмотрите в подлинник контракта со мной. Я действительно получил за всё 73 рубля!

Ну разве не смешно?

Полет медведя

Вчера получил календарь мероприятий из Дома кино на май 2005 года. На первой странице — поздравления с днем рождения. Открывает список Федор Савельевич Хитрук — поздравление с 88-летием. Я удивился — наверняка ошибка, должно быть 86. Только ведь было 85. Стал считать, вспоминать. Нет, все точно, 1 мая — уже 88. Вспомнил 80-летие Федора Савельевича.

Очень хотелось поздравить его каким-нибудь необычным способом. Чтобы запомнилось. Чтобы получился праздник. Всплеск приятных эмоций. Но ведь это пожилой человек, не девушка. Чем можно удивить Хитрука? Чем можно его радовать? Никакой подарок тут не в счет, подарок — это отдельно.

Пришло в голову банальное, но вполне объективное утверждение: старики — как дети. Значит, хорошо бы преподнести сюрприз. Веселый и вполне детский.

И еще вспомнился рассказ Эдуарда Назарова, который был художником-постановщиком фильма Хитрука «Винни Пух». Назаров вспоминал, что, объясняя задание аниматорам, Федор Савельевич сам становился этим замечательным медведем. Голова втягивалась в плечи, менялась осанка, походка, жестикуляция. И смотрел он в этот момент, как Винни, — широко открытыми детскими пытливыми глазами. (Удивительно, что, изображая Хитрука, показывающего Винни Пуха, Назаров сам становился медведем.)

А хорошо бы, если бы сам Винни Пух посмотрел на Хитрука. Глаза в глаза. Например, прилетел на воздушных шарах и посмотрел через окно.

Итак, летающий медведь!

Куклы я делать не умею — заказал Винни Пуха художнице Ольге Сиротинской. Размером он должен был быть со спаниеля. Но значительно легче. Я просил сделать Винни в максимально маленькой весовой категории, чтобы детские шары, надутые водородом, могли его легко поднять.

За два дня до 1 мая медведь был готов. Он получился очень правдоподобным и, несмотря на комплектацию, почти невесомым. Так мне показалось.

Я посадил его в полиэтиленовый пакет GAP и стал ждать часа «Х». Операция была тщательно подготовлена.

Я вступил в преступный сговор с Галиной Николаевной, которая во избежание ошибки повесила на перила балкона яркое полотенце.

Что касается шариков, надутых водородом, то здесь проблем не предвиделось — на 1 мая они продавались по всем людным точкам в центре Москвы.

С утра я приехал на площадь Маяковского и запарковал свою машину, внедорожник «Опель Фронтера», у гостиницы «Пекин».

У памятника Маяковскому продавали необходимые мне шары. Я не знал, сколько нужно шаров, чтобы они подняли медведя до уровня третьего этажа. Наверное, пять-шесть?

Я занял очередь и на всякий случай купил десять ярких шаров.

Медведь все еще был упакован (не хотелось его афишировать), и я прикрепил шары прямо к пакету и отпустил его. К медведю предусмотрительно был привязан тонкий прочный шнурок. Отпуская его понемногу (матросы называют эту операцию «травить концы»), я должен был позволить Винни Пуху долететь только до определенной высоты, немного выше перил третьего этажа, чтобы его мог увидеть находящийся в комнате Хитрук.

Но здесь, на Маяковке, медведь не только не взлетел — он рухнул к моим ногам. Вместе с пакетом. Создалось впечатление, что надутые водородом шары приняли медведя за чугунного.

В некотором замешательстве я повторно стал в очередь и купил еще пять шаров — тот же результат. Пакет с медведем с упорством льнул к асфальту. С тревогой пересчитывая деньги (я взял с собой явно недостаточно), стал вычислять, сколько же еще нужно этих огромных на вид шаров, чтобы медведь изменил направление полета и преодолел земное тяготение? К пятнадцати шарам прибавилось еще восемь!

Ну, теперь-то медведь взлетит, как Икар, только держи его!

Но шары опять опозорились — медведь в пакете утянул их вниз.

От волнения я взмок. Стало понятно, почему я делаю мультфильмы, а не работаю, например, в КБ Туполева или Антонова.

На помощь была призвана живущая поблизости Алина и все ее финансовые ресурсы.

Мы покупали шар за шаром, но медведь словно проглотил гантелю. Лишь, когда количество шаров перевалило далеко за тридцать, он вдруг нехотя взлетел. Я даже посмотрел на асфальт — вдруг эта гантель из него наконец выпала?

Тут выяснилась еще одна неприятная подробность — шары оказались маложивучими.

Хотя мы обращались с ними крайне уважительно, два из них банально лопнули. Пришлось купить еще несколько этих летательных агрегатов про запас. На этом все деньги кончились.

Потащили огромное облако шаров через всю площадь к автомобилю. Со стороны мы, вероятно, выглядели спекулянтами-перекупщиками.

Но, подойдя к «Фронтере», я вновь почувствовал озноб. Компания шаров выглядела побольше машины.

С волнением открыл все двери, включая заднюю. Мы стали аккуратно запихивать туда шары-недотроги. Один сразу лопнул.

Но машина скоро «кончилась», а шаров снаружи почти не поубавилось.

Вокруг стали собираться любопытные. Из «Пекина» вышли женщина-администратор и несколько охранников в камуфляже. Все стали давать советы. Но советы были вредные — лопнул еще один шар.

Буксировать шары снаружи автомобиля — лопнут все. Внутри — не умещаются.

И тогда я вытащил из машины все, что можно, включая сиденье. Но куда это все девать?! Не оставлять же на улице!

Но когда я объяснил работникам «Пекина», куда и зачем я еду и кто такой Хитрук, все пошли мне навстречу. Автомобильный хлам торжественно и безвозмездно охранники сложили за стойкой гостиничной рецепции.

В опустевшей машине поместились уже почти все шары. Но мне нужны были именно все до одного. Пришлось сдвинуть максимально «к носу» и передние сиденья.

Я занял место водителя, приняв при этом позу, не предусмотренную даже самым полным изданием «Камасутры», с боков Алина тоже втиснула шары, так что я не мог повернуть голову, а если бы и мог, то все равно ничего не видел в боковые зеркала — все перекрывали шары.

Сама Алина сидела на полу перед пассажирским сиденьем, где обычно умещается спаниель, а на самом сиденье тоже громоздились шары.

Охранники гостиницы обложили меня последними шарами, аккуратно закрыли двери машины, и мы осторожно поехали...

Больше всего в пути я боялся двух вещей: перестраиваться из ряда в ряд, так как ничего не видел ни в заднее стекло, ни в боковые зеркала, и что меня остановит милиция, а я не смогу сам выйти из машины, потом обратно залезть в нее, шары останутся снаружи и вряд ли гаишник будет помогать мне.

Но доехали, слава богу, без приключений и запарковались в огромном дворе дома Хитрука. Стали мучительно вылезать, стараясь не повредить шары-недотроги. Но еще один все-таки свел счеты с жизнью.

Пока мы бережно доставали оставшиеся шары и собирали их в один общий пучок, к нам начали подтягиваться дети. Оказалось, что в этот первомайский день, как и в моем детстве, родители дружно выпустили во двор празднично одетых ребятишек.

И все они собрались около моей машины. Подтянулись и взрослые. Все спрашивали цены — поблизости такие умеющие летать шары не продавали, хотя это и была площадь имени Гагарина.

Пришлось объяснять все растущей компании детишек, что мы не продавцы воздушных шариков, а приехали поздравить замечательного и хорошо им известного по мультфильмам человека, их соседа, о чем они, оказывается, и не догадывались.

Медведь был, наконец, извлечен из пакета, и мы начали аккуратно привязывать к нему шар за шаром. Эта работа требовала великой «саперной» аккуратности и участия всех наших с Алиной рук. Остальными конечностями мы деликатно отпихивали детей, которые искренне хотели помочь, но очень мешали.

В конце концов, когда все шары были надежно закреплены, одна маленькая, но уже вредная девчушка взяла, да и больно ущипнула лиловый шар, и тот лопнул. Это был последний резервный шарик — потеря хоть еще одного означала для нас, что медведь не взлетит...

К сожалению, этот рассказ Александра Татарского не завершен. Говорит Федор Савельевич Хитрук.

Федор Хитрук. Я услышал детские голоса, хором кричавшие: «Хит-рук! Вин-ни-Пух!» Я как-то не сразу обратил на это внимание. У нас же шумно. Я сидел спиной к окну. И боковым зрением заметил какую-то надвигающуюся тень. Я обернулся. Над балконным поручнем поднималась огромная груда разноцветных воздушных шаров. Зрелище, скажу вам поразительное, с учетом того, что живем мы на шестом этаже. Эти шары медленно продолжали свой подъем. И дальше началось нечто совершенно мистическое. Из-за перил на меня выглянул лупоглазый медвежонок с вытаращенными глазами. Так мы оба и замерли, тараща друг на друга глаза через стекло. Он был довольно-таки внушительный товарищ. Тогда я выскочил на балкон и посмотрел вниз. Там стоял Татарский в окружении толпы детей, словно Лев Бонифаций на каникулах. И такой же счастливый. Он держал Винни Пуха за веревочку, чтобы тот не улетел, и управлял им, как воздушным змеем. Это была фантастическая картина: Винни Пух с букетом шаров пробирается на чей-то балкон. Даже машины останавливались. Люди с изумлением запрокидывали голову. Я втащил гостя-подарок в окно. А когда снова посмотрел вниз, чтобы пригласить Сашу, то его машины уже не было. В этом весь Татарский. Не просто шоумен, творец сказок, но их обитатель. В сказке ему дышалось легко. В жизни — не очень, и поэтому он делал сказки.

Подборку материалов подготовила Лариса Малюкова

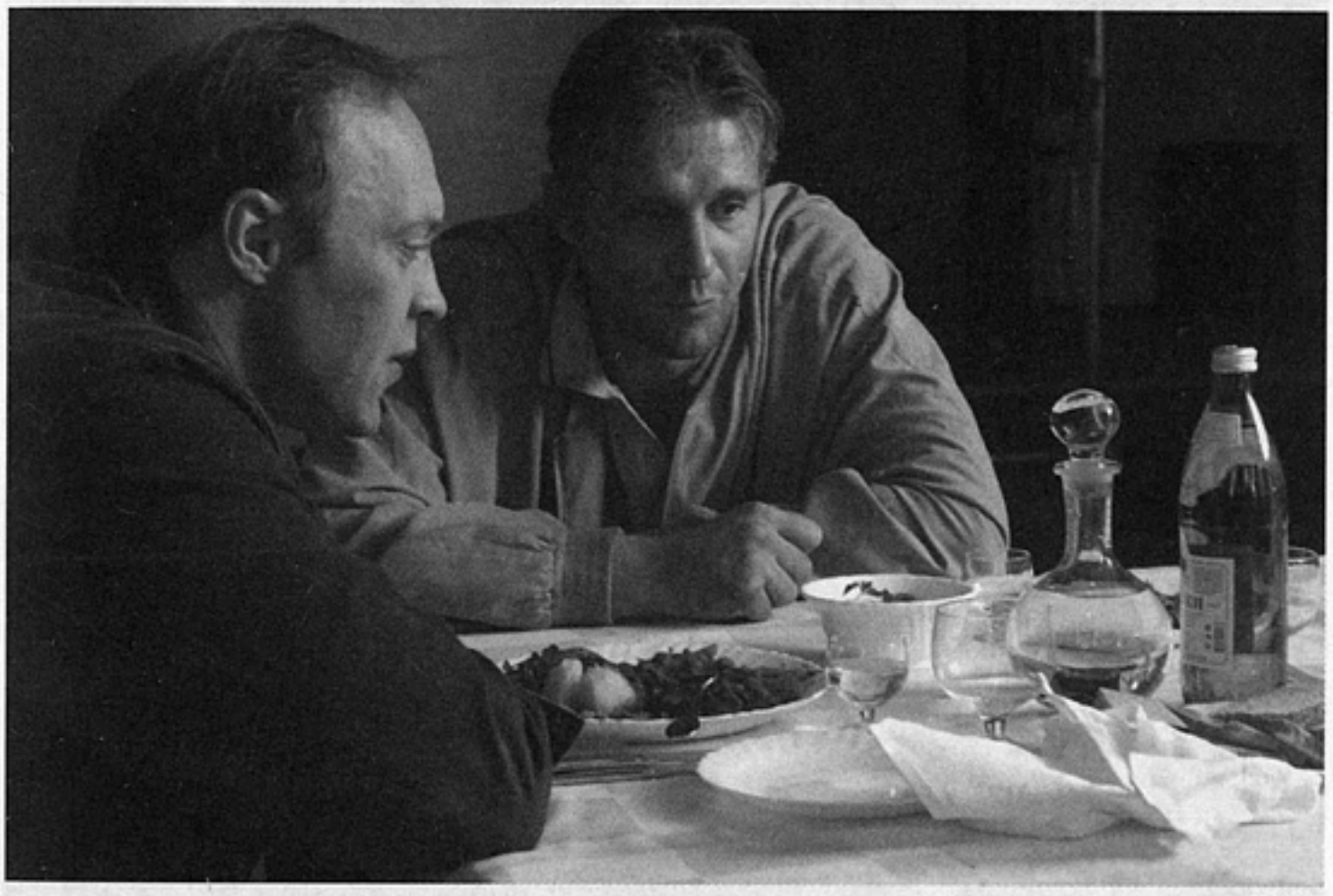
РОССИЙСКИЕ ФИЛЬМЫ — ПРИЗЕРЫ И УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КИНОФЕСТИВАЛЕЙ

«Простые вещи», режиссер Алексей Попогребский

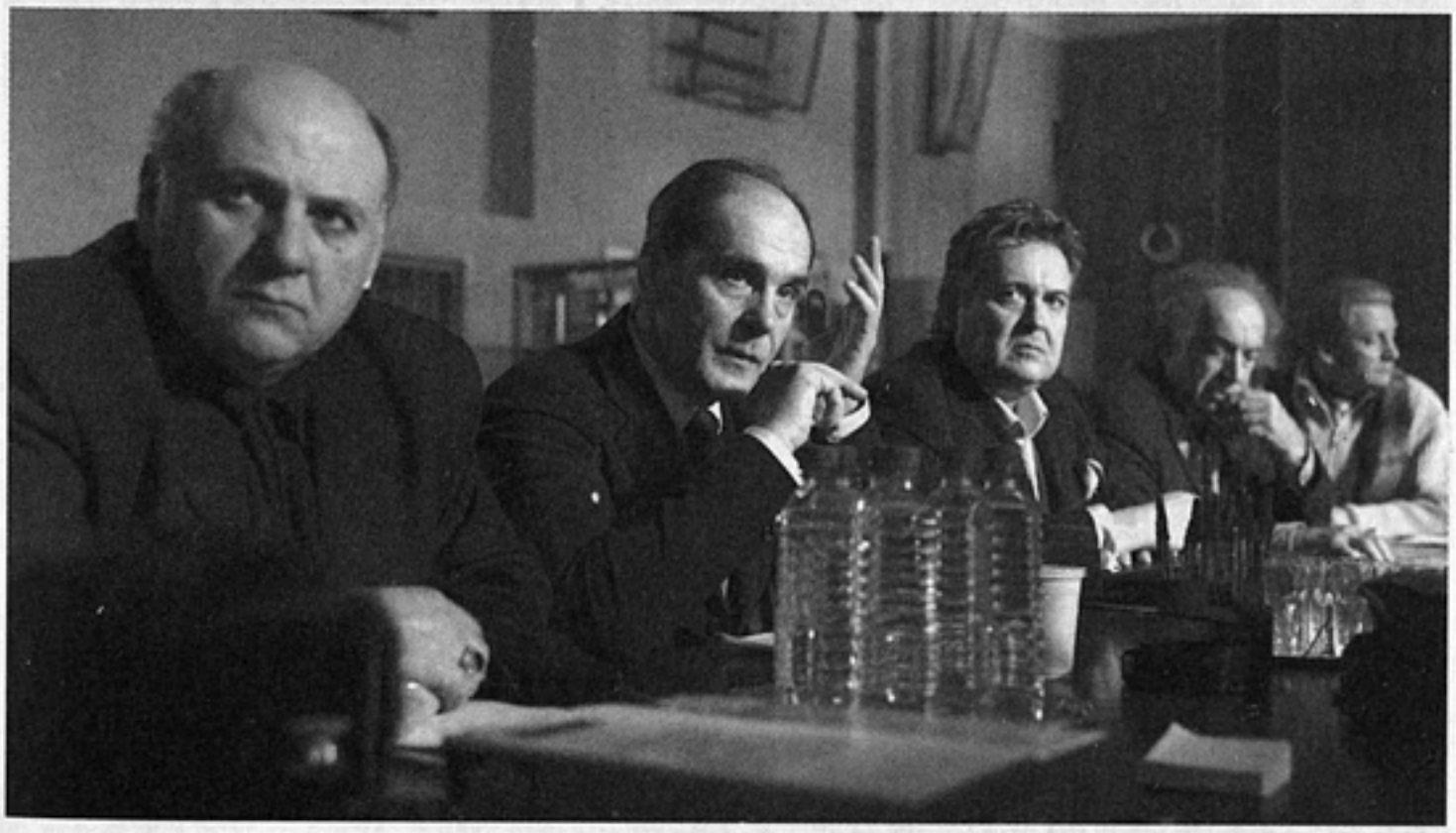
«Изгнание», режиссер Андрей Звягинцев

«Груз 200», режиссер Алексей Балабанов

«Александра», режиссер Александр Сокуров



«Отрыв», режиссер Александр Миндадзе



«12», режиссер Никита Михалков

П У Б Л И К А Ц И И

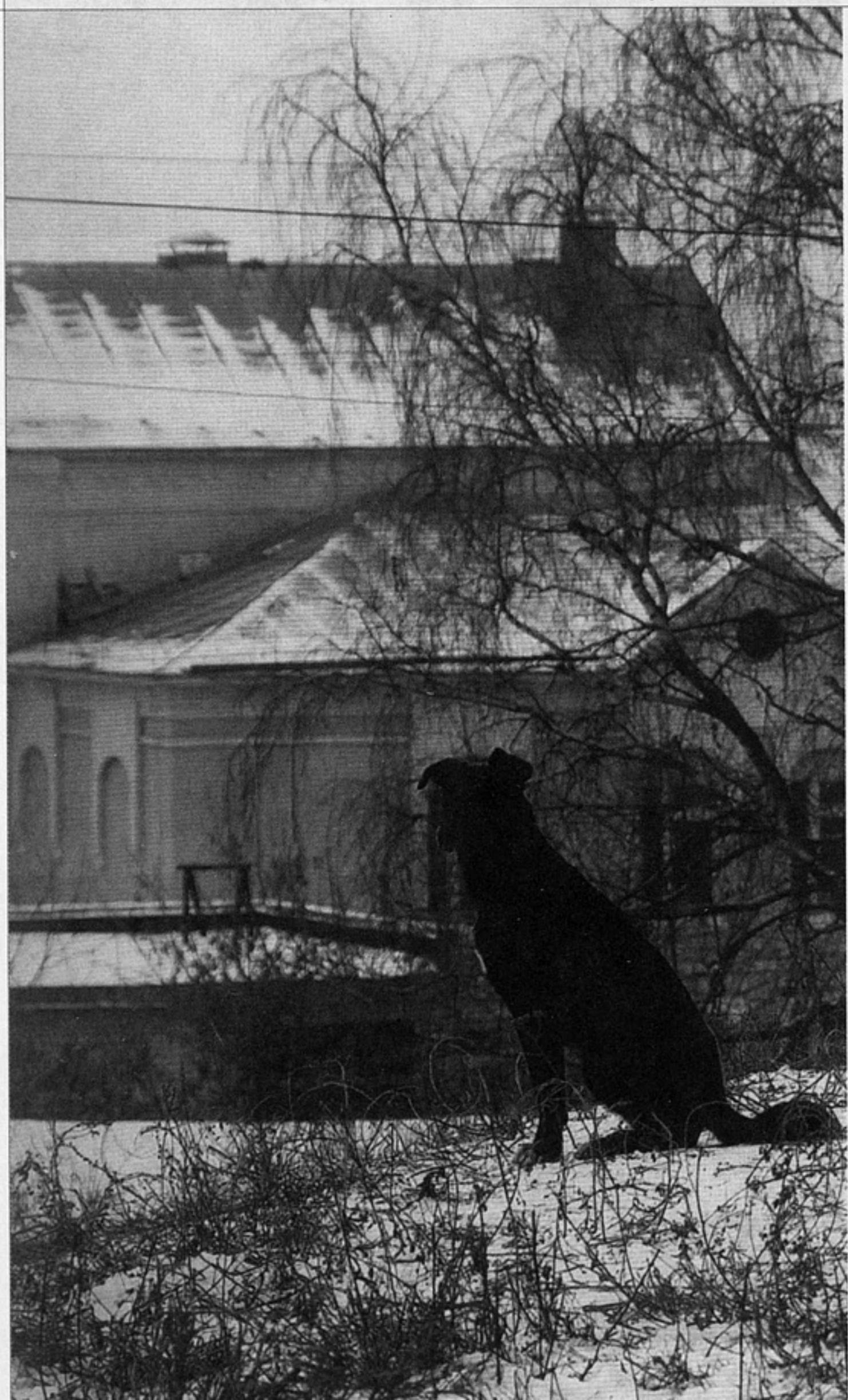


Фото Владимира Бутенко

ЭЛЛА КОРСУНСКАЯ

Рассказы

Мы стареем

Постарела моя собака Глаша — плохо видит, плохо слышит, зубы выпали, ест как-то боком и часто из деликатности не выплевывает, а целиком проглатывает кусок, который не по зубам разжевать. Одышка, хрипит, кашляет, и тогда по маленькому ее телу словно проходит судорога. Когда гуляем, оступается, шаг потерял легкость, стал неуверенный, слабый. От меня совсем не отходит, и на прогулке я слежу, чтобы она все время видела меня, знала, что я рядом. Все, что привычно, заведено и еще по силам, она исполняет с готовностью, охотой, старанием, словно говорит мне, что все может и вовсе мне не обуза. Ночью или редко днем, когда я устану и прилягу, она, как всегда, устраивается у меня в ногах. Я думаю, что она спит. Но вдруг взгляну на нее и вижу, что глаза ее широко открыты. И я замираю, потому что я ведь точно такая: без зубов, плохо вижу и слышу, у меня одышка, я быстро и сильно устаю. Я люблю лежать с открытыми глазами, не думая ни о чем, а только ощущая, как отдыхают мои руки и ноги, как хорошо, удобно и уютно лежать... И тогда мысль моя идет дальше: если все так одинаково внешне, значит, все так же одинаково и внутренне. Значит, мы обе не одиноки, потому что мы есть друг у друга. Просто мы обе подошли к краю и знаем это. Нам не о ком горевать: детей у нас нет, а близкие все умерли. И она, как и я, думает: боже мой, какая, в сущности, короткая жизнь... А с другой стороны — хватит. И эту-то надо еще дожить, а усталость все крепче сжимает объятия. И ноги болят, и тысячу раз хоженая дорога кажется такой длинной.

Уборка

Сквозь шум и треск в телефонной трубке прорвался громкий голос: «Это из благотворительного центра говорят, вы заявку давали на уборку, мы к вам завтра придем. Часов в пять, хорошо вам будет?» «Хорошо». На другой день в два часа звонок: «Это Татьяна Петровна, узнали меня? Я вас узнала. Альбинка подвела, не вышла на работу, все переменилось. Я сейчас к вам приду, хорошо?» «Хорошо, приходите, запишите адрес». — «Да я знаю, адрес в путевке: Лесная улица, дом 10, второй этаж, так?» — «Не совсем. Лесной переулок, дом 9, квартира 18, этаж 6». — «Ну хорошо, что сказали, а то бы я искала. Сейчас приду». И правда, пришла очень быстро, стремительная, яркая, как клоун, вытравленные добела волосы торчком, на худом, подвижном лице ярко-красные румяна, черные, густо нарисованные брови, в черных ресницах синие, блестящие, веселые глаза, может, не такие уж веселые, а насмешливые, громкая, командирская речь: «Ничего не надо, только ведро и газеты. И уходите, я не

люблю, когда смотрят. Все найду сама, уходите, будете работу принимать». Пока говорила, сбрасывала с себя одежду: светлый пиджак, шелковую блузку, кружевной, будто расшитый золотом лифчик, со стуком упавший на стул, легкие серые брюки. И стала другой, меня удивило это мгновенное преображение: черные, старенькие колготки, обнаружившие редкой красоты ноги, растянутая майка с рыжей головой и надписью «Стоять!», в которой открылись длинные, худые руки. Прошла в комнату, прихватив свои мешки с флаконами и тряпками, и закрыла за собою дверь. Раза два по своей надобности я заходила в комнату. Она стояла на подоконнике, длинные, сильные ноги расставлены на ширину плеч, раскинутые руки уперлись в косяки рамы, словно большая птица приникла к стеклу. Потом она ходила по квартире, что-то двигала, переставляла, терла. Раз только спросила меня, помешивая рукой воду: «Ну зачем вам столько вещей? У меня вот ничего нету, телевизор, ну, диван, там, конечно, кресла, стол, ковер на полу. Убираться легко. Нет, конечно, вещи у вас хорошие, книг много, но зачем это нужно, только пыль собирать». Я могла бы, конечно, не спорить, не тратить ее дорогое время, но столько было превосходства в ее глазах, такая снисходительность к моему дому, что я не выдержала, покивала: «Конечно, Татьяна Петровна, вы по-своему правы, но я хочу спросить: «Вы свою мебель, ковер сами покупали?» Вскинула на меня насмешливые глаза: «А кто же? Кто мне будет покупать? Мы с Васей обставляли. Сразу, как комнату получили». «А я ничего не покупала, это все мамино,— не могу выбросить, память». Тут я увидела, какая она умная, как хорошо понимает край, за который не нужно заходить. Всплеснула руками, смахнула со лба белый клок: «Да я разве о вас говорю? Я вообще сказала. Конечно, память самое дорогое. Да у вас и не много вещей. Нет, память самое главное. Я вот Васину кровать каждый день убираю, а его уже шесть лет как нету».

Я сказала: «Татьяна Петровна, перекусите и отдохнуть нужно немного, я все приготовила». «Нет, есть я не хочу, я ведь к вам с другой уборки пришла, там перехватила, а чаю выпью, только потом».

Пока она убирала, я сходила в магазин. Вошла — и ахнула, мой любимый дом сиял, помолодел, расцвел. Татьяна вышла из кухни с тряпкой в руке, все поняла по моему лицу: «Да что уж вы так, у вас и так было чисто, просто у каждого своя работа. А окна вообще много значат. Окна — это свет». Я накрыла стол нарядной скатертью, красиво все расставила, заварила крепкий чай. Таня оценила:

— Это вы мне уважение свое доказали. А вот я не пойму, вы уж не такая старая, почему вы инвалид, не заметно болезни вашей. Вы работаете? Я вот тоже работаю, не представляю своей жизни без работы. Меня только работа держит.

— Ваша работа?

— Да. Моя работа. У нас благотворительный центр. Пансион есть для старых, которые постоянно живут, и вот, оказываем разные услуги инвалидам. Платят мало, конечно, правда, питание бесплатное, кормят хорошо, но у каждого свой интерес в работе. Кто — за общежитие, кто за стаж, я вот работаю за жилье. Мы в ведомственном доме жили, военном. А Вася умер, и меня выселяют. Дверь поджигали, свет отключали. Сколько лет иду домой и не знаю, что застану. Раз пришла, вещи все во дворе, а на узле посреди двора свекровь с кружкой — кто-то чаю налил. — Она громко рассмеялась. — Вот работаю, коплю, комнату хочу купить. Пенсию не трогаю, да тоже не очень удачно — у меня стаж маленький, ну кручусь, пока руки есть. У нас коллектив хороший, дружный, это вот Альбинка сегодня подвела, выпила, у ней депрессия, а так мы друг другу помогаем, всегда подменим, когда нужно. И потом, мне нравится такая работа. Разнообразная. Сколько я людей перевидала, сколько жизней, судьбы какие. А у вас нет варенья? Я люблю сладкое, особенно варенье. Когда Вася был, я всегда варила, он любил, мы как сядем чай пить, банки нету. С тех пор не варю. Не могу себе варить. Конечно, работа непростая. Я уходила с нее.

Много плохого видишь, грязь, жадность, хитрость. Вы кем работаете? Редактор? Это как?

— Ну, например, написал писатель книгу, я читаю, вижу слова повторяются или непонятно, я говорю писателю: нужно здесь поправить, чтобы ясно было, или сократить.

— Ну, значит, вы главнее писателя. Вы бы поработали на моей работе, такую бы книгу написали... У меня, между прочим, есть книги от писателей с автографами. Когда я у них уберусь, радуются не хуже вас, книги дарят, подарки. А бывают другие случаи. Вот недавно пришла к одной, она спрашивает, кто, я называюсь, она говорит, покажи паспорт, я тебе не верю, много вас тут шатается уборщиц, а потом обокрадут и следов не найдешь. Ну что ей скажешь? Мне не то что обидно, нет. Противно. Или вот заявка пришла на уборку лоджии. Ну, думаю, хорошо, на воздухе убираться лучше. Вышла на лоджию, господи боже мой, мне прямо неудобно вам говорить — там консервы, пакеты с крупой, с мукой, все прогнившее, уже упаковок таких давно нет, может, лет двадцать все это там лежит, запах, черви. Я говорю хозяйке, что могу это вынести на помойку, а она мне — нет, нужно разобрать, плохое выбросить, а хорошее оставить. А меня прямо замутило, еле ноги унесла. Она жалобу написала. Мне сначала хотели выговор дать, деньги вычесть, а когда я рассказала, просто в ужас пришли и ей звонили, что она не права.

— Может, это старческое, бывает, умирают совсем нищие, а у них находят спрятанные деньги. Это старческая такая болезнь.

— Какая болезнь? Она работает. Юрист в Басманном суде. Нет, знаете, я вам скажу, эта работа приучает в людях разбираться — я гляжу на человека, на старого, на инвалида, и понимаю, какая у него жизнь, и характер понимаю. Не до тонкости, конечно, а в общем. А сколько калек-инвалидов одиноких с этих войн. Родители умерли, жена ушла. Много горя у людей, много горя. Эта работа смирила меня, намучишься — научишься. Я ведь тоже жить не хотела. Вася умер, ему шестьдесят лет было, шестьдесят лет. Почему, за что?

— Он болел?

На белую скатерть капают слезы, Татьяна Петровна быстро, резко смахивает их рукой.

— Я всем говорю — от сердца, но вам скажу — от рака. У него был рак. Скоротечный. Это страшная болезнь, непонятная, я не могла даже это слово выговаривать. Почему он заболел? Он такой хороший, такой добрый, таких людей сейчас нет. Мы остались с его мамой, она два года назад умерла, ей было девяносто два года.

— Она с вами жила?

— А как же. Она с нами жила. Я ее любила. Вася на нее похож, вылитый, и характером, и лицом. Мы с ним тридцать четыре года прожили. Как один день. Он солдатик был, когда женились, а ушел майором. Я вот и не работала толком, моталась с ним, и Димка маленький. Я не могла расставаться надолго. Ну как надолго? Три дня — уже долго. Я всегда его ждала. Только он за дверь, просто в магазин или к соседу, а я уже жду.

— Так любили?

— Да. Так любила.

— И что же, с тех пор вы одна?

— Ну почему одна? У меня сын, внучка хорошая. Ну и мужчины, конечно, были, но это ведь другое. Три года ездил ко мне парень из Рязани, на двадцать лет моложе. Мне и мать его звонила: «Таня, помилуй, выходи за него». А я говорю: это — нет. Так пусть ездит, я не девочка, а жениться — нет. Через три года он женился, теперь мать его ко мне ездит, подруга моя стала. — Татьяна Петровна смеется, потемневшие ее глаза светлеют, снова становятся синими. — Тут поехала в санаторий, у меня бесплатная путевка, льгота как жене майора. Там мужчина один, видный такой, здоровый, но это на вид здоровый, а так у него шрам через грудь идет. Он мне объясняет, что была операция на сердце, и он плохо чувствует. Мне врач говорит: «Татьяна Петров-

на, нужно этому больному помочь, у нас вся надежда на вас». Ну, я давай помогать, он, правда, повеселел, дела пошли лучше, от меня ни на шаг, но все время вспоминал какую-то Валю. Валя, Валя. Я ему сказала: всё. Хорош. Расстанемся друзьями. Надоел ты мне со своей Валей. — Татьяна Петровна зацепила ложечкой варенье, проглотила и громко расхохоталась.

— Ну, я думаю, будет еще у вас близкий человек, обязательно, что-то в вас есть такое, хочется быть около вас, я думаю, вы веселая, заводная.

— Да, я петь люблю, вообще люблю, когда праздники. Праздники и работа. Так и живу.

— А внучке сколько лет?

— Девять. Девочка хорошая, тоже танцует, поет, сейчас в Болгарию поехала с группой, по обмену. Говорит: «Бабушка, чего тебе привезти из Болгарии? Какой подарок?»

— А невестка хорошая?

— Невестка? Как вам сказать? Сын-то у меня институт окончил, ну а я вроде простовата, уборщица. — Она рассмеялась, подмигнула, ты-то понимаешь, что я такое?.. — А у невестки мать работает на телевидении, в шоу-бизнесе. И вот Лена стала немножко показывать Димке, что нужно бы ему свою мать подучить. Ну и я не отстаю, от себя подсказываю: мол, гляди, сынок, Лена то не так, другое не так. Да. Ездить к ним не стала, а Вася внучку любит без памяти. Пойдет с ней гулять, оба озябнут, закоченеют прямо, а он все ходит, гуляет. Скучает по внучке, а я ехать к ним не хочу. Вот однажды Дима приехал проведать, ну я стала свои груши обивать, а он говорит: «Мама, Лена моя жена, мы живем хорошо, я ее люблю, прими ее, какая есть». Верите, у меня сто пудов спало. И с того дня я никогда ничего не то что не сказала, а просто не замечала никаких недостатков. Вот Алиночке уже девять лет. А недавно что было: я у них ночевала, смотрели телевизор, и там артистка Дапкунайте, знаете ее? Ну, конечно, знаете. И такой на ней джинсовый пиджачок, я прямо обмерла. Ох, говорю, полжизни за такой пиджачок отдам. Ну, сказала и сказала. А тут я убираюсь у одной, звонок. Лена звонит: «Мама, я в ГУМе, в секции «Наф-Наф», нашла пиджачок, как у Дапкунайте, можете вы сейчас приехать примерить? Я говорю, спасибо, Лена, но приехать не могу, я убираюсь. А сколько стоит? Она говорит: это мой подарок вам. Вот тебе и «Наф-Наф»... Четыре тыщи пиджачок. Ну вот, май-июнь, я уборок набрала побольше, хочу Алиночке мобильник купить. Шесть тысяч стоит.

Татьяна Петровна заглянула мне в глаза и совершенно некстати расхохоталась. Я даже вздрогнула, не могла понять эти ее переходы к внезапному хохоту.

— Хорошее варенье, я не ела такого, это что, слива такая?

— Это кизил.

— Вот, много узнаёшь на этой работе нового, интересного, да?

— Да. Я вот слушаю вас, мне ваш голос нравится, вы, наверное, поете хорошо. Спойте.

— Я военные песни пою.

— Ну военную спойте.

— Я щас пойду там окно поправлю, не закрылось, и оттуда буду петь.

И снова я удивилась: зазвучал совсем другой голос, теплый, сердечный, мягкий. Она пела медленно, словно подбирала слова, и появилась на кухне, как актеры со сцены входят в кулисы, еще не расставшись с песней, но уже отдыхая. Я подумала, как счастлив был человек, которого она любила. Она села к столу.

— Нет кипяточку? Вот что плохо в нашем деле, сойдешься другой раз с человеком, раскроешься, а время вышло и прощаешься уже навсегда. Вот это бывает жалко. Идти надо, мне во Фрязино ехать, я во Фрязине живу, а завтра в восемь уборка. Буду собираться, а вы акт заполните и распишитесь. Куда-то я свой главный пакет сунула, не найду.

— А вот.

— Да что вы, это рабочий, а другой, главный.

Я закружила по комнатам, потом услышала: «Нашла!»

Я смотрела, как она, не глядя, вытягивает из пакета одежки, которые тотчас волшебно оказываются на ней. Потом большой железной щеткой начесала белые сухие волосы, бросила щетку в пакет, выудила кисточку приличной величины, как для мелких малярных работ, достала баночку румян и широко, смело махнула по скулам, потом черный карандаш, тут уже при участии зеркала, прошелся по бровям, потемнил веки и тоже полетел в пакет. «Ну, как?» — сказала Татьяна Петровна, оборачиваясь ко мне от зеркала и открывая вдруг появившуюся в руках помаду. Чиркнула помадой по губам, крепко сжала их, потом раскрыла, таким молодым, женственным движением и, как ни странно, от этой малиновой помады темно-синими сделались глаза. Она накинула пиджак и рассмеялась. Так чемпионки в фигурном катании, прощаясь, обходят арену, высоко подняв в приветствии руку. У двери она обернулась.

— Я сегодня у вас прямо отдохнула, честно. Может, еще увидимся, вам такая уборка положена раз в год, встретимся.

Она ушла, но голос ее остался и звучал. Даже не голос, а смех, внезапный, громкий. Он не был веселым, многозначительным, дерзким, не был связан с ее рассказом или со словами собеседника. Смех словно был обращен к кому-то третьему, кто неотступно, непрестанно, неусыпно следовал за нею, следил, не спускал глаз. Называйте это как хотите — удел, судьба, рок. Смех был ответом тому, третьему, стоящему за спиной: «Нет, не возьмешь, мой верх, мой верх».

Родословная

Мать свою она не помнила, а отца не было вовсе. Нельзя же считать отцом существо, однажды пробежавшее мимо. Потом был дом, но хороших воспоминаний о нем не осталось. Однажды она приметила полоску света, пошла на свет, вышла в открытую дверь и оказалась во дворе.

Двор был большой, меж домами виднелась улица — машины, гудки, мелькание людей, запахи, звуки. Первое, что ошеломило ее, — бег. Она гоняла по двору, и целью бега был бег, движение ее неутомимых ног. Прежние прогулки были неотделимы от поводка, мерного и медленного хода, когда гуляньем называлось опорожнение желудка. Она и не знала, что это существует на свете — скорость, ветер, обдувающий шерсть, ветер до свиста в ушах, бег наперегонки с ветром. Можно и против ветра, чтобы продувал насквозь, сбивал с ног. Так бегала она по большому двору, чутко остерегаясь улицы и людей. Иногда появлялись собаки — на поводке или вольные, но знакомства с ними она не заводила, в их дружбе не нуждалась.

Пока бегала, она не заботилась обратить внимание, кто же это кормит ее, шуршит пакетами, расставляет коробки и тянет руку с куском ей навстречу, подзывая. Было это всегда одинаково, и потому сначала ей казалось, будто это одна и та же фигура. Потом она разглядела, что люди разные, но не было у нее охоты брать еду из их рук и была опаска — хватят за ошейник и прощай, ветер! Бегать было хорошо, однако холодало. Однажды утром она бежала по двору и что-то хрустнуло — она разбила лед, покрывавший лужу. Лапы сразу намокли, потом вода меж пальцев замерзла и бегать стало неудобно и больно. Стала этот лед выгрызать. Тут подошла женщина и поставила перед ней похлебку. От похлебки шло тепло. Собака отбежала подальше, дожидаясь, когда женщина уйдет. Но случилось неожиданное. Женщина постояла рядом со своей кастрюлей, потом нагнулась, взяла кастрюлю и унесла. Это изумило собаку. Никто, никогда так не поступал. Она подошла к двери, за которой исчезла женщина. Дверь открылась. Женщина протянула руку и взялась за ошейник. «Иди», — сказало что-то внутри собаки. Она опустила голову и прикинулась покорной. Это было правильно. Нужно разобраться, что к чему. Уйти я всегда успею.

Двое в доме, не считая хозяйки

Вот уже десять дней «на европейской территории мороз», как говорит радио. Никак не связывая Москву с европейской территорией, сообщаю, что у нас минус 30—33. Я рада, что Ю́ла, совсем поправившаяся, сильно выросшая, теперь в тепле и покое. Хорошо ли ей, сказать не могу. Мне кажется, она знает, что участь ее еще не решена, но не делает ужимок, чтобы понравиться, утвердить свое положение. Даже наоборот, вроде как «полюбите меня черненькую, беленькую меня и без вас полюбят». Что же рассказать о ней? Мою школу она уже окончила экстерном с золотой медалью. Я люблю Глашу, люблю в ней свою душу, которая осталась жива благодаря этой любви. А как иначе, нельзя же любить только мертвых...

Ю́ла — совсем другое. Ю́ла — пришелец, поселившийся в моем доме, и я давным-давно забыла, что сама ее привела, даже, как говорят некоторые, спасла. Она независима, свободна. Случается, я ловлю на себе ее взгляд, задумчивый и спокойный, еще решающий, еще не решивший, не сделавший своего выбора. У нее живой, смелый ум, собственный характер, легко перечеркивающий примитивные психологические модели для людей и далеко превосходящий их. Меня наставляют: «Учи ее, что можно делать, чего нельзя, наказывай». Да она все знает: утащила очки под диван, разодрала тапочку, вытряхнула из пакета хлеб, крошки по всему дому. Она спокойно и приветливо глядит на меня, ожидая, когда я увижу ее художества. Стоит мне бросить взгляд на тапок, на хлеб, на тщательно разодранную книжку, как ее уже нет на месте: она под тахтой, это ее укрытие, блиндаж — мне туда не добраться. Если я пытаюсь достать ее веником, она визжит оглушительно, театрально, хулигански. А как забавно, как по-человечески она просит прощения! Не сразу, нет, она дает мне остыть, прийти в себя, потом из-под тахты начитает вилять хвост с белой кисточкой на конце. Потом на этом месте появляется узкая черная с «сединой» морда с близко поставленными черными с белым кантом белка глазами. Морда медленно выползает из укрытия, превращаясь в длинный, гибкий, стройный «стан». Глаза глядят с укором: ну хватит, не нужно сердиться, это же ерунда. Я не поддаюсь, отворачиваюсь. Собака укладывается у моих ног, растянувшись во всю длину, положив морду на лапы: «до следующего раза, до следующего раза, пока отдыхай».

Как все животные, она безошибочно знает время. Утром, ровно в 8.45, она выползает из-под тахты, подходит к моей подушке и встряхивается. Вчера подошла в 8.30. Я лежала с закрытыми глазами. Она внимательно на меня посмотрела и ушла на место... В 8.45 положила лапу на подушку. Время. Она никогда не подходит к Глашиной миске, которую я наполняю в первую очередь, ждет, пока Глаша, медленно управляясь двумя зубами, доедает свою пайку, и уходит, неторопливо переваливаясь с боку на бок. За это время Ю́ла отобедала, получила добавку и теперь опускает в Глашину тарелку узкую морду и тихо дочищает посуду. Она знает, что Глаша поселилась здесь раньше и, дерзко попирающая все законы, подчиняется одному — закону хозяина территории.

Живя под властью двух собак, я вижу, как сложны и непохожи их характеры. Глашу не назовешь доброй, но у Глаши есть сердце, и она включает его в работу и следует его зову: нервничает, когда я ругаю Ю́лу, тревожится, если мы долго не возвращаемся с гулянья. Ю́ла едва сдерживает раздражение, если я приласкаю Глашу. Она останавливается на небольшом расстоянии и смотрит на нас, время от времени коротко гавкает, начинает зевать, громко стучать хвостом, встряхиваться, чесаться. Признавая Глашино первенство в праве на жилплощадь, она научилась осторожнее ходить по квартире, ждать своей очереди на гулянье, на еду, на лакомство. Но это не от сердца — от ума. Ум заменяет ей сердце.

Если теперь скажут мне, что нет судьбы, я рассмеюсь. Я привыкала к ней постепенно, много думала о ней, находила ее родовые корни в черных африканских собратьях. Сказать, что двигалась она стремительно, будет неточно. Она перемещалась в пространстве бесшумно и вольно, и движение зрачка, сле-

дящего за нею, отставало от скорости ее легких ног — вот только что была здесь, а сейчас где? На черной вытянутой морде голубоватые белки́ обозначают границы глаз и будто подчеркивают выразительность взгляда — пристального, испытующего, недоверчивого: «знаю все наперед, потому и не верю».

Есть судьба, есть. Греки говорили: «Даже боги не властны над своей судьбой». Мы уже узнали друг друга, почти привыкли, и, казалось, по-другому не может быть. Оказалось — может. У Глаши случился инсульт. С двумя собаками тут, глядишь, и хозяйка прикроет глаз. По ночам хозяйка не спала, плакала. Лежит и плачет. Старая собака болела, и слезы хозяйки ее не беспокоили. А Ю́ла не спала. Иногда, не выдерживая, выползала из-под тахты, придвигала морду к лицу хозяйки и стояла тихо, почти не дыша. Обе боялись сделать лишнее движение, чтобы не лишиться сил. Самое тяжелое было видеть эти слезы. Ю́ла знала, о ком они, и знала, что участь ее решена.

Есть судьба, есть. Тот первый звонок не был случайным. Судьбой Ю́лы стала женщина, которая умела брать на себя чужое горе, чужие ночи без сна. Все задвигалось, завертелось, закружилось вокруг Ю́лы. Ей делали прививки, фотографировали, подстригли челку. Ее портреты замелькали в газетах, в Интернете, в каких-то вестниках. Звонил телефон, домофон, мобильный. Потом все исчезло, она не помнит ничего, провал в памяти. Просто рука на голове лежала уже другая. Запах жилья другой. Вместо маленькой собаки большой кот. Но было и хорошее — мясо, творог в неограниченном количестве, лес. Долгое гулянье в лесу, без поводка, когда можно бежать, куда хочешь, только чтобы был слышен свист. Хозяйка свистела пронзительно, собака в ответ гавкала, они легко находили друг друга и радовались встрече.

Концепция

Ахматова говорила: «Главное — концепция». Я согласна с этим. Дело в том, что эта собака не знала любви. Ее никто не любил, не ласкал, не заботился. Первые хозяева подобрали ее щенком, рассчитывая, что она будет лаять, отпугивая воров. Они думали, что собаки существуют для этого — отпугивать воров, и поначалу изумлялись, что собака не лает. Им объяснили, что это еще щенок, вот вырастет — и можно оставлять дом открытым, незваного гостя разорвет в клочья. Они успокоились и стали ждать. Они не любили ее, им даже не приходило в голову, что любовь может здесь иметь место, просто терпеливо ждали, когда она вырастет и начнет охранять дом. Но и собака их не любила. И собак она не любила, потому что не общалась с ними никогда. Таким образом, не смогли в ней развиться знаменитые собачьи преданность, любовь, готовность умереть за хозяина. В гробу она их всех видела. Она презирала слабых и не любила сильных. Получился человеческий характер, которому не досталось любви и непонятно, что такое, эта пресловутая любовь.

Как детдомовские подкидыши, она научилась притворяться — прикидываться послушной, несчастной, благодарной, хотя на самом деле вовсе не испытывала таких чувств. Одно было знакомо ей до тонкости — злость и презрение. Но ей случилось узнать любовь. Главную любовь — когда *ты* любишь. Только она дает силы, и тогда все равно, кого ты любишь — кошку, мать, ребенка, собаку. В то время она опять была бездомной. Это оказалось просто — проскочить в приоткрытую дверь или загуляться, не отвечая на зов и крики. И ты уже на свободе. Эту науку преподала ей та, со старой больной собакой. Оказалось, что можно привести в дом, кормить, мыть ноги, чесать за ухом. Откусить вафлю и, встретившись глазами со строгим взглядом собаки, поспешно отдать ей другую половину. А потом однажды вывести из дому и навсегда исчезнуть. Причина не важна, причина всегда найдется. Ее не выставили на улицу, нет. Она оказалась в другом доме. Еда, гулянье, по сути дела, отличная жизнь, но ей долго снилось испуганное лицо и голос с горестными восклицаниями: «Ну зачем ты это сделала, почему?» Потом снилось, словно она лежит, растянувшись во всю длину, у ног хозяйки, охраняет или, скорее, сто-

рожит, чтобы эта хозяйка не двинулась с места. Еще и голову положит на тапочки для надежности. Хорошо было так лежать. Старая собака спала, и хозяйка была полностью в ее власти.

Пробуждение бывало тяжелым. Она лежала с закрытыми глазами, доносились голоса, мужской, женский, слышно было, как в ее миску кладут еду, как хлопает дверь и в доме становится тихо. Она ушла, когда перестала видеть сны. С прошлым было покончено. Не только они могут распоряжаться судьбой — подбирать, отдавать. Но и она. Захочу — уйду, и пропадите вы пропадом со своими тарелками, подстилками, поводками.

Случай свел ее в подвале с черным котенком. Было холодно, она сворачивалась, зябла, старалась уснуть и задремала, а когда проснулась, почувствовала, что брюху ее тепло и что-то мягкое его греет. Она принюхалась и увидела на белом своем животе черного котенка, который крепко спал и посапывал. Ей хотелось встать, вытянуться, размяться, но делать этого она не стала, а снова закрыла глаза и постаралась заснуть, теперь уже все время помня о котенке и чувствуя его тепло. Так открылась новая и последняя страница ее непрожитой жизни. Хорошая, счастливая страница, восполнившая почти все потери, утершая все слезы, если бы она умела плакать. Котенок был маленький, все тыкался ей в живот, видно, хотел молока. Молока у нее не было, но она догадалась, что он хочет есть. (Здесь историю можно просто наметить пунктиром, нет нужды описывать, как добывала она еду, как прятала котенка, как вылизывала и охраняла. Это обычные дела, их делает всякая мать, родила она или нет, главное, что почувствовала себя матерью.) Котенок был хорошенький, и какая-то женщина, проходя мимо, подобрала его и положила в сумку. И сердце Ю́лы разорвалось.

Благодарность

Я все пишу о старости, думаю о ней, размышляю. И необыкновенное чувство благодарности охватывает меня. Ведь это она, старость, причина того, что я еще вижу белый свет, небо, снег, радуюсь дождю, читаю. Не будь ее, мне бы ничего этого уже не досталось. Юность, молодость проходят, сменяются. Старость не уходит никуда. Вы до конца жизни вместе...

Много лет назад я смотрела фильм Бергмана «Фанни и Александр», роскошный, избыточный, ироничный. От этой картины отделилась одна сцена, даже не сцена, а долгий план. Узкая, будто застекленная терраса, за окном голубоватые сумерки, на террасе в кресле-качалке пожилая госпожа, глава рода. Она листает альбом фотографий, вглядывается в портреты сыновей, мужа, внуков, не заботясь и не задумываясь, кто жив, а кто остался только на этом снимке. Клан большой и ветвистый, не всех она и помнит да и не прилагает усилий, чтобы вспомнить, определить их место в своей жизни. Потом она кладет узкие, тонкие руки на раскрытые страницы альбома и говорит задумчиво: «Я хорошо помню — было детство. Потом старость. А что означает этот пресловутый промежуток, о котором столько говорят?..» Вот эта фраза, помню, вошла в меня, как пуля.

По жизни расставлены указатели. Мы их не чувствуем, проходим мимо. Но они есть. И этот давнишний осколок, даже как будто случайный в блестящем, ярком полотне мастера, застрял во мне, и до сих пор я не могу найти лучших слов для обозначения своей жизни. Может быть, те, кто трудно привыкает к состоянию старости, к этому холодному, безжалостному слову, кто тоскует, борется, не хочет сдаваться (но все равно сдается, по-другому не бывает), может быть, они, когда были молодыми, не заметили этих слов. Но я заметила. И теперь, трудясь над загадкой, что же это со мною такое, почему так мила, так дорога мне моя трудолюбивая, независимая старость, я словно увидела ответ: госпожа в буклях в кресле-качалке, узкая худая рука на фотографиях альбома и тихий голос: «Что же означает этот пресловутый промежуток, о котором столько говорят?..»

«Депрессия», — говорят пожилые люди. Говорят отстраненно, непричастно, как произносят «ветер» или «ночь». Стараясь ничего не упустить, перечисляют признаки своей депрессии: пропал сон, аппетит, не хочется читать, смотреть телевизор, на телефонные звонки не всегда поднимаешь трубку. По интонации это напоминает пересказ фильма, когда добросовестно передают события, но фильм уже отсмотрен, финал известен и потому пересказ лишен чувств.

А между тем все просто: депрессия — не диагноз. Это осознание, что жизнь прожита. Что этот солнечный денек или, наоборот, морозный, синее небо, музыка, в которой бьется живой и чистый человеческий голос, — уже не твое. Когда ты еще жива, но знаешь правду. По утрам проверяешь больные места, и они все на месте. Звонки от детей однообразны — практически по всем телефонным проводам несется один вопрос. Если бы шалун перепутал номера телефонов, никто не заметил бы подмены. Дети звонят утром и вечером и спрашивают, как здоровье. Утром и вечером родители добросовестно отвечают, хоть им хочется поговорить о другом. Но дети спрашивают о здоровье, потому что от ответов зависит распорядок их жизни, и родители поспешно отвечают, что все хорошо. Депрессия — не диагноз. Это состояние, при котором нити, связывающие человека с жизнью, становятся тоньше паутины...

Когда узнают о смерти знакомого или даже незнакомого человека, на минуту все смолкает. Молчание — знак уважения к смерти, сочувствие к человеку, который больше никогда не пройдет по земле. И еще бессознательное, легкое движение в глубине души, когда понимаешь, что, слава богу, тебя пока миновало.

Старость вызывает раздражение. Молодые думают, что они прямо так, легко и красиво, перелетят на небеса. И там под звуки классического джаза пред ними распахнутся врата. Но ведь редко так. Те, которые сейчас раздражаются, отворачиваются и, не отрываясь, смотрят в окно троллейбуса, чтобы не видеть этих блеклых, запавших глаз, вцепившейся в поручень слабой руки, которая все равно не удерживает тело, и оно болтается рывками вперед и назад, они ведь тоже будут стареть. Молодым неприятен вид старости и даже в каком-то смысле непонятно, каким образом здесь оказались эти старухи: сидят дома целый день, а как час пик, выползают и стоят перед глазами. А что им делать, которые стоят? Не на пол же им садиться...

...Шаг, свободный, легкий, летящий? Где он? Нет его. Это вдруг случилось — мелкий, частый осторожный ход, когда хочешь ступать твердо, а на самом деле будто чуть касаешься земли, и земля кажется ненадежной. В движении участвует все тело, подавшееся вперед, и глаза-помощники вглядываются в дорогу, чтобы не пропустить ямки, кочки, кожуру банана, чтобы не поскользнуться, а руки сами собой, без команд и сигналов цепляются за поручни и перила. Как, когда творческие трудовые будни превратились в добывание продуктов, приготовление пищи, еду, отдых, сон? Все время что-то болит, и прежде всего по боли узнаешь, что ты еще жив, и первое желание — преодолеть боль. Но тогда почему с таким упорством, с таким отчаянным азартом мы держимся за это существование? Что в нем? Встать, выпрямиться, подойти к окну. Здравствуй, мир! Книжка была такая детская «Здравствуй, мир!». Конечно, времени свободного много, и вот так, уютно и спокойно угревшись, можно размышлять, сравнить прошлое с настоящим, делать выбор. Ну не смешно ли? О каком выборе можно говорить? А между тем можно. Если одним словом определить, старость — это Свобода. Все мелкое, суетное, тревожное, исчезло, как не было, и, оглядываясь назад, с трудом различаешь очертания тех желаний, тревог, надежд, что заполняли жизнь, да собственно ее и составляли. Это было жизнью и ушло вместе с нею. На самом донышке остался крепкий, горьковатый настой. В нем никаких примесей. Все ушло, вымылось, состоялось или потеряло смысл. Осталась жизнь, ее воздух, ветер, смена времен года, день, ночь. И те, кто давно умерли, сейчас гораздо ближе, чем живые. Вернее, мы гораздо ближе к ним, чем к живым с их шумной, деятельной, устремленной жизнью.

Цветаева писала:

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов и зорких птиц,
Заговорщиков час — и юношей,
Час любовников и убийц.

Эти строчки вспомнились, как подсказка. Наш час от одиннадцати до двух дня. Это время принадлежит старухам. Сначала кажется, что все на одно лицо, но когда становишься одной из них, видишь, что все разные. И получается наоборот: теперь молодые на одно лицо — два-три варианта туалетной воды, длинноногие, промытые, с крашеными светлыми волосами, развевающимися на ветру, с крепко прижатыми, словно вживленными в ухо маленькими телефонами. Дорогая, мягкая даже на вид обувь, модная, свежая, изящная одежда, в руке тоненькая сигаретка. И по этой сигаретке, по запаху, по тонкости каблука можно угадать ступеньку той лестницы, по которой они карабкаются. Сначала они называются «референт», «помощник», «секретарь проекта». Новый мир построим, в нем будем жить. Это кажется им таким заманчивым, привлекательным, небывалым. Вот другая ступенька, повыше. Тут встают рано, быстро душ, фен, два-три разговора по мобильному, пока подкрашиваются ресницы, телевизор — пощелкать пультом, что там в мире слышно, кофе (растворимый), чай в пакетиках с рекомендованным гастрономическим продуктом. Куснула, жует, зоркий взгляд на бумаги, чуть нахмурилась, но нет, лицо разгладилось, все в порядке, портфель защелкнут. На секунду губа прижалась к губе с бесцветной помадой, никакого макияжа. Как будто всё. Бутерброд недоеден, кофе недопит — тоже знаки новой, напряженной и немножко шикарной жизни. Да-да, об этом не говорится, но это так. Взяла бы эту недоеденную нарезку, вынесла во двор — там найдется, кому съесть, не говоря уж о кошках и собаках. Но ведь там, во дворе, никого нет! Как — нет? Ну, конечно, нет. Разве? Нет, моя собака дома, только что пришла с гулянья, как раз сейчас лапы ей моет домработница. Машина моя у подъезда, верный конь вороной. Конечно, метро быстрее. Эти пробки немыслимые совершенно расшатали нервы. Но что же делать? Ехать же как-то надо. Нельзя же приехать на работу на метро. Рассмеялась, почти уткнувшись в зад «жигуленка».

С одиннадцати до четырнадцати — время старух. Ах, как много можно рассказать об этом. Как им хочется разговаривать, как они боятся что-то забыть, недослышать, не понять. Как иные благодарны за малую услугу, а другим мерещится, что они еще опираются на широкие ручки своего начальничьего кресла. А их уж вытряхнули давно, и кресла того нет, а им все кажется, что они в нем, и все требуют, все командуют. Ах, какая нас прорва... Утром — к рынку, в другое утро — к сберкассе. В третье — поликлиника, если врач с утра, а если с трех, то днем. Вечера — по-разному. Большинство дома (если осень холодная или зима или ранняя весна). Ждут звонка от детей, от внуков. Часто напрасно ждут, но терпеливо, и это уже как дело. Телевизор готов к услугам. Особых забот с ним нету, плохо ли видно, слышно, не так уж и важно. У некоторых собаки. Эти счастливы. Их старость спокойна и надежна. Нет, от одиночества они не страдают. Помощь иногда нужна — прибить что-то, донести. Но одиночества нет. Вот оно, дышит, дремлет, слышит стук твоего сердца. У старух, как правило, старые собаки. Не то что как правило, а закон. «Нам вместе сто пятьдесят лет», — смеется хозяйка из второго подъезда. Иногда зайдут в магазин: «Что бы нам такого купить?» «Вот, возьмите йогурт новый». — «Сладкий?» — «Нет, не сладкий, как раз для вашей собачки». — «Тогда дайте две штуки». Идут домой, помахивая пакетом. Собака рада, поужинаем. И хозяйка рада, что собака рада. Так и живут. Эти цепи не разорвать, нет такой силы. Только смерть. И хозяйка останавливается, чтобы унять сердцебиение. Нет, нет, еще не сейчас. Будем ужинать, читать, подруга позвонит, фильм посмотрим. А потом спать. Поздно, и собака сердится, смотрит с притворным удивлением: «Долго еще?» И прямо голову роняет на пол от усталости. Хитрости твои давно известны, родная моя, сейчас иду. Вот и ночь.

24
k/c

ИСКУССТВО
КИНО

НАСТОЯЩЕЕ КИНО

Дорогие друзья!

Никогда не поздно подписаться на единственный в России ежемесячный журнал по искусству. Нас знают потому, что «Искусство кино» — это профессия и досуг, это новости кино и телевидения, статьи о новинках репертуара и интервью с мастерами современной культуры, увлекательные мемуары и сценарии, новейшая отечественная и зарубежная проза.

НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 70402

Электронная версия журнала в Internet по адресу www.kinoart.ru

Тел. (495) 151-6751. Факс (495) 151-0272. E-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru 125319, Москва, ул. Усиевича, дом 9

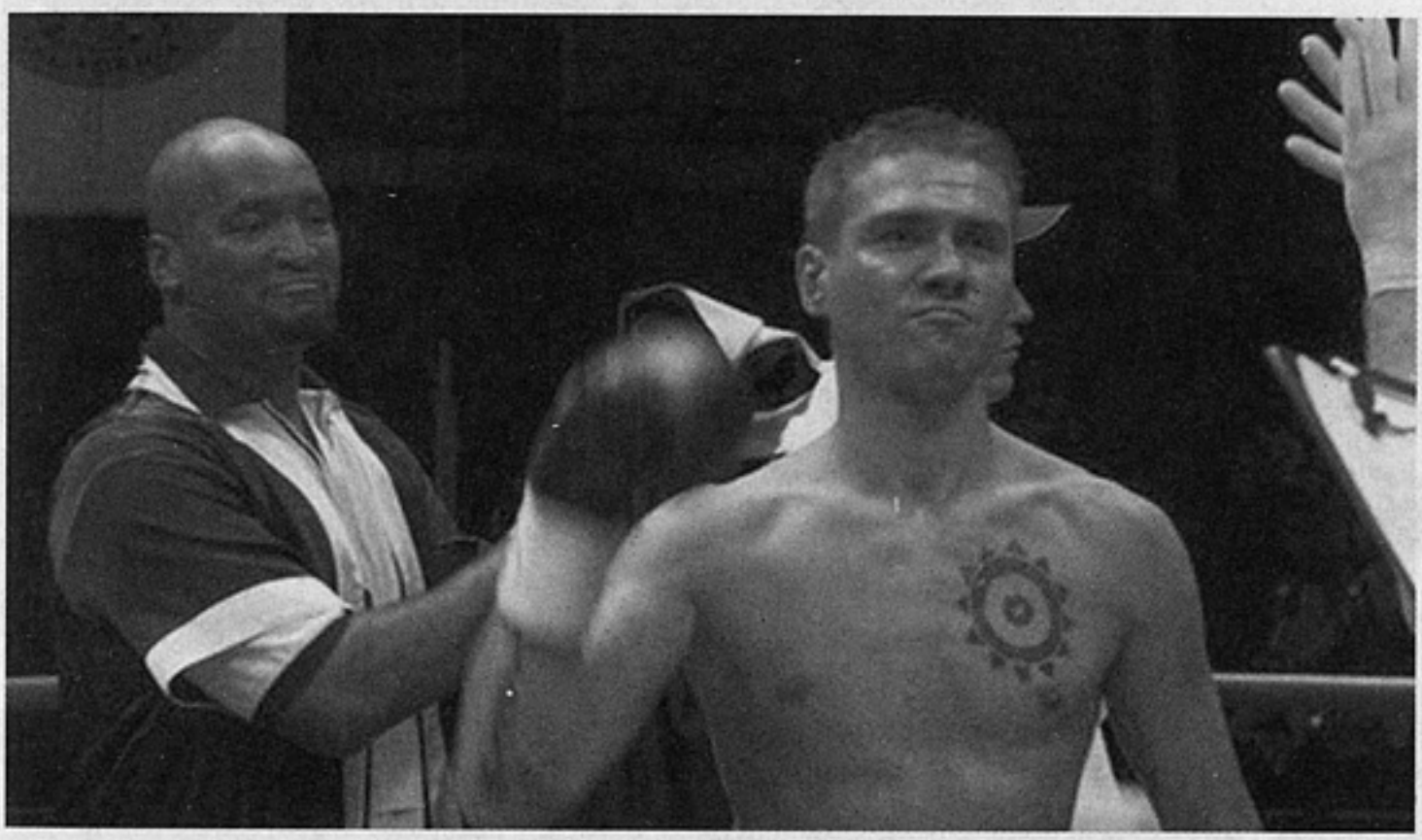
РОССИЙСКИЕ ФИЛЬМЫ — ЛИДЕРЫ ПРОКАТА

«Волкодав из рода Серых Псов», режиссер Николай Лебедев

«Любовь-морковь», режиссер Александр Стриженов

«Жара», режиссер Резо Гигинейшвили

«1612. Хроники смутного времени», режиссер Владимир Хотиненко



«Бой с тенью—2. Реванш», режиссер Антон Мегердичев

«Код Апокалипсиса», режиссер Вадим Шмелев

Ч Т Е Н И Е

«Шарманка». Автор сценария Владимир Зуев. Режиссер Кира Муратова

ВЛАДИМИР ЗУЕВ

Шарманка

Переполненная электричка. Никита, мальчик лет шести, спит, уткнувшись в колени сестры. Алене одиннадцать лет, она героически борется с дремотой. Время от времени она сует руку за пазуху, где в специально пришитом кармане хранится тяжелая круглая коробка.

За мгновенье, когда она проваливается в сон, ей успевает присниться, что жестяная коробка выпадает из кармана и разнообразная мелочь, звеня и подпрыгивая, оседает в электричке. Пассажиры начинают собирать деньги, шаря под сиденьями и в проходах.

Девочка просыпается, сует руку за пазуху, облегченно вздыхает: коробка на месте. Эта коробка от леденцов хранит все их сбережения — все, что брату и сестре удалось собрать на свой побег.

Она озирается. Разглядывая попутчиков, пытается угадать, есть ли среди них такие же безбилетные зайцы, как они с братом. Никита безмятежно спит, уткнув нос в воротник теплого зимнего пальто. Пальто сшила мама. А ей сшить не успела. Алена — в неказистом пальтишке из секонд-хэнда. Она прячет ноги под скамью, откуда идет тепло. Город уже близко. Но тревога не оставляет девочку, она оглядывается на каждое громыхание раздвижных дверей: в любую минуту могут войти контролеры. Алену бьет противная дрожь, в которой соединяются озноб, страх и дорожная тряска.

По усталым озабоченным лицам пассажиров никак не скажешь, что сегодня рождественский сочельник. К морозному окну прислонена маленькая крепкая сосенка, связанная бечевкой. Смолистые ее ветви сильно притянуты к стволу, чувствуется, как ей хочется освободиться.

Девушка в больших наушниках и с пирсингом дергается в такт музыке. Мужчина и женщина в тягостном молчании сидят, отстранившись друг от друга, очевидно, после тяжелой ссоры.

Беззаботным кажется только пассажир пенсионного возраста с множеством сумок и чемоданом, перевязанным ремнем. Он рассказывает своему соседу:

— ...потому что люди разучились ценить вещи... моя дочь все это обозвала «допотопной рухлядью». Приехала за мной на машине... называется «Ситроен»... говорит: «Этот хлам провоняет мне машину, я куплю тебе все новое». Я тоже, говорю, старый хлам... Так и поссорились...

Электричка приближается к тоннелю. Алена смотрит на брата.

— ...зачем выбрасывать, если он отлично работает...

В доказательство старик включает допотопный приемник, стучит по нему, и внезапно тьму тоннеля наполняет тенор. Это Лемешев поет «Колыбельную».

Спи, мой сыночек, мой птенчик пригожий,
Баюшки-баю-баю,
Пусть никакая печаль не тревожит
Детскую душу твою.
Ты не узнаешь ни горя, ни муки,
Доли не встретишь лихой.
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной...

Поезд выходит из тоннеля, приемник падает и хрипит, нарушив безмятежный сон Никиты, свет зимнего неба заливает вагон, и кажется, что эта песня приснилась мальчику.

В вагон вторгаются торговцы. Сменяя друг друга, без паузы, они произносят свои заезженные слоганы и речевки, пытаясь втюхать товар.

На следующей остановке в вагон вместе с морозным воздухом врывается рождественская ватага колядников. Один несет восьмиконечную Вифлеемскую звезду на длинной палке, украшенную лентами, другой держит в руках чучело козы с металлическими пуговицами в пустых глазницах. За ними следуют музыканты — скрипка и бубен. Играют они азартно, внося в собрание случайных попутчиков дух деревенского праздника. Даже сосенка, у которой в этот момент перетерлась бечевка, с шумом распрямляется, заставив отпрянуть ближайших соседей. Праздничная процессия уже навеселе. Они поют одну из колядок.

Добрий вечір тобі, пане Господарю:
Радуйся!
Ой, радуйся, земле,
Син Божий народився.
Застеляйте столи, та все килимами:
Радуйся,
Ой, радуйся, земле,
Син Божий народився.
Та кладіть калачі з ярої пшениці:
Радуйся!
Ой, радуйся, земле,
Син Божий народився.
Бо прийдуть до тебе три празники
В гості: радуйся!
Ой, радуйся, земле,
Син Божий народився.
Ой перший же празник — то Різдво
Христове: радуйся!
Ой, радуйся, земле,
Син Божий народився...

В хвост этой процессии пристроился продавец, с ловкостью демонстрирующий монтаж и разборку искусственной елки. Время от времени он опрыскивает воздух из баллончика, распыляя запах хвои.

— ...предлагается искусственная елка итальянского производства из высококачественного полихлорвинилового сырья, которую можно собрать за несколько минут. Ветви легко вставляются в дюралевый ствол, облегчая сборку в домашних условиях. В качестве бонуса прилагается — бесплатно! — баллончик с запахом хвои... Отпраздновал — сложил в чехольчик — и жди следующего торжества... Кто не успел поздравить с Рождеством, имеются открытки трех видов: Святое семейство, волхвы и пастухи, бегство в Египет: Дева Мария с младенцем на осле, святой Иосиф и ангел впереди, избиение младенцев воинами царя Ирода, а также расписание электричек на новый год. Прямо за мною — контролеры.

Последнее сообщение вызывает оживление у значительной части пассажиров. Алена принимается тормошить засыпающего брата. Несколько пассажиров — кто со смущением, кто невозмутимо — нехотя стали пробираться к дальнему тамбуру. Никита на вялых ногах сонно плетется за сестрой, ворча: «Опять эти контролеры, поспать не дают». По вагону проходит ропот.

— Хоть в праздник оставили б в покое!

— Какая муха их укусила?

— Мухи и комары кусают до поры, а для лыхої людины нема ні поры ні години.

Из соседнего вагона накатывает волна беглецов. Среди них даже Дед Мороз со Снегурочкой. Теперь нужно отступать к хвосту поезда, и есть надежда, что на следующей остановке все успеют перебежать в вагон, где уже закончилась проверка. До города осталось несколько остановок. Однако те, кто ринулся в хвост, возвращаются в тамбур — с той стороны движется другая проверка.

— Свирепствуют, ироды! — сообщает тетка с узлами на коляске.

Худая старушка умильно рассматривает Снегурочку и, поймав ее взгляд, заискивающе спрашивает:

— Вы тоже зайчик?

В этот момент, словно очнувшись, радиоточка издала несколько хрипов и оглушила вагон вступлением к известной песне группы «Запрещенные барабанщики»:

Человек идет под зонтом,
Воротник подняв у плаща,
Ноги он волочит с трудом,
Не уйти ему от дождя.
Но не о том грустит человек,
О другом тоскует душа.
Думает он, как бы взять где
Миллион долларов США.
Миллион, миллион
Долларов США
Миллион, миллион,
И жизнь будет хороша.
Человеку нужен свой дом,
И чтоб возле дома рос сад,
И в том саду чтоб бегал сын,
И у сына чтобы был брат,
Чтоб жена не дура была,
И чтоб лицом была хороша,
А еще — чтоб в банке лежал
Миллион долларов США.
Миллион, миллион
Долларов США
Миллион, миллион,
И жизнь будет хороша.

Алена поднимает с пола рождественскую открытку, потерянную продавцом, оттирает грязь с ее глянцевой поверхности. Воины Ирода на репродукции картины Брейгеля пронзают тельца вифлеемских младенцев.

Алена и Никита идут по рельсам, приближаясь к городу. По рельсам идти удобней — здесь меньше снега. Внизу, под насыпью, уже лежит пороша. Ветер выдувает тепло из легкого пальто Алены. Зато Никите тепло в его зимнем пальто, повязанном красным шарфом.

— Надо было сразу купить билеты, не пришлось бы тащиться...

— Ну не ворчи, пожалуйста.

— Ой!

— Ну что еще?

— Живот опять схватило...

— Не надо было пить воду из крана.

— Кажется, прошло.

К полосе отчуждения подступают пригородные строения — ржавые гаражи, сараи, ограды, опорные стены. Все плоскости покрыты вездесущими граффити и исписаны текстами, образующими культурный слой последнего десятилетия: смесь политических лозунгов, философских сентенций, эротических призывов.

К мусорным бакам, где неторопливо и уверенно хозяйничают вороны, прислонена елка, очевидно, недавно выброшенная, еще не запорошенная снегом,

высокая и стройная. Ветер раздувает на ней серебристые нити «дождика», а внутри что-то тихонько звенит. Никита останавливается, завороженно смотрит на елку и не может с ней расстаться. Мальчик подходит к елке, гладит колючие ветки. Вдруг в них что-то блеснуло. Он достает хрупкую игрушку.

Дети идут мимо груды покореженного металла. На запасных путях стоят изношенные вагоны. Никита остановился: увидел что-то впереди. Сестра тоже посмотрела вперед и взяла его за руку.

— Не бойся. Они ничего не сделают, если ты не будешь бояться.

— Кажется, я боюсь.

— Они безобидные. Попробуй не бояться, и они не тронут.

— Не получается.

— А ты подумай: они бездомные. Когда жалко, то не страшно. Ну как, уже не боишься?

— Ну... еще немножко страшно.

Эти опасения относились к большой стае одичавших собак, которые бежали им навстречу. Изредка собаки останавливались у помоек, мусорных куч, перелаивались и озабоченно трусили дальше. В основном это были дворняжки разных мастей и степеней изможденности, но среди них — один породистый пес, который явно не был вожаком. Они пробежали рядом с детьми, не обратив на брата с сестрой никакого внимания. Позади обреченно ковыляла дворняга с перебитой лапой.

— Теперь и мне их жалко — сказал Никита. — Давай немножко пробежим, а то у меня нога замерзла.

Только теперь Алена заметила, что брат вместо теплых зимних ботинок надел поношенные осенние.

— В каких ты башмаках?! И без носков?

— Мы же уходили в темноте, я не нашел.

— Я с вечера тебе положила в зимние ботинки.

— Но было очень темно. Разве мы не можем купить теплые носки?

— Нет, деньги пока что можем тратить только на хлеб. Вон, видишь, башня с часами? Там уже привокзальная площадь. Ну, побежали.

Они побежали, чтобы согреться. Вдруг девочка резко остановилась. Она увидела что-то впереди и поежилась.

— Давай свернем в сторону, спрячемся. Только не смотри туда, сделай вид, что нам просто в другую сторону.

— А что там?

— Не смотри и не оглядывайся.

Дети прячутся за штабелями шпал.

— Не высовывайся.

Но любопытство мальчика побеждает страх, и он на миг выглядывает, успевая увидеть стаю беспризорных мальчишек, пересекающую железнодорожные пути. Они тащат какой-то ящик, оглядываются, равно готовые броситься наутек или наброситься на кого-нибудь. Проходящий товарный состав скрывает их.

— Фу, кажется, пронесло. Эти пострашнее бродячих собак.

Однако радоваться было рано: сверху, со шпал, спрыгнули два незаметно подкравшихся мальчика. Им было лет по тринадцать. А с другой стороны появился мальчик лет семи.

— Ну-ка, выворачивай карманы, мы спешим, — деловито обратился самый старший к Алене.

— У нас поезд отходит на Багамские острова! — сказал второй.

— У нас ничего нет, мальчики.

И она даже вывернула карманы, где не было ничего, кроме носового платка, которым она вытирала нос Никите.

— Сейчас проверим.

Маленький подошел к Никите и приложил рукав своей ободранной куртки к рукаву Никитиного пальто, примеряя размер.

Один из взрослых мальчишек сказал:

— Ну-ка, вытряхивайся из чужого пальта!

— Мальчики, — взмолилась Алена, — ну, пожалуйста, не надо, он простужен.

— Нам ничего чужого не надо, кроме своего, — сказал один.

— ...на ком бы ни было... — добавил другой.

Они засмеялись. Алена схватила брата в охапку, мешая стащить пальто. Один из старших стал размыкать это объятие, больно отдирая ее пальцы.

— Пожалуйста, не надо, — жалобно взмолился Никита, — это мама сшила.

— Ну, пожалуйста, оставьте ему пальто, возьмите лучше мое, — изо всех сил сопротивлялась девочка.

— Твое вышло из моды, — с таким же усилием выдавил юный грабитель, красуясь перед товарищами своей наглостью, и вдруг обнаружил что-то твердое за пазухой у девочки. — Э, да у нее тут камень.

Алена вырвалась и отбежала. Но Никита, уже раздетый, оставался в их власти, и ей пришлось остановиться. Он стоял, дрожа от растерянности и стужи.

Борьба за жестяную коробку из-под монпансье была отчаянной, но короткой. Теперь они пытались ее открыть, вырывая друг у друга.

Самый маленький разбойник деловито перекладывал содержимое карманов своей рваной куртки в карманы штанов, потом бросил куртку в снег.

— И тебе, малыш, не стыдно? — сделала последнюю попытку Алена. — Мой брат простужен, и мы целый день ничего не ели.

Малыш, видимо, еще способен был испытывать стыд, но старший уже втискивал его в чужое пальто, хотя оно и было тесновато. Юные мародеры отошли на несколько шагов и снова попытались открыть коробку, оглядываясь в сторону удалявшейся банды.

— Вы негодяи, — крикнула Алена.

Она перестала бояться мальчишек, потому что пальто и деньги были то единственное, что она хотела уберечь.

— А что там, в том ящике, как ты думаешь?

— Жратва, наверно.

Никита не решался надеть чужую грязную куртку и стоял растерянно, держа в руке шарф, свисающий до заснеженной земли. Потом вдруг, что-то вспомнив, выпустил куртку, подбежал к мальчику и остановился.

— Там в кармане фотография.

Он влез по-хозяйски в карман своего пальто, достал старое фото и стеклянную елочную игрушку, которую нашел в брошенной елке.

— Это мой отец, — сказал Никита, показывая фотографию. — Он музыкант.

Он повернулся, чтобы уйти, но неожиданно для себя снял красный шарф и протянул мальчику:

— Возьми. Пусть это будет подарок к Рождеству!

Малыш растерялся, посмотрел вслед Никите и, кажется, готов был расплакаться. Потом попятился и собрался бежать, но Алена бросилась за ним, успела наступить ногой на волочащийся шарф и отвоевала подарок.

— Нашел кому дарить! Это я его связала.

Никита подошел к Алене. Она обмотала брата шарфом. Они смотрели вслед убегавшим мальчишкам. Не добежав до своих, мальчишки остановились: там, у краденого ящика, появились новые действующие лица — трое взрослых отбивали ящик у маленьких воров.

Заглянув в ящик, взрослые экспроприаторы тоже ушли, стукнув в досаде по ящику, из которого вывалились летние разноцветные зонтики. Они лежали на снегу. Два из них вдруг сами раскрылись, как цветы-недотроги. Один взорвался красным цветом, другой — зеленым.

Алена стала напяливать жуткую куртку на Никиту и обняла его в утешение. Вдруг они услышали тихий слаженный шелест и подняли головы вверх. Они стояли у опор огромного рекламного щита, который должен был хорошо смотреться из окон проезжающих поездов. На щите были пальмы, морской берег, синее море и надпись: «Лучший подарок — встреча Рождества на Багамских островах».

Вокзал был уже рядом. Здесь надо было идти осторожно: пространство вокруг было изрыто канавами вечно незаконченных ремонтных работ. Ограбленные дети тоскливо брели в унылом пейзаже.

Холодный ветер заставлял Никиту вжиматься в грязную рваную куртку. Он испытывал к ней такое отвращение, словно его насильно втискивали в чужую судьбу. Сердце его еще трепыхалось от совершенной беззащитности, а к горлу подступала обида на весь мир.

Алена чувствовала себя виноватой и вдвойне несчастной.

На какой-то миг отвращение пересилило холод, и Никита начал снимать куртку.

— Ты замерзнешь совсем.

— Ну и пусть.

Он растравлял в себе обиду отчасти потому, что рядом был благодарный зритель его страданий — Алена.

— Мы купим тебе новое пальто, тогда ты можешь ее сжечь или разорвать в пыль.

— А мне не нужно другое. И кто это, интересно, мне купит? Ты, что ли?

— Нет, отец, Богданов. Думаешь, мне нравится мое пальто? Меня в школе дразнили, знаешь как?

— Знаю. Мисс Помойка.

— Потому что у мамы на меня не хватало времени, и меня одевали из секонд-хэнда, а тебя мама всегда обшивала...

— Вот и радуйся, я теперь тоже Мисс Помойка.

— Надо потерпеть, — наставительно сказала Алена.

— Ты привыкла носить что попало, а я не могу терпеть это уродство.

— Разве я виновата, что нас ограбили?

— Надо было купить билеты, мы не тащились бы пешком... и нас бы никто не ограбил. А ты все экономишь... просто из жадности.

— Какой ты злой.

— А ты жадина.

— Ты неблагодарный.

— А ты, оказывается, мне завидовала. Вот и радуйся теперь, Мисс Помойка.

— Иногда ты бываешь таким гадким, что хочется куда-нибудь уйти, чтобы тебя не видеть.

— Ну и иди... Я сам уйду.

Никита не хотел ссориться, но язык сам говорил обидные слова, и он чувствовал себя еще несчастней; ему захотелось стать самым несчастным на свете. Он повернулся и пошел куда глаза глядят, вернее, побрел, не разбирая дороги, и, не заметив ограждения, свалился в яму. И тогда ему стало себя совсем жалко.

— Ну, и что дальше? — сказала Алена сверху, изо всех сил стараясь не сочувствовать упрямцу.

— А то, что ты жадина. Ты всегда экономишь на всем.

— Вот и сиди здесь, злюка!

Она хотела сделать вид, что уходит, но вдруг увидела кровь у него на щеке, расцарапанной во время падения.

— Ты что, поранился?!

Алена протянула ему руку, и он воспользовался ее помощью, чтобы дать ей пощечину свободной рукой. Инстинктивно она отпустила руку, он снова свалился вниз и наконец заплакал.

Тогда Алена дала волю своей жалости. Она спрыгнула в яму и обняла брата.

Потом они шли по тоннелю, ведущему к платформам. Увидев издали человека в железнодорожной форме, Алена бросилась к нему с вопросом, где найти Богданова Алексея. Так звали отца Алены, в последней своей весточке — поздравительной открытке — написавшего, что он работает на вокзале и скоро их навестит. Железнодорожник не знал, где найти. Он вообще его не знал.

По красивой лестнице дети поднялись на платформу. Шла посадка на поезд. Дикторша уже советовала провожающим выйти на платформу. Алена повторила свой вопрос проводнику, но он ответил:

— У нас мукачевская бригада. Спроси у носильщиков.

Носильщик вез тележку. Алена пошла рядом, держа Никиту за руку.

— Вокзал большой. Одних носильщиков семьдесят человек. Никто никого не знает. Иди в справочное, вон там, в зале.

— А у нас все друг друга знают, — поучительно заметила Алена.

Они прошли по длинной людной галерее и спустились на эскалаторе в вестибюль. У справочных окошек было две очереди: коротенькая — там, где было написано, что справки платные, и длинная, где не надо было платить. Зато ответы были односложные и очередь двигалась быстро.

— ...одесский опаздывает на семнадцать минут.

— ...московский по расписанию...

— ...следите за табло.

— ...будет объявлено.

Когда дошла их очередь, Алена спросила:

— Скажите, пожалуйста, как найти Богданова Алексея, он тут на вокзале работает. Бог-да-нов.

— Мы даем справки только о движении поездов: отправление-прибытие, цена билетов, скидки-льготы-пересадки, — послышался ответ из репродуктора.

— А вы можете объявить, чтобы пришел Богданов, а мы будем его ждать.

— Частные объявления — окно номер шестнадцать.

В шестнадцатом окне висело объявление: «Технический перерыв 40 минут»

Почти все места в зале ожидания были заняты. Некоторые пассажиры спали на сиденьях. Другие поставили туда свои вещи. Но когда дети проходили мимо, никто не пошевелился и не выразил желания потесниться. Только пьяная тетка пригласила их сесть рядом. Она так раскачивалась, что, казалось, вот-вот свалится на пол. Алена разулась, сняла носки, положила рядом, надела свои старые, но теплые сапожки и, стащив легкие ботинки с ног брата, стала растирать две ледышки. Никита с тревогой наблюдал за пьяной соседкой.

— Я сразу поняла, ты нарочно забыл свои зимние ботинки: ты считаешь, что они некрасивые.

Ему было больно, но он старался терпеть.

— Они мне давили.

— Да они были на два номера больше!

— Они были тяжелые, как кирпичи.

Потом она надела ему свои носки и нетуго зашнуровала ботинки.

— Зато они были прочные и теплые...

— ...и пришлось бы еще сто лет носить. Ненавижу вещи на вырост — сначала в них болтаешься, а когда дорастешь, их пора выбрасывать.

— Ты ворчун. Как твой папа Сережа.

— А ты очень экономная. Если это от твоего папы Богданова, то он нам не обрадуется: мы и голодные, и пальто придется покупать, и жить нам негде.

— Богданов как раз очень щедрый. Он нам очень обрадуется, схватит нас в охапку и воскликнет: «Ну, вы молодчины, вот так молодчины!» Он всегда так радуется.

— Почему ты называешь отца «Богданов»?

— Мама так называла, когда он ее восхищал какой-нибудь выходкой.

— Нет, сначала пусть Богданов нас накормит, а потом уж хватает в охапку.

В зале началось оживление. Некоторые люди опасливо пересаживались, другие издали делали жесты, чтобы их оставили в покое: в сторону буфета двигались цыганки, среди них одна — совсем маленькая. Она издали заметила Алену. Подошла и сказала:

— Я тебе погадаю.

— У меня нет денег.

Маленькая цыганка взяла руку Алены.

— Будут, богатая будешь. Но сначала потеряешь самое дорогое.

— Уже потеряла, — сказала Алена.

— Только надо характер поменять.

Никита тоже протянул свою ладонь.

— А тебе гадать не буду, — сказала цыганочка, накрывая его ладонь своей и протягивая другую ладонь...

Она открыла свою ладонь, под ней оказалась палочка бенгальского огня, а под ладонью Никиты — бумажная пачка спичек с одной спичкой. Никита взял бенгальский огонь, цыганочка чиркнула спичкой, огонь загорелся, разбрасывая искры. Девочка отдала огонь Алене и стала играть с Никитой в ладошки, приговаривая:

— Чай пили, чашки били, по-турецки говорили: «Чаби-челяби-челяби-чаби-чаби...»

Одна из цыганок достигла буфета и окликнула маленькую, назвав ее каким-то птичьим именем Чирикли. Старая цыганка подошла к Алене.

— Она еще маленькая. Гадать не умеет. — Потом взяла ее руку. — Богатая будешь, — сказала она. — Только сначала потеряешь самое дорогое.

— Уже потеряла, — повторила Алена.

— А характер надо поменять. — И, взглянув на Никиту, цыганка добавила: — А тебе гадать не буду.

И направилась к сородичам, расположившимся у столика.

Вокзальные воробьи отважно склевывали крошки с высоких столиков, взлетали под своды зала, усаживались на рамах морских пейзажей, развешенных на стенах.

Маленькая цыганка быстро поедала банан.

Объявление о прибытии поезда, следующего в Одессу, прервало их ужин. Они бегом бросились на перрон. Никита увидел, что на столе остался хлеб, почти целый батон. Но он не успел даже обрадоваться: маленькая цыганка, опомнившись, вернулась, с трудом дотянувшись, схватила батон и бросилась догонять табор. Никита почувствовал в животе пугающую пустоту. Он подошел ближе и увидел банановую кожуру, два кусочка батона, вымазанных горчицей, колбасный хвостик, белок крутого яйца и соленый огурец.

Все это было сложено в одноразовую тарелку. Никита потянулся к ней, но в этот момент раздался дружный смех. Он отпрянул и огляделся. Казалось, никто не обращает на него внимания. Алена тем временем стояла неподалеку в просительной позе над сидящей женщиной. Женщина, видимо, ей отказала. Девочка не смутилась и, выбрав другое лицо, повторила просьбу. Никита вернулся к столу, переставил тарелку на нижнюю столешницу. Смех был еще громче. Он решил уйти, а потом передумал: «Ну и пусть смеются», и рука его потянулась к хлебу. Но в этот раз грянул просто издевательский хохот. Никита вышел из-за колонны и увидел большой телевизор, перед которым сидели пассажиры. На их лицах менялось освещение, и они время от времени, как по команде, хохотали. Детонатором этих взрывов был заранее записанный смех, доносившийся из динамиков. Никита вернулся к столу и увидел, как уборщица уносит объедки в подсобку.

Алена подошла к брату.

— Люди какие-то непредусмотрительные. Ни у кого нет ни иголки с ниткой, ни булавки.

Она осмотрела края разорванной куртки. Да, булавкой здесь не отделаешься.

— Зачем зашивать, если мы ее скоро выбросим?

— А у меня в коробке было все — и нитки, и иголки.

— Алена, посмотри, пожалуйста, вдруг у тебя в кармане дырка — может быть, туда просыпалась мелочь, и мы купим хлеба.

— Сто раз уже смотрела, я не рву карманы, как ты.

— Видишь, как глупо быть аккуратисткой. Если б деньги были в моем кармане, они бы провалились в подкладку.

— Ну и где эта дырка была бы сейчас?! — напомнила девочка.

— А ты находила когда-нибудь деньги?

— Нет.

— А некоторые находят.

Никита стал принюхиваться.

— Идем куда-нибудь.

Они отошли. Но и там Никита уловил тот же запах.

— Фу, гадость какая.

— Это от голода. Обостряется обоняние. В том конце кто-то курицу ест, а оттуда пахнет капустой. Ну потерпи немного. Про нас объявят, он сразу услышит, и мы спасены.

Алена нашла свободное место. Никита сел рядом, положил голову на колени сестры и закрыл глаза. Ее тоже клонило в сон. Их тела приняли ту же позу, в какой они сидели в электричке.

Никита уже засыпал, но на миг проснулся, потрогал, не раскрывая глаз, рвань куртки, принюхался, пробормотал: «Вот что воняет», и глаза его снова стали слипаться. Алена тоже провалилась в сон, потом рука ее потрогала место, где должна была храниться жестяная банка с их сбережениями, резко проснулась, вновь обожглась потерей, но тут же погрузилась в дремоту...

Негромкое утробное урчание разбудило Никиту. То, что он увидел, было захватывающим: его взгляд совершал плавные круги и петли, а голова склонялась то к одному, то к другому плечу. Урчание то приближалось, то отдалялось. Он растормошил Алену.

— Что? Что случилось?

— Посмотри!

Ей пришлось напрячься, чтобы понять: он следит за маленькой красной поломоечной машиной, которая, плавно маневрируя, ездила по залу, вычищая грязь вращающимися щетками. Пассажиры тут же затаптывали пол. Никита от созерцания этих движений получал такое удовольствие, что даже забыл про голод.

— Полезная вещь, — рассудительно заметила Алена.

— Как ты думаешь, сколько стоит на ней покататься?

— Эта тетя, по-моему, катается бесплатно.

И тут прозвучало объявление: «К сведению пассажиров: на нашем вокзале есть все, что сделает ваше пребывание комфортным. К услугам пассажиров уютные центры, залы длительного пребывания с комнатой эмоциональной разгрузки, где вас обслужит приветливый персонал».

Это означало, что окно объявлений уже открыто.

Но Никиту не так-то легко было оторвать от зрелища. Алене пришлось тащить его за руку, а он все время оглядывался на красную машинку.

Воодушевленные надеждой на скорое избавление от печалей, брат с сестрой успели первыми добежать к окошку номер шестнадцать, и за ними сразу выстроилась очередь.

Никита привстал на цыпочки и сказал:

— Тетенька, объявите, пожалуйста, чтоб пришел сюда Богданов Алексей, он тут работает, а мы с Аленой ждем его.

— Какой еще Богданов?

Алена вмешалась:

— Пожалуйста, скажите, что его ждет дочь Алена.

— ...и Никита, — привстав на цыпочки, добавил Никита.

— А кто он такой?

— Он вообще столяр, но он все умеет делать, а когда у нас мебельную фабрику закрыли, сначала работал в депо, а потом сюда приехал и открытку прислал и там написал, что работает на вокзале...

— Ты знаешь такого Богданова? — обратилась дикторша к сменщице, которая в это время переодевалась, чтобы занять место у микрофона.

Та пожала плечами.

— Девочка, ты задерживаешь очередь, — послышалось за спиной.

— У нас очень важное, — объяснил Никита.

— Знаешь, сколько стоит одно слово? — спросила дикторша.

— Это не даром? — удивилась Алена.

— Нет, не даром.

— И надо за каждое слово платить?

— А ты как думала?!

— Он заплатит, когда придет.

— Он очень обрадуется, — добавил Никита.

— А вы скажите кратко: «Богданов, вас ждет ваша дочь Алена».

— ...и Никита, — добавил, привстав на цыпочки, Никита.

— ...Побыстрее, пожалуйста, у меня поезд отходит, — сказала нетерпеливая пассажирка.

— Оплата производится вперед, — заявила дикторша.

— Ну, пожалуйста! — в волнении сказала Алена. — У нас были деньги в коробке, но нас ограбили только что.

— Ну, что вам стоит?! — сказал Никита.

— Девочка, отойди, пожалуйста, — сказала пассажирка, отталкивая Алену.

— Ну, пожалуйста! — в отчаянии вскрикнула Алена.

Их оттеснили от окошка. Очередь уже росла. Никто за них не вступился, не поинтересовался, что происходит.

Алена была сломлена, зато Никита упрямо встал в хвост очереди и объяснил Алене:

— В этой куртке мне хочется что-нибудь украсть или кого-нибудь ограбить.

Как только подошла очередь, Никита крепко схватился за выступ стены на случай, если его будут оттаскивать, и сказал:

— Тетенька, видно, вы никогда не были ребенком, и если вы не хотите объявить без денег, то пусть вон та тетя скажет, у нее лицо доброе.

Почувствовав, что от малыша так просто не отделаешься, «тетя с добрым лицом» посоветовала своей товарке:

— Лучше объяви, чтоб они отстали.

И действительно, вскоре из репродукторов послышалась фраза, на которую Алена возлагала столько надежд.

— Работник вокзала Богданов Алексей, подойдите к справочному бюро. Вас ожидает ваша дочь Алена.

Никита обиделся, что о нем не было упомянуто, так что никто из огромного числа людей, переполнявших вокзал в этот предпраздничный день, не узнает о его существовании.

— Вас ожидают дочь Алена и Никита. Так надо было сказать.

— Он ведь мой отец, а не твой.

— А кто он мне?

— Тебе никто.

— Как это может быть, если ты мне сестра, а он твой отец?

— Он первый муж нашей мамы, тебя тогда еще не было на свете, а когда ты родился, то он уже мужем не был, понимаешь?

— Значит, это называется как-то по-другому.

— Может быть. Есть такие непонятные названия, вроде «шурин» или «внучатый племянник» или «свояченица». Может, он тебе какой-нибудь внучатый свояченик.

Дети всматривались в лица людей, образующих особую вокзальную толпу. Таксисты зазывали пассажиров.

— Комната поблизости посуточно.

— Квартира в центре с Интернетом...

Особенно настойчивы были подсадчики в такси, получающие проценты за каждого клиента.

— Двухкомнатная рядом с вещевым рынком...

— Уютное гнездышко для двоих рядом с вокзалом.

— Комната... комната. В двух шагах... Посуточно или почасово.

Здесь были накрашенные женщины, виртуозные карманники, торговые агенты, прилипчивые, как репей, мошенники, оперуполномоченные в штатском и просто пассажиры, которые встречали, провожали, уезжали или только что приехали...

Из этой толпы должен был вот-вот явиться тот, кто легко, как рукой, разведет все их беды... Они ждали человека, который радостно просияет, увидев и узнав их. Поэтому они не сразу заметили, как к окошку радиоузла подкатил свою

тележку пожилой усатый бригадир носильщиков — бляха номер тридцать шесть. Он уже некоторое время разговаривал с дикторшей, и они поспешили подойти поближе, чтобы услышать этот разговор.

— ...Уже больше года, как его уволили. Сначала перевели из носильщиков в камеру хранения. Потом он и там что-то натворил.

— Его разыскивает дочь. Да вот она.

Дикторша указала на Алену.

— Спроси в камере хранения дежурного кладовщика — может, он что-нибудь знает о твоем отце, они были приятели.

Камеру хранения ручной клади они отыскали без труда.

— Скажите, тут у вас работал Богданов Алексей?

— Да, было такое. Только «работал» — не то слово. Он тут жил.

— Жил?

— Да. Тут была его берлога.

— А где он сейчас? — спросила она, замирая...

— Он, как все медведи, после зимней спячки выбрался из берлоги за добычей.

— А как нам его найти?

— Идите в самую чащу, как услышите — ветви хрустят или дерево повалилось — это Богданов. Он идет, не разбирая дороги.

— Неправда. Богданов никакой не медведь.

— А ты кто такая?

— Я его дочь.

— Непохоже.

— Почему?

— Ты маленькая и деликатная, он большой и косолапый.

Никита не выдержал:

— Дяденька, скажите правду, где нам искать его. Он не медведь, а человек.

— А человек Богданов тут работал недолго — прошлую зиму. И адреса никому не оставил. Ушел — и всё. Вернее, его ушли.

— А где он раньше жил, по какому адресу?

— Здесь и жил. На стеллажах. Экономил на всем — сам громадный, а ел мало. Работал еще на двух работах: деньги копил на инструменты. Снял какой-то подвал. Ремонт там делал своими руками. Мастерскую хотел открыть, столярную вроде. Он хороший столяр?

— Мастер. Столяр-краснодеревщик. У нас мебельную фабрику закрыли.

— Где это у вас?

— В Коростышеве. Половина жителей — мужчины — потеряли работу. Где ж искать эту мастерскую?

— Вот уж не знаю. Одним Бог дает силу, другим — терпение. Это была работа не для него. Здесь через тридцать дней оставленные вещи распродают по дешевке. Например, этот барабан завтра можете купить за копейки.

— Нам не нужен барабан, — уныло сказала Алена.

— Кто-то, видно, уже отбарабанился в этом городе. Ваш Богданов накупил за гроши целый чемодан книг — всю зиму тут была не камера ручной клади, а публичная библиотека: носильщики, бичи, бомжи — все тут дневали и ночевали. Я предупреждал, что это плохо кончится. «Читатели» его и обокрали. И куда он побрел — никто не знает.

Хранитель клади посмотрел на мальчика, который сел на ступеньку и умудрился вмиг уснуть...

— И такие вот малолетки шныряли тут. Мальчик, тут нельзя спать.

— Он не бомж. Это мой брат, — обиделась за Никиту Алена. — А за что его... уволили?

— По жалобе одного пассажира. Он упросил его взять попугая в клетке, а это строго запрещается. Попугай все время повторял: «Выпустите меня отсюда», через каждые пять минут: «Выпустите меня отсюда» — ну, он и выпустил. Пассажир жалобу написал на Богданова за то, что он попугая выпустил, а уволили Богданова за то, что Богданов попугая взял.

В глубине камеры с жалобным шелестом что-то свалилось со стеллажа и раскатилось по бетонному полу.

— Опять этот мешок с орехами. Как его ни поставь — все равно падает.

Из-под стеллажа выкатилось несколько орехов. Мешок оседал и валился. Девочка стояла в сокрушительной растерянности.

— А у вас есть иголка с ниткой? — пересилив себя, чтоб не заплакать, спросила она.

— Пожалуйста, — сказал кладовщик. — Только, чур, с возвратом.

Прежде всего надо было зашить куртку. Алена собиралась сделать это тут же, в камере хранения, не снимая куртку с Никиты. Здесь, в нижнем этаже вокзала, был сильный сквозняк.

— Стой ровно, — сказала она брату и уже приготовилась сделать первый стежок, но он нетерпеливо заерзал.

— Ой, мне нужно в туалет.

Алена удостоверилась, что в туалете было тепло, и сказала:

— Снимай курточку, там тепло, а я пока хорошенько зашью.

Для теплоты она обвязала Никиту красным шарфом крест-накрест и вокруг пояса, как оловянного солдатика.

— Уже прошло.

— Нет уж, постарайся, в городе все платное.

— Слушаюсь, — сказал Никита и замаршировал в сторону туалета, как солдатик из балета «Щелкунчик».

Пока сестра устраивалась под лестницей напротив входа в туалет, положив курточку на колени, превращение ее брата в оловянного солдатика завершилось. Он не удивился, когда из соседнего зала выехала красная машина. Оловянный солдатик перед самой дверью туалета повернулся кругом и зашагал за поломойкой.

Маневрируя, машина заехала в самый затоптанный угол, где были игральные автоматы и шла игра. У одного из автоматов стоял мужчина с ребенком. Девочка пыталась оттащить отца, повторяя:

— Папочка, ну мы опоздаем, пойдем, прошу тебя, пожалуйста, ну папочка...

— Сейчас-сейчас, — повторял он, как автомат, залезая в карман за новой монеткой.

— А где наш чемодан?

Чемодана не оказалось.

Но в этот момент урчанье другого автомата прервалось звоном высыпавшихся монет, и все свидетели обратили головы в сторону счастливого игрока. А Никита вдруг заметил на полу одну монету, которая катилась в его сторону, и стал думать, можно ли, если он поднимет, считать ее своей находкой. Но пока он думал и решался, чья-то рука подняла монетку и исчезла.

Тут Никите пришло в голову, что, раз такое случается, на полу могут оказаться другие монетки, потерянные кем-то, — ведь людей столько... и многие так рассеянны. Он пошел, глядя внимательно под ноги, а когда поднял взгляд, увидел на стене объявления с фотографиями детей. Одно детское лицо напоминало мальчика, которому досталось его пальто.

За его спиной кто-то вслух читал подписи: «Найти человека... Мальчик семи лет... лицо овальное, волосы прямые, русого цвета... Вышел из музыкальной школы... родинка на левой щеке...»

— У меня тоже родинка на левой щеке. Может, это меня разыскивают?

— Да, я бы сейчас тоже охотно потерялся..

— С твоими долгами не потеряешься... из-под земли достанут.

Голоса были насмешливые и грубые...

Никита опомнился, похолодев от мысли, что не знает, как здесь оказался, и почувствовал, что дрожит от холода и не может сообразить, в какую сторону идти, чтобы найти Алену... Сколько времени он бродил? Он пошел как будто назад, но пришел в совершенно незнакомое место. Кажется, это было в другом крыле. Здесь нет лестницы, а там не было цветка. Вот туалет, но он платный. Его охватил ужас: они потерялись! И тут ему невыносимо захотелось в туалет. Он упросил тетеньку пропустить его.

Сосед по кабинке, человек огромный, если судить по размерам его кожаного пальто, которое он снял и повесил на дверцу, был, очевидно, сильно пьян. Пальто было повешено так, что внутренняя его сторона вторгалась в пространство соседней кабины, которую занимал Никита. Из кармана пальто — прямо перед носом мальчика — торчала толстая пачка денег. Одна бумажка готова была упасть на грязный пол, и Никита потянулся к ней, чтобы засунуть ее поглубже в чужой карман, но бумажка выскользнула и упала к его ногам. Пока он оторопело смотрел на нее, пальто тяжело зашуршало, соседняя дверь хлопнула, но, прежде чем броситься вслед за огромным человеком, надо было заправить рубашку, а тут развязался шарф, и когда Никита выбежал из туалета, мощная фигура в кожаном пальто, мелькнув впереди, слилась с толпой. Он бросился было следом... и тут увидел Алену, которая шла навстречу, прижав его куртку к груди, и, увидев брата, чуть не задохнулась от радости. Потом она заплакала, прижимая к себе Никиту. И только когда Алена стала надевать на него заштопанную курточку, обнаружилась бумажка в его руке, денежная купюра неизвестной валюты...

— Я просто хотел засунуть ее назад в карман, потому что она бы вот-вот выпала. А потом, пока я надевал штаны, понимаешь... он уже исчез. Как ты думаешь, я ее украл или нашел?

— А что тут написано?

— Это по-английски.

— Давай купим что-нибудь поесть. Хлеба и чего-нибудь еще... если это настоящие...

Никита остановился на полуслове, снова обнял сестру и еле сдержался, чтобы не заплакать от радости.

Сначала они долго изучали ценники в ближайшем буфете.

— Лучше винегрет, он самый дешевый.

— Можно просто хлеб.

— Но побольше.

— А вдруг это очень много денег, и она подумает, что мы их украли...

— Если б я хотел украсть, я бы не бежал за ним...

— Тише...

— А если это какие-нибудь неправильные деньги, скажем, что мы нашли.

— Два крутых яйца и половинку батона, — выпалила Алена, храбро протягивая деньги буфетчице.

Продавщица, посмотрев купюру на свет, спросила: «По курсу?» Дети переглянулись и кивнули. Она удалилась внутрь помещения. Ожидание подозрительно затягивалось. В помещение вошел милиционер. Они похолодели от ужаса.

— Убежим?

— Бежим.

Но было поздно. Из подсобки, вытирая усы, вышел милиционер и прошел мимо.

Буфетчица тоже вышла.

— Столько сдачи у нас не нашлось. Я уже сдала кассу. Разменяйте в обменнике.

Ближайший обменный пункт был в кассовом зале. Неподалеку околачивался смуглый человек, наблюдавший за теми, кто приближался к окошку. Кассир, взглянув на Алену и выглядывающего из-за ее плеча мальчика, показал куда-то вверх и добавил:

— Для неграмотных сообщаю: валютные операции с несовершеннолетними запрещены.

— Надо искать взрослого, — сказала Алена

— Только хорошего.

— Если б на лбу было написано, кто хороший, а кто злой.

С надеждой и опаской всматривались они в лица, мелькающие в вокзальной толпе. В том месте, где они остановились, толпа двигалась слишком быстро и целеустремленно — едва успеешь рассмотреть человека, эскалатор уже увозит его вверх. Вдруг их внимание привлек человек, который с рассеянным видом рылся в карманах. Он хмурился, замирал на мгновенье, вспоминая, где мог потерять или куда он переложил какую-то важную вещь. Наконец нашел в глубине кармана

и облегченно вздохнул. Но дети, уже решившиеся было обратиться к нему, передумали.

— Он какой-то слишком хмурый, — сказала Алена.

Зато поблизости обнаружился человек, способный, кажется, улыбаться. В руке его был кейс.

— Пожалуйста, — обратилась к нему Алена, — нам надо разменять деньги, и...

Когда человек услышал слово «деньги», лицо его просияло, он поманил к себе детей, открыл кейс и показал набор ножей.

— Вам очень повезло: это подарок! От фирмы «Домашний очаг». Этот ножичек режет даже проволоку. А это близнецы: один для сыра, другой — тонко режет мягкий хлеб, притом вы платите только за один, остальные фирма дарит.

— А сколько копеек? — поинтересовался Никита.

— Нам пока что нечего резать, — отшила Алена.

Впрочем, продавец не огорчился: он уже заметил за спиной мальчика впечатлительное женское лицо. А Никита в этот момент увидел обезьяну. Она болталась на плече человека, который быстро поднимался по лестнице. В другой руке у него была клетка для хомячка, так что портфель приходилось удерживать под мышкой. И он — в своей добротной одежде — казался тоже добрым. Дети бросились за ним, но не успели: он вошел в роскошный зал ожидания.

— Сюда нельзя, — с приятной улыбкой объяснила милая тетенька. — Это зал повышенной комфортности.

Потом они увидели симпатичного юношу, читающего книгу. Он сидел у окна под листьями большой монстеры. Он был настолько погружен в свой мир, что не услышал их просьбу, хотя сделал усилие, чтобы понять, но... продолжил читать.

В другой части вокзала висело расписание поездов. Люди стояли перед ним, высоко подняв лица, и с того места, где оказались брат и сестра, их позы казались странными. В этой маленькой толпе были и те, кто разговаривал сам с собой: они спорили, умоляли, доказывали, в волнении переходили с места на место, менялись в лице... и прикладывали к уху железные коробочки, а у некоторых из уха торчал какой-то шнурок.

— ...пойми, в моем возрасте менять привычки...

— ...был бы еще нормальный мужик, а то...

— ...никаких опекунских советов...

— ...ему уж сороковник, а он снимается в рекламе порошков...

— ...мать — алкоголичка, ее бойфренд и вовсе не прописан...

— ...он контролирует каждый мой шаг...

— ...конечно, без его денег мне не прожить...

— ...ученые это скрывают...

— ...Киев сгорит, Одесса утонет...

— ...Харьков засыплет песком...

— ...Только не вафельный — бизе или бисквит...

— ...теперь иди в отдел сыров...

— ...шикарно смотрится: все из лозы,

— ...такое полуретро...

— ...тоскую, жду, волнуюсь...

— ...этолог, нет, это не эколог, он изучает вой, лай и скуление псовых европейских пород, да, от слова выть...

— ...даже в спальном районе квартира плюс транспорт...

Детям было ясно, что искать среди этих одержимых существо, способное их услышать, бессмысленно. Как раз в этот момент они стали расступаться перед старой женщиной с узлами через плечо. Она тоже непрерывно говорила, только не в железную коробочку, а всем-всем: «...наш Вифлэем повен убогих, обидраних, босих. Дэ волхвы? Золото понэслы до багатых. Дэ ладан? Пишов на парфумы йихним жинкам. А зирка Божа спала з нэба, палаючы як смолоскип. И вона видимкнула крыныцю безодню — и дым повалыв з бэзодни мов дым з велыкойи печи. Тэпер у нас витер хату мэтэ. Зэмля без господаря — кругла сырота. Господи Всевышний, чи я в тебе нэ лышний? Як пьють, то минають, як бьють, то з мэнэ

почынають. Благаю: добра пани, допоможыть, а вона вид мэнэ бижыть... Навить у вэртэп нэ пускають. Хоть сядь та плач, хоть стоячы крычы. Заплющу очи — мертва зирка. Розплющу очи — чорна билль...»

Старая женщина прошла мимо, а детский взгляд выискал в толпе старика благородной наружности. За спиной у него был большой футляр. Никита бросился к нему.

— Вы музыкант?

— Нет, мальчик, я делаю футляры для струнных инструментов.

— И для скрипок?

— И для виолончелей.

— А вы не знаете такого скрипача Рябинина Сергея?

— Как?

— Сергей Рябинин. Это мой отец.

— Не помню. И я спешу.

Они вышли на улицу. Тут стоял человек в распахнутом пальто. Сторонясь от тележки носильщика, дети почти столкнулись с ним.

Алена успела сказать:

— Пожалуйста, помогите нам разменять...

— Нет, ничего менять не надо, — перебил он. — Это не спасает. Надо измениться самому.

Они посмотрели вверх. Падал снег. Где-то заскулила собака. Дети посмотрели в ту сторону. Собачка пробиралась к стене, где можно было спастись от спешащей толпы. И там, у стены, они заметили этого человека. Он ел гамбургер. Увидев собачку, откусил бутерброд еще раз, а остаток еды бросил обиженной твари. Алена и Никита переглянулись. Этому человеку можно совершенно довериться.

Он охотно согласился помочь, сочувственно морщил лоб, пока девочка излагала просьбу. Осмотрел купюру. Да, это большие деньги. Он не спрашивает, откуда у них такая сумма. Он знает одно место — здесь, неподалеку, где высокий курс этой редкой валюты. Дети послушно следовали за ним и остались ждать на улице, предвкушая, как они купят еду.

— Главное, не набрасываться, — иначе разболится живот.

— Хочется чего-нибудь горячего, борща какого-нибудь.

— А мне хочется блинов, какие мама пекла.

— Да. И тушеную капусту.

— Только не все сразу. Неизвестно, сколько нам еще придется искать своих отцов...

— Моего найти легко: его все музыканты должны знать.

— Старик не знал.

— А он не музыкант.

— Чем это так воняет?

— Из «Макдоналдса».

— Нет, туда не пойдем. А собачке купим сардельку.

— Лучше достанем ей объедков. А то она привыкнет.

— Опять ты со своей экономией.

— Ладно, один раз можно, — сказала Алена, присела на корточки и погладила собачку, которая уже к ним привязалась и тоже строила планы счастливой жизни.

— Бывают все-таки хорошие люди на свете.

— А как нам его отблагодарить?!

— Но почему так долго?

— Наверное, там очередь.

Но их избранник не нуждался в благодарности. В обменнике его не было, след простыл: там был другой выход.

Дети вышли на улицу. Они были ошеломлены, но горечь только начинала разрастаться, когда они услышали из громкоговорителя: «...ожидает Богданов у седьмого вагона на первой платформе».

Забыв обо всем, дети бросились на первую платформу.

На платформе стоял фирменный поезд. У седьмого вагона собралась компания хорошо одетых людей. В центре — молодой человек, он держал в руке транспарант, на котором было написано: «Bogdanoff». Рядом с ним улыбчивая девушка отмечала в блокноте англоязычных коллег. Никакого отношения к Алене или к Никите этот Bogdanoff иметь не мог.

Пока дети приходили в себя от новой напасти, поезд тронулся... Седьмой вагон был ярко освещен. И вдруг Никите так явственно показалось, что в окне этого вагона он видит знакомую фигуру, которую ни с кем не мог бы перепутать... и лицо... мамы... Изморозь на стекле лишала четкости это видение... мальчик шел вровень с вагоном... все быстрей... И вдруг остановился, вспомнив о сестре.

Алена шла навстречу.

Никита и Алена рассматривали фотографию, на которой был изображен папа Никиты — Сергей Рябинин со скрипкой. Он выглядел очень элегантно и был сфотографирован вместе с гитаристом и лысым аккордеонистом на летней площадке ресторана «Эрмитаж». Фотография захватывала и угол дома, так что можно было прочитать адрес: «Десятинный переулок, 7». Но где этот переулок?

Они вышли с вокзала. Не зная, куда идти, доверились течению толпы. Сначала она понесла их в сторону метро, где тусовались крикуны, предлагавшие пополнить счета мобильных телефонов. Вход на станцию метро был закрыт, эскалаторы работали только на выход, и толпа после небольшого замешательства шла на мост над платформами. Гул и топот сливались с шумом колясок, возгласами продавцов шаурмы, чебуреков и тонул в грохоте проносящихся электричек. Даже собака, которая доедала выбитый из чьих-то рук кусок беляша, вызвала зависть у Никиты. Алена крепко держала его за руку. Мост привел к галерее, которая заканчивалась эскалаторами и лестницами, спускающимися к старовокзальной площади, где разворачивались трамваи. В этом тесном проходе шла бойкая торговля. Справа были лавочки, похожие на застекленные шкафчики, с призывами «Все за 45 гривен!» В этих шкафчиках свет горел и днем — толпа заслоняла свет из окон галереи. Окна выходили на замусоренную полоску платформы. Торговцы, которые ютились вдоль этих окон, подвергались бесконечным поборам. Торговали они обувью, одеждой, апельсинами, колбасными палками, бутербродами и даже карасями, этой ночью выловленными в реке Тетерев...

К женщине, торгующей сумками, посудой и карасями, нельзя было подступиться: мешал пьяный бомж, лежавший перед ее товаром. Хозяйке карасей пришлось оттащить его к соседке, толстушке с детским лицом, у которой Никита решился спросить дорогу к Десятинному переулку, но успел только произнести «скажите, пожалуйста...», как тетенька заорала на соседку и отпихнула бомжа. Дети отпрянули в испуге. Бесчувственное тело двигалось в сторону милиционеров, но никто из них и глазом не моргнул, зато все больше народу стало следить за спектаклем. Прохожие останавливались, владельцы лавочек появились в дверях, стихийные торговцы, переругиваясь, приступали к роли поршня, проталкивающего бомжа в сторону эскалаторов. Дети отошли и в оцепенении смотрели, как перетаскивали этого человека — кто со смехом, кто с отвращением. Вдруг какая-то женщина с неожиданной легкостью вышла вперед, ловко схватила бомжа за воротник и, протащив к эскалатору, ведущему вниз, втащила туда, успев быстро взбежать вверх.

На лицах наблюдателей не было ничего, кроме заурядного любопытства. Дети же растерянно смотрели на эту сцену, которая, возможно, только на них произвела впечатление. В их поселке, где все знали друг друга, такого еще не случалось...

Потом они ехали в трамвае с замерзшими стеклами. Чтобы хоть что-нибудь увидеть, надо было дышать на окна и отцарапывать иней пальцами. А потом оказалось, что трамвай идет в депо, и пришлось сойти в совершенно незнакомой местности. Впрочем, все вокруг было им все равно незнакомо.

— Где здесь Десятинный переулок?

Первый прохожий, которого они спросили, пожал плечами.

Супружеская пара прогуливала таксу, одетую в теплую фуфаечку. Они терпеливо останавливались, когда она обнюхивала снег, и ускоряли шаг, когда их любимица устремлялась вперед. При этом они отдавали ей противоположные команды.

— Молодчага, Микки, вперед! — говорил муж.

— Фу, Микки, вернись сейчас же!

— Ему жарко.

— Нет, он мерзнет.

— Вот так же ты кутала и Лордика.

— А ты его закалял до хронического гайморита.

— И кончилось тем, что он ушел от нас к женщине, которая спит зимой с открытым окном.

— Прошу тебя, не заводись! Давай хоть в Рождество не будем ссориться.

— По-твоему, это я начинаю?!

Как только Алена их настигала, чтобы задать вопрос, они вдруг убегали вслед за собачкой, а когда она останавливалась и решала спросить кого-нибудь другого, пара тоже останавливалась: собачка поднимала ножку. Наконец она их догнала. Но тут такса почуяла кошку и помчалась за ней, и все трое бросились следом.

— Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу Десятинную, то есть переулок? — почти прокричала Алена на бегу.

— Прямо, не сворачивая, два квартала, потом налево и упретесь в площадь, — выпалила жена.

— Как раз наоборот, — прокричал на бегу муж. — Сейчас налево, а потом прямо.

Тут они остановились, потому что ссориться на бегу было неудобно.

— Не в площадь, а в сквер, — сказал муж.

— Раньше там была площадь и на ней разворачивались трамваи, — сказала жена.

— Сроду там не было трамваев.

— Зачем ты морочишь человеку голову, ты же, в конце концов, провинциал, а я...

— Не слушайте ее, идите налево.

— Слушайте его, если хотите заблудиться.

Алена растерялась.

— Женщины вообще не ориентируются в пространстве, — призвал Алену в свидетели муж. — Это называется «пространственный кретинизм».

Алена опомнилась. Где Никита? Они бежали слишком быстро. Никита потерялся.

Удаляясь, супружеская пара продолжала ссориться.

— Ты сам кретин, если говоришь о том, чего не знаешь, чтобы произвести впечатление, и на кого?! Какая-то девчонка привязалась, а у тебя уже мозги набекрень.

— Кто кого оскорбляет? Я сказал «пространственный кретинизм», потому что это медицинский термин. Это даже признак женственности.

И тут Алена увидела Никиту совсем близко. Он вышел из-за дерева, стуча башмаками, чтобы согреться. Алена бросилась к нему и крепко обняла.

Следующая попытка найти дорогу закончилась еще обидней.

Проницательный прохожий, издали заметив устремившуюся к нему девочку и плетущегося за ней мальчика в разодранной куртке, стал заранее отмахиваться.

— Вы обратились не по адресу: у меня ничего нет. Сам нуждаюсь.

— Вы ошибаетесь, нам ничего не надо.

— Вот и славно.

— Скажите только...

— Ничего не скажу...

Алене хотелось оправдаться, чтобы человек понял, что они не попрошайки:

— ...где переулок Десятинный?

— Знаю я все эти приколы, сначала переулок, потом переночевать негде, потом ни денег, ни бумаг.

Алена не стала бы продолжать, но ей было обидно до слез.

— Ничего нам от вас не надо, мы просто не знаем города и не у кого спросить.

— Ах, какая жалость, сейчас заплачу. Вон сколько лохов вокруг — им и вешайте лапшу.

Он был явно не беден. Но, может быть, его не так давно облапошили на этой улице? Алене все равно было обидно, и когда другой прохожий, по-своему истолковавший эту сцену, протянул ей монетку со словами: «Больше у меня нет», она отмахнулась, не взяла милостыню и ничего не спросила.

— Прости, пожалуйста, — сказала Алена Никите. — Надо было взять.

— Ничего-ничего. Сейчас мне только холодно, а есть уже перехотелось. А на этих островах, наверное, жарища! — сказал Никита.

Алена даже остановилась от неожиданной мысли.

— Может, надо было все-таки согласиться на интернат? — сказала она неуверенно.

— Если б вместе, я бы согласился. Но ведь нас собирались разлучить. Я смотрел по карте. Эти интернаты так далеко друг от друга, что надо целый день идти пешком. С тех пор как мама умерла, я без тебя не могу.

Алена укрыла его полами своего пальто, и некоторое время они стояли, пока она не увидела машину.

Из открытого окна машины раздавалась негромкая музыка. Алена наклонилась, чтобы спросить, и услышала фразу, сказанную кому-то внутри:

— Хватит об этом, Марк, хватит! В конце концов, это мои деньги!

— Скажите, пожалуйста, как пройти на Десятинный?

Ответа не последовало. Но дверца открылась, показались ноги в теплых сапогах, потом краснолицый увалень вылез из машины, выпрямился, посмотрел в небо, на падающий снег, на башни теплоцентрали, из которых шел густой пар, на кошку, трусливо перебегавшую дорогу, и сказал, обращаясь к Алене:

— Погодка на Рождество что надо! Десятинная! Переулок или улица? Небо и земля.

— Именно переулок.

— Переулка-то как раз никто не знает. Рукой подать, а не найдешь.

Тут он наклонился к машине и сказал кому-то внутри с неожиданной яростью:

— Ну, хватит, Марк, надоело. Если б я не был женат на твоей сестре, я бы просто выбросил тебя из машины! — Значит, так, — продолжил он, разогнувшись и еще более благожелательно обращаясь к девочке. — Ты не найдешь. — Возможно, он боялся, что не удержит себя в руках, оставшись наедине со своим собеседником, и принял решение: — Мне все равно в ту сторону. Влезайте.

Он открыл вторую дверцу и впустил Алену с Никитой в просторный салон, уютный и теплый. Машина мягко тронулась и помчалась по заснеженной улице. Кроме шофера и этого человека, в машине был другой мужчина, к которому, очевидно, относилось имя Марк. У него было бледное холеное лицо, и когда он осмотрел нежданых гостей, Алене стало не по себе.

— Десятинная улица — это княжеские хоромы, а переулок выходит на Гончарку, где всегда селились ремесленники, беднота, вроде нас с Марком, — объяснил он Алене. И в том же тоне продолжил, обращаясь к Марку: — Какие-то жалкие десять тысяч. Радуйся, что я сумел остановиться. В конце концов, нужны хоть какие-то впечатления, иначе можно сдохнуть с тоски.

— Считай, что это ушло на благотворительность. Кстати, я получил письмо с Десятинной. Ты догадываешься, от кого? Храню, как драгоценность. Сколько же у вымогательства оттенков! Сейчас прочитаю. Дай кейс.

— Он у тебя под ногами.

— Да нет его у меня. Там есть роскошное место.

— Петр, у меня его нет.

— Но ты же его взял с подоконника.

— Я пошел сдавать фишки. И встретил вас уже в холле.

— Тогда поздравляю. Ты помнишь, что там внутри?

— Федор, немедленно поворачивай назад, — распорядился Марк.

— Тут нет поворота.

— Сворачивай напропалую: мы оставили кейс в казино!

Машина развернулась и помчалась назад.

— Ты называешь это разгильдяйством. Но когда ты играл, у меня душа ушла в пятки. Меня чуть не вырвало. Я ничего не соображал.

Петр, обернувшись, ткнул пальцем в сторону Алены.

— Вот, благодаря ей я вспомнил. Судьба. Роль случая в истории. Жизнь висит на волоске. Если б она не спросила про Десятинный, я бы не вспомнил про письмо и не спросил бы про кейс... молись, Марк, чтоб его никто не заметил, и тогда ты будешь в вечном долгу у этой девчонки. Как тебя зовут?

— Алена. А брат — Никита.

— Если проскочим, назову яхту «Алена».

К казино подъезжали машины. Швейцар приветливо распахивал дверь перед элегантными гостями. На некоторых из них были маскарадные костюмы. В одной компании мужчина был в домино, а женщина одета нищенкой. Швейцар оторопел, хотел преградить ей дорогу, но все засмеялись. Рождественский вечер начинался удачно. Из машины вышли Марк, Алена с Никитой, уставившиеся на нарядную елку, сверкающую за окном казино, и Петр.

— Пошли-пошли, — ободрил он детей, сунул швейцару деньги и, показав на макушку Алены, сказал:

— Мой ангел-хранитель.

Внутри было тепло, звучала музыка, лампочки на елке зажигались и гасли, с крыши зимнего сада свисали листья тропических растений, пахло экзотическими цветами, хвоей и еще чем-то неузнаваемо вкусным, с огромного экрана доносились шум волн и шорох гальки. Но самое удивительное — посреди зимнего сада был фонтан, в котором плавали настоящие рыбки.

Марк, всех опередивший, возвращался к Петру с кейсом. Петр открыл замок и просиял.

— Жизнь, господа, продолжается.

Из соседнего зала донесся голос крупье: «Делайте свои ставки, господа».

— Вот кто приносит мне удачу, — сказал Петр, показывая на детей.

Марк обнял своего партнера и сделал попытку сдвинуть его к выходу.

— Одна ставка, и мы уезжаем. Никуда их не отпускай. Это мой талисман.

Отдав Марку кейс, он направился в зал, где шла игра в рулетку. Играл он по-крупному.

Новые впечатления повергли Алену с Никитой в состояние эйфории. Марк следил за детьми. Никита смотрел на музыкантов. Они закончили пьесу и совещались, что играть дальше. Никита подошел к скрипачу и что-то спросил. Скрипач покачал головой, и они начали новую пьесу. Никита вернулся к Алене. Служитель казино все чаще поглядывал на них, затем встретился взглядом с Марком. Марк пожал плечами и кивнул. Вежливый служитель подошел к детям и что-то сказал девочке. Алена не поняла и переспросила. Потом взяла брата за руку. Но Никита сопротивлялся. Служитель сказал что-то резкое. Никита посмотрел на него изумленно.

Минуту спустя дети оказались на заснеженном тротуаре, потрясенные еще больше, чем когда попали в зимний сад.

Был поздний вечер. Недавно припаркованные машины утопали в снегу. Из подъехавшей машины вышло семейство: муж, жена и двое детей — сверстники Никиты и Алены. Мальчик был одет, как юный джентльмен, а девочка, как настоящая леди. Они даже были похожи на Никиту и Алену, только ухоженные. Никита и Алена переглянулись. Да, несомненно, это были они. Сходство было полным, абсолютным.

Они так неожиданно были изгнаны из этого рая, что, казалось, души их еще витали там, и они старались заглянуть туда, поеживаясь от холода. Но оказалось, что останавливаться здесь тоже нельзя: грубый голос оборвал их созерцание:

— Нечего здесь торчать, проходите!

Они отошли в сторону и осмотрелись. Теперь им было видно, что перед казино двигались прохожие в одну и другую стороны, а несколько человек пребывали здесь постоянно. Их внимание было сосредоточено на подъезжающих машинах. В какой-то момент они подходили к посетителям казино, тихо что-то произносили, им подавали мелочь или то, что считалось мелочью. Одеты эти люди были сносно, не как обыкновенные побирушки, а держались обходительно. Здесь никто не портил настроение дорогим гостям. Некоторые из этих попрошаек открывали дверцы машин или услужливо закрывали.

Голод снова напал на брата и сестру. Из дверей казино вышли люди. Они смеялись, направляясь к заснеженным машинам. Девочка зажмурилась на миг, решаясь попросить милостыню, и ринулась к одному из мужчин так резко, что тот слегка опешил. Подъехала машина. Рядом с мужчиной уже возник ловкий попрошайка, открыл дверцу и был вознагражден. Алена отпрянула в другую сторону, поскользнулась, чуть не упала, была подхвачена кем-то из гостей и только поблагодарила. Потом сделала еще одну попытку, но спросила так тихо и таким сдавленным голосом, что пришлось ее дважды переспросить. Тут она заплакала и пошла прочь.

— Не получается, — сказала она со слезами.

Не прошло минуты, как рядом возник попрошайка-соперник.

— А вы откуда явились? — возмутился он. — Кто вас поставил? С Дмитрий Иванычем согласовано? — Но, увидев, что они не понимают, о чем он спрашивает, рявкнул: — А ну катись-ка отсюда! Знаешь, сколько тут надо платить за место?!

Надо было куда-то идти, чтоб не замерзнуть. Они брели, заглядывая в освещенные окна. В витрине турагентства вокруг украшенной елки ездил поезд с вагончиками. А рядом все окно занимал аквариум. В нем тоже было уютно.

Интереснее всего было смотреть в окна полуподвалов. С высоты их детского роста видно было больше, чем могли увидеть взрослые.

Вот подоконник, угол стола и веточки елки с лампочками. На подоконнике лимонное дерево, блюдо с холодцом, две бутылки вина и кукла в позе ребенка, которого бросили: тряпичные ножки бессильно свисают, рука запрокинулась за голову, синие глазки обиженно выпучены.

Женские руки расстилают свежую скатерть. Мужчина открывает вино, ставит бокалы, обнимает женщину. Кто-то вошел. Женщина радостно улыбнулась. Мужчина нагнулся и поднял мяч. Ребенок проснулся — можно ли спать в такой праздник!

В другом окне все тоже готовились к застолью. Вот беременная... Как бережно ее усаживают! А вот и долгожданный гость. Тесновато, зато все наконец в сборе. А это — подарок, перевязанный ленточкой. Развернем прямо сейчас. О, как кстати: столовые приборы! — их как раз не хватало.

А это окно уже занавесил морозный узор, но чувствовалось, что и там люди радуются празднику и друг другу...

...Они пытались согреться в каком-нибудь парадном. Оказалось, что и это непросто. Двери с кодовым замком надежно охраняли покой и имущество граждан. Надо было ждать, пока кто-нибудь по рассеянности оставит дверь открытой. Дети пробовали угадать код, но напрасно.

Наконец в одном доме им повезло: вышла дама с собакой на поводке; животное с такой силой потащило хозяйку к ближайшему дереву, что она не успела захлопнуть дверь. Дети тихо прокрались к батарее. Здесь было чисто, светло. Они молча грели руки, спины. Несколько раз поднимался и опускался лифт, тогда они замирали, но замечены не были. Потом сели на ступеньки.

— А помнишь, как ты разбил вазу?

— Какую вазу?

— Когда мне исполнилось девять лет. Твой папа Сережа катал тебя в сумке на колесиках, ты еще туда помещался, и мы играли в фанты.

— Да, вспомнил...

Но в это время наверху хлопнула дверь. Кто-то спускался, до них долетали обрывки диалога.

— Пора привыкнуть, что она не выносит лифт с тех пор как...

— Но он точно так же не любит парадных лестниц.

— Запах псины в парадном — это возмутительно!

— Осторожно, ты наступила. Надо было спускаться в лифте.

Дети прижались к стене, когда пара проходила мимо. Это были массивный старик и женщина в пальто с меховым воротником. Он не взглянул на детей, может быть, чтоб не распалять жену, а она испытующе зыркнула. Пара скрылась за внутренней дверью, которая вела в короткий коридор, и остановилась. Щелкнул замок почтового ящика.

— Одни только счета и рекламы.

— Хороши детки, даже не поздравили с Рождеством!

— Они пишут только тогда, когда деньги нужны.

— Ну не начинай. Мы были такими же.

— Говори только о себе. Надо все-таки вернуться и закрыть верхний замок.

Она добавила что-то шепотом.

— Какая чушь. Они просто замерзли.

— Я буду всю ночь думать об этом.

— Ну ты решила испортить мне Рождество!

— Мне не нужна эта головная боль.

Женщина вернулась и подошла к детям, ничего не сказав. Они поднялись...

На парковке у Оперного было полно машин. В тот момент, когда брат и сестра миновали главный вход, все двери одновременно открылись и на театральную площадь выбежали хорошо одетые дети, резвые и беспечные, в основном мальчишки. Был антракт в праздничном концерте, предваряющий сцены из балета «Щелкунчик». Тут же затеялась игра в снежки. Досталось от мальчишек и Алене с Никитой. Первый раз кто-то попал в Никиту случайно, но потом в него стали целиться, как в чужака. Алена же стала мишенью, защищая брата, а юные зрители, знакомые с содержанием балета, стали кричать: «Смерть мышам!!!» Снежки градом посыпались на брата с сестрой, им пришлось спасаться бегством. Преследователи настигали их, пока им не удалось спрятаться за длинную фуру, куда рабочие сцены грузили декорации... Здесь мальчишки отступили, их вопли смолкли.

Какой-то мужчина в смокинге курил у служебного входа. Никита впервые увидел человека, одетого так же, как его отец на фотографии летней площадки ресторана «Эрмитаж».

— Смотри, он, наверное, тоже скрипач.

— С чего ты решил?

— Но это же сразу видно. Пойди, спроси у него, а то он уйдет.

— Что спросить?

— Ну, как найти Сергея Рябинина...

— Сам спроси.

— Я в таком виде... он может подумать, будто я попрошайка... и не станет слушать.

— Спроси у любого прохожего, он с таким же успехом может оказаться скрипачом.

— Разве ты не видишь, у него такая же бабочка, как на фотографии, где отец стоит со скрипкой... ну, пожалуйста, он уже уходит.

— Ну и глупо.

— Ну пожалуйста.

— Почему он должен знать твоего отца?

— А они все друг друга знают. Это же не какие-нибудь носильщики или бродячие столяры.

— Бывают столяры, которые талантливей музыкантов.

— Без музыки нельзя, а всякие там стулья, столы или вешалки — обыкновенные вещи, которых полным-полно.

— Скрипачей в этом городе тоже полным-полно.

— Откуда ты знаешь?

— Да что в них особенного?!

— Настоящих ведь мало. А мама говорила, что он талантливый.

— Богданов тоже талантливый. Он мастер.

— Мастер бросать семью, вот он кто.

— А твой Рябинин тоже испарился.

— Нет. Он в школе музыкальной учил играть на скрипке, пока ее не закрыли... Потом давал уроки, а когда некому стало давать, он поехал «покорять столицу». Так мама сказала. «И когда покорит, мы приедем к нему».

— Значит, он ее еще не покорил.

— Откуда ты знаешь?

— Смотри, он уходит!

На Алену эти слова не произвели впечатления, и Никита бросился к человеку в смокинге.

— Вы музыкант?

— Надеюсь.

— Мне очень, очень важно... я хочу вас спросить...

— Можешь не продолжать, — сказал музыкант, взял мальчика за руку и направился к служебному входу. — В твоем возрасте я тоже только так проникал в театр. Всех детей надо пускать на «Щелкунчика» бесплатно, потому что Петр Ильич написал эту музыку для вас...

Он ввел Никиту в театр.

Когда они проходили мимо дежурного, музыкант еще крепче сжал руку мальчика и сказал:

— Это со мной.

— Я тебе покажу место, откуда все прекрасно видно, в зале аншлаг.

— А вы скрипач?

— Нет, я играю на челесте.

— Что это такое?

— Это такой инструмент, который придумали во Франции. Самое главное их изобретение после гильотины. Ты меня услышишь, когда зазвенят колокольчики и на сцене появится фея Драже и тут... это самое главное место в этом балете... под пиццикато струнных «анданте ма нон троппо» ми минор звучит мое соло на челесте.

— А я думал, вы скрипач, — разочарованно сказал мальчик.

— Знал бы ты, что за народ эти скрипачи...

— Я знаю, мой отец скрипач...

— Да?

— Сергей Рябинин, слыхали?

— Нет, не пришлось.

Раздался третий звонок.

Были слышны звуки настраиваемых инструментов. Стайка «мышей» сбежала по лестнице.

— Ой, ты наступила на хвост! — воскликнул женский голос. — Он оторвался... где костюмерша?

— Ты сделала это нарочно.

— Тише вы, мыши!

Свет погас, и на сцене зажглась огромная елка.

— Ищи свой хвост, — раздался шепот костюмерши.

Никита успел заметить, как чья-то серая ножка легким движением сбросила оторванный хвост со ступеньки, и он полетел вниз — туда вела железная лестница. Мальчик вышел из маленькой ниши, куда его поставил музыкант, и стал осторожно спускаться. Хвост повис на крюке между кирпичной стеной и решеткой. Никита попытался до него дотянуться, его усилия были замечены. Внизу, в подполье, несколько «мышей» наблюдали за ним. Под сценой была конструкция, поднимающая Мышиного короля из люка на сцену. Никита еще попытался дотянуться до хвоста и пролез через решетку. В этот момент его куртка треснула в местах, которые зашила Алена, а мышиный хвост упал на пол, к ногам костюмерши. Тут раздался сдавленный визг: из норки выбежала настоящая мышка, заметалась,

вызвав переполох среди балетных мышей, и юркнула в другую норку. В это момент послышался громкий стук волшебной трости Дроссельмейера.

Люк в потолке отворился, и площадка с Мышиным королем поползла вверх. Люк захлопнулся, а «мыши» устремились на сцену, чтобы, появившись из-за кулис, вступить в бой с оловянными солдатиками.

Костюмерша подошла к Никите.

— Пойдем.

Они шли по коридору, где слышна была музыка, и вошли в комнату с красивой одеждой. Две стены были в шкафах с зеркальными дверцами. Открытая дверь в глубине комнаты вела в пошивочный цех. Несколько женщин были заняты глажкой. Одна из них строго взглянула на Никиту с костюмершей и буркнула:

— Нечем тебе заняться.

Никита удивленно переводил взгляд с одной костюмерши на другую: они были близнецы.

— Опять ты надела мой халат, — сказала ласковая.

— А что мне оставалось делать, если ты всякий раз хватаешь мой платок, — сказала злая.

Они обменялись платком и халатом, и теперь Никита только по интонации различал, кто из них кто.

— Ты знаешь, что у нас будет опера «Маленький оборвыш?» — сказала одна.

— Не слыхала.

— А я нашла костюм для главного героя. Хочу показать художнице. А ему мы дадим какое-нибудь списанное пальтишко из детского спектакля.

Раздвинув дверцы шкафа, она взяла теплое симпатичное пальто и собралась примерить Никите, но строгая сестра забрала пальто и повесила на вешалку.

— А когда будет инвентаризация, отвечать буду я.

— Я сама за все всегда отвечаю.

— Тебя уволят за несанкционированную благотворительность.

— Я санкционирую.

— Ты и так висишь тут, как пуговица на ниточке.

— Костюмеры, на сцену, — послышалось из репродуктора.

— Ну, иди, — сказала та, что опекала Никиту.

— Только после вас, — сказала другая.

— Пусть он подождет.

— Жизнь тебя ничему не научила.

— Потому что у тебя никогда не было детей и не будет.

— И слава богу. Теперь дети травят родителей, режут, а иногда топят.

— Злобная старая дева.

— А твой ребенок умер, потому что ты потащилась за возлюбленным и простудила его...

— Ты мерзкая баба, которую никто никогда не полюбит!

Они стали ругаться все ожесточеннее, не заметив, как мальчик выскользнул в коридор.

Из репродуктора слышались тающие хрустальные аккорды челесты. Это был танец феи Драже. Никита подошел к окну и увидел свою сестру. Падал снег. От холода Алена не могла стоять на месте и отплясывала, как замерзшая кукла, ударяя ножкой о ножку.

Они снова шли по улице, заглядывая в витрины и окна. На углу была парикмахерская, где кипела работа. Порыв ветра принес головокружительный запах пищи. Он шел из форточки полуподвального окна. Сквозь запотевшие окна видны были плита, какие-то кипящие кастрюли и сковородки. Три повара колдовали над ними. Ноги сами повели детей во двор ресторана. В переполненном мусорном баке хозяйничала кошка. В освещенной двери подсобки видны были силуэты официанта и повара. Они курили и смеялись. Посудомойка вынесла поднос с кофейной гущей и, чуть поколебавшись, высыпала содержимое рядом с баком. От гущи шел пар. Официанта позвали, а у повара зазвонил мобильник, и повар скрылся внутри. Во двор въехала машина, на которой было написано «Хлеб». Де-

ти подошли ближе. Шофер открыл дверцы и уселся в кабине. Подсобный рабочий стал ссыпать из лотков свежие батоны в корзину. За его работой следил кладовщик... Запах хлеба был одуряющим...

Подсобный рабочий увидел детей, заметил их жадное внимание. Еще один взгляд в сторону детей стоил ему целого лотка рассыпанных булочек.

— Ну вот, допрыгался, — сказал кладовщик.

Рабочий торопливо собирал булочки. «О, если б хоть одна из них так перепачкалась в грязном снегу, чтоб ею пренебрегли!» — думала Алена. Две булочки закатились под грузовик. Кладовщик увидел булочки, поднял их и, отряхнув, положил в корзину, пробурчав: «У нас не богадельня!»

Машина уехала. Алена стояла одна в опустевшем дворе. Никиты не было. Она прошла вперед и взглянула в глубь двора. Никого. Заглянула за мусорный бак. Его не было и там. Бросилась к выходу из арки, озираясь по сторонам. Добежала до угла с парикмахерской и не увидела маленькой фигурки ни на улице, ни в сквере. Тогда она побежала в другую сторону. Остановилась. Увидела его куртку. Никита двигался, как сомнамбула. Остановился, проводил взглядом собаку, перебегающую проезжую часть. Двинулся за ней. Алена замерла, когда байкер объехал мальчика. Она догнала брата, хотела наброситься на него, но в последний момент передумала.

Она шла за ним и бормотала:

— Просто интересно, когда же он вспомнит, что у него есть сестра... Эта выходка вполне в его духе. Когда напряжение переходит какую-то границу, он выключается и идет куда глаза глядят. И каждый раз это происходит совершенно неожиданно...

Он вошел вслед за собакой во двор дома с химерами, похожими на летучих мышей. Дверь парадного была распахнута, оттуда шло тепло, узкая лесенка вела вниз, там гудела какая-то машина. Он спускался вниз. Алена следовала за ним. Внизу никого не было. Чистое помещение напоминало машинное отделение парохода. Никита шел дальше. В углу начиналась железная винтовая лесенка. Они уже поднимались по ней и остановились почти у самого верха. Дальше начиналось какое-то торжественное пространство, наполненное светом, с удивительной акустикой. Никита замер в восхищении. Рука его искала руку сестры, чтобы пожать, как будто он знал, что она рядом. Их лица чуть возвышались над уровнем пола. Они видели только ноги людей на паркетном полу и края их одежды.

— Следующий лот нашего Рождественского аукциона, — раздался хорошо поставленный голос, — старинная шарманка XIX века в превосходном состоянии работы неизвестного петербургского мастера... В нашем каталоге номер тринадцать... Я вам охотно продемонстрирую...

Послышались хрипловатые звуки щемящей мелодии. Никита, не помня себя от восхищения, поднялся выше и, вытянув шею, стал искать взглядом шарманку. Пожилой мужчина стоял у стола, на котором лежал молоток, и крутил ручку шарманки. Алена взяла брата за руку. Их заметили. Раздался чей-то смех. Наверное, кому-то показалось, что звуки шарманки вызвали из-под земли петербургские привидения. Теперь засмеялись все. Служитель переменил выражение лица, взял Никиту за руку, вежливо повел озирающихся брата и сестру сквозь толпу, заполнившую зал антикварного салона, и выдворил их на улицу.

«Рождество — самый радостный и всеми почитаемый праздник. В этот день наши родные и близкие, маленькие и большие, с замиранием сердца ждут рождественские подарки, долгожданные и неожиданные, но самые заветные. В этот праздник мы все впадаем в детство и мечтаем найти под елкой сокровенные подарки, которые уже потеряли надежду получить. Не теряйте времени — все эти сокровища собраны в нашем супермаркете!» За этим текстом следовала музыкальная заставка.

Перед супермаркетом была площадка для парковки. Вся улица была забита машинами и усеяна упаковочным мусором. Там и сям были брошены металлические коляски на колесиках. Мальчишки, подстерегавшие богатых клиентов, выпрашивали деньги. Богатым дядям приходилось раскошеливаться при виде наглой

бедности и совать в проворные руки немелкие купюры. Потом эти деньги отнимали дети постарше и незаметно сдавали их взрослому соглядатаю, который сидел в старом «Запорожце». Если же кто-то пытался оставить добычу себе, расправа настигала немедленно. Но можно было изловчиться, хотя после работы их обыскивали и в туалет не отпускали поодиночке. Алена после неудачного опыта отказалась от попыток просить милостыню.

Никита и Алена застыли перед витриной супермаркета. Рядом два джентльмена с удовольствием комментировали это зрелище.

— Чувствуется, что в стране возрождаются лучшие традиции изысканного обжорства. Стало быть, общество накануне потрясений: чуткие буржуазные желудки чуют надвигающийся катаклизм и торопятся не просто себя набить, но почувствовать гурманами.

— Элементарно, Ватсон. Или ты думаешь, что союз французских кулинаров случайно обратился к папе с просьбой вычеркнуть гортанобесие из числа смертных грехов?

— А что такое гортанобесие?

— Бешенство гортани — определение гурманства, а чревоугодие — всего лишь взятка желудку, чтобы он оставил человека в покое.

От этих разговоров и от долгого смотрения на витрину Никита побледнел и вдруг потерял сознание. Это был голодный обморок. Перепуганная Алена стала натирать ему щеки и лоб снегом. Кто-то из прохожих откликнулся:

— Такой малыш, а уже нанюхался клея!

Никита сразу же пришел в себя и удивился, что лежит на снегу. Сестра подняла его и решилась. Она войдет в магазин и украдет хлеб.

Когда к магазину подъехали иномарки, мальчишки оживились. Молодые люди из машин были явно из одной компании. «Золотая молодежь». От мальчишек-приставал они отмахивались или говорили «потом-потом». Они сошлись в тесный кружок. Один, постарше других, сыграл на трубе мелодию из репертуара Майкса Дэвиса и постучал по циферблату ручных часов — мол, время пошло. Элегантная ватага — участники, возможно, какого-то розыгрыша, еле сдерживая хохот, ринулась в магазин.

Никита и Алена тоже вошли. Сначала в тамбур, куда выдувался теплый воздух. Затем прошли во вторую дверь. Увидели себя в телевизоре, с интересом наблюдая свое изображение на мониторе. Алена уже взяла брата за руку, но остановилась под взглядом охранника. Он смотрел на куртку Никиты. Один из уличных попрошаек быстро двинулся к охраннику и показал купюру: «За бухлом для старших». Алена отвела Никиту к прозрачным ящикам для ручной поклажи, за которыми было окно. Поставив там Никиту, сказала:

— Стой и никуда, понимаешь, ни-ку-да не сходи с этого места. А я очень скоро вернусь. Понял?

— Да.

— Что ты понял?

— Что ты вернешься.

— Неправильно.

— А что мне ответить?

— Что ты ни за что не должен сойти с этого места. Пока я не вернусь.

— Ты вернешься?

— Очень скоро.

Алена пошла в глубь магазина и оглянулась. Никиты не было. Только шеренга колясок на фоне пустого окна. Алена вернулась. Никита сидел на корточках под окном и гладил кошку.

Она подошла и обняла брата.

— О господи, как ты меня напугал.

— А что я сделал?

— Ты понял, что я тебе сказала?

— Да.

— Что?

— Что тебя испугал.

— Стой на месте и никуда не уходи.

Никита не был тупым, но иногда впадал в оцепенение, особенно когда его много раз о чем-то просили без всяких объяснений. Как делал их опекун. Тогда он отключался и мог куда-нибудь уйти. Желание отправить его в интернат для умственно отсталых было, скорей всего, просто местью за неповиновение. Вся их жизнь до побега — после смерти матери — из маленького города вдруг показалась Алене бесконечно далекой. И еще ей в ту минуту казалось, что они уже давно ходят по заснеженным улицам, что-то ищут, но что именно — она не помнит.

Мужчина средних лет, друзья называли его Максом, быстро вошел в супермаркет, чтобы купить две бутылки водки «Абсолют» и бутылку кока-колы. В руках у него был портфель, который следовало заламинировать, а служительница куда-то отлучилась. Пришлось оставить портфель в камере хранения. Когда он закрывал дверцу ячейки, то увидел лицо мальчика. У Макса почему-то защемило сердце. Он не уходил. Охранник, заметив долгий взгляд Макса на мальчика, по-своему это истолковал и тоже всмотрелся в ребенка. В супермаркете в последнее время случались кражи из камеры хранения, так что можно было предположить, что за шкафчиками велось наблюдение.

Алена шла по супермаркету, поражаясь разнообразию еды. Как много здесь лишних вещей! Никто не обращал на нее внимания. Здесь было все, кроме хлеба. Она старалась найти хлеб, не рассматривая диковинную еду, но все-таки останавливалась в изумлении. Беззаботные люди без колебаний выбирали товары. И вдруг Алена увидела, как молодая женщина распахнула шубу и сунула что-то за пазуху, как обыкновенная воровка. Алене показалось, что она даже поежилась от удовольствия. То же самое сделал у нее на глазах и прекрасно одетый молодой человек, только он еще умело срезал какой-то ярлычок...

Макс вернулся с бутылками к ячейке и снова увидел мальчика. И опять его охватила тоска.

— А улыбаться ты умеешь?

Мальчик ничего не ответил.

— Ну?! — улыбнулся Макс.

Но лицо мальчика оставалось погасшим.

— Что случилось? — серьезно спросил Макс.

— Я жду сестру.

— А, у тебя есть сестра! — обрадовался Макс. — Была собака, но пропала. Я плохой хозяин, оставил бедолагу на даче, а сам улетел.

Мальчик закашлялся.

— Ты простудился. Где же сестра?

Мальчик пожал плечами.

Макс достал деньги, протянул бумажку, передумал и достал купюру покрупнее.

— Пусть она купит тебе пальто. Ей сколько лет?

— Одиннадцать. У меня было пальто, но его отняли.

— Кто?

— Мальчишки у вокзала. Его мне мама сшила.

— А мама где?

— Умерла.

— А где вы живете?

— Нигде.

— Я, как назло, уезжаю — улетаю в другой город.

— Улетайте.

— По очень важному делу.

— Хорошо, — разрешил мальчик и закашлялся.

— Спрячь деньги.

— У нас их все равно отнимут. У нас были деньги, но их отняли.

Марина, спутница Макса, показалась в дверях.

— Ты опаздываешь.

Она посмотрела на мальчика.

— Надо что-то придумать, — сказал он мальчику.

В машине он достал мобильный телефон.

— Через сорок минут регистрация.

— Кому звонить? Боре? Все-таки врач, в праздники часто дежурит. Пусть этот мальчик перекантуется несколько дней хотя бы в коридоре, а через три дня я прилечу.

— Ты не прилетишь ни через три дня...

— Боря, как хорошо, что я тебя застал. Нет времени долго объяснять... словом... надо положить к тебе в больницу двух детей...

— Я в отпуске, у меня ремонт. Я же говорил, чтобы ты забрал свои книги. Мне некуда их девать.

— И мне. Квартиру пришлось сдать без книг и мебели. А теперь я уезжаю...

— Ты же говорил «на месяц». А прошло два года.

— Выброси книги и позвони в больницу.

— У меня там неприятности. Из-за тебя.

— В чем дело?

— Как найти твою протеже?

— Какую из них?

— Ниночку.

— Не понял.

— Ты просил устроить ее сестрой.

— И что?

— Наодалживала у врачей и больных денег — и с концами.

— Извини.

Макс отключил телефон.

— Андрей в Одессе. Вася отпадает.

— Почему?

— У него моя мебель. Жена его звонила дважды.

Макс набрал номер.

— Ты не могла бы приютить хотя бы на два-три дня...

— Ты не меняешься. И по-прежнему любишь благотворить за чужой счет. Почему твоя шлюха не поможет?

Он бросил мобильник на сиденье.

— Не обращай внимания.

— Я бы взяла, если б у меня были дом и муж. Но у меня тут только комната и непостоянный возлюбленный... музыкант.

— Ладно, поехали... Может, как-то обойдется... Поставь... ну... вон там диск эпохи ресторана «Эрмитаж».

Они мчались в сторону аэропорта... Звучали скрипка, гитара, аккордеон.

Алена нашла, наконец, хлеб. Он был в целлофановом кульке и разрезан на ровные кусочки. Оглянувшись, она попыталась спрятать его под пальто, но хлеб выпирал горбом. Она положила на место, подумала и снова взяла. Потом отошла в безлюдный уголок и, разорвав пакет, стала рассовывать хлеб по карманам. Один кусок не поместился, и девочка стала его жадно есть. Поперхнулась. На нее смотрел какой-то тип из веселой ватаги. В этот момент зазвучала реклама: «Рождество — самый радостный праздник. В этот день наши родные и близкие, маленькие и большие...»

Алена услышала шаги. Оглянувшись, увидела модного мужчину. Он подмигнул ей, распахнул пальто и с азартом стал распихивать деликатесы в специальную жилетку с большими карманами.

Охранник решил, что мальчик подозрительно долго стоит у камеры хранения. Он подошел к Никите и что-то сказал. Никита не понял. Охранник повторил. Никита побледнел и попятился к выходу. Но выйти он не решался. Охранник посмотрел еще раз. Тогда Никита вышел в тамбур, где они грелись с Аленой.

Впереди Алены у кассы стоял молодой человек с набитой коляской. Он был совершенно спокоен, хотя поглядывал на часы. Алена держала в руках боль-

шую банку с огурцами. Она волновалась еще от того, что не могла рассмотреть, на месте ли Никита.

— Можно юную леди пропустить вперед, — сказал молодой человек кассирше, заметив смятение девочки, и подмигнул.

— Эти огурцы маринованные или соленые? — сказала Алена заранее приготовленную фразу и увидев крошки на пальто.

— Там же написано: маринованные.

— А мне нужны соленые.

Но в это мгновенье банка упала и разбилась.

— Вызови администратора, — сказала кассирша охраннику.

Охранник взял девочку за руку.

В ту же минуту появился человек из той компании, который показывал на часы. Теперь он держал корнет-а-пистон и вдруг сыграл мелодию из репертуара Армстронга. Кассиры и публика оторопели. Алена попыталась воспользоваться их растерянностью и проскользнуть мимо кассы, но ее поймали за руку.

В помещении, где сидели операторы камер слежения, инженер фирмы объяснял преимущества нового оборудования, установленного в супермаркете накануне Рождества.

— Система проста и эффективна. Напоказ выставляются камеры, которые создают у потенциального похитителя чувство безопасности. А другие точки слежения скрыты, но мы видим все пространство торговых залов, причем компьютер сразу отмечает странности в поведении покупателей и укрупняет план.

На мониторе показалась Алена, она берет хлеб, прячет под пальто, кладет на место, вновь берет, ищет укромный угол, запихивает в карманы, жадно ест. Классический пример зафиксированной кражи.

В углу комнаты охранник составляет протокол.

— Пожалуйста, я вас очень прошу, там остался мой брат. Пустите меня к нему или приведите его сюда.

— Знаем мы ваших братьев и сестер. Колония по вам плачет. Отвечай на вопросы.

Алена заплакала.

Никита сжался в углу теплого тамбура, надеясь, что Алена выйдет раньше, чем мальчишки нападут на него. Несколько переполненных колясок, проезжая сквозь тамбур на улицу, вытолкнули туда и Никиту. Там его ждали мальчишки. Один отряд бросился вымогать свою долю у дяденек, другой занялся Никитой. Его обыскали, поколотили и погнали к проезжей части... Но он вернулся, опасаясь пропустить Алену.

— Ну, пожалуйста, выпустите меня, — повторяла Алена.

— Это у них излюбленный прием.

— Ну пойди посмотри, есть ли там ее воображаемый брат.

— Они врут, как дышат.

В это время в помещение вошел шоумен с корнет-а-пистоном в руке. Охранники улыбнулись.

— Как это выглядело?

— Мы хохотали. А этот, с шарфом, действительно... отпрыск?

— Все мы чьи-то отпрыски.

— Веселые ребята. Кто победил?

— Женщина. Все они прирожденные воровки. У них полно укромных мест.

Главный администратор пожал руку шоумену.

— Счет.

— Оплачено с лихвой.

— А эти кадры — с половины до без четверти — надо стереть.

— Не сомневайтесь. Они думают, что пронесло?

— Не знаю. Было весело, это может стать модным аттракционом.

— Так они захотят и в киллеров поиграть.
— Но это будет развлечение подороже.

На улице эта компания празднует победу, пьет шампанское. Поздравляют друг друга с Рождеством. Никита, окоченевший, издали наблюдает, как появляется шоумен, как все рассаживаются по машинам, как уезжают... Трогается и подъехавшая милицейская машина. Раздается реклама: «Рождество — самый радостный...»

Никиты нет на прежнем месте.

Алену снимают для картотеки, ведут по коридору. Она дважды остановилась. Один раз, чтобы посмотреть в окно. Снег летел косо, начался ветер. Внизу стояла милицейская машина, в которой ее привезли. Потом она остановилась на повороте к лестнице, где висели фотографии объявленных в розыск... Под фотографией мужчины была написана совершенная нелепость: «Разыскивается опасный преступник Богданов Алексей Александрович 1966 г. рождения...»

В переходе звучит трио: аккордеон, гитара и скрипка. Звуки аккордеона и гитары несутся из усилителя. Футляр от скрипки полон денег, тут и яблоко, шоколадка, апельсин. Небольшая толпа стоит полукругом, впереди — мальчик лет пяти.

Никита идет по улице. Ветер сыплет в лицо колючий снег. Из подземного перехода доносится музыка. Он собирается пройти сквозь подземный переход, но передумывает. Он так замерз, что у него еле сгибаются колени, он потерял сестру, он движется, как механический органчик, в котором вот-вот кончится завод. Он переходит дорогу. Улица пустынна.

Никита свернул в арку, чтобы спрятаться от ветра. В арке темно. К мусорным бакам приставлена елка. Где-то он уже это видел. Он протягивает руку и находит стеклянный шарик, который выскальзывает из окоченевших пальцев и разбивается о ледяную корку асфальта. Никита входит в парадное. Греется у батареи. Вдруг какая-то ругань оглушает Никиту. Голоса приближаются. Он поднимается вверх, протискивается сквозь прутья какой-то решетки, попадает на захламленный чердак. Старый хлам смешался тут со строительным мусором будущей мансарды. Окна без стекол, новенькие калориферы у стены. Пространство освещалось рекламой какого-то банка на фасаде дома напротив — она ритмично вспыхивала и гасла. Сквозь окна летел снег и свободно падал на пол. Брезентом были покрыты какие-то стройматериалы, рядом лежали инструменты. Никита лег на доски, потянул брезент на себя и попытался укрыться.

Он забылся и пришел в себя, оттого что ему стало тепло.

Кто-то поднимался по лестнице и, кажется, не один. Приближающиеся голоса звучали радостно.

— Он должен быть где-то здесь.
— Осторожно, не споткнись.
— Да вот же он! А мы искали по всему городу.
— Где ты был?
— Мы ждали тебя. Вот твой костюм.
— Лишь бы курточка была впору. Звезды я пришила шелковой ниткой.

Его окружили знакомые лица, но он не мог вспомнить, откуда он их так хорошо знает. В руках у них были китайские фонарики, на стенах заплясали веселые огоньки. Как же он не заметил, что мансарда такая высокая. Вспыхнул мягкий свет, и оказалось, что здесь чисто, просторно, уютно. Это была костюмерная. Дверь на секунду раздвинулась, и какой-то мальчик тихо сообщил:

— Волхвы опаздывают, скоро ваш выход. Восходит Вифлеемская звезда.

Здесь висели костюмы и маски, было полно зеркал. Где он видел этих милых людей? Они выбирали Никите костюм.

— Ему очень идет белое.
— Помните, когда мама сшила белую блузу...

Они всё о нем знали!

Пелерина, расшитая звездами, оказалась ему впору.

— Но что же это за праздник?! — воскликнул Никита, уже зная ответ.

— Он еще спрашивает! Это елка у Христа для таких, как мы.
— Подарок! Подарок! Он еще не получил свой подарок!
— Ведите его!
— Я тоже хочу видеть, будет ли он изумлен! Ведь он всегда мечтал о...
— Молчите, молчите! Это сюрприз!

Его повели в соседнее помещение, где происходила самая радостная и многолюдная часть праздника. Они оказались как бы в боковой кулисе сцены, на которой в этот момент танцевали дети младше Никиты. В волосах у них вспыхивали восьмиконечные звездочки. Сверху падал сверкающий снег, а из оркестровой ямы поднимались звуки флейты. Это была мелодия, которую мама всегда пела ему перед сном. Он вгляделся в оркестровую яму — конечно же, это играл отец; он увидел Никиту, и Никита понял, что он любим. Отец взглянул в сторону кулисы. Там стояла мама, она держала за руку Алену, которая, увидев брата, просияла.

Никита сразу понял, куда надо идти. Он пошел в глубь сцены, в светлое закулисье и оказался за падугой, светящейся изнутри, в узком пространстве между кирпичной стеной и тугим полотном ниспадающей падуги. Он шел быстро, почти бежал и слышал, чувствовал, как с той стороны навстречу бежит мама, и от быстрого их движения по полотнищу движется волна, и волна счастья охватила его...

А снег все шел, заметая безлюдный бульвар, падал в чашу фонтана Золотоворотского сада, таял в темной воде незамерзшей реки, падал в ржавый бак во дворе ресторана, где стая бродячих собак жадно глотала праздничные объедки, падал на теплый люк, где грелись две кошки напротив антикварного салона, опускался в пустые коляски у супермаркета, белой пелериной ложился на памятник у Оперного театра, на пустую железнодорожную платформу, на шпалы у переезда, на опоры огромной рекламы, которая призывала встретить Рождество на Багамах. Снег шел всю ночь, и профсоюз нищих у казино несколько раз счищал его с капотов машин. Но когда начался разъезд, их услужливость уже не вознаграждалась: люди устали. Одна дама сорвала с лица маску и швырнула в сугроб.

Снег падал на богатых и бедных, на маленький отряд нелегальных рабочих, которых прораб не отпустил на праздник домой в закарпатское село, падал в темный колодец тюремного двора, свободно опускался сквозь проемы окон недостроенной мансарды на брезент, которым рабочие накрывали мешки с цементом, и кто-то впопыхах сунул под него дрель. Для них уже наступили будни. Они поднимались по лестнице, беседуя вполголоса, чтобы не разбудить жильцов, которые долго еще будут отсыпаться. В одной из квартир, за дубовой дверью праздник продолжался. Собака залаяла, когда они проходили мимо. Впрочем, обо всем этом можно было догадаться только по звукам, потому что камера неподвижно уставилась в брезентовый холмик посреди будущей детской комнаты. Красный свет рекламы то освещал его, то гас. Вот щелкнул замок решетки, перекрывающей доступ на стройплощадку. Вот открылись шкафчики, загромыхали рабочие башмаки, кто-то споткнулся о бак с засохшим раствором, послышалась тихая музыка. «Куда-то делась дрель, неужели украли? Придется платить». — «Нет, ты же сунул ее под брезент». Зажегся свет. Шаги приближались. Рука рабочего отвернула брезент. Под брезентом лежал труп мальчика. Он лежал, сжавшись, словно в утробе матери. Никто не знал, как он здесь оказался. А он, живой, не знал слов Иова: «И зачем ты вывел меня из чрева? Пусть бы я умер, когда еще ничей глаз не видел меня».

Где-то в маленьком поселке снег падал на могилку матери, наметая белый холмик, где-то сестра смотрела сквозь решетку, как снежный занавес опускается, положив конец ее детству. Разлука с неизбежностью настигла брата и сестру, как и возвещала шарманка на рождественской распродаже. Теперь чужим рукам придется схоронить все, что осталось от брата — маленький труп, который придется же кому-то распрямлять, чтобы уложить в стандартный деревянный ящик. Оставалось только замести следы его жизни, быстротечные, как следы птиц в снегопад.

ВЛАДИМИР ЗАБАЛУЕВ, АЛЕКСЕЙ ЗЕНЗИНОВ

Медвежья шкура

Полярная ночь на Новой Земле. Белая медведица, словно сошедшая с обертки конфет «Мишка на Севере», смотрит вдаль и принюхивается. Невдалеке от нее на заснеженных скалах стоят бараки. Одно из окон горит.

Сергей Снегирев стоит в дверях и стряхивает снег с унт. Через открытую дверь на кухне видно, как его сожительница Ольга накрывает на стол. Сергей смотрит на Ольгу, вынимает из внутреннего кармана куртки-аляски пачку денег. Отсчитывает четверть, остальное прячет обратно в карман. Затем снимает куртку, вешает ее, проходит на кухню и кладет деньги на стол. Ольга разливает суп по тарелкам, смотрит на деньги, затем на Сергея.

Ночь. Сергей и Ольга лежат в кровати спиной друг к другу. Сергей не спит. В какой-то момент он тихонько встает с кровати. Ольга открывает глаза, но не шевелится.

Сергей молча курит у окна кухни.

За окном — полярная ночь. Медведица отворачивается от людского жилья и уходит в арктические снега.

Загорается свет. Ольга стоит в двери кухни и смотрит на Сергея.

— Ты уходишь? — спрашивает она.

Сергей зябко перебирает босыми ногами и уклончиво качает головой.

— Просто покурить захотелось, — говорит он.

— Не притворяйся, что ничего не понял, — говорит Ольга. — Ты уходишь от меня?

— Я просто... — начинает Сергей и умолкает.

— Я нашла в куртке остальные деньги, — говорит Ольга. — Откуда они, кстати?

— Премия. За двадцать лет безукоризненного труда. И подъемные.

— Подъемные?

— Я сегодня уволился. Сказал шефу, что должен съездить на материк. Дочке через неделю исполняется восемнадцать.

— Дочке? Почему я про нее ничего не знаю?

— А зачем? — говорит Сергей и понимает, что сказал лишнее. — Я сам ее столько лет не вспоминал. И она меня вряд ли помнит. Но, понимаешь, дата такая...

— Сережа, у нас все с тобой было хорошо? — с тоской спрашивает Ольга. — Ты никаких обид на меня не держишь?

— Оля, я вернусь, — говорит Сергей и тушит сигарету. — Я только навещу дочку.

— Нет, ты не вернешься, Сережа, — грустно глядя ему в глаза, говорит Ольга.

С борта вертолета видны разбегающиеся от рева мотора в разные концы арктической пустыни белые медведи.

Из иллюминатора самолета, возле которого сидит Сергей, видна заснеженная тайга, сопки, замерзшие реки.

Аэропорт «Домодедово» в Москве. Сергей стоит на выходе и осматривается. Огромный рюкзак за плечами, два свертка в руках, зачехленная гитара, куртка-аляска, какие уже давно не носят, треух на голове... Таксисты его сразу засекли, переглядываются. Один подкатывает и открывает дверцу:

— Садись, в любой конец недорого.

— Я такой суммы — «недорого» — не знаю, — настороженно говорит Сергей. — Это сколько?

— За стольник, — с радушной улыбкой говорит таксист.

— Что так дешево? Я слышал, у вас расценки рублей пятьсот.

— Запрячь свои рубли, — начинает закипать таксист, но, посмотрев на Сергея внимательно, меняет тон: — Расслабься, гость столицы! Все будет чики-чики.

Загрузили вещи, сели.

— Куда кости кинем? — спрашивает таксист. — Сауна, отель, казино?

— На Ярославский! Только прямой дорогой.

— Да как скажешь, — смеется таксист. — А ты когда был в Москве в последний раз?

— В 85-м, после распределения, — насупившись, говорит Сергей. — А что, думаешь, тундра неумытая, город не знаю?

— Насчет тундры, — говорит таксист, — однако, ты сказал. У нас прямых дорог давно уже нет. Есть больше пробок, меньше пробок.

Такси застряло в пробке на Тверской.

— Богато живете, — говорит Сергей, оглядываясь.

— А что у вас на ваших Северах интересного? — интересуется таксист.

— Нас там, считай, больше нет, — говорит Сергей. — Триста лет осваивали Северный морской путь. А эти ваши пидарасы за пятнадцать лет все развалили.

— Мерзость запустения, — смеется таксист.

— А? — не понимает Сергей.

— Цитата. Из Библии. Я в одной из прошлых жизней в семинарии учился.

— А попом не стал? Сочувствую! — говорит Сергей.

— Так ты, значит, последний сбежавший с Севера? — интересуется таксист.

— Я не сбежал, — огрызается Сергей. — Я к дочке еду. Шестнадцать лет не видел.

— Прости, не хотел обидеть, — шофер изображает раскаяние и тут же хватается за руль. — Чайник, блин! Ты видел, как подрезал?

Таксист привез Сергея на Комсомольскую площадь, высадил. Прощаются по-дружески.

— Давай, тундра, держи нос по ветру! С такого мужика — половина прайса. Полторы штуки деревянными — и будь здоров. Доброй охоты! Да, деньгами здесь особо не свети. Стремное место.

Сергей кивает напоследок.

— Спасибо, шеф!

— И куда теперь двинешь, полярник?

— В Кострому.

Зимним утром, когда в морозном небе горят звезды, а из всего транспорта по городу ходит лишь троллейбус номер два с конечной остановкой на вокзале, поезд «Москва — Кострома» прибывает на первую платформу.

В приемной фирмы «Кросс» сидит секретарша. Мебель — офисная, видно сразу, что недешевая.

— Здесь работает Николай Серов? — интересуется Сергей, сбрасывая на пол вещи.

Секретарша смотрит на Сергея, как на невесть откуда взявшееся привидение.

— Николай Александрович здесь не работает, — строго говорит она.

— Жаль. Хотя странно.

Сергей еще раз проверяет адрес у себя в записной книжке, но секретарша изящно заканчивает начатую фразу:

— Он владеет этим зданием и этой фирмой!

— Ишь, куркуль! — вырывается смешок у Сергея.

— Что вы сказали? — чуть растерявшись, спрашивает секретарша.

— Отлично, я говорю!

Сергей сует дамочке бутылку дорогого коньяка и коробку конфет и шагает в дверь.

— Стойте, стойте! — вскакивает секретарша. — Там совещание!

В кабинете у Николая и вправду совещание в самом разгаре. Один сотрудник стоит перед директором с виноватым видом, остальные наблюдают за этой сценой.

— Ты мне баки своей хренотенью не забивай! — распекает Николай работника. — Просрал контракт или нет?

— Ну, просрал! — отвечает сотрудник.

— Значит, пиши увольнительную, — говорит Николай. — Пока я не написал.

И в этот момент в кабинет врывается Сергей, за ним — секретарша.

— Николай Александрович, — испуганно говорит она, — он меня оттолкнул и ворвался...

Николаю пару секунд достаточно, чтобы оценить ситуацию.

— Совещание переносится на завтра. Все свободны.

— Николай Александрович, — не унимается секретарша, — честно, я...

Николаю не до нее. Он руки раскинул — и к Сергею.

— Здорово, Серега!

Сергей — ему навстречу.

— Здорово, Коля!

Сотрудники тихонько тянутся к выходу. Вдогонку им — слова Николая:

— Вот, мои людишки. Работники. Фирма. Небольшая. Средняя. Но перспективы для роста есть.

Сотрудник, попавший «под раздачу», топчется у выхода.

— Мне писать увольнительную? — спрашивает он.

— Амнистия, — великодушно говорит Николай. — Друг приехал. Но завтра...

— Гадом буду, все исправлю, — обещает сотрудник и выскальзывает за дверь.

— Сурово ты с ними... — говорит Сергей.

— А ты пробовал по-другому? — спрашивает Николай.

— Нет.

— А я пробовал. Пять раз офис поджигали, дважды ставили на счетчик, а сколько по-мелкому крали — считать не буду. Сегодня не до грусти. — Николай хлопает друга по спине. — Серега!..

— Колька!

На столе, за которым только что сидели сотрудники, стоят водка и закуска. А еще — глобус, с виду обычный, но если приглядеться, какой-то странный. Не континенты на нем изображены, а улицы и площади.

— Кострома, Серега, планета людей, — заметив взгляд друга, говорит Николай. — Вот она, тварь, какая.

— А мы сейчас где? — спрашивает Сергей.

Николай тычет пальцем в то место, где расположен его офис.

— Вот тут, в тропиках. А площадь Советская с каланчой — на полюсе. Прикинь, да? На полюсе. Классно, да? Я придумал! Говорю своим из рекламы: а сбацайте мне глобус Костромы. Они сперва охренели, говорят: на кой? А прикинь, теперь на деловых встречах, презентациях там разных — незаменимая штука. И губеру, и градоначальнику, и самой последней сошке из аппарата федерального инспектора приятно этот шарик вертеть и думать, что он — Коперник.

Сергей разливает водку по рюмкам.

— За твою светлую голову, Колян!

Николай поднял рюмку, чокается.

— Взаимно, Серый! Накатим!

Друзья накатывают — пьют по полной и не закусывая.

И вот они уже сидят в ресторане в центре города. Музыка играет, лица какие-то вокруг, официантки в шортиках туда-сюда бегают.

— Значит, говоришь, на этом шарике есть все? — спрашивает Сергей. В руках у него — подаренный Николаем глобус.

— Чего не найдем, то купим, — говорит Николай.

— На все денег не хватит, — качает головой Сергей.

— Что ты сказал? — возвышает голос Николай, так что за соседними столиками в их сторону начинают смотреть. — Ну, загнул! Бабло, Серый, это по моей части, ты на этот счет не грузись. А ты... ты — гость, значит. Чего закис? Хочешь, сейчас деф-фчонок организуем. «Приедем и поможем», это у них слоган такой, в службе досуга. Классно, да?

— Тоже ты придумал, Коперник? — острит Сергей.

— Нет, ты чегой-то совсем забурился, — хмурится Николай. — Тебе, Серый, давно пора было из своего Нового Света...

— Новой Земли... — поправляет Сергей.

Только Николай его вроде бы и не слышит.

— ...когти рвать. Сколько ты там? Двадцать лет? Два раза десять лет спустя?

— Точно, — говорит Сергей.

— Убиться веником, — качает головой Николай. — Полновесный срок. Давай приглядись, обживайся и закрепляйся. Вгрызайся зубами. Жизнь только здесь. Только здесь, сечешь фишку?

— А у нас что, не жизнь? — Сергей явно обижен.

— А у вас — срань небесная! — Николай неумолим. — Вот ты, к примеру, геолог. Знаешь, как на поверхность извлечь богатства страны. А когда извлек — всё, твоя фамилия Мухин, ты в пролете. Чтобы довести найденное тобой до людей, нужны... нужны умные люди.

— Как ты?

— Хотя бы. За работу, ясный пень, мы берем свой процент, а твоя доля автоматически уменьшается.

— И кто такой расклад расписал? — интересуется Сергей.

— Природа человеческая.

— Спасибо. Понял.

— Пжалст! — отвечает Николай. — Накатим?

А дальше — лавочка в парке и по бутылке пива на каждого, хоть убей.

— Помочь можешь? — Сергей решается перейти к главной теме.

— Смотря в чем, — говорит Николай.

— Дочь найти.

Николай молчит, а потом оживляется.

— А-а, молчал, падла, сиротой казанским прикатил такой! А у самого здесь дщерь единоутробная... Хорошо сказал, а?.. Дщерь единоутробная!.. Нет, все путем, только чего ты первым делом к дружбану к старому, а не в семейство?

— Нет никакой семьи, — с досадой говорит Сергей. — Не было, нет... Нету семьи...

— Дочка есть, а семьи нет? Понял, молчу! — Николай подпевает на мотив известной песни Дунаевского: — «Капитан, капитан, что я видел. Твой сынок мою дочку обидел...»

Сергей исподлобья смотрит на друга.

— Ты не быкуй, не быкуй, сечешь? — говорит Николай. — Не хочешь в душу пускать, не надо. Не сильно рвусь, там у тебя не Диснейленд, сто пудов. Только чтоб найти, мне справка нужна. Как у Штирлица, информация к размышлению, доходит? Ну, там, где, когда родилась, от кого... Второго участника забега можешь не называть.

— Зовут Юля, — говорит Николай. — Родилась на Новой Земле восемнадцать лет назад. Брак не оформляли, Елена несовершеннолетняя была. Ушла от матери девчонкой, меня любила. А я, дурак молодой, думал: «Куда она теперь денется?» Экспедиции, палатка, «дым костра создает уют...» Родила она, годика два с небольшим помыкалась и уехала. К вам, на глобус.

— Фамилия? — неожиданно трезвым голосом спрашивает Николай.

— То ли моя — Снегирева... — говорит Сергей.

— Это не проблема...

— То ли материна — Иванова...

— Тогда тухляк дело, — замечает Николай. — Только если бандосов нанять. Лучше любого геолога из-под земли достанут.

— Нет, это за гранью.

— Ну, тебе решать, — говорит Николай. — Сам искать будешь?

— Не знаю... — бормочет Сергей, — не знаю... Боюсь я этой встречи, Коля! Я по дороге сюда даже молиться начал: «Господи, сделай так, чтобы она в детстве умерла, от аппендицита или под машину попала и не мучилась, почему у нее отца нет...» А потом прошу: «Нет, чтобы выросла и замуж вышла, и муж ей меня заменил».

— Клиника! — говорит Николай. — Серый, ты сам не понял, чего сказал. Как чужой мужик.отца заменит? Моей девке семнадцать, если б какой козел захотел ее вместо меня накормить, напоить, спать уложить, я б его закопал. Все вокруг только и думают, как бы трахнуть девку! Хрен им собачий! Никому не дам!

Глаза у Сергея смыкаются, мир погружается в темноту.

«Э-э, не спать!» — слышит Сергей голос Николая.

— Я и не сплю! — отвечает Сергей и, не дождавшись ответа, спрашивает: — Коля, чего молчишь?

Открыв глаза, он видит, что лежит на диване в незнакомой комнате. За окном — солнечное зимнее утро.

Повернув голову, Сергей видит над собой улыбающееся женское лицо.

— Доброе утро! — говорит женщина.

— Где я? — спрашивает Николай, щупая себя под одеялом. Раздет. — И... и где Коля?

— Коля вас вчера вечером... э-э... доставил и попросил посмотреть, чтобы вы утром встали, позавтракали и всю нужную информацию получили.

— А кто вы? — спрашивает Сергей.

— Любаша!

— И вы?..

— Нет, не проститутка! — снова улыбается женщина. — Я любовница Николая. Он у нас мужчинка сентиментальный, старомодный где-то. Не может расстаться ни с семьей, ни со мной. Поэтому купил мне квартиру и живет на два дома.

— А я вчера, когда тут оказался... Не того?.. Не пытался?.. — покраснев, спрашивает Сергей.

— Пытались! — с той же улыбкой говорит Любаша. — Но не беспокойтесь — у вас ничего не получилось...

— Слава богу, — бормочет Сергей. — А то как бы я ему в глаза посмотрел...

— А это Коля просил вам передать, — говорит Любаша и протягивает лист бумаги.

Там написано: «Адрес Снегиревых Елены и Юлии: Кооперативная, 3, квартира 42. Пока не решишь вопрос с жильем, можешь оставаться у Любаши, она не возражает. Я уехал в Москву, если что, звони по телефону...»

— Спасибо, Колян, — говорит Сергей. — Друг, одно слово!

Сергей топчется у дверей пятиэтажной хрущевки. Вещи он оставил дома, в руках у него только два свертка, запечатанных еще на вокзале в крафтовскую бумагу. Сзади к нему подходит девочка в короткой шубке и короткой юбчонке.

— В одну сторону движемся? — спрашивает девчонка.

— Похоже... Наверное...

Чтобы как-то сосредоточиться, Сергей начинает шарить по карманам, вытаскивает записку, что Николай оставил, читает:

— «Кооперативная, 3, квартира 42... можешь оставаться у Любаши...»

— Вы посылку с почты принесли, что ли? — любопытствует девочка.

— С почты?

— Ну, вы же не Дед Мороз — слишком молодой, — смеется девчонка. — Вы посылки разносите, да?

— А вы догадливая, — невольно улыбается Сергей.

— А вы — с похмелья. Папашки моего на вас нет, он бы вам как два пальца мозги прочистил. Он берет так за ухо и говорит: «На службе пить нельзя, вышибут — и стой потом в переходе с табличкой «Помогите, люди добрые».

— И помогают? — интересуется Сергей.

— Не знаю, — говорит девчонка, — не стояла. Нет, вы по-честному — посыльный?

— Вроде того, — уклончиво говорит Сергей.

— Я, — говорит девочка, — код наберу, только не подсматривайте, хорошо? Вдруг вы наводчик, у нас в доме за месяц пять квартир обчистили, тоже так узнают код, а дальше на «Газели» подъедут и все вытащат.

Девочка встает так, чтобы Сергею замок не был виден.

— Надо же, — говорит она. — С вами заговорилась и код забыла.

Сергей молча отодвигает ее, набирает код, дверь открывается.

— Вы волшебник? — восхищенно спрашивает девочка.

Сергей молча показывает ей на стенку — там два или три раза разными почерками написан код двери.

— Вам куда? — спрашивает девочка, пока они идут по лестнице.

А Сергей снова начинает искать записку в одном из карманов куртки-аляски.

— Сейчас посмотрю.

— Я загадала, — говорит девочка, — если в одну квартиру, у меня сегодня желание сбудется.

Они останавливаются на последнем, пятом, этаже.

— Квартира сорок два, — читает Сергей, отыскав наконец записку.

Перед ними — квартира сорок два.

— Класс! — говорит девочка. — У нее как раз сегодня день рождения. А я сразу догадалась, кому посылка.

В двухкомнатной квартире, обставленной мебелью пятнадцатилетней давности, Сергей сидит за столом, накрытом на четверых. Напротив на диване — дочь Сергея, Юля. Из старого кресла за ними с любопытством наблюдает девочка, которую Сергей встретил у дверей подъезда.

— Ну, и долго бум молчать? — прерывает паузу дочка. — Молчать и смотреть. Раз уж впустили, расскажи что-нибудь.

— Загадочный гость загадочно молчал, — вставляет девочка.

— И ты рот закрой, — осекает дочь Сергея подругу. — Привела в дом неизвестно кого.

— Он сам пришел, — оправдывается подружка.

— Некрасиво врать, — возражает ей Сергей.

— Опс, речь прорезалась, — удивляется Юля.

— Ваша подруга вас обманывает, — говорит Сергей. — Я не говорил, что почтальон. Вестник, может быть, но не почтальон.

— Слушай его больше, — говорит подружка. — Вестник-шместник! Увязался за мной, я в подъезд, он — в подъезд, я наверх, он — наверх...

Юля останавливает подругу.

— И что за весть? — спрашивает она у Сергея.

Сергей, вздохнув, говорит:

— Я твой папа.

В комнате воцаряется тишина. Только подружка то ли хмыкнула, то ли кашлянула.

— Возвращение блудного отца, — говорит подружка. — Прикольно.

Юля достает из кармана джинсов пачку сигарет, закуривает.

— Так, сюрпризик, — говорит она, пуская клуб дыма.

— Юля, ты куришь? — спрашивает пораженный Сергей.

— Курю, — говорит Юля и, помолчав, добавляет: — Ну, мужик, ты замутил!.. Кто водку будет?

— Нет! — торопливо отвечает Сергей.

— Я буду, — одновременно с ним говорит подружка дочери.

Юля к столу подходит, водку разливает, ни с кем не чокаясь, пьет.

— Значит, блядь, этот вот облезлый отстойный дядька — мой папахен? — говорит она, наконец-то взглянув на Сергея. — Подарочек, блядь!

— Не такой уж облезлый, если приглядеться, — защищает Сергея подружка.

— Ты и матом ругаешься? — еще больше шокирован Сергей.

— Да, папочка, — невозмутимо говорит Юля. — Я пью, курю, ругаюсь матом. А еще я сплю с мужчинами, а иногда с девочками. С моей лучшей единственной подругой, например.

Подружка, нимало не смущаясь, протягивает Сергею руку.

— Марина.

Сергей неловко жмет ее.

— Сергей Иванович, — представляется он и поворачивается к дочери. — Это у вас юмор такой молодежный? Как на МузТВ у этой, Маши Малиновской? Хорошая ведущая, просто умница. И рекламы у них немного, все больше для молодежи. Даже презервативы рекламировали, я сам видел.

— Папа, если ты хочешь спросить, не боюсь ли я залететь, считай, ты уже спросил, — резко говорит Юля. — Я предохраняюсь. Я знаю больше способов предохраняться, чем ты за всю жизнь книжек прочитал.

— Да, а подарок-то! — спохватывается Сергей.

Он притаскивает из коридора запечатанный сверток, распаковывает его и бросает на пол огромную шкуру белого медведя.

— Я ж говорила — с почты, — говорит Марина. — Видишь, с посылкой!

— И на фига козе баян? — зло спрашивает у отца Юля.

— Не понял? — упавшим голосом отвечает Сергей.

— На фига мне эта драная подстилка? — говорит Юля. — Пыль собирать? Где ее расстилать в нашей конуре?

И снова в разговор встревает Марина.

— Сергей Иванович, а вы надолго приехали?

— Я, Мариночка, еще не знаю, — говорит Сергей. — Вот еще с мамой Юлечкиной поговорить надо, давно не виделись.

Юля вскипает.

— Ну, ты же столько ждал, терпеливый такой, даже писем не писал. Наверное, чтобы сильнее себя помучить? Папа, а ты случайно не садо-мазо? Мне в родители извращенцев не надо.

— Не слушайте ее, Сергей Иванович, — дружелюбно говорит Марина. — Ну какой же вы извращенец, даже смешно.

— Завязывай клеить моего батю, понятно? — бросается на подругу Юля. — Он ко мне приехал, понятно? Со всей своей нерастраченной отцовской нежностью и всеми пирогами. Выбрал время подходящее, дочь подросла, подгузников покупать не надо, на прокладки сама заработает. А он, значит, будет давать мудрые советы и проверять, во сколько я домой возвращаюсь. А меня ты спросил, на хрена оно мне, твое отцовство?

— Юлечка, да ведь как же? — только и может негромко сказать Сергей.

— А никак же! — обрывает его Юля. — Маринка тебе все объяснит, фазер. Она на тебя сразу повелась, дура. Чао, фантики!

Юля выходит в прихожую, оттуда — в кроссовках на босу ногу и куртенке, наброшенной на плечи, — на балкон.

— Ты куда? — растерянно спрашивает Сергей.

— Кислороду глотнуть, — бросает Юля. — Душно тут... Маринка, выйди на секунду.

На балконе Юля говорит подруге:

— Я сбегаю, приведу мать. Пусть сама с этим типом разбирается.

— А я? — спрашивает Марина.

— А ты задержи его. Любым способом. Чтоб не смылся.

— Ладушки! — говорит Марина.

Юля перелезает на соседский балкон и стучится.

— Аделаида Мелкумовна! — говорит она, давая знак Марине, чтобы та ушла. — У меня тут дверь заклинило. Можно я через вашу квартиру выйду?

— Ладно, Сергей Иванович, забей, — говорит Марина, вернувшись в комнату. — Давай на брудершафт, что ли?

— Хорошо, только я соку — не хочу напиваться в такой день.

Сергей и Марина пьют на брудершафт — поцелуй у Марины получается какой-то очень уж долгий.

— Мариночка, я к ней всей душой, — оторвавшись и переведя дыхание, говорит Сергей. — А она плюнула и ноги вытерла. Прямо как...

— Серпом по яйцам? — предполагает Марина.

— Ой! — только и может сказать Сергей.

— Извини, вырвалось, — говорит Марина. — Брошенное поколение. Идеалов нет, воспитания никакого.

И снова целует Сергея. Тот, освободившись, спрашивает:

— А что-то Юля у нас долго курит?

Он открывает дверь на балкон — никого нет.

— Ну что, старый перец? — говорит сзади Марина. — Дочку посмотреть захотел? Отцовские чувства взыграли?

— Мариночка, а где Юля? — поворачивается к ней Сергей.

— Мы крепко влипли, папочка, — хохмит Марина. — Особенно ты. Я малолетка, мне больше поверят. Юлька сейчас с балкона спрыгнула. Насмерть. С днем рожденья дочки, папуся!

Марина отходит к столу, наливает себе стопку, пьет, не чокаясь.

Сергей смотрит с балкона вниз.

— Юля, Юля!

— Всё, нет Юли! — говорит из комнаты Марина и смеется.

Сергей вбегает в комнату, хватает Марину и изо всех сил трясет ее.

— Что с дочкой? Говори, что с дочкой!

Марина заходится смехом еще больше.

— Да наврала я тебе, наврала! — признается она. — Юлька попросила задержать тебя любым способом! Вот я и задерживаю.

Не успевает Сергей понять смысл этих слов, как она стягивает с себя колготки и трусики, сама падает на стол, а его валит на себя.

В служебном кабинете костромской мэрии Елена и ее напарница по отделу внешнеэкономических связей Аня устроили перерыв и пьют чай.

Аню смущает, что она вроде полнеть начала. Не допив чай, она подошла к зеркалу, топик задрала и животик свой рассматривает.

— Пузико, — говорит Аня. — Я думала, после шейпинга оно пропало. Пузико, ты почему здесь?

— Ему тут нравится, — бросает Елена.

Аня с легким вздохом прекращает изучение пузика.

— Мэйби. Какие планы на вечер? Куда-нибудь со своим идешь?

— Нет, — отвечает Елена.

— А мой нынешний — ну совсем безбашенный, — хохочет Аня. — Еще вчера на спор косяк забивал прямо рядом с секьюрити. Кстати, сегодня тебя тоже звал. Сказал, обе подходите.

Елена мотает головой.

— Юльке обещала, пораньше вернусь.

— Избаловала девчонку, — говорит Аня. — Что она, без тебя спать не ляжет?

— День рождения все-таки. Восемнадцать лет. Надо ж когда-то и с дочерью побыть.

— Мэйби, — говорит Аня.

В этот момент открывается дверь и в кабинет входит Юля — в кроссовках на босу ногу, еле-еле прикрытая куртешкой. Сразу, с порога — вопрос матери:

— Сказать сразу, или сама попросишь?

— Могла бы и поздороваться, — Елена неприятно удивлена поведением дочери. — А ты почему...

— Не хочешь сразу. Ну-ну. Мне не к спеху, — пожимает плечами Юля.

— Ой, Юленька, — сладко говорит Аня. — Ты сегодня просто картиночка. Праздник какой-то?

— Ага, самый главный, главнее Нового года, — мрачно говорит Юля. — Папочка родимый к нам заявился.

Елена замирает.

— Ты что, рехнулась? Какой папочка?

— Тебе лучше знать! — Юля в упор смотрит на мать. — Говорит, мой собственный.

— Да не было у тебя никакого папочки, — вырывается у Елены.

— Ты меня в пробирке, что ли, рожала? — едко спрашивает Юля. — Кто меня зачал, голубь мира?

— Погоди, — спрашивает Елена, — он что, к нам домой пришел?

— Слава богу, догнала наконец-то, — издевательски всплескивает руками Юля. — Пришел вместе с Маринкой, я, грит, весть принес. Ну и выложил ее, весть свою, с прибором.

— А сейчас он где?

— Всё там же, всё так же.

— Ты что, одного его оставила?

— Зачем одного, что я, дурочка с переулочка? — Дочь гораздо спокойнее, чем мать. — Там Маринка. А я на балкон к соседям перелезла и фьюить!.. А Маринку предупредила, чтоб она его держала, пока ты не подъедешь. Он нам — сюрпризец, а мы ему — по рогам.

— Соображаешь... — одобряет Аня.

— Спасибочки, тетечка Анечка, — тут же реагирует Юля. — У вас учусь, у взрослых тетечек.

— Не мели языком, — обрывает ее Елена. — Давай срочно туда, приглядывай за ним. Чтобы постоянно на виду, постоянно, а я скоро буду.

Юля спокойно садится на стул и наливает себе чаю.

— Уже метнулась, — говорит она, отогреваясь чаем. — Прям с ускорением. Прям мечтала, чтоб ты на меня скинула это сокровище — сидеть без тебя с мужиком, с которым ты когда-то переспала и меня заделала.

— Ну ты дрянь, Юлька, — говорит Аня.

— Есть на кого равняться, — пожимает плечами Юля.

Елена в панике.

— Гос-споди, голова кругом. Я тебя прошу, слышишь, пожалуйста, пожалуйста, поезжай домой. И жди меня, мне надо собраться с мыслями. Я тебе все расскажу. После. Это не твой отец, это какой-то прощелыга. Я не знаю, что ему нужно, может, просто больной, есть такие. Не запирай дверь, и чтоб Марина тоже осталась, вдвоем спокойнее. — И тут же спохватывается: — Прости меня, я с ума сошла, куда ты поедешь...

Юлю материны слезы совершенно очевидно напрягают.

— Да без проблем! — говорит она, вставая со стула и запахивая куртку. — Что я, психов не видела. Всё, мать, закрыли тему. Только не задерживайся, а то вместо дня рождения на поминки угодишь. Разрешаю смеяться!

Она делает еще один глоток чая, встает, машет рукой на прощание.

Как только дверь за Юлей закрывается, Аня сообщает:

— Детей надо травить «Раптором», как муравьев на кухне... Ленк, да брось ты, разберешься.

— Какой был день хороший... — вытирая слезы, говорит Елена. Она берет трубку телефона, набирает номер. — Здравствуйте. Да, пожалуйста... Это я. Ты мне нужен. Прямо сейчас... Мне нужна твоя помощь, это ты способен понять?.. Что значит «не в форме»? А когда ты в форме? Ну, ты себе льстишь... Не больше получаса... Тогда можешь не показываться, ни под каким видом. Знаешь, люби кататься... В общем, впрягайся в саночки... Я, конечно, тебя не насилую... Хорошо, попробую.

Елена вешает трубку, закуривает и говорит словно бы самой себе:

— Лучше бы собаку завела.

— Мэйби... — соглашается Аня.

В Юлиной квартире свои разборки. Марина лежит на спине удовлетворенная и курит. Сергей мечется по комнате, мучаясь от только что совершенного греха.

— Господи! В такой день! Такое!

— Да ладно тебе, — успокаивает его Марина. — Никто не узнает. И вообще, нельзя же быть таким старомодным. Как ты собираешься при своих отсталых взглядах найти общий язык с Юлькой? Считай, я тебя ввела в тему.

— Нет, подожди, я о другом, — начинает Сергей, но Марина вновь его перебивает:

— Я уже реально ни слова не понимаю, что ты говоришь. Поколение... Идеалы... Нужно быть гибким... Я вот, например, под любого подлажусь. Когда надо — впуклая, под выпуклость, когда надо — выпуклая, под впуклость. — Она ловит Сергея, который проходит мимо, и щекочет его, хихикая. — Новая Земля, говоришь?..

Елена сидит в баре. Рюмка коньяка перед ней уже наполовину пуста. Звонит мобильный — на нем высвечивается «ник»: «Игорь». Елена отключает связь.

Юля входит в квартиру и сразу чует неладное.

— Что случилось? — спрашивает она у Марины, которая успела одеться и сесть на диван.

— Ничего, — невинно моргает ресницами Марина. — Дружески общались с твоим отцом. Между прочим, клевый мужик.

Юля видит под столом трусики Марины и с негодованием поднимает их.

— Ты что, трахалась в моем доме?

— Тоже мне новость, — пожимает плечами Марина. — Впервой, что ли?

Она забирает трусики и тут же, не смущаясь, на глазах Юли и Сергея начинает их надевать. Сергей смущенно отворачивается.

— С моим отцом? — наступает на подругу Юля.

— Юль, — нервничая, говорит Сергей, — не надо, она тут как бы ни при чем... Не совсем при чем...

— Чего не надо, чего не надо? — кричит на него Юля. — Козлина! Все вы козлы... Чего ты лыбишься, прошмандовка?

— А я, — говорит Марина, — твои инструкции выполняла. Задержи, чего б ни стоило. Ну, я задержала. Он тебя, кстати, уже оплакал, я сказала, ты с балкона сбросилась. Потом, вижу, чел не в себе, раскололась. Утешила, как могла.

— Тебе только лечь под кого угодно, — не успокаивается Юля. — А вдруг это отец мой, настоящий?

— Да у тебя сомнения, подруга, — констатирует Марина. — С чего бы это? Ты взгляни в зеркало-то, а? Фамильное сходство налицо. Нос — его, губы — его, брови, однако, мамины...

— Ты, тварь, иди сюда, — кричит Юля. — Я тебя счас размажу.

— Да ты сама-то кто? Девочка с персиками? — Марина резко поворачивается к Сергею. — Ты знаешь, Сергей Иванович, чем твоя доча занимается? Ты думаешь, она студентка или там в конторе бумажки сортирует? Она краденые мобилы продает. Карманники ей сгружают, а она продает. И крыше ментовской отстегивает.

— А крышей работает Маринкин папа! — сообщает в ответ Юля. — Начальник районного отделения ментуры.

Девчонки смотрят друг на друга, ударяют ладошкой по ладошке — вот и помирились!

— А крышей работает мой папа, — подтверждает Марина. — Кстати, могу познакомить...

— А зачем? — не понимает Сергей.

— Как зачем? Как честный человек, ты обязан на ней жениться... — со смешком говорит Юля. — Правда, таких, как ты, полгорода...

— Да ты гонишь, подруга! — возражает Марина. — Ну, пара районов...

— Кстати, Мариша, а как тебе мой папаня в постели? — спрашивает Юля. — Семейную честь не уронил?

— Вполне, — Марина поднимает большой палец. — Можешь гордиться!

И обе подруги хором запевают:

Комбат, батяня, батяня комбат!
Ты сердце не прятал за спины солдат!..

В баре, где сидит Елена, бармен включил музыку. Елена ни музыки, ни людей поблизости не замечает. По лицу ее текут слезы. Перед ней уже две пустые рюмки,

третью держит в руке. Кофе в чашке успел остыть. Трезвонит мобильный. Елена, даже не проверяя, кто звонил, отключает телефон.

В Юлиной квартире разговор набирает обороты.

— Жениться? На Марине? — Сергей явно не готов к такому предложению.

— Да ладно, Юлька шутит! — машет рукой Марина. — Какое замужество! Так, перепихнулись чисто по-дружески... Хотя... — игривый взгляд на Сергея, — мужик ты вполне, и на роль мужа...

— Засунь планы на моего отца себе в задницу, — сурово говорит Юля. — Ну, собственно, ты, папа... или как тебя там?.. Наверное, хочешь маму мою дождаться...

— В общем-то, — оживляется Сергей. — Хотя как-то неудобно...

— Ну, в любом случае, не так неудобно, как бросить меня в нежном младенческом возрасте, — говорит Юля. — Значит, так! Праздник продолжается, никто его не отменял. Скоро придет Юрик...

— Какой такой Юрик? — настороженно спрашивает Сергей.

— У тебя на этот вечер Маринка есть, какое тебе дело до чужих кавалеров? — обрывает его Юля. — А потом и другие гости подвалят, так что стол, хошь не хошь, накрывать придется. Поможешь на кухне?.. Или на шкуре позагорай. Телик посмотришь. Новости последние...

В бар, где сидит Елена, входит ее многолетний любовник Игорь, вице-мэр.

— Слушай, что с тобой? — говорит он, подсаживаясь к Елене. — Я битый час звоню! Сначала помощи просишь, потом трубку не берешь. Жена с детьми уехала до утра — каждый час дорог.

— А я что, обязана по первому твоему свистку бросать все дела и прыгать к тебе в койку? — Елена явно стремится побольнее задеть Игоря. — Для этого у тебя жена есть.

— Слушай, я так, пожалуй, обижусь, — помолчав, говорит Игорь. — Про жену мы все в свое время обговорили...

— А может, мне обидеться? — резко спрашивает Елена. — Сегодня у дочери день рождения, восемнадцать лет, ты меня хоть как-то поздравил? Хоть на минуточку задумался, что мне сегодня захочется быть с ней?

— Лена, что случилось? — тихо спрашивает Игорь.

Елена берет себя в руки и уже спокойнее сообщает:

— Случилось то, что приехал муж.

— А разве?..

— Бывший муж, — перебивает его Елена. — Отец Юльки...

— А, понятно, — чуть успокоившись, говорит Игорь.

— Ладно, поговорили, а теперь гуляй, — Елена рукой отсылает его прочь. — Проку от тебя все равно никакого. Я лучше одна побуду.

— Одна так одна. Что я — зверь, что ли? Как скажешь... — Игорь тянется, чтобы поцеловать Елену в губы, но, увидев выражение ее лица, чмокает в щечку и бросает на прощание: — Если планы изменятся, звони.

— Баран! — бросает ему вслед Елена и плачет навзрыд.

Сергей решительно заходит на кухню, повязывает фартук, инспектирует холодильник и шкафы.

— Так, мука, мясо, лук, приправы... — говорит он. — Все вижу! Сегодня у нас пельмени по-сибирски.

— Пельмени?.. — разочарованно говорит Юля. — Мы что, такие бедные?

— Ой, как интересно! — хлопает в ладоши Марина.

— Глупая! — говорит дочери Сергей. — Не понимаешь, что такое настоящие пельмени. — И приказывает: — А вы пока займитесь салатами.

Елена в баре вытирает слезы, подправляет макияж и показывает официантке, чтобы та принесла счет. Расплатившись, она выходит на улицу, прямо в метель.

Сергей, как заправский повар, шинкует лук и режет мясо. Юля и Марина зашли на кухню за тарелками, с уважением смотрят на такое мастерство.

— Я вот хотел спросить, — осторожно говорит Сергей. — Насчет того, что не только мальчиков, но и девочек... как бы это сказать...

— Да пошутили мы, — говорит Юля. — Надо ж было тебя позлить.

— Вы про что, а? — интересуется Маринка.

— А насчет краденых мобильников? — продолжает Сергей.

— А вот это правда, — говорит Юля и вызывающе смотрит на отца. — Будешь воспитывать?

Сергей, поколебавшись, отвечает:

— Нет, не буду.

— Вот и правильно! — Юля на Сергея первый раз за весь вечер взглядывает с одобрением, но тут же добавляет: — Сам неизвестно где шатался столько лет, так что молчи в тряпочку.

— Вы не обращайте внимания, Сергей Иванович! — успокаивает его Марина. — Юлька только с виду грубятина. А в душе — добрая!

— Это ты, Маринка, у нас добрая, чужим отцам давать, — колко отвечает Юля.

— Девочки! — пытается сменить тему разговора Сергей.

Но Юля уже уводит Марину, бросив напоследок:

— Лепи, лепи свои пельмени, сибиряк хренов!

Елена идет по городу, слегка пьяная, зареванная, несчастная. Дует ветер, валит снег, по земле метет поземка.

Раздается звонок в дверь, и Юля идет открывать. На пороге стоит ее ухажер Юрик с букетом цветов в руках.

— Мои поздравления! — говорит он, целуя Юлю в губы. — С днем варенья!

Увидев Марину, Юрик и ее приобнял.

— Приветец, приветец!

Сергей, услышав голоса в коридоре, выходит, вытирая о фартук руки.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек!

— Юльк, это кто? — ошарашенно спрашивает Юрик.

— Мой папа родной, — говорит Юля. — Сергей Иванович. Знакомься. Решил проявиться на мой день рождения.

— Это которого ты хотела найти и убить? — спрашивает Юрик.

— Заткнись! — отрезает Юля. — Это мой день рождения! И мой дом! Кого хочу — впускаю, кого хочу — выгоняю! Тебе не нравится — вали отсюда.

— Не, конечно, ты — хозяйка, тебе решать, — идет на попятную Юрик.

— Дождемся маму, — сообщает ему на ухо Юля. — А там увидим...

— Так еще и мамаша будет? — разочарованно говорит Юрик. — Блин, настроение испорчено на фиг. Я-то думал оттянуться в полный рост... — Наткнувшись на свирепый взгляд Юли, Юрик прикусывает язык. — Вам помочь, что ли?

— Сходи за хлебом, одна нога здесь — другая там, — говорит Юля.

Марина и Юля раскладывают на столе пельмени, Сергей готовит соус. Опять звонок в дверь.

— А вот и мама! — говорит Юля.

— А может, этот... твой Юрик? — с сомнением спрашивает Сергей.

— Я маму узнаю по звонку. Как собака хозяина — по шагам!

Сергей снимает фартук и идет в комнату.

— Тогда надо подарок срочно достать!

— Ой, как интересно! — хлопает в ладоши Марина.

— Маринка, заткнись, — в который раз говорит Юля.

Юля открывает дверь и хочет поцеловать мать.

— Здравствуй, мамусик!

Елена уклоняется от поцелуя, отодвигает дочь и ищет взглядом Сергея.

— Здравствуйте, Елена Владимировна! — подчеркнуто официально говорит Марина.

— Где он? — спрашивает Елена.

В коридоре появляется Сергей. Он что-то прячет за спиной.

— А вот он я! — сообщает он тоном фокусника.

Елена кладет ладонь на щеку бывшему мужу, словно погладить хочет.

— Эники-беники! Пикапу-трикапу!.. — упавшим голосом говорит Сергей. — Подарок матери именинницы! — И он достает из-за спины огромную связку соболиных шкур и протягивает Елене. — Будет зима — будет и шуба!

Рука, что лежала на щеке Сергея, бьет его. Раз, другой!

— Уходи! Как ты посмел явиться сюда! Да еще в такой день! Подонок!

Сергей молча передает Юле связку шкур, начинает одеваться.

— Прошу прощения! — глухо говорит он напоследок. — Обещаю, вы меня больше никогда не увидите!

На лестничной площадке Сергей чуть не сталкивается с Юриком, который несет в пакете хлеб и водку. Услышав, как хлопает дверь подъезда, он заходит в квартиру Юли.

— Ну что, убрали родственничка? — интересуется Юрик. — Молодца!

— Иди на кухню, нарежь хлеба! — приказывает ему Юля и обращается к матери: — Последнее слово было за тобой. Ты его выбрала когда-то... — Не договорив, Юля машет связкой соболей. — А с этим барахлом что делать?

— Догнать и вернуть уже не успеем, — негромко говорит Елена. — Пусть будет наш общий подарок тебе — от родителей.

Юля фыркает:

— Нормально! Любимой дочери от любящих родителей... Маришка, хочешь?

— Не дуркуй — за них в магазине можно лавэ отбить, — лениво говорит Маринка и добавляет со вздохом. — Зря вы его прогнали.

— Ну, это не тебе решать, — отрезает Юля.

— Я, пожалуй, не буду задерживаться, — помолчав, говорит Елена. — У тебя гости... Юрик... Переночую в другом месте...

— Где? — спрашивает Юля и, что-то сообразив, добавляет: — А, да... поняла... Спасибо за поздравления, мама!

— А разве я тебя поздравляла? — Елена искренне недоумевает.

Елена одевается, выглядывает на лестничную пощадку. Убедившись, что Сергея там нет, спускается по лестнице и говорит по мобильному:

— Алло? Игорь? Как ни печально это звучит, ты снова оказался прав... Да, еду...

По белой плоскости замерзшей реки движется черная фигурка. Идет Сергей с одного берега Волги на другой. Не сильно пьяный, но под газом.

На волжской набережной, куда выводит протоптанная тропинка, Сергея поджидают трое милиционеров. Рядом — патрульный «уазик».

— А, ребята, здорово! — машет рукой Сергей. — На страже порядка? Скажите, а дети у вас есть? Дочка, конкретно.

— Добрый вечер, — первый милиционер делает небрежное движение правой рукой куда-то в направлении кокарды на шапке. — Старшина Косопулин. Документики.

Из всего услышанного Сергей только и понял, что фамилию старшины. Да и то — сразу не повторишь.

— Вот скажи, старшина Косопу... лин... У тебя есть дщерь единокровная?

— Как самочувствие? — интересуется второй милиционер.

Сергею такой поворот беседы не нравится.

— А ты что, доктор? Норма... А вот у тебя есть?..

— Некультурно, дядя, ай, как некультурно, — цедит сквозь зубы третий милиционер. — Тебя, сука, вежливо спросили, как самочувствие, а ты борзеешь.

— Что пили? Сколько? Повод какой? — спрашивает второй милиционер.

Старшина сокрушенно вздыхает.

— Нет документиков. Придется проследовать. Проследовать придется.

— Ребят? Вы что — не люди? — удивляется Сергей. — Я к дочке приехал...

Второй милиционер начинает составлять протокол.

— «Лежал на набережной в грязной одежде, находясь в виде, оскорбляющем человеческое достоинство». Пить не могут, а как пятница, надираются, бля, в лоскуты.

— Я ее восемнадцать лет не видел! — твердит свое Сергей.

Третий милиционер ткнул дубинкой в плечо Сергею.

— Ну чё, оприходуем, что ли?

— Парни, не надо так. Зачем? — пытается объясниться Сергей. — Есть документы, билет есть, только вчера приехал.

— Ага! С Северов, значит, — чему-то радуется третий мент. — С длинным рублем? Квартиру здесь покупаешь?

Сергей пытается обойти милиционеров, перекрывших ему дорогу.

— Нет, я же сказал, что к дочери. Парни, я пойду...

Удар дубинкой по ногам, и Сергей согнулся от боли.

— Стоять, папаша, — командует третий мент. — Ты чё, урод, не всосал?

И снова — дубинкой. У Сергея подкосились колени. Старшина поясняет:

— Сейчас проследуем с нами. Для установления личности.

— Слушайте, ведь я ж по-хорошему... По-человечьи... — Сергей все еще не верит, что его в лучшем случае не слишком сильно отдубасят и в отделение отвезут. — Сам подошел... Поделиться горем захотелось...

Второй милиционер — сама участливость:

— Да вы не волнуйтесь. О вас же заботятся. Человек выпимши, любой отморозок разденет, ограбит. Зачем нам кривую преступности повышать.

— Лезь в машину, короче, — теряет терпение третий мент. — Заманал уже.

— Парни, я...

— Ну, всё, — рявкает третий, — последнее китайское. Дальше прессую по полной программе. И не вякай потом, что не предупреждали.

Ухватив Сергея за ворот, старшина поднимает его с колен. И тут Сергей бьет мента в живот, мент сгибается и оседает. Второй и первый еще не поняли, что происходит, а Сергей хватает выпавшую из рук третьего резиновую дубинку и нейтрализует стражей порядка. Все трое остаются лежать на снегу, а Сергей запрыгивает в «уазик» и заводит машину.

Юля и Юрик, после того как все гости ушли, остались в квартире одни. Юрик пытается пристроиться к подружке, за ушко подуть, руку запустить под блузку, но получает по руке нешуточный удар.

— Отвали! — говорит Юля. — Не будет сегодня сладкого.

— Ты что, не в духе? — недовольно спрашивает Юрик.

Юля закуривает и насмешливо сообщает:

— Мог бы и без подсказки почувствовать!

— Из-за этого старого хрена папаши? — возмущается Юрик.

— Не такой уж он и старый, — говорит Юля, делая длинную затяжку.

Юрик вскипает:

— Юль, да ты что? Этот придурок тебя с матерью бросил, алиментов не платил, ты и не знала, что он жив, реально! А теперь заявился — здравствуй, жопа, новый год!

Юрик вскакивает с дивана, мечется по комнате, затем собирает разбросанные по комнате CD. В двери останавливается и говорит обиженно:

— Ты почему не спрашиваешь, что я делаю?

— Что ты делаешь? — спрашивает Юля, выделяя каждое слово.

— Иду домой. Потому что ты меня обидела не по-детски!

— Правильно, иди домой, — невозмутимо говорит Юля. — Так будет лучше.

— И это называется любовь? — не выдерживает Юрик. — Да ты, похоже, в папашку пошла!

— Что?

— Извини-извини! — поднимает руки Юрик. — Сорвалось. Не то хотел сказать. А чмоки-чмоки?

Юля целует его в щеку, и, выходя, Юрик бормочет:

— Праздник, называется!

Дежурный в районном отделении милиции удивленно смотрит на Сергея.

— Добрый вечер, — говорит Сергей. — Жалобы принимаете?

— Да, а что? — вежливо говорит дежурный.

— Привез хулиганов. Пытались избить меня. Думаю, особо опасные преступники, потому что одеты в милицейскую форму.

— Оборотни, что ли? В погонах? — ржет дежурный.

Сергей головой кивает:

— Похоже на то.

Вышли во двор РОВД. Дежурный в недоумении.

— Бляха-муха! Это ж наша машина?

— Следить надо, чтобы не угнали, — советует Сергей.

Дежурный открывает дверцу сзади, а оттуда выпадают трое ментов — злые и побитые.

— Принимайте! — говорит Сергей дежурному. — По протоколу или как там у вас?

Дежурный ничего не понимает.

— Леха, он вас чё — в одиночку вырубил? — спрашивает он у старшины.

Первый милиционер вырывает у Сергея дубинку и вполголоса говорит:

— Мужик, ты у нас сейчас кровью ссать будешь.

В квартире Игоря, несмотря на поздний час, горит свет. Игорь и Елена лежат в постели.

— Ты скажешь сегодня хоть слово? — прерывает паузу Игорь.

— Какое слово? — Елена бесстрастна, тиха.

— Я тебя не узнаю. Можно подумать, ты не рада.

— Рада.

— Нет, лучше уж молчи! — Игорь поднимается, ищет ногой тапочку. — Пойду-ка выпью.

В огромной гостиной сидит в кресле пьяненькая Марина, смотрит МузТВ, ест чипсы. Входит отец Марины. Он в милицейской форме, на погонах — майорская звезда.

— Не спишь? Как погудели? — спрашивает отец.

Марина молча поднимает большой палец.

— А у нас хохма, — пытается разговорить дочку майор. — На соседнем участке какой-то приезжий с Севера отметелил трех парней из наряда. Сам их привез на «уазике» в участок, арестуйте, говорит, хулиганов.

— С Севера? — Марина роняет пакет с чипсами на пол.

— Да, к дочке своей приехал, что ли. Если продержится до утра в обезьяннике, считай, в рубашке родился.

Марина вскакивает.

— Ты чего, обкурилась? — озадаченно спрашивает отец. — Чего мечешься?

В квартире Юли раздается телефонный звонок. Юля подходит к телефону.

— Что? — говорит она. — В обезьяннике? Что он там делает? Забьют насмерть?

Юля бежит в прихожую и начинает одеваться.

В квартире Игоря тоже звонок. Елена берет свой мобильный.

— Что? Юлька, у тебя совесть есть?.. Забьют насмерть?..

Колготки, платье, сапоги, быстро волосы причесать... Игорь смотрит на сборы в полном недоумении.

— Ты с ума сошла? Куда посреди ночи?

— Отстань! — коротко бросает ему Елена.

Она выбегает в коридор, даже не закрыв за собой дверь.

В дежурке РОВД сидят двое. Дежурный что-то пишет, не поднимая голову от бумаг, а первый мент, что Сергея задерживал, дубинкой поигрывает.

— Ну и? — ни к кому не обращаясь, говорит дежурный.

Старшине спешить некуда.

— Ща, подождем! Пусть разомнутся.

— Только чтоб не насмерть! — предупреждает коллега. — Не в мое дежурство!

— А это уж как получится... — Первый настроен мрачно. — Тебя бы так...

Открывается дверь, и в отделение вваливаются Юля, Марина, Елена и отец Марины, так и не снявший форму. На часах — половина второго.

— Здрасьте!.. — дежурный слегка растерян. — Михалыч, ты чего... Вроде как спать собирался.

— Тут такое дело — это родственники мужика... ну, который с Севера, — говорит майор. — Он реально к ним приехал.

— Если хоть одна падла его пальцем коснется, — перебивает Маринного отца Юля, — я вам лично глотки перегрызу!

— У ты, какая! — привстав с места, старшина разглядывает Юлю. — А...

— Леха, помолчи!.. — нервно обрывает его дежурный. — А кто ж это у нас? — дежурный пробежался пальцами по клавиатуре и читает с экрана: — Снегирева Юлия Сергеевна, на момент задержания неполных восемнадцати лет, задержана за торговлю краденными мобильниками, дело передано в Центральное РОВД... — смотрит на Маринного отца, — к тебе, Михалыч, и закрыто за отсутствием доказательств.

— И что? — невозмутимо спрашивает майор.

— А ничего, — говорит дежурный. — Знаешь, как в анекдоте: серебро нашлось, но осадок остался. Славненькая семейка. Он находящихся при исполнении представителей органов правопорядка...

— ...обезоружил, — продолжает фразу отец Марины и добавляет: — Один троих...

Дежурный прищуривается.

— Зря лыбишься, Михалыч! В одной лодке сидим!

— А есть у тебя в компе информация, что задержанный — друг Николая Серова? — спрашивает Маринин отец. — Серов из Москвы уже позвонил своему адвокату. И адвокат едет сюда.

— Что ж ты сразу-то не сказал! Михалыч, пойдем! — засуетившийся дежурный вскакивает, хватает ключи и командует: — Остальные — посидите. Леха, погляди за порядком.

В коридоре, где двери камер, у дежурного совсем сдают нервы. Отпирая трясущимися руками замок, он повторяет:

— Надеюсь, не опоздали...

Дверь распахивается. В одном углу затравленно озираются два бугая с окровавленными мордами. В другом, как ни в чем не бывало, сидит Сергей.

— Начальник, забирай его отсюда! — кричит первый бугай. — Он же больной! Совсем с крышей не дружит!

— Ну, начальник, предупреждать надо! — канючит второй.

Отец Марины сразу все понял.

— Подсадные, что ли?

— Так! — распоряжается дежурный. — Вы — остаетесь! Ты — руки за спину, идешь впереди меня.

— Никуда не пойду! — насупившись, говорит Сергей. — Требую адвоката, прокурора, не знаю, кто там еще у вас... Чтоб все шло по закону. И чтоб эти три скота жрали тюремную баланду по закону.

Отец Марины делает шаг вперед и мягко сообщает:

— Слышь, друг... Там Елена и Юля тебя ждут.

— Да? — недоверчиво спрашивает Сергей, смотрит на майора и говорит: — Ну, тогда другое дело.

Все трое выходят в коридор. Дежурный, запирая дверь, на ухо говорит майору:

— Пронесло! Два месяца до выборов, несколько наших баллотируются. Если бы они его забили, а тут — адвокат Серова... Ой-е, подумать страшно.

В дежурке появлению Сергея больше всех удивился старшина.

— Не, я че-то не врубаюсь, — моргая, говорит он. — А че это он своим ходом?

Сергей неожиданно прыгает вперед, выхватывает дубинку у старшины, двумя ударами обезноживает его. Несколько ударов по почкам, по спине, по шее.

— Ну что, гнида? Кого из нас понесут? — спрашивает Сергей и обращается к дежурному: — Оформляй протокол, при свидетелях! Или я этому ублюдку кадык вырву!

— Палыч, пристрели его! — хрипит старшина.

Дежурный держит руку на кобуре, но извлекать свой табельный «Макаров» не спешит.

— Нет, Леха, не получится, — качает он головой. — Сейчас припрется адвокат, и вся выборная кампания нашего генерала кое-чем накроется. Тебе погоны плечи жмут? — Дежурный поворачивается к Сергею. — Вы свободны! Приношу извинения за инцидент — проведем дисциплинарную проверку, если найдем виновных, обязательно накажем. И проинформируем.

Замечая, что старшина пытается что-то возразить, дежурный приказывает ему:

— А ты молчи!

Сергей продолжает держать мента за горло.

— Я с места не двинусь, пока не увижу адвоката и прокурора! — твердо говорит он.

В помещении воцаряется тишина.

— Эй, кто вы там, родные? — говорит дежурный. — Повлияйте на своего папашу или супруга, кем он вам тут приходится. Он мне все отделение перебьет — кому потом охранять общественный порядок в районе?

— Я сказал: мне свобода не нужна, — Сергей непреклонен. — Мне нужна справедливость!

Люди в дежурке переглядываются и начинают хохотать, даже стоящий на четвереньках милиционер смеется перекошенным ртом.

— Он что у вас, с луны свалился? — спрашивает сквозь смех дежурный.

— Сергей, отпусти его! — выходит вперед Елена. — Про закон здесь лучше не вспоминать.

— Ничего не знаю! — настаивает Сергей. — Адвоката и прокурора!

— Слушай, мы с тобой вроде как ровесники, — вступает в разговор Маринин отец. — Извини, что жизни учу... Хочешь по закону? Со всем удовольствием. Только для начала ты должен сесть. На время следствия. Потому что на тебе избиение трех представителей органов правопорядка и угон служебной машины. Плюс прибавилось нападение на милиционера при исполнении... Адвокат, конечно, тебя отмажет. Может быть, даже посадит кого-то из тех, кто тебя обидел... Но до того момента, когда ты выйдешь чистый и незапятнанный, пройдет минимум год или полтора, потому что суды у нас перегружены... Тебе оно нужно? Ты в гости приехал или чтобы своей отсидкой кому-то какие-то принципы доказывать?

— Кто это? — говорит Сергей.

— Это мой папа, Сергей Иванович, — радостно сообщает Марина.

Сергей пристально смотрит на незнакомого майора.

— И вы тоже считаете, что надо спустить на тормозах — будто ничего и не было?

Молчание.

— Папа!.. — не выдерживает Юля. — Ради меня...

— Да... — устало говорит Сергей, — да...

Отпустив мента, он бросает дубинку на стол, идет к Юле и Елене и обнимает их.

Выйдя из РОВД, Сергей спрашивает отца Марины:

— А насчет адвоката — правда?

— Я до Николая дозвониться не мог, — признается майор. — Домашний телефон не отвечает, а мобильный пробить времени не было. Но адвоката его у нас и в самом деле боятся.

Сергей протягивает руку майору.

— Сергей.

— Владимир! — Оба жмут друг другу руки. — И куда теперь?..

Марина хлопает в ладоши.

— Вот и познакомились! Вот и познакомились!

— Маринка, заткнись! — огрызается Юля.

— Еще не думал. Наверное... — Сергей делает шаг с крыльца и падает на руки Елены и Юли.

— Что случилось? — пугается Елена.

— Папа, что с тобой? — кричит Юля.

— Сергей Иванович! — всплескивает руками Марина.

— Чего-чего! — обрывает их майор. — Похоже, почки ему отбили. И ноги. Дай бог, чтобы не всерьез. Как он эту боль терпел...

— И что теперь делать? — кусая губы, спрашивает Юля.

Майор пожимает плечами.

— Отлеживаться! Отпаивать! Лечить народными средствами.

— Папа, а может, к нам возьмем? — с надеждой спрашивает Марина.

— Маринк, ну ты скажешь! — Майор поражен. — У него вроде как семья есть.

— Вот именно! — решительно заявляет Юля. — Дочь и...

Она смотрит на мать.

Елена после минутного колебания принимает решение:

— Всё, решено, везем его к нам домой. Держись за плечи.

— В машину ко мне, живо! — распоряжается Маринин отец. — А ты... — Он испытующе смотрит на дочь. — Прямым маршрутом домой. Никаких клубов, никаких мальчиков. Через полчаса вернусь, и не дай бог...

Кружится голова, в глазах все плывет, голоса какие-то. Сергей приходит в себя и осознает, что лежит в кровати в Юлиной квартире. Сама Юля сидит в кресле возле кровати.

— Спи! — говорит она. — Не нужно лишних движений.

— Я так не могу, — бормочет Сергей, пробует подняться, но падает назад.

— Врач сказал, почки, кажется, в порядке, ноги заживут, — сообщает Юля. — Зато нашли сотрясение мозга.

— Ну да, — соображает Сергей, — он по голове раза три ударил, в глазах потемнело. Так я посплю еще?

— Конечно, — говорит Юля.

Сергей закрывает глаза. В полусне слышит голоса.

— Он в сознании? — спрашивает Елена. — Ему лучше?

— По-прежнему, — отвечает дочь. — Но больше не бредит.

— Вот и хорошо. Я пока в аптеку сбегаю.

Громкий телефонный звонок. Трубку берет Елена.

— Алло? Мариночка, привет!.. Юлю?..

— Скажи, я занята, — еле слышно говорит Юля.

— Юля занята... — говорит Елена в трубку. — Может... Поговорить с Сергеем Ивановичем?.. — Закрыв трубку рукой, она снова обращается к дочери: — Юль, она хочет поговорить с ним...

— С ума, что ли, сошла? Скажи, папа спит.

— Мариночка, Сергей Иванович не может, он спит. До свидания, Мариночка!.. — Елена вешает трубку. — Что-то она раззвонилась чаще обычного.

— Уж не влюбилась ли? — хмыкает Юля. — Трахнулась — и влюбилась...

— Погоди-погоди... — удивленно говорит Елена. — Я не поняла. Кто с кем трахнулся?

— Маринка. С папкой. По моей просьбе. Нет, я ее не то чтобы трахнуться просила...

— Ну знаешь, дочь...

— Ну, мам, ты чуть что — сразу возбухать! — успокаивает ее Юля. — Человек с Северов приехал, изголодался по женщине. А тут — Маринка.

— Да если б я знала...

— Что б ты сделала? Выгнала? А сама-то ту ночь с кем коротала?.. Ой, я опять что-то... Посмотри, он спит?

Слышны шаги возле двери.

— Кажется, спит... Всё, я побежала в аптеку... — говорит Елена и добавляет: — Но знаешь, так нельзя...

Ночью Сергей просыпается. Вертит головой. Видит Юлю, уснувшую прямо в кресле возле его кровати. Он осторожно укладывает ее на постель и накрывает одеялом.

ды. Сможешь взять ее на себя — я буду тебе безмерно благодарна. Ты — отец моего ребенка. Надеюсь, хотя бы по этой причине мы сможем друг с другом общаться — без любви, без дружбы особой, зато без вражды. И это — лучший вариант. Прости, если обидела.

— Все-таки я опоздал, — после долгой паузы говорит он глухо.

— Со мной — да, — отвечает Елена. — А вот с Юлькой...

Они оба смотрят на дверь, за которой спит Юля.

Утром Юля просыпается в своей кровати.

— Что такое? Как я тут оказалась? — спрашивает она.

Сергей в кресле просыпается и протирает глаза.

— А что? — спрашивает он.

— Это ты меня в постель уложил?

— Я. Сейчас вспомню, — Сергей вскакивает на ноги. — Да, я. Ты в кресле заснула...

Юля встает с кровати и строго командует:

— А ну, живо обратно! Врач прописал покой и горизонтальное положение... Муттер на работу ушла?

— Кажется, — говорит Сергей, покорно залезая в кровать. — Да, ушла... А ты уверена, нужно? В постель? Я лет с пяти ничем не болел, не приобрел навыка.

— Вот и приобретай! — говорит Юля. — А я пока яишенку сбацаю!

Сергей и Юля на кухне уплетают яичницу.

— А тебе в институт не надо? — спрашивает Сергей небрежно.

— А откуда ты знаешь про институт, пап? — напрягается Юля. — Я тебе ничего не говорила.

— Видел на твоем столе зачетку, — говорит Сергей.

— А-а... — успокаивается Юля. — А я решила, что мама проболталась... Не учусь я там уже. Отчислена... На лекциях не парилась, зачетов не сдавала... Только маме не говори пока... Это она меня по блату туда пристраивала — на свой же родной факультет.

— А что ж бросила? — недоумевает Сергей.

— А зачем лузеров плодить?

— Чего-чего? — не понимает Сергей.

— Лузер — это типа неудачник по-английски, — терпеливо разъясняет Юля. — Сейчас все так говорят. Я мамку люблю, но... Согласись, пап, неудачница она у нас с тобой?

— Что? — Сергей пытается возмутиться.

— Ну посуди сам, — веско говорит Юля. — Мужа не смогла удержать — раз.

— Это не ее вина...

— Не перебивай... Вернулась в наш паршивый городок — два. Приличную работу не нашла — три. Мужиком не обзавелась, шарится с какими-то мудозвонами или женатиками — четыре.

— Но...

— Не перебивай! Дочку удержать на пути праведном не смогла...

— Пять! — продолжает отсчет Сергей и добавляет: — А зачем дочке вступать на неправедный путь? Не понимаю, хоть убей!

Юля смотрит на отца с легким снисхождением.

— Дочке, хоть убей, нужно жить на какие-то шиши, а не только пельмени на ужин, обед и завтрак жрать и шляться в маминых обносках. Где ты видел нынче деньги праведные? Где?

— Ну, на производство пойти, — растерянно говорит Сергей и машет рукой. — Ладно, не надо так смотреть, сам понял, что глупость сморозил.

— Есть три пути, — продолжает Юля. — Или красть, или сидеть обкраденным, или участвовать в распиле краденного бабла...

— «Распил»... «бабло»... — повторяет Сергей, укладывая новые слова в память. — А ты какой путь выбрала? Неужели первый?

Юля отрицательно головой качает.

— Не-а. Слишком стремно — красть. Я — простой реализатор. Меньше шансов залететь в ментуру и под статью. Правда, и прибыль меньше. — Смотрит отцу в глаза и продолжает с легким вызовом: — Ну что, воспитывать будешь?

Сергей отрицательно качает головой.

— Пока нет. Перестал что-либо понимать в жизни... Все тут переменилось... Разбираться надо...

Звонит телефон. Юля берет трубку и сразу же взрывается.

— Да?.. Слушай, сколько можно трезвонить? Нет, нельзя!.. Спит он! Пока! Увидимся! — Смотрит на отца. — Маринка! С дуба рухнула! Каждые пять минут звонит, интересуется твоим самочувствием, хочет лично с тобой терки перетереть. Ну ты сексуальный гигант — закадрил девку с одного траха!

— Юля! — Сергей краснеет и тут же повторяет, запоминая: — «Терки перетереть», «с одного траха»...

Сергей и Юля лежат на медвежьей шкуре в стороне друг от друга. Сергей перебирает струны гитары.

— И нужно было тебе тащить эту допотопную штуку, — говорит Юля. — Облезлая деревяшка, вся в обклейках!

— У тебя никто из друзей не поет под гитару? — удивляется Сергей. — Вам что — не восемнадцать лет?

— Папа, о чем ты? — говорит Юля. — Ладно, хватит бренчать, спой что-нибудь, что вы с мамкой пели в молодые годы.

— Сейчас... Сейчас... — Сергей подбирает разные мелодии. — Вот, вспомнил.

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно.
Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени,
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.
Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света.
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот.
Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре,
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море.
В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно?
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно?
Украду, если кража тебе по душе,
Зря ли я столько сил разбазарил,
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял.

— А песня у тебя — отстой! — подытоживает Юля. — Попробуй, найди дуру, чтоб пошла с мужиком жить в шалаше. Не спорь!.. Да и в ваше-то время ничего такого не было. Вон мать — пожила с тобой два года в шалаше и слиняла. Так что, папка, слушай другие песни.

— И какие же? — говорит Сергей.

— Ну, вот эти, хотя бы! — Юля всучивает отцу MP3-плеер с наушниками. Сергей слушает, вздрагивая на матерных словах.

Это жизнь.
Так бывает. В порочный круг попадаем вдруг
Туда, где высокие ставки, большие риски,
Опасность потерять любовь родных и близких,
Подаются иски, выдвигаются обвинения

В преднамеренном покушении
И так далее.
Всплывают сотни вымышленных деталей.
Точно так наши пацаны попали.
Из-за одной х--ни. Потом адвокат продинамил.
Не пришел на суд мудозвон.
Пацаны сидят второй год на зоне,
Им не повезло, но когда вы выйдете...
Это Песочным людям посвящается.
Все случается.
От этого не зарекаются.
Песочным людям посвящается.
От этого не зарекаются.
Нашим пацанам посвящается.
Все случается.
От этого не зарекаются.
Нашим пацанам посвящается.
Все случается.
Запишем лучший ваш трэк, вот увидите.

Сергей спит. А Юля достает кошелек, считает остатки денег, задумывается. Открывает шкаф, берет связку соболей, прикидывает, сколько можно за них выручить. Делает вывод, что немного, кладет связку на место. Выдвигает из-под шкафа коробку, открывает. В коробке — десятка два мобильных телефонов. Штук десять кладет в целлофановый пакет, а коробку ставит на шкаф.

Выйдя на кухню, она набирает номер.

— Привет, Юрик! — говорит Юля. — У меня бабло кончилось влет. У родительницы до зарплаты еще неделя, а папаня валяется с сотрясением мозга. В общем, я иду на рынок, попробую толкнуть часть товара. — Слушает, затем продолжает: — А мне по фигу, что они там говорят. Ты мне одно скажи — ты меня прикрываешь сегодня или нет?.. Супер! Люблю тебя, мой котик. До встречи!

Сергей просыпается и понимает, что никого нет дома. Он встает, ходит по комнате и видит на шкафу какую-то коробку, которой раньше там не было. Он снимает коробку, открывает ее. И присвистывает, увидев мобильные разных моделей, на любой вкус.

На закате Юля и Юрик, чуть хмельные от выпитого пива, едут в салоне маршрутного такси из центра Костромы. Они сидят на предпоследнем сиденье, Юрик держит в руках банку с пивом.

— Не хочу домой, — в сердцах говорит Юля. — Стыдно. Хотела как лучше, блин...

— Поедем ко мне? — с надеждой предлагает Юрик. — Родаков нет. Или можно к Сидору — у него сегодня наши собираются.

Юля забирает у Юрика банку с пивом и садится в кресле, подобрав ноги и откинув голову.

— Какая вонючая подлая жизнь! — со слезами в голосе говорит она и припадает к пиву.

— Ничего, как-нибудь выберемся, — утешает ее Юра.

Юля, положив голову ему на плечо, говорит с чувством:

— Я тебя люблю, мой котик!

В это же самое время Елена заходит в кафе «Фьори», что в Красных торговых рядах, с видом на площадь Революции и каланчу.

Она видит сидящего за угловым столиком Игоря, подсаживается к нему и говорит официантке:

— Один эспрессо и эклер. — Поворачивается к Игорю. — Ну, и зачем ты меня позвал? Средь бела дня, в центре города. Не боишься, что твоя благоверная узнает и устроит скандал?

Игорь морщится.

— Не надо дешевого юмора, — говорит он и целует ее.

— Боже, какие нежности! — говорит Елена. — Да еще прилюдно! Что случилось, мне не терпится знать.

— Опять ты... насмешничаешь, — с досадой говорит Игорь. — Скажи, чем там закончилось... с твоим бывшим...

Елена откидывается на спинку стула.

— А, вот в чем дело! — сухо говорит она. — Встревожился! Кто б мог подумать... Всего-то надо было разжечь в тебе ревность, чтобы добиться человеческого отношения.

— Он вернулся к тебе? — спрашивает после паузы Игорь.

Елена пожимает плечами.

— Лучше сказать — к дочери. Признаться, и у меня камень с сердца.

— Полчаса назад видел ее на рынке, — говорит Игорь. — Наверное, опять торговала мобилами.

— Ты и про это знаешь? — поднимает брови Елена.

— Не кончится это добром, — качает Игорь головой.

Официантка приносит кофе и пирожное.

— Так ты сорвал меня с работы, чтобы поговорить о моей дочери?

Елена пригубляет кофе.

— Нет, — мотает головой Игорь. — То есть мне не безразлично...

— А что же ты хотел знать?

— Ну... — колеблется Игорь и решается задать волнующий его вопрос: — У тебя что-то было с ним?

— С кем? — притворяется не понимающей вопрос Елена.

— Ну, — мнется Игорь. — С мужем...

— С бывшим мужем — прошу заметить разницу, — поднимает палец Елена и кусает эклер. — Нет, ничего не было...

— Он плохой? — с плохо скрытой надеждой спрашивает Игорь и стучит по спине поперхнувшуюся Елену.

— Он очень хороший, — говорит она, откашлявшись, и отодвигает в сторону кофе и недоеденное пирожное. Аппетита и так не было, а теперь он пропал окончательно. — Если не считать того, что шестнадцать лет назад не захотел удержать меня и дочь. А так — очень хороший. Особенно сейчас, когда не надо поднимать семью, заботиться о младенце, думать, как найти жилье... — Она останавливается и подозрительно глядит на Игоря. — Значит, тебя волнует, переспала я с кем-то другим или нет? И ради этого ты меня позвал?

Игорь тоскливо смотрит в окно. За ним — зимняя ночь и подсвеченная прожектором каланча в морозном небе.

— Ты знаешь, — говорит он и снова медлит. — Когда он появился и ты убежала среди ночи к нему... — Игорь поворачивается к Елене. — Я вдруг понял, что очень боюсь потерять тебя...

Елена отводит глаза и бурчит:

— Что-то подобное где-то я уже слышала...

Игорь досадливо машет рукой.

— Это я для красного словца говорил... Чтобы мозги тебе запудрить... — Он снова колеблется и, понизив голос, говорит: — А тут вдруг мне стало страшно...

— И ты имеешь что-то мне сказать? — гордо, с трудом сдерживая слезы, спрашивает Елена, по-прежнему глядя в сторону.

Игорь отрицательно качает головой.

— Сегодня — нет. Но я прошу тебя подождать.

Елена пожимает плечами и делает знак официантке, чтобы та принесла счет.

— Подожду, куда деваться, — говорит она притворно небрежно. — Пять лет уже жду, мог бы заметить.

Она хочет достать из сумочки кошелек и замирает, потому что Игорь ловит ее руку и изо всех сил сжимает ее. Он смотрит на Елену. Она по-прежнему смотрит в сторону.

Официантка приносит счет.

На квартире Любаши Сергей и Николай ведут деловую беседу. Разумеется, за бутылочкой беленькой. А тем временем Любаша делает им закуску.

— Твое здоровье! — говорит Николай, выдыхает и пьет.

Сергей делает то же самое.

Любаша, словно угадав момент, ставит на стол тарелку с черным хлебом и мясной нарезкой. Сергей и Николай с удовольствием закусывают.

— Так что ж тебе надо? — интересуется Николай. — Ни за что не поверю, будто ты соскочил с больничной койки, просто чтобы выпить с другом.

— У тебя не найдется для меня работы? — без предисловий спрашивает Сергей.

Николай от неожиданности подскакивает на месте и смотрит на друга.

— Опаньки! — говорит он, снова разливая водку. — Вот так резко?

— Резко? Почему? — удивляется Сергей.

— Хотя... если посмотреть с другой стороны, — задумчиво говорит Николай, кладя нарезку на кусок черного хлеба.

Сергей начинает горячо разъяснять ситуацию:

— Сегодня зашел на кухню, открыл коробку — а там краденые телефоны, которыми дочь торгует. С деньгами у нее, как я понимаю, напряженка. А тут еще я свалился, — говорит он, качая головой. — Половину денег на дорогу потратил. Другая половина в ментуре осталась. — Сергей бьет себя в грудь. — Не привык я сидеть нахлебником, Коля!

— Не могу, — качает головой Николай.

— Чего не можешь? — не понимает Сергей.

— Любаша, а принеси еще хлебца черного, — делает маневр Николай и, пользуясь моментом, шлепает любовницу по попе. — Не могу я тебя, Коля, взять к себе. Работать с друзьями и родственниками — верный способ остаться сиротой.

— Да? — приподнимает брови Сергей, хмурится, размышляя, и соглашается: — Логично...

— Но могу пристроить к приятелю, — с хитроватой улыбкой говорит Николай. — В риэлторскую фирму, к коллеге. Он на днях говорил, что ищет агента.

— Агента 007? — Сергей уже чуть захмелел, ему смешно. — С лицензией на убийство?

— Примерно так! — Николай уже не улыбается. — Убийство, разумеется, в фигуральном смысле. Но мужские качества потребуются, безусловно. Менжеваться, как девочки, не будем, поехали! Только... — Он смотрит на початую бутылку водки. — По стременной... За что выпьем?

Подходит Любаша с тарелкой нарезанного хлеба.

— За Любашу, разумеется! — говорит Сергей, подняв голову; его искренне восхищает выбор друга.

— Вот, — кокетливо говорит Любаша, — в кои веки нашелся человек, оценил меня по-настоящему.

— Ишь, какой кавалер! — Николай обнимает Любашу за талию.

— Надо было раньше твоего друга встретить, прежде чем с тобой, олухом, познакомилась, — продолжает игру Любаша, любовно обнимая Николая за плечи.

— Что? — Николай притворно хмурится. — Это заговор? Учти, Любаша, в ревности я страшен.

Но Сергей вновь в нелегких мыслях о дочери.

— Накатили? — спрашивает он.

— По такому случаю и я себе налью, — говорит Любаша.

Все трое поднимают рюмки.

— Ну! Накатили дружно! — говорит Николай.

В квартире Сидора в разгаре подростковая вечеринка. Вообще-то Сидор в этой квартире не живет, у него их несколько. О той, что предназначена для жилья, знает только он и самые близкие ему люди. Здесь тусуется молодежь, в основном подчиненные Сидора по бизнесу, а в промежутках между тусней — и во время ее — незаметно решаются деловые вопросы.

Юля и Марина стоят у окна, курят, смотрят на танцующих приятелей и знакомых.

— Юльк, — перекрикивая музыку, орет в ухо подруге Марина, — ты чего от меня Сергей Иваныча прячешь?

— Слушай, подруга, — кричит ей на ухо нервничающая Юлька, — у тебя типа крыша совсем поехала? На кой тебе мой папаша сдался?

— Ничего ты не понимаешь! — кричит в ответ Марина.

К девочкам подходят два парня навеселе, один из них обнимает Марину сзади.

— Маринк, пойдешь с нами? — безапелляционно спрашивает первый парень. — Мы с Максом созрели.

Марина локтями резко отпихивает его:

— Отвали, урод!

У обоих кавалеров от неожиданности отвисает челюсть.

— Слушай, а что это с ней? — кричит второй парень на ухо Юле.

— Еще раз грабли протянешь — получишь торпеду в сракотан, — сообщает Маринка первому парню.

— Сказано, отвалите! — раздраженно кричит Юлька второму ухажеру.

— Ёперный театр, кто б ломался! — кривится первый парень.

— Как одумаешься — три зеленых свистка, — на всякий случай сообщает второй. — Мы тут, поблизости.

Парни уходят, оглядываясь на Марину и шушукаясь.

— Правда, подруга, что с тобой? — кричит Юля ей на ухо. — Типа я тебя не узнаю.

— А ты привыкай, — с аристократической невозмутимостью сообщает Марина. — А не нравится — я тебе не навязываюсь.

Юля хочет возразить, но не находит слов.

— Ага, вон и Юрик! — говорит вместо этого она.

— Вместе с Сидором, — констатирует Марина.

К подругам подходят Юрик и Сидор. Сидор дружески целует Юлю и Марину в щечки и фамильярно, по-хозяйски приветствует:

— Здоровеньки булы, гарны дивчины! Ну, Юльк, — поворачивается он к Юле, — Юрик мне рассказал про твой залет. Я валялся... Одно скажу: повезло, — с энтузиазмом говорит он, а потом заметно суше добавляет: — Только на будущее делай выводы.

— Уже сделала, — отчаянно дымя сигаретой, говорит Юля.

— И какие же? — насмешливо спрашивает Сидор. — Колись!

Юля тушит в цветочном горшке сигарету и поворачивается к Сидору.

— Я выхожу из дела, — говорит она, смотря боссу в глаза.

Воцаряется молчание. И практически в это же мгновение смолкает музыка.

Сидор раздраженно поворачивается в сторону танцующих.

— Эй, ты, поставь какой-нибудь музон! — приказывает он кому-то в группе подростков, стоящих возле музыкального центра. — У меня деловые переговоры!

Парень торопливо включает музыку. Сидор поворачивается к Юле.

— Слушай, ты, главное, не бзди, — проникновенно, с душой говорит он. — Глаза боятся, руки делают. — И косится на Марину. — Твой батя, Маринка, нас, конечно, крупно подставил.

— Дела бати — не мои дела, — равнодушно отсекает его упреки Марина.

— Ну да, — криво ухмыляется Сидор, — твое дело — каждому пацану отсасывать.

— Это в прошлом, — независимо говорит Марина, даже не смотря на Сидора.

Сидор обалдело смотрит на Марину, потом на Юлю. Юля кивает ему, подтверждая: да, Марина не шутит.

— Новость за новостью, — бормочет Сидор, а затем говорит уже громко: — Значит, мы нашли новую крышу — в обход Маринкиного батяни. Через неделю возобновляем бизнес. Если хочешь, переведу тебя на другой участок. На вокзал, хотя бы.

Он вопрошающе смотрит на Юлю.

— Мы с Юриком выходим из бизнеса, — сухо говорит Юля.

Юрик подпрыгивает на месте.

— Юльк, погоди, я чего-то не в курсах, — суетится он, умоляюще оглядываясь на Сидора: мол, не обращай внимания на девку, она не понимает, что гонит.

Юля смотрит на Юрика. И принимает решение.

— Хорошо, — пожимает она плечами. — Я выхожу из бизнеса. А Юрик... Остается он или нет, мне глубоко фиолетово.

Юрик в панике мечется между любимой девушкой и боссом.

— Юльк, погоди, зачем сразу такой базар, — пытается он разрядить ситуацию.

— Не, отчего же, — останавливает его Сидор и пристально смотрит на Юлю. — Уважаю деловой подход. У нас не ужасы крепостничества, в конце-то концов. — Он кусает губы и, подумав, говорит: — В общем, Юля, дело такое — сдаешь двадцать два телефона, которые были даны тебе на реализацию, сто зеленых — за упущенную выгоду. И — свободна. Гуляй не хочу.

Юля втайне надеялась, что Сидор простит ей конфискованные мобильные, а потому неприятно удивлена.

— У меня на руках двенадцать трубок, — помолчав, говорит она. — Десять мобил менты изъяли.

— А это уже не мои проблемы! — Сидор вновь почувствовал власть и не скрывает своего торжества. — Или ты не знала, что я запретил торговать на рынке? — спрашивает он, оглядывая присутствующих. — Знала! Видишь, знала!.. Или двадцать два телефона, или десять телефонов плюс полторы тонны гринов за потерянные десять. И сто — за упущенную выгоду.

— Сидор, — откашливаясь, говорит Юрик, — ты ж обещал списать десять трубок.

— Обещал, — не спуская глаз с Юли, говорит босс. — И обещаю. Но только если твоя подруга остается в бизнесе. — Он выдерживает паузу и добавляет: — Счетчик включен. Каждый день задержки — еще десять процентов.

Сидор идет к дверям, хочет по дороге ущипнуть Марину за задницу, та дает ему по рукам.

— Совсем девки с катушек сорвались, — с досадой говорит Сидор, напоследок поворачивается к Юле и притворно стреляет в нее указательным пальцем. — И сто зеленых за упущенную выгоду!

Елена на кухне готовит ужин, хмурая Юля смотрит телевизор, а радостно возбужденный Сергей ходит по комнате туда-сюда. На какой-то момент взгляды отца и дочери пересекаются, и оба непроизвольно спрашивают: «А?»

— Ничего, — тут же мотает головой Сергей.

— Колись, я насквозь тебя вижу, — прессингует Юля. — Что случилось?

Сергей набирает воздуха в легкие и сообщает таинственно:

— Завтра иду на работу.

Юля, присвистнув, поворачивает кресло в сторону отца.

— Обалдеть! И кем же? Буровиком? Нефть будешь добывать из городского фонтана? — колко спрашивает она.

Сергей чуть сникает.

— Я бы рад... По профессии... Но пока... — Поколебавшись, он выдает секрет: — В общем, иду работать агентом в реалтовскую фирму.

— Риэлторскую, папа!.. — хохочет Юля и привстает, чтобы видеть мать. — Мам, ты слышала? Папа идет работать риэлтором!

В дверях, вытирая руки о фартук, появляется Елена.

— Да?.. — спрашивает она скорее формально, потому что тоже думает о своем. — А что? Пусть попробует.

Звонит телефон, трубку берет Юля.

— Привет, подруга! — говорит она Марине. — Кого? Сергея Ивановича? — Зажав трубку, она скептически сообщает: — Маринка! Совсем сошла с ума! Влюбилась в тебя, папка, как кошка! — И снова в трубку: — Слушай, все хочу спросить. А как папка-то в постели? Хорош?

— Слушайте, ну сколько можно! — нервно говорит Сергей. — Я же сто раз извинился.

Елена чуть оживает.

— Говорить вам, что ли, не о чем? — спрашивает она, переводя взгляд то на дочь, то на бывшего мужа, и, не удержавшись, говорит Юле, как подружке: — И зачем тебе Маринку спрашивать, каков твой папка в постели? Могла бы у меня поинтересоваться.

— Ну, у тебя все было давно, — машет рукой Юля.

Сергей багровеет и бьет кулаком по столу.

— Хватит! Ишь, разошлось бабье! — кричит он и, не дождавшись ответа, уже менее уверенно добавляет. — Еще одно слово — уйду из дому!

Юля оценивает демарш родителя и сообщает на тот конец провода:

— Сворачиваем базар, подруга! Папка обещает уйти из дому, если тему не переменим, — говорит она, бросая насмешливые взгляды на отца. — Почему? Да так, ерунда. С ним не стоит, кажется, о сексе говорить. Он так занятно смущается!.. Чао! — Юля вешает трубку, вспоминает вновь, что ей тоже нужны сейчас деньги, задумчиво говорит: — Кто бы меня устроил риэлтором?

— Ты о чем? — не понимает ее мать.

— Так! — уклончиво пожимает плечами Юля. Ей пришла в голову идея. — Типа о своем, о девичьем!

Утром следующего дня Марина и Юля стоят у дверей магазина «Доху на меху». Юля держит на весу связку соболей и критически смотрит на товар.

— Думаешь, они на этих хорьков позарятся? — недоверчиво спрашивает она.

— Попытка не пытка! — успокаивает ее Марина фразой из анекдота, и обе девочки хором и с грузинским акцентом заканчивают фразу: — «Не так ли, товарищ Берия!»

Они бьют друг друга по рукам, поднимаются по ступенькам и открывают дверь в магазин.

— Я все спросить хочу, — говорит Марина, — кто это такая — Берия?

— Так, — пожимает плечами Юля, — падла одна... Из древней истории.

В это же самое время Сергей сидит в кабинете Ильи, директора риэлторской фирмы, куда его сосватал Николай. Илья с широкой улыбкой, оценивающе смотрит на Сергея.

— Господин Серов исключительно лестно вас рекомендовал... — живо сообщает он.

— Господин Серов? — не понимает с ходу Сергей.

— Простите? — чуть потерявшись, приподнимает брови Илья, но Сергей уже догадался, о ком идет речь.

— А-а, Колька... Николай!..

— Говорит, вы очень смелый человек, — повторят слова Николая риэлтор. — Рассказал ту историю... с мусора... э-э... со стражами порядка. Я очень смеялся!

Илья заливисто смеется.

— Было дело, — подтверждает Сергей, но тут же для справедливости добавляет: — Правда, я тоже сотрясение мозга получил...

Улыбка сползает с лица Ильи.

— Надеюсь... э-э... — осторожно начинает он, и Сергей понимает, что собеседник боится за его умственные способности.

— Да все уже прошло, — благодушно говорит он. — Легкая форма...

— Это хорошо... — с облегчением произносит Илья. — В нашем бизнесе мозги должны работать мгновенно и без скрипа.

Из дверей магазина «Доху на меху» выходят радостные, оживленные Марина и Юля. Перемена, произошедшая за полчаса, налицо — Юля одета в дешевую синтетическую шубку, а старая куртка уложена в большой пакет, который она держит в руках.

В кабинете директора риэлторской фирмы Сергей и Илья продолжают беседу. Илья вошел в раж, он ходит по кабинету и вещает:

— Главное — у вас есть смелость. Это, я вам скажу, самое главное! Вот вам первое задание — прямо сегодня и начнем...

Закончить фразу ему не удается, потому что в дверь входит Юля в новой шубке, а за Юлей — Марина.

— Пап! — требовательно говорит Юля.

Марина, влюбленными глазами глядя на Сергея, добавляет:

— Здрасьте, Сергей Иваныч! Как я вас давно не видела...

— Простите?.. — приходит в себя ничего не понимающий риэлтор.

Сергей спохватывается и представляет вошедших:

— Это моя дочка Юля с подругой...

Марина, не отрывая взгляда от Сергея, привычно кокетливо представляется хозяину кабинета:

— Марина!

— Ах, да, здрасьте! — с запозданием приветствует Илью Юля, крутясь на месте, чтобы отец заметил ее обнову. — Не помешаем? Нам дядь Коля сказал, что папа у вас...

Сергей наконец-то замечает на дочери новую шубку.

— Нравится? — с тайной надеждой на похвалу спрашивает Юля.

— Ну-у... — тянет Сергей, еще не определивший свое отношение к наряду.

— Так ну — или нравится? — Юля чуть обижена.

Сергей смотрит на Илью, словно ищет у него поддержки, но, не получив ее, отвечает с прежней уклончивостью:

— Носить можно.

Юле этого достаточно, чтобы почувствовать себя принцессой.

— И самое главное — практически задаром! — сообщает она, крутясь перед большим зеркалом.

Слово «задаром» пробуждает в Илье инстинкт бизнесмена.

— Практически задаром — это как? — любопытствует он.

Юля чуть свысока смотрит на человека, задавшего такой глупый вопрос, и отвечает не ему, а отцу:

— Задаром — это в обмен на те шкуры, что ты привез нам в подарок.

— А что за шкуры? Кролики? Каракуль? Лиса? Песец? — не отстает Илья.

Юля теряет часть уверенности и, помолчав, пожимает плечами.

— А пес его знает... Шкуры и шкуры... — Она видит побагровевшее лицо Сергея и пугается. — Папк, что с тобой?

— Сергей Иваныч, что с вами? — в панике вскрикивает Марина, испуганная еще больше.

— Дрянную шубейку! — хватается за голову Сергей. — На шестьдесят соболей...

Единственный его подарок дочь за бесценок сплавила каким-то аферистам.

— Минутку, — не теряющий хладнокровия Илья считает на калькуляторе. — Соболь — сто двадцать баксов за шкурку... шестьдесят на сто двадцать... семь тысяч двести... Шубка... красная цена в базарный день — тысяча двести рэ... — Он поднимает голову и обводит взглядом публику. — В общем, девушки, вы отдали семь тысяч долларов, а в обмен получили сорок.

После этих слов Сергей подскакивает к Юле, хватает за руку и свирепо тащит за собой. Юля пытается вырваться.

— Папа, отпусти, мне же больно! — со смесью обиды и непонимания говорит она.

— Сергей Иваныч! — испуганно хлопочет вокруг них Марина. — Вы только не нервничайте. У мужчин в вашем возрасте может быть удар!

Сергей на мгновение поворачивается к ней и сообщает:

— Удар будет сейчас у кого-то другого! — и снова тащит Юлю прочь.

За ними бежит одевающийся на ходу Илья. Ему крайне любопытно, чем завершится коллизия.

— Я с вами... Вы не против? — спрашивает он.

Никто его не слышит, да он и не ждет официального разрешения.

Сергей буквально вталкивает в магазин «Доху на меху» Юлю. За ними семенит Марина. Последним заходит Илья.

Спустя какое-то время дверь открывается снова. Из магазина выходят Илья, Марина, Юля — в старой куртке — и Сергей. Сергей на ходу пытается сосчитать доллары.

— Все правильно... — говорит он. — Пять тысяч...

— Потолок, — с уважением говорит Илья. — Предел возможного. — И поясняет, загибая пальцы: — Соболя — контрафактные, ситуация — конфликтная. Пять тысяч — это потолок... — Он с уважением смотрит на Сергея. — Но вы сработали безупречно! Господин Серов недаром мне вас хвалил...

— Папа, а кто такой господин Серов? — спрашивает Юля, но тут же понимает. — Дядя Коля?

— Я вас беру, — решительно говорит Илья. — Если вы уже свободны, пойдемте — получите инструкции.

— Хорошо, — кивает Сергей и передает пачку долларов Юле. — Это твое, — говорит он, увидев непонимающие глаза дочери.

— Ты уверен?

Юля смотрит на отца исподлобья. Она не привыкла в этой жизни к подаркам, а потому не исключает подвоха.

— На самом-то деле я должен тебе гораздо больше, — начинает Сергей.

— Ничего ты не должен, — огрызается Юля, которой не нравится, когда отец прибедняется. — А деньги возьму! — Помолчав, она на всякий случай переспрашивает: — Ты уверен?

— Всё, никаких вопросов, — категорически говорит Сергей и в качестве главного аргумента для окончания беседы добавляет: — Мне пора на работу!

Марина, которая все это время молчала, подпрыгивает на месте.

— Сергей Иваныч! — восклицает она, не готовая вот так сразу расстаться.

— Эй, подруга! — окидывает ее свирепым взглядом Юля.

Марина невольно пасует.

— До свидания, Сергей Иваныч! — говорит она и снова не выдерживает: — Можно, я к вам в гости буду заходить?

Юля хватает Марину за шкирку, поворачивает на 180 градусов и говорит на прощание:

— Извините — она тупит стабильно.

— Ты все время говоришь, что я дура, как все блонды! — позволяет себе покапризничать Марина.

— А куда от правды денешься? — ухмыляется Юля.

— Необязательно тыкать меня в мою дурость на каждом шагу, — говорит Марина. — Да еще в присутствии посторонних... Хотя какой вы посторонний, да, Сергей Иваныч? — продолжает она душевно, повернувшись в сторону Юлиного отца.

Юля издает стон и тащит Марину за собой.

Дома у Юли Марина ходит по спальне, прижав руки к груди.

— Он у вас на этом диване спит? — спрашивает она у Юли, которая сразу же пошла на кухню.

Юля снимает картонную коробку и высыпает из нее на пол телефоны. Ей не до пустяков.

— Маринка, ты маньячка! — рассеянно отвечает она.

— Да, знаю, знаю! — машет рукой Марина. — А кому легко?

Юля сгребает телефоны, отсчитывает часть денег, кладет их в сумку вместе с телефонами. Затем задумчиво смотрит на оставшиеся деньги. Получается, она не только рассчиталась с долгом перед Сидором, но у нее еще остается очень приличная сумма. И деньги эти — в полном ее распоряжении.

— Слушай, подруга! — окликает она Марину.

— Да?.. — отзывается Марина из спальни. — А это его рубашка?

— Ты мне подруга? — строго спрашивает Юля.

Марина фыркает.

— Реально обидно такие вопросы слушать, — говорит она, прикладывая рубашку Сергея к груди и разглаживая ее рукава.

Юля выходит из кухни и в упор смотрит на Марину.

— Мне нужна твоя помощь. Реальная.

В кабинете у риэлтора Илья завершает инструктаж.

— Сажаете в машину ту женщину, что видели в приемной, едете по этому адресу... — Он протягивает Сергею записку. — Показываете квартиру.

— Как это — показываете? — не понимает Сергей. — А кто меня туда пустит?

Илья смеется.

— Смелость — это хорошо, но кое-чему вам все же придется подучиться, — снисходительно говорит он и дальше продолжает деловой скороговоркой: — Хо-

зяин вас ждет, проводит по комнатам, на балкон, в санузел. Ваше дело — не мешать ему хвалить свои хоромы и не позволять клиенту углубляться в детали.

— Какие детали? — немедленно спрашивает Сергей.

— Ну, что горячую воду дают несколько дней в году, потому что это последний этаж, что новые обои поклеены только там, где стены не закрыты мебелью, — быстро говорит Илья. — Что квартира не совсем приватизирована и в ней прописаны один зэк и умалишенная бабушка... — Илья молчит и уже мягче добавляет: — Это всё детали, Сергей Иванович. Главное, чтобы клиент подписала с нами договор об оказании юридических услуг и заплатила аванс, четыреста долларов. Там же, на месте. Понятно?

Он нагибается и заглядывает Сергею в глаза.

— Нет, — честно говорит тот. — За что же она нам будет платить, если квартира — такое... такая...

— Говно, вы хотите сказать? — приходит на помощь ему Илья. — Не стесняйтесь, мы же практически коллеги. Качество жилья — не наша забота. Мы помогаем оформить сделку. А если в процессе оформления клиент вдруг прозреет и откажется покупать недвижимость, аванс все равно остается у нас. Так составлен договор. — Илья победоносно улыбается и смотрит Сергею в глаза. — Теперь понятно?

— Теперь? — Сергей встает и угрожающе смотрит на работодателя. — Понятно!

Примерно в это же время в отделе внешних связей мэрии Елена и Аня разбирают бумаги. Аня, которая давно уже видит перемены в настроении приятельницы, пытается ее «расколоть».

— Последнее время ты не слишком разговорчивая стала, — говорит Аня и многозначительно добавляет: — Однако!

— Да? — рассеянно спрашивает Елена, которая явно не настроена откровенничать.

— Иногда они возвращаются, — говорит Аня.

— А? — Елена не понимает пока что, куда клонит подруга.

— Иногда они возвращаются, — повторяет Аня. И поясняет: — Бывшие мужья...

Елена на мгновение поднимает голову. И опускает ее, уклончиво сказав:

— Не без этого.

Аня не выдерживает.

— Слушай, ну чего ты томишь! — говорит она, окончательно забыв про работу. — Расскажи, как там у тебя с твоим бывшим? Всё как в сказках? Совет да любовь?

— Да нечего рассказывать, — пытается замять разговор Елена.

— Вредина, блин! Зачем пудрить мозги подруге? Вся мэрия в курсе, что вы с ним снова живете вместе.

Елена, растерянная, глотает ртом воздух.

— Вся мэрия занимается тем... черт знает чем! Не сошлась я с ним, не живу, — сухо говорит она. — Он вообще приехал к дочке, а не ко мне. Просто ему негде остановиться. Сейчас нашел новую работу, сразу, как получит зарплату, снимет себе жилье.

Аня стучит пальцами по столу, обдумывая услышанное.

— А что тебе наш, — она поднимает глаза к потолку, намекая на Игоря, — по этому поводу сказал?

— Чихать я хотела, что скажет по этому поводу ваш, — раздраженно говорит Елена.

Аня, присвистнув, смотрит на приятельницу широко раскрытыми глазами.

— Неужели всё? — недоверчиво спрашивает она. — Расплевались-разбежались?

Елена, не выдержав ее взгляда, отводит глаза в сторону. Ей тоскливо: врать в этой жизни она так и не научилась.

— Нет еще, — говорит она. — Но рано или поздно это произойдет, разве не так?

— Мэйби! — уклончиво говорит Аня, которая втайне не может не позлорадствовать по поводу любовной неудачи подруги.

Звонит телефон селекторной связи.

— Девочки, это Ира из приемной, — раздается голос секретарши. — Игорь Васильевич просит Елену Николаевну немедленно зайти к нему в кабинет.

Секретарша отключает связь. Аня и Елена смотрят друг на друга.

— Он же сто лет не вызывал тебя в кабинет, — потрясенно говорит Аня. — С тех самых пор, как у вас роман начался...

— Как начался, так и закончится, — мрачно заключает Елена.

С притворной участливостью и внутренним удовлетворением Аня гладит подругу по плечу.

— Не переживай! — говорит Аня. — С мужиками, как в лотерее — на один выигрыш сто пустых номеров.

Елена пристально смотрит на приятельницу и с Аниной насмешливой интонацией отзывается:

— Мэйби!

Николай в ярости бегает по своему кабинету и орет на сидящего за столом Сергея:

— Ты понимаешь, нефтяник хренов, что поссорил меня с одним из ближайших коллег по бизнесу? Всего-то надо было молчать. Сорвал сделку, баба эта хочет теперь подать в суд на Илюшу.

— Ты бы лучше поблагодарил, что я тебе открыл глаза на этого подонка, — сдержанно, но твердо отвечает Сергей.

— Ты понимаешь, лох нечесаный, мне теперь для примирения с ним придется подарить ему по смешной цене часть моего пакета акций в нашей фирме?

— Ты ему лучше подари повестку к прокурору, — парирует Сергей.

— А то, что я тебе, друг сердешный, оказал услугу, а ты мне подложил свинью, это ты понимаешь? — прибегает к последнему, решительному аргументу Николай.

— А ты понимаешь, рокфеллер сраный, что я в жизни не работал со свиньями и не собираюсь этого делать? — взрывается Сергей.

Двое мужчин стоят друг против друга, набычившись. Николай садится и нажимает кнопку звонка.

— Оленька, принесите нам что-нибудь выпить, — говорит он. — И закусон, конечно.

— Николай Александрович, тут звонил Илья Ефимович, — сообщает секретарша.

— Скажите, что вопрос решается, — морщится Николай. — Обижен не будет, это железно.

Николай выключает звонок, и Сергей спрашивает:

— Скажи, Коль, только по правде.

— Легко!

Сергей мнется, потом все же спрашивает:

— Ты такой же, как этот... твой роллтон?

— Риэлтор, дубина!

Оба смеются.

— Не то чтобы совсем, — внезапно став серьезным, говорит Николай. — Но всякое бывает... А потом, это грубая реальность, Серега! — говорит он с тоской. — Приходится иметь дело с тем материалом, который позволяет себя иметь. И никуда тут не вывернешься... — Он внимательно смотрит на друга. — А скажи, тебе за двадцать лет ни разу не приходилось работать под началом сукина сына?

— Приходилось, — признается Сергей. — И не раз. А что делать? — впадая в тоску, спрашивает он.

Николай машет рукой.

— Без поллитра не разберешь. — Он нажимает кнопку и говорит: — Оленька, мы заждались!

Елена входит в кабинет с табличкой «Вице-мэр Синцов Игорь Васильевич» и видит сидящего за столом Игоря.

— Можно, Игорь Васильевич? — немного юродствуя от отчаяния, спрашивает она. — Ничего, что я официально?

Игорь, откинувшись в кресле, смотрит на нее. Он озабочен какими-то своими мыслями.

— Так что, Игорь Васильевич? — в том же тоне продолжает Елена. — Наверное, подумали и решили оставить меня раньше, чем это сделаю я? Или для надежности заодно решили меня уволить? А то к чему бы все эти церемонии, официоз, игры в молчанки.

— Лена! — с торжеством в голосе говорит Игорь.

Елена вздрагивает от неожиданности.

— Что случилось?

Игорь триумфально смотрит на нее, а затем сообщает великую весть:

— Сегодня моя благоверная подписала мне обходной лист.

Елена чувствует, как у нее подкашиваются ноги. Она уже ничего не соображает.

— А можно попонятнее?

— Считай, что я разведен, а значит, свободен, — чеканя каждое слово, изрекает Игорь. — Как только вся эта юридическая бодяга закончится, мы с тобой идем в загс и расписываемся.

— Свободен? — слабеющим голосом переспрашивает Елена.

— Квартиру, правда, придется отдать в порядке компенсации, — морщится Игорь. — Но, я думаю, на первое время, где нам жить, что-нибудь придумаем, а там...

Он не заканчивает фразу, потому что Елена падает в обморок. Игорь в панике вскакивает, затем нажимает кнопку вызова секретарши.

— Ирочка, воды, — в панике кричит он и никак не может подобрать нужное слово. — Человеку плохо!

Заметно повеселевшая Юля открывает дверь в квартиру и сразу чует ароматы готовящихся блюд. Не раздеваясь, она заходит на кухню и видит Сергея в фартуке, разделанную курицу, мелко нарезанную морковь, расставленные по столу приправы.

— Привет, папк! — оживленно говорит она, вдыхая запахи. — Что за чудные ароматы?

— Вот, решил побаловать вас пловом, — сообщает Сергей. — Не одними же пельменями и яичницей кормиться!

— Супер! — восклицает Юля и как девочка практичная сразу же интересуется: — Откуда лавэ?

— Наличные! — с долей самодовольства говорит отец. — За сделанную работу!

Юля улыбается.

— Так мы обмываем твой первый контракт? С этого места подробнее, пожалуйста!

— Ну, контракт не контракт, — уклончиво говорит Сергей. — Пошел на рынок, спросил, нужны ли грузчики. Грузчики нужны всегда и везде. Так что с голоду не пропаду. А чуть поднакоплю — сниму квартиру, перестану тебя и маму стеснять.

Юля меняется в лице.

— Дорогая редакция... Я охреневаю! — после паузы говорит она. — Пардон!.. Вырвалось... Папа, ты же должен был сегодня провести первую сделку?

— Должен, — соглашается Сергей. — Оказалось, что для этого нужно надувать людей. Я плюнул и пошел на рынок.

Юля бьет ладошкой по косяку двери.

— Бли-и-ин! И за что мне такая непруха во всем? — ожесточенно говорит она.

Сергей откладывает нож и берет Юлю за руку.

— Дочь, что не так?

— Всё не так, дорогой папахен! — вырывая руку, говорит Юля.

— Юля, не надо, — пытается успокоить ее Сергей.

— Папа, ты понимаешь, что ты лох? — с тоской спрашивает Юля.

Сергей тоже не выдерживает и бьет кулаком по косяку. Ходит по кухне туда-сюда.

— И ты туда же! Словно сговорились! «Ты лох! Ты лох!»

— Я-то думала, что хоть кто-то из нас выбьется в люди! — говорит Юля. — И другим дорогу укажет! А тут, блин, папа у нас оказался интеллигентом! Надувать людей, видите ли, ему стыдно! Я уже рассказала всем, что батя у меня — риэлтор. А он пошел на рынок! Ишачить на черных!

— Послушай! — Сергей снова пытается что-то объяснить дочери. — Нет плохой работы! Есть плохие люди!

На Юлю такие доводы не действуют.

— Ты эти сказки в детсаде мелким рассказывай! И то тебя обсмеют! Вернулся мой папа-волшебник! И теперь он работает на рынке грузчиком! Да я со стыда сгорю! Мать — интеллигентка с дипломом получает гроши, зато сохраняет гордость. Папаша — грузчик и бомж. Пошли вы все! Уезжаю из этого сраного города! Глаза бы мои вас не видели.

Юля резко разворачивается и выбегает из квартиры.

— Стой! — кричит Сергей и бежит за ней.

На лестничной площадке он ловит дочь за плечо.

— Стой, я сказал!

— Ненавижу! — хрипит Юля, пытаясь вырваться. — Всех вас ненавижу! Себя ненавижу! Убери руки, неудачник хренов! Нашел себе неудачницу жену, родил неудачницу дочь!

Сергей дает пощечину Юле.

— Заткни свой грязный рот! И не смей при мне плохо говорить о матери!

Юля затихает, изумленно глядя на отца. Тот, почувствовав, что дочь не убежит, отпускает ее, нервно ходит по лестничной площадке.

— И что дальше? — еле слышно спрашивает Юля.

— Дальше? — Сергей вспоминает весь накопленный им за эти дни запас сленга. — А мне это, доча, глубоко беспонтово! А если не втыкаешь, бикса, то будет тебе полный жопан!

Войдя в раж, он показывает Юле кулак с поднятым указательным пальцем. В это время по лестнице проходит пожилая соседка.

— Здравствуй, Юленька! — боязливо говорит соседка, прижимаясь к стенке. — Здравствуйте, Сергей Иванович!

— Здравствуйте, Аделаида Мелкумовна! — вместе отвечают Сергей и Юля.

Соседка торопливо открывает дверь и тут же запирает ее изнутри. Юля падает на пол, хохоча.

— Что? Что? Что не так? — спрашивает Сергей, чуть смущенный.

Юля поднимается и вытирает выступившие от смеха слезы.

— Папк, не пытайся копировать наш базар! Говори, как говорил. Так у тебя лучше получается.

— А как еще мне тебя в чувство привести? — спрашивает Сергей.

— И жест у тебя неправильный. Нужно поднимать вверх не указательный, а средний палец.

Юля меняет пальцы на руке Сергея, приводя их в нужную позицию. Сергей рассматривает комбинацию из пяти знакомых пальцев.

— Да? Мудрено как-то, — скептически говорит он. — И слишком уж... женственно, что ли... Сплошной цирлих-манирлих... В наше время ту же самую мысль выражали проще и энергичнее.

И Сергей в порядке иллюстрации перегибает руку через локоть.

Неожиданно щелкает дверь, по лестнице мимо Сергея и Юли спускается Аделаида Мелкумовна с собакой на поводке. И снова застает отца и дочь за странным, мягко говоря, занятием.

— Ё-мое! — Сергей отворачивается.

— Не менжуйся, — успокаивает его Юля и как ни в чем не бывало спрашивает соседку: — Аделаида Мелкумовна, как ваш Бадди?

— Спасибо, — отвечает соседка, опасливо проходя мимо них. — Было расстройство желудка, но вылечили... — Любопытство пожилой женщины берет верх над осторожностью, и она спрашивает: — А что это вы тут друг другу показываете?

— Культурный обмен, — широко улыбаясь, сообщает Юля. — Эстафетную палочку от папахена в руки получила.

Соседка торопливо выбегает вслед за собакой по ступенькам.

— Пап, — став неожиданно серьезной, говорит Юля, — вообще-то я хотела с тобой одну тему перетереть...

Юля и Елена сидят на кухне. Сергей смотрит телевизор, переключая каналы.

По MTV крутят ролики. На Первом канале идет какой-то кровавый американский боевик. На канале «Россия» — передача «Дежурная часть», сообщают подробности бытового преступления. На НТВ — очередной сериал из жизни гламурных дамочек. Дальше — какой-то дециметровый канал, где идет порнофильм. Оглянувшись на кухню, Сергей нажимает кнопку на пульте и попадает на фильм «Покровские ворота». Идет сцена в загсе, тот фрагмент, где выясняется, что свидетель — Хоботов, бывший муж новобрачной Маргариты Хоботовой.

— Ага! — говорит Сергей и располагается поудобнее. И в этот момент начинается реклама. — Тьфу! — Сергей раздосадован. Раздается звонок в дверь.

Открывать идет Елена.

— Кто там? — вертит головой Сергей.

— Маринин отец, — сообщает Елена. — Хочет поговорить с тобой.

Сергей выходит в прихожую приветствовать гостя.

— Вечер добрый, Владимир Михалыч! — радушно говорит он. — Проходите!

— Давайте по-простому — просто Михалыч! — предлагает отец Марины.

— Просто Иваныч! — трясет ему руку Сергей.

— А можно я с вами наедине, — понизив голос, просит Маринин отец. — Дело деликатное, как-то так вот...

При этих словах Елена и Юля переглядываются. Что еще за деликатное дело?

В спальне за бутылкой водки чуть захмелевший отец Марины говорит:

— Слушай, Иваныч! Даже не знаю, с какого бока начать.

— А с любого! — предлагает ему Сергей, закусывая.

— И то правильно!.. — смеется Михалыч и тут же снова начинает нервничать. — В общем, ты знаешь. У меня, кроме дочки, никого на этом свете нет.

— Хорошая у тебя дочка, — сообщает ему Сергей.

Михалыч странно смотрит на него.

— К этому еще вернемся, — говорит он и продолжает: — Жена рано умерла... Сам я — человек, скажем так, не идеальный...

— Ну почему же? — возражает Сергей.

Отец Марины смеется.

— Нет, не совсем уж говно, скажем так... Но не Павка Корчагин.

— Это точно! — бьет его по плечу и смеется Сергей.

— И не Жеглов с Шараповым, — продолжает Михалыч.— В меру продажный, в меру сволочной мент. Беру взятку — потею от трусости. И поэтому беру меньше, чем предлагают. Боюсь, что однажды все-таки поймают и посодют.

— Ну, от тюрьмы да от сумы... — философски говорит Сергей.

— Вот и я про то же, — оживляется Михалыч. — Одна у меня печаль — Маринка... Если что со мной случится, на кого девку оставить? — Он все так же странно взглядывает на Сергея. — Ты вот сказал, она хорошая... В общем... она меня послала к тебе сватом...

Воцаряется молчание.

— Погоди! — поднимает руку Сергей. — Не понял...

— Маринка моя уже не первую неделю только о тебе говорит... — утирает пот майор. — В общем, просила передать: если не согласишься сделать ее своей женой, она помрет... Врет, конечно, не помрет... Но в остальном — подтверждаю... — Он торопливо наливает новую рюмку водки и выпивает ее залпом. — Уфф!!! Как сказал главное, сразу полегчало.

— Михалыч, передай...

И снова воцаряется тягостная пауза. За дверью склоняются к замочной скважине Юля и Елена.

— Передай, что я очень благодарен ей за такое предложение, но принять его не могу, — заканчивает Сергей.

Михалыч встает.

— Хорошо... Слава богу, объяснились... и с плеч долой, — говорит майор.

Оба они выходят в прихожую, едва не задев дверью Елену и Юлю. Отец Марины медленно одевается — он в полной прострации.

— Вы что, подслушивали? — спрашивает Сергей у Юли и Елены.
— А как же иначе? — говорит Елена.
— Ну ты, папк, как маленький! — говорит Юля. — Мы что, не женщины, что ли?
— В общем, всего хорошего! — прерывает их Михалыч. — Если передумаешь...
— Не передумает! — опережает Сергея Юля. — Если папа сказал, то это раз и навсегда.
— Хороший ты мужик! — говорит Михалыч Сергею и выходит.
— До свидания! — кричат ему вслед Юля и Елена.
Юля закрывает дверь, смотрит в глазок и поворачивается к отцу и матери.
— Но вообще я Маринку вполне понимаю, — говорит она и обращается к Елене: — А, мам?
— Да, наверное, — отвечает Елена. Она тоже приняла какое-то решение. — Ну, раз пошла такая пьянка... — преувеличенно бодро говорит она, — в общем, я хотела бы пригласить тебя, Сережа, и тебя, Юля, на одно мероприятие...
— Что за мероприятие? — живо интересуется Юля.
— Ну, как бы вам сказать... — смущается Елена.

Прошло несколько дней, и вот уже в отдельном зальчике ресторана сидят за столом Сергей, Юля, Елена и Игорь. Игорь торжественно объявляет:
— Я пригласил всех близких людей Елены Николаевны... потому что... — запнувшись, он продолжает: — Потому что других близких людей у нас с ней, в общем-то, нет... Прошу прощения, сбиваюсь, — смущенно говорит он.
— Ничего, Игорь Васильевич! — подбадривает его Юля. — Все чикаго! Продолжайте!
— Спасибо, Юля, — кашлянув, говорит Игорь. — Мы собрали вас, чтобы публично объявить о нашем желании сочетаться браком...
Юля бурно, на грани фола, аплодирует. Сергей неловко присоединяется к ней, но Игорь, входя в роль оратора, привычным властным жестом просит остановить аплодисменты.
— Иначе говоря, мы пригласили вас на помолвку, — продолжает он. — Хотя такого термина и нет в нашем законодательстве...
— Зато есть вы — и мама! — прерывает его Юля и берет бокал. — Горько!!!
— Погодите, но это же еще не свадьба! — покраснев до ушей, говорит Елена.
— А какая разница? — возражает Юля. — Сказано, нет такого юридического термина. Значит, все можно... Папа, давай вдвоем!
И отец с дочерью хором кричат:
— Горько!!! Горько!!!
Уступив такому бурному натиску, Елена и Игорь целуются, а Юля вслух считает:
— Раз!.. Два!.. Три!.. Десять!..
Раскрасневшиеся Елена и Игорь отрываются друг от друга.
— Слабовато!.. — критически говорит Юля. — До свадьбы надо будет подучиться. Да, папа?
Игорь оживляется.
— Кстати, насчет свадьбы, — говорит он. — Сергей Иванович, простите, если я говорю что-то не то... У меня к вам прóсьба... Я уже сказал, близких людей у нас в этом городе не так уж много... Короче, не могли бы вы стать свидетелем на нашей свадьбе?
Сергей слегка озадачен.
— Спасибо за доверие, конечно, — говорит он. — Но я тут видел один фильм, там бывший муж — свидетель на свадьбе у бывший жены. В результате получилась комедия. Так что, — оглядывает он собравшихся, — извините, но я воздержусь...

К ресторану, где отмечают помолвку, подъезжает милицейский «уазик». Из него выходят трое знакомых нам милиционеров.
И — бывает же такое совпадение! — из ресторана выходят Юля и Елена.
— Ловим машину или пройдемся пешком? — спрашивает у дочери Елена.
— Пройдемся пешком, — отвечает Юля. — До вокзала. Там у меня минутное дело.

Из ресторана выходит Сергей.

— Ну, я тоже готов.

Милиционеры видят Сергея и... отдают ему честь!

Они сами вряд ли понимают, что заставило их это сделать. Страх перед тем, кто оказался сильнее? Или не до конца изжитое уважение к справедливости и чести?

Сергей кивает им как ни в чем не бывало. Первым приходит в себя первый милиционер.

— Что за хреновня? — шипит он на подчиненных. — Руки опустить! Не на параде.

Но тут как назло из ресторана выходит Игорь. Увидев вице-мэра, милиционеры снова вытягиваются и отдают честь.

— Вечер добрый, Игорь Васильевич! — с привычной подхалимской интонацией говорит первый милиционер.

— Добрый вечер, добрый вечер! — рассеянно кивает им Игорь. — Да вы расслабьтесь, не на параде!

Игорь проходит, и первый милиционер, обернувшись к товарищам, кричит:

— Я кому сказал, опустить руки! Не на параде!.. — Он хочет еще что-то сказать, но, не найдя слов, добавляет: — Работать надо, а не руками махать!

Поздний вечер. На платформе вокзала оживленно. Голос из репродуктора сообщает: «До отправления поезда «Кострома — Москва» остается пять минут. Просьба к пассажирам занять места, провожающим — выйти из вагонов».

По платформе идут Сергей, Юля, Елена, Игорь. Они останавливаются у главного входа в вокзал напротив одного из вагонов. К ним подбегает озябшая от ожидания на морозе Марина.

— Всем привет! — машет она рукой в перчатке. — Я задрыгла, пока вас ждала.

— А что, собственно, у вас тут за дело? — интересуется Елена.

— Это к Юльке, — мотает головой Марина.

Елена хочет спросить у дочери, но та прижимает к губам палец.

— Тсс! Минутку! А вот и он...

Из-за здания вокзала со стороны остановки такси выбегает запыхавшийся Юрик — без шапки и шарфа, мокрый и дымящийся на морозе.

— Здрасьте! — говорит Юрик взрослым и тут же обращается к Юле. — Привет! Ты, собственно, чего вызвала?

На самом деле он рад, что подружка, кажется, снова готова возобновить с ним отношения после ссоры.

— Чуточку терпения! — говорит ему Юля. — Я сейчас все скажу. — И спрашивает у Марины. — Вещи занесла?

Марина с трудом удерживает себя от того, чтобы не пялиться на одного только Сергея.

— Занесла, занесла! А в чем тут фишка-то, Юльк? — любопытствует она. — Я что-то не врубаюсь.

— Внимание! — громко говорит Юля. — Дорогие мои! Муттер, подруга моя, котик мой Юрик, дорогой отчим...

— Будущий отчим, — кашлянув, говорит Игорь и оглядывается. — Пока что, — поясняет он.

— Не важно! — отмахивается Юля. — Дорогой отчим! И, конечно же, ты, мой милый папахен!

Марина, не выдержав, начинает бурно хлопать. Юля снова машет рукой.

— Погоди! Сейчас вот уж точно не до шуток! — И она начинает заранее подготовленный спич: — В общем, дорогие мои. Шестнадцать лет я не видела папки, а как только стукнуло мне восемнадцать — и папку увидела, и отчима нового обрела...

Игорь снова хочет внести уточнение, но, взглянув в лицо Юле, удерживается от слов. А Юля продолжает:

— У меня были большие счеты к моему отсутствовавшему родителю... — Она смотрит на Сергея. — Не скажу, что все они сняты, кто знает, что еще из меня может вылезти. Но я рада знакомству со второй родительской половиной. Потому

что он научил меня трем вещам. Первое — верить, что все возможно. Второе — уже не помню что, забыла от волнения, а вспоминать некогда. А третье — быть щедрой. Так вот, дорогие мама и отчим, — поворачивается она к Елене и Игорю. — Папа мой вчера снял комнату, а сегодня я делаю вам со своей стороны подарок — отдаю в полное ваше владение нашу комфортную двухкомнатную хрущобу. Чтобы не пришлось молодым свой медовый месяц встречать на улице под кустом. Я на время исчезаю из вашего поля зрения. Не беспокойтесь за меня — все у меня будет хорошо.

Елена явно растеряна.

— Юля, я ничего... — начинает она.

Но Юля останавливает ее и подходит к Юрику.

— Юрик, котик мой, ты славный, и мне с тобой часто было хорошо, — говорит она, прижавшись к бывшему бойфренду. — Возможно, из тебя со временем вырастет настоящий мужик. И ты найдешь себе деваху, которая тебя... которая тебе... В общем, с ней тебе будет лучше, чем со мной... — Она целует Юрика в губы и отталкивает его. — А пока я тебя бросаю! Поверь мне, так будет правильно.

На путях загорается зеленый огонь семафора — сигнал к отправлению поезда. Проводницы с лязгом поднимают сходни вагонов. Юля подбегает к ближайшему вагону и, махнув перед лицом проводницы билетом, запрыгивает в тамбур.

— Когда у меня все устроится, я вам сообщу! — кричит она и машет рукой. — Прощайте!

Поезд трогается. Сначала медленно. Затем все быстрее. Отец, мать, будущий отчим, Юрик с той же скоростью идут по перрону.

— Да, пап, — сообщает Юля, — медвежью шкуру я забрала с собой. Ты ж мне ее подарил, правда?

— Правда! — смеется Сергей.

И тут все, спохватившись, машут руками. Поезд уезжает. Елена, Игорь, Юрик, Марина, Сергей стоят на опустевшей платформе и смотрят друг на друга.

Молчание нарушает Марина.

— И кто куда сейчас? — невинно спрашивает она, ни к кому вроде бы конкретно не обращаясь, но явно имея в виду Сергея. Тот сегодня один и вряд ли откажется в такую ночь и мороз проводить одинокую девочку, подругу своей дочери, до дому.

Сергей и Марина стоят у подъезда дома, где она живет. Ночь, мороз, изо рта идет пар.

— Вот мы и дошли, — грустно говорит Марина. — Спасибо, что проводили, Сергей Иванович. Я, конечно, наврала, что боюсь темноты и пьяных, но все равно спасибо.

— Не за что, Марина! — отвечает Сергей.

И снова — молчание. Замерзшая Марина топчется на месте, пытаясь согреться.

— Ну я пойду, наверное? — говорит Сергей.

— А я совсем замерзла, — торопливо отвечает Марина. Потрогайте руки — как две ледышки.

Она протягивает руки вперед. Сергей деликатно трогает их и хочет отпустить, но Марина вцепляется в него изо всех сил.

— Послушай, ты, медвежья шкура! Неужели ты и вправду такой бесчувственный? Ты что, не видишь, что я люблю тебя? — кричит она со слезами на глазах и колотит Сергея в грудь. — Или ты, чурбан неотесанный, хочешь, чтобы я на колени встала? Без проблем!

Марина падает перед Сергеем на колени, прижимается к его ногам и плачет.

— Прости меня! Прости меня! Я буду другой! Я стала другой! Я тебе буду верная, как собака! Я загрызу каждого, кто захочет оторвать тебя от меня! Возьми меня с собой! Уедем из этого города! Ты не раскаешься! Ты не раскаешься!

Сергею удается оторвать Марину от себя и поставить на ноги. Марина сникает и прижимается головой к груди Сергея. И так они какое-то время стоят.

— Наверное, ты сказала чистую правду, — говорит Сергей. — Но правда не всегда бывает правильной. Я не могу сделать то, о чем ты просишь. И скоро ты пой-

мешь, почему. А вообще — уезжай. Как Юлька. Это лучшее, что ты можешь сделать. — Поколебавшись, он целует Марину в лоб. — Прощай!

Сергей уходит. Марина стоит, глядя невидящими глазами ему вслед. Сзади появляются два парня, те самые, что приставали к Марине на вечеринке у Сидора. Они подкрадываются и пытаются обнять Маринку.

— Маринк, мы ж говорили, никуда ты от нас не денешься, — говорит первый.

— Потому что никому, кроме нас, не нужна, — добавляет второй. — Может, по пивчинскому для разгона?

Маринка резко разворачивается и смотрит на парней.

В бывшей Юлиной квартире отгуляли свадьбу Игорь и Елена. Елена в белом платье и Игорь в строгом костюме провожают Сергея.

— Ну, молодые, совет да любовь! — говорит Сергей.

Игорь с благодарностью трясет ему руку.

— Спасибо, Сергей Иванович, что заглянули. Посидели скромно, по-семейному... Когда вылетаете?

— Завтра вечером из «Домодедова». Ну, я пойду! Колька в машине заждался. И на вокзал пора. Проводов устраивать не будем! Не последний раз в жизни видимся...

— Счастливого полета! — говорит Игорь. — А как вам удалось найти работу в Ханты-Мансийске? Туда, я знаю, попасть сложнее, чем в Монте-Карло.

Сергей смеется.

— А для чего ж на свете есть друзья? Счастливо!

На дворе поздний вечер. Крупными хлопьями валит снег. Николай сидит в машине напротив подъезда. В дверях появляются Сергей и Елена.

— Ну, прощай! — поворачивается к бывшей жене Сергей.

— Прощай! — говорит Елена, порывисто обнимает его и неожиданно плачет.

Сергей смущен. Вечно эти женские слезы некстати.

— Ну-ну, только не надо сырость на морозе разводить, — говорит он, утирая ей глаза носовым платком. — Гидрометцентр осадков не обещал.

— Без тебя у меня ничего бы не было, — всхлипывая, говорит Елена.

— А чего — ничего? — пытается отшутиться Сергей.

— Ничего, — сморкаясь в платок, говорит Елена. — Ни семьи, ни дочери, ни нынешнего мужа. Без тебя никакой бы жизни у меня не было... — Она поднимает глаза на Сергея. — Одно умирание.

— Ладно-ладно! — Сергею неловко. Он снова пытается шутить. — Хорошо, что твой нынешний муж нас не слышит. Я бы на его месте не на шутку взревновал. И сцену бы устроил. С мордобоем.

Они стоят, обнявшись. С неба валят крупные снежные хлопья.

— Я тебе говорила? — Елена поднимает голову. — Юлька прислала телеграмму. Сняла в Москве квартиру, устроилась на подготовительные курсы при твоем институте. И работу себе какую-то нашла.

— Ну! — весело говорит Сергей. — Я не сомневался, что у нее все получится.

Елена отодвигается и смотрит на него.

— Так ты все знал про ее планы? — с притворным упреком говорит она.

— В общих чертах, — уклончиво говорит Сергей, и оба смеются.

— Папина дочь! — говорит Елена, утирая остатки слез. — Всегда знала, что она пошла в тебя.

— Всё! — торопится Сергей. — Беги, а то совсем замерзнешь! И Колян заждался!

Словно в подтверждение этих слов Николай нажимает на сигнал.

На закате следующего дня Сергей сдает багаж в зале регистрации вылетов в аэропорту «Домодедово». Взяв ручную кладь, он хочет пройти по зеленому коридору, когда сзади раздается крик:

— Папа, погоди!

Сергей оборачивается и видит бегущую Юлю. Отставив в сторону вещи, он ловит дочь и кружит ее вокруг себя.

— А ты откуда здесь? — спрашивает он.

— Маринка позвонила. От мамы узнала, что ты сегодня летишь в Ханты-Мансийск, и мне сообщила.

— Как ты тут? Мама сказала про твою телеграмму.

— Попробую поступить этим летом, — сообщает Юля. — Не получится — поучусь на курсах еще год. Или пойду на платный, а потом уже переведусь на дневное отделение.

Сергей оценивающе смотрит на нее.

— Не бросишь? — спрашивает он. — Как свой факультет иностранных языков?

Юля отрицательно качает головой.

— Не-а! Это как брак по расчету и брак по любви, — поясняет она. — Тут я сама выбирала, что хочу.

— Ты знаешь, с браком по любви тоже разное бывает, — значительно отвечает Сергей.

— Кто б говорил! — смеется Юля. — Ты скажи... — Она замолкает, слишком мало времени для разговора. — Даже не знаю, что сперва спросить, — виновато говорит она.

И словно подтверждая ее опасения, голос в динамике сообщает: «Заканчивается регистрация на рейс «Москва — Ханты-Мансийск».

— Ну вот, не успела толком даже парой слов перекинуться, — с досадой говорит Юля. — И в гости тебя не успела зазвать.

— Ничего страшного! — успокаивает ее Сергей. — У нас с тобой вся жизнь впереди!

Юля прижимается к отцу изо всех сил. А потом с такой же силой отталкивает.

— Тогда иди! — Она снова порывисто обнимает и снова отталкивает. — Прощаться не будем!..

Она отходит к барьеру и отворачивается, чтобы спрятать слезы. Сергей с баулами идет к окошку паспортного контроля. Отдав паспорт и билет, он поворачивается к Юле, которая осталась у барьера.

— Да, а как там Марина? — кричит он.

Юля показывает ему, что не слышит.

— Как Марина? — снова кричит Сергей.

Юля снова разводит руками. Сергей машет ей на прощание.

Поздно ночью у себя в московской квартире Юля принимает душ. В этот момент, совершенно не вовремя, звонит телефон.

Юля, высунув голову из-за занавески и отплевываясь, находит трубку телефона и прижимает ее к уху.

— Алё? — говорит она.

— Юльк, привет! — слышит она голос Марины.

— Здорово, подруга! — обрадованно говорит Юля. — Ты откуда звонишь?

— Из аэропорта. Сажусь на самолет до Ханты-Мансийска.

Юля присвистывает от изумления.

— Блин! Ты совсем рехнулась!

— Я не знаю, получится или нет, но я лечу.

— Ты просто крейзи! — качает головой Юля. — Где ты там будешь жить?

Но у Марины все продумано.

— У меня там, оказывается, тетка живет. Заведующая универмагом или что-то такое. Так что с жильем и работой проблем не будет.

Юлька чувствует, как подступают слезы.

— Маринка... Подруга...

— Решила, как и ты, — сообщает Марина. — Начать жизнь сначала... — Она смеется. — Дурной пример заразителен... (*Обе молчат.*) Ты чего молчишь? — спрашивает Марина.

— Это я плачу, — сообщает Юля.

— Я дура, наверное, — признается Марина. — Не понимаю, чего тебе плакать...

— От радости за тебя, дура! — смеется и плачет Юля. — Только...

— Что? — немедленно спрашивает Марина.

— Слишком хорошо все получается... — Юля молчит и добавляет: — Но ты все сделала правильно...

Бывшая квартира Юли. На кровати в пижамах сидят Елена и Игорь. Елена причесывается.

— Включи телевизор, что ли, — говорит мужу Елена.

Игорь берет пульт в руки и включает телевизор. Виден логотип программы новостей одного из федеральных каналов.

У себя в квартире Юля читает учебник, лежа на медвежьей шкуре. Отложив книгу, она переворачивается на спину и, взяв в руки пульт, включает звук в телевизоре.

Голос корреспондента сообщает:

— Кроме Миллы Йовович, в феерической шоу-программе «Артек — детской мечты страна» выступят певица Руслана, украинская группа «Тартак», российская «Иванушки Интернешнл», латышская «Putnu Balle», молдавская «O-Zone». А теперь снова — к главной новости дня.

— Опять чего-то случилось, — бормочет Юля. — Спасибо, не надо...

Она тянется к пульту, чтобы переключить программу, но в этот момент слышит слова ведущего.

— С места падения самолета, следовавшего рейсом «Москва — Ханты-Мансийск» сообщает наш корреспондент Денис Извеков.

Елена и Игорь резко поворачиваются к телевизору.

— Только что стали известны списки пассажиров, летевших этим рейсом. Вот они, — говорит корреспондент.

Экран телевизора. На фоне кадров с места аварии идут имена пассажиров...

«...Снегирев Сергей Иванович...»

Юля кладет ладонь на идущую по экрану фамилию отца, словно пытаясь остановить ее.

А в это время в салоне самолета «Москва — Ханты-Мансийск» Марина сидит в кресле у иллюминатора. Проводница о чем-то спрашивает ее. Марина отрицательно качает головой. Она смотрит в иллюминатор и видит пейзаж — темно-синее небо, луна, заснеженные равнины.

Елена и Игорь стоят возле телевизора. Игорь обнимает Елену. Глаза Елены сухи и отрешенны.

Юля по-прежнему сидит у телевизора, положив на экран руку, хотя под рукой уже давно идет реклама.

В салоне самолета Марина вставляет в уши наушники, включает плеер и откидывается в кресле, блаженно и мечтательно улыбаясь.

Авторы выражают благодарность Станиславу Говорухину и Юлии Ауч за помощь в работе над сценарием.

ИЛЬЯ РУБИНШТЕЙН

Пять снов Николая Козырева

Годы советского застоя у нас не ругает только очень ленивый. Ругаем уже четверть века и никак не наругаемся. Стебаемся над тем, в чем стоило бы разобраться очень глубоко и серьезно. С тем, чтобы они никогда не повторялись, эти годы.

Илья Рубинштейн, которому в то время было около двадцати, эти годы не ругает. Он их не может забыть. Они у него вызывают содрогание.

То, что для нас, для поколения шестидесятников, было хоть и противным, но, в общем, привычным, понятным (а кое для кого и вполне удобным), у них, восьмидесятников, вдруг вызвало ощущение нестерпимой боли, доходящей до отчаяния. Казалось бы, откуда это? Выросли в «нормальной советской среде», читали те же книжки Маршака и Гайдара, слушали то же самое радио «Маяк», смотрели тот же телевизор «Темп», и вот надо же — их от нашей жизни с души воротит! По меркам тех времен — прямая дорога в «дурку». Сказал же незабвенный генсек: «Только ненормальным может не нравиться наша жизнь».

Да, вот так, на грани «дурки» и КПЗ (а зачастую и переходя эту грань) путешествуют по стране три обожженных жизнью и эпохой отрока, три матерщинника и романтика — Козырь, Длинный и Француз. Что их ведет? Только ли стремление хоть на мгновение приблизиться к легендарному Барду 80-х — Высоцкому? Нет, конечно. Главное, что гонит их через все препятствия в Москву, — нестерпимая жажда в их деформированном мире лжи и подлости найти хоть одну маленькую правду, добиться хоть одной маленькой справедливости.

Эта боль, это обнаженное, кровоточащее, вопиющее о правде и справедливости сердце — суть Ильи и его творчества. Он и во ВГИКе, в нашей с Верой Владимировной Туляковой мастерской, был такой же: вспыльчивый, запальчивый до крика, никогда не уступающий в любом споре, знающий что-то свое до такой степени убежденности, что посеять в нем хоть какое-то сомнение не удавалось никому. Признаюсь, меня это иногда раздражало. И только мудрейшая Вера Тулякова смягчала эти вспышки, гасила наши повышенные тона своим милым, чуть снисходительным воркованием.

Но время не только лечит, а и по-новому открывает глаза на давно виденное. Так и я на премьере фильма «Май» летом этого года открыл для себя совсем иного Илью Рубинштейна. Картина прошла почти незамеченной. А жаль. В ней Илья со всей очевидностью показал, как он вырос, как научился вглядываться в действительность без категоричности, без запальчивости, как глубоко и мудро он стал видеть людей во времени. Та же боль обогатилась здесь теплом человечности, тот же гнев стал зрячим.

Но, конечно, куда «Маю» до «Пиратов Карибского моря»! Или до пресловутых «Дозоров»! Как сказано, «дистанция огромного размера». Вот парадокс: нынешние ровесники Козыря, Длинного и Француза не то что наше серьезное кино смотреть, они и Барда ни за какие деньги слушать не будут. Поневоле пожалеешь о том «Маяке», том «Темпе»

и битком набитом кинотеатре на городской окраине, где и такое кино на одном дыхании смотрелось, и Высоцкий с экрана пел.

Но еще больше, еще острее и совсем не поневоле пожалеют и, надеюсь, поймут трех отроков, матерщинников и романтиков, и их эпоху те, кто прочтет этот очень искренний, очень запальчивый, очень рубинштейновский сценарий.

О.Агишев,
кинодраматург, профессор ВГИКа

Светлой памяти Давида Карапетяна

Кадры кинохроники. Байконур. Со стартовой площадки, отбрасывая «ступени», взлетает в небо космический корабль.

Лето, 1980

Космос. По орбите вокруг Земли плывет космический корабль.

Первый голос (*за кадром*). Как самочувствие, «Кристаллы»?

Второй голос (*за кадром*). Отличное самочувствие.

Первый голос (*за кадром*). Сеанс телевизионной связи с Центром управления полетами через один час четырнадцать минут. Как поняли, «Кристаллы»?

Второй голос (*за кадром*). Поняли вас, Центр. Что там насчет Володи?

Первый голос (*за кадром*). Пока ничего. Пробиваем вашего Володю, «кристаллики». А сегодня открытие Олимпиады вам покажем. Ну всё. До встречи, «кристаллики». Конец связи.

Камера наезжает на голубой шар планеты Земля, и в кадре через наплыв появляется речка. Речку сменяют общие планы угольной шахты, одинаково убогих хрущоб, дымящихся заводских труб.

Чуть крупнее — пыльный школьный стадионч ик у типового здания школы-трехэтажки.

Еще крупнее — типовое здание школы-трехэтажки.

Застекленная табличка с надписью: «Школа-интернат № 2 Лутовиновского района Кемеровской области»

Утро. Одна из палат интерната. Пятнадцать коек у одной стены, пятнадцать — у противоположной. На койках — спящие пацаны. Лет им — от одиннадцати до семнадцати. Три первые койки от двери занимают Козырь, Француз и Длинный. Козырю и Французу — около четырнадцати. Длинному — шестнадцать.

На тумбочке, стоящей рядом с кроватью Козыря, лежит стопка книг.

В проеме двери появляется сонный дежурный лет одиннадцати с красной повязкой на рукаве.

Дежурный. Отряд, подъем...

Тишина.

Дежурный. Подъем, пацаны... Слышь, пацаны...

Вставляет в розетку штепсель радиодинамика. Комнату заполняет фортепианная музыка.

Потягиваясь, зевая, вздыхая, прохаркиваясь, пацаны поднимаются с коек. Кто-то открывает тумбочки, кто-то сразу идет в сторону уборной.

Г о л о с з а к а д р о м. С тех пор как я попал в интернат, отца я видел каждый день по четыре раза. Два — утром и два — вечером.

Козырь спускается с койки, открывает свою тумбочку. Пару секунд смотрит на приклеенный к задней стенке тумбочки конверт от виниловой пластинки. С конверта на Козыря, улыбаясь, смотрит Бард с гитарой в руках. Козырь берет с верхней полочки коробку зубного порошка и щетку. Закрыв тумбочку и сдернув со спинки койки полотенце, идет в сторону уборной. Его обгоняет Длинный. В руках у Длинного пачка «Примы». Зайдя в уборную, он вынимает из пачки последнюю сигарету и закуривает. Затем, скомкав пачку, кидает ее навесиком через закрытую дверь одной из туалетных кабинок. Подходит к кабинке, открывает дверь, заглядывает внутрь. Скомканная пачка лежит точнехонько по центру унитаза.

Д л и н н ы й (*довольно ухмыльнувшись*). Александр Белов. ЮэСэСА.

Мимо Длинного с полотенцем на плече проходит Француз.

Ф р а н ц у з. Оставишь.

Идет в сторону умывальников. Встает рядом с чистящим зубы Козырем. Включает воду.

Г о л о с з а к а д р о м. О том, кто мой отец, мама рассказала мне за два дня до смерти. Уже в больнице. В той самой, где всю жизнь отработала санитаркой на полторы ставки. И где пятнадцать лет назад отец дал единственный в городе концерт, когда был у нас на гастролях со своим театром. В этой же больнице после концерта и выпивки с медперсоналом мама с отцом меня и удумали. В ординаторской. На топчане для осмотра пациентов. Так мне рассказала мама. И через два дня умерла.

Козырь закрывает кран, вытирает лицо. По дороге в палату останавливается напротив Длинного. Молча берет из его рук сигарету, делает две глубокие затяжки.

Д л и н н ы й. А в Москве сейчас, говорят, «Мальборо» в каждом ларьке по рублю.

Козырь возвращает сигарету Длинному, заходит в палату. Подходит к своей кровати, открывает тумбочку, вновь пару секунд смотрит на приклеенного к задней стенке улыбающегося Барда с гитарой. Кладет на полочку зубную щетку и коробку порошка. Закрывает тумбочку.

ЦУП. По верхнему ярусу главного зала ЦУПа идет Семенов. В руках у него телевизионная бобина. Не выпуская мужчину из кадра, камера с верхней точки выхватывает гигантскую, в подсветке, карту двух земных полушарий испещренную разными линиями, и полторы сотни людей в белых халатах, сидящих у мониторов, приборов, панелей, приборных досок.

Чьи-то руки ставят бобину на шнифт видеомагнитофона.

Чей-то палец нажимает на кнопку «пуск».

Экран монитора. После нескольких секунд видеопомех на экране возникает картинка и становится слышен звук. Экран монитора. Хроника. Валерий Борзов с горящим факелом в руке поднимается по ступенькам стадиона к гигантской металлической чаше. За ним с переполненных трибун наблюдают рядовые и не рядовые зрители, а из правительственной ложи — члены Политбюро и лично товарищ Леонид Ильич Брежнев. Борзов останавливается у чаши и касается ее факелом. Вспыхивает Олимпийский огонь.

Лутовиново. Стадион интерната. На футбольном поле с пыльными проплешинами три десятка пацанов под руководством директора интерната Сергея Абрамовича, Амбарыча, без энтузиазма делают утреннюю зарядку.

А м б а р ы ч. И раз, и два, и три, и четыре! Просыпаемся, товарищи пионеры и комсомольцы! Переходим к приседаниям! И раз!..

Пацаны начинают вяло приседать и подниматься, не попадая в активный счет Амбарыча.

Голос за кадром. Про моего отца в интернате знали только Француз и Длинный. А в городе еще один человек — дядя Сеня. Потому что в тот день, когда мама мне все рассказала, он тоже был в палате.

Амбарыч. Не спим, Козырев! Не спим! Встаем и приседаем!

Но Козырь, словно не услышав Амбарыча, продолжает сидеть на корточках.

Голос за кадром. Дядя Сеня работал истопником в маминой больнице и, пока она не умерла, бывал у нас дома почти каждый день. А один раз, года за три до маминой смерти, даже сватался к ней. Но мама ему отказала.

Пацаны уже бегут по вытоптанной дорожке вокруг футбольного поля.

Амбарыч (*Французу*). Не халтурим, Французов! Я все круги считаю! И не срезаем!

Француз (*на бегу, тяжело дыша*). Счетовод херов...

Козырь выбегает с дорожки и останавливается у стоящего за низким деревянным заборчиком человека лет сорока с палочкой.

Амбарыч. Козырев! За остановку два штрафных круга!

Козырь (*запыхавшись, негромко*). Да пошел ты... (*Человеку с палочкой.*) Здрасьте, дядя Сень.

Дядя Сеня. Здорово, Колек. Я чего сегодня подошел. В воскресенье смена у меня. Антипыч заболел. (*Передав Козырю блок сигарет «Прима» и целлофановый пакет с пряниками.*) Ну как она?

Козырь. Отлично. Я побежал, ладно? А то Амбарыч шумит.

Дядя Сеня. Ко мне перебираться не надумал?

Козырь. Мне здесь нормально, дядя Сень.

Дядя Сеня. Ну гляди, Колек... А я, значит, теперь через воскресенье зайду.

Засунув сигареты и пряники под майку, Козырь присоединяется к бегущим вокруг футбольного поля. Дядя Сеня же, сильно хромая, уходит от стадионного заборчика в сторону пыльной автострады.

Столовая интерната. За столами по три-четыре человека завтракают пацаны. Козырь сидит за столом вместе с Длинным и Французом.

Голос за кадром. Когда кончался учебный год, тех, у кого были родственники, отпускали из интерната под расписку до самого первого сентября. Тех же, у кого никаких родственников не было, отправляли на все лето в пионерский лагерь Райпотребсоюза.

Козырь достает из-под рубашки целлофановый пакет с пряниками и ставит на стол. Длинный и Француз опускают руки в пакет. Козырь о чем-то задумавшись, упирается взглядом в окно. Затем, вернувшись в действительность, видит, что пакет пуст. В недоумении он смотрит на Длинного и Француза, доедающих по последнему прянику.

Голос за кадром. Но в том году в лагерь нас не отправили. Говорят, из-за того, что родители райпотребсоюзовских написали коллективное письмо своему директору о том, что интернатовские учат их детей пить, курить и другим нехорошим занятиям. Поэтому тем летом пить, курить и заниматься нехорошими делами мы остались в городе.

Деревянная котельная на задах интерната. С полтора десятка малолеток, стоящих по периметру котельной, припали к круглым просверленным в стене ко-

тельной дырочкам. Затаив дыхание, они смотрят, как прямо на полу Длинный занимается любовью со шмаристой девахой лет шестнадцати.

Палата интерната. В палате один Козырь. Он лежит на кровати и читает «Собор Парижской богоматери».

Одна из подвальных комнат интерната. Все три стола комнаты завалены радиодеталями и остатками радиоприемников. За одним из столов с паяльником в руках сидит Француз. Сосредоточенно он запаивает схему на коричневом плато.

Деревянная котельная на задах интерната. Из котельной выходят Длинный и шмарообразная. Влепив Длинному прощальный поцелуй, девушка идет направо от двери, а сам Длинный — налево. Обернувшись на уходящую девушку, он заворачивает за угол. Там его ждут полтора десятка благодарных малолетних зрителей. Каждый из них кладет в ладонь Длинного по двадцатикопеечной монете.

Берег речки. На берегу сидят Козырь, Длинный и Француз. Между ними бутылка портвейна «Три семерки» и пакет с пастилой. По очереди глотнув прямо из горлышка, все трое закуривают, ложатся на спину и закрывают глаза. В это время со стороны дальнего моста появляется белый прогулочный катер. Из динамика катера доносится песня в исполнении Барда. Отраженный водой хрип его разносится по всей реке и ее окрестностям.

Д л и н н ы й (*не открывая глаза*). Батя?

К о з ы р ь (*так же не открывая глаза*). Угу.

Д л и н н ы й. Класс. Слышь, Француз, а ты магнитофон смог бы заделать?

Ф р а н ц у з. Наверное. Главное, чтоб детали были. Вот приемничек соберу, а там можно и магнитофон попробовать.

Длинный резко привстает.

Д л и н н ы й (*Козырю*). И все-таки, в натуре, я не догоняю.

К о з ы р ь. Чего?

Д л и н н ы й. Да всего. Если бы у меня такой батя был, я бы здесь с вами не кантовался.

Ф р а н ц у з. А где бы кантовался?

Д л и н н ы й. Да в Москве, блин.

Ф р а н ц у з. Чего, пришел бы и сказал: «Здравствуй, папа», да?

Д л и н н ы й. И сказал бы.

Ф р а н ц у з. А он бы тебе: «Здравствуй, сынок. Я так по тебе скучал, что просто места не находил. Поэтому шел бы ты, сынок, собирать макулатуру. А я по тебе еще поскучаю. Лет шестьдесят или семьдесят».

Д л и н н ы й. Это потому, что он сначала не поверит. Я бы, к примеру, тоже не поверил. Но потом-то, когда разобрался бы, поверил.

Ф р а н ц у з. Ну и как бы ты разобрался?

Д л и н н ы й. Не знаю. Как-нибудь. Слышь, Козырь, а чего маманя, в натуре, даже письма ему не отписала, когда ты родился?

К о з ы р ь. Не-а.

Д л и н н ы й (*вздохнув*). Девичья гордость, блин.

Ф р а н ц у з (*хохотнув*). Тупой ты, Длинный, хоть и высокий.

Д л и н н ы й. Почему это?

Ф р а н ц у з. Потому. Если бы у мамани козыревской девичья гордость была, он бы сейчас рядом с нами не лежал.

Д л и н н ы й. А чего ж тогда?

Ф р а н ц у з. Ничего. Просто гордость.

Козырь рывком встает, бежит к реке и ныряет в воду. За ним в реку входят Длинный и Француз. Все трое с гоготом начинают играть в «топилки» и «брызгалки».

Г о л о с з а к а д р о м. Отца мне увидеть очень хотелось. Увидеть и просто поговорить. Рассказать про маму и про то, как она его любила. А она его, конечно, любила. Иначе не тянула бы меня в одиночку и не отказала бы дяде Сене. И отец бы наверняка мне поверил. Потому что понял бы — мне от него ничего не надо. Мы бы поговорили, и я бы просто ушел. Разве что, может, попросил бы разрешения писать ему письма. Нечасто. Раз в полгода или год. И всё.

Длинный и Француз продолжают плескаться в реке, а Козырь выходит на берег, садится на песок и провожает взглядом удаляющийся катер, динамик которого все еще хрипит голосом Барда.

Г о л о с з а к а д р о м. Но с тех пор как отец встретился с мамой, в нашем городе бывать ему больше не довелось. А я ни разу не был в Москве. Да даже если бы и был и узнал бы где-нибудь адрес, никогда бы к нему не пошел... Или пошел бы. Но только для того, чтобы увидеть. Просто увидеть и поговорить. О маме и о том, как она его любила.

Палата интерната. У выключателя стоит дежурный.

Д е ж у р н ы й. Отряд, отбой.

Щелкает выключателем. Темнота.

Сон Николая Козырева

В проеме открытой двери в контровом свете стоит Бард. Мы видим только его силуэт.

Б а р д. Ну, чего встал, проходи.

Г о л о с К о з ы р я. Да я на минутку... Я насчет мамы...

Б а р д. Все знаю. Дядя Сеня мне написал. Проходи.

Г о л о с К о з ы р я. Да нет... Спасибо.

Б а р д. У меня концерт через час. Поедешь со мной?

Козырь за кулисами. Он видит лишь спину Барда, стоящего у микрофона с гитарой в руках. И слышит его голос.

Б а р д. Добрый день...(*Смех в зале.*) Извините. Конечно, вечер. Вы знаете, я, вообще-то, всегда хорошо чувствую время. Иногда даже, как радио, — с точностью до шестого сигнала. (*Смех в зале.*) Просто сегодня день был очень суматошный. Сначала радио, затем телевидение, а потом встреча была очень для меня важная с близким мне человеком. Он сейчас стоит за кулисами. Но я понимаю, что все это — лирика. Вы ведь пришли сюда не за ней. Хотя, вопреки расхожему мнению, лирические песни у меня тоже есть. Но начать я хочу не с лирики, а с песни, которую почти всегда пою в начале своих выступлений и с которой когда-то начинал свою работу в кино...

Из радиодинамика, висящего на стене у двери палаты, звучит песня «Герои спорта» в исполнении Льва Лещенко.

Г о л о с Л е щ е н к о.

Будет небесам жарко,
Сложат о героях песни,
В спорте надо жить ярко,
Надо побеждать честно!
Замерли вокруг люди,
Светятся экраны теле,
Верьте, что рекорд будет,
Знайте — мы близки к цели!

И вновь нарезают круги по стадиону сонные интернатовцы...

И вновь что-то кричит отстающим Амбарыч...

Г о л о с Л е щ е н к о.

Мы верим твердо
В героев спорта,

Нам победа, как воздух, нужна,
Мы хотим всем рекордам
Наши звонкие дать имена.

И вновь на кровати в пустой палате лежит Козырь с книгой в руках...

Голос Лещенко.

Дерзкий путь наверх сложен,
Лидерам сегодня трудно,
Знаем — победить сможем,
Если совершим чудо!

И вновь Длинный заводит в котельную шмарообразную...

И вновь что-то паяет в подвальной комнате Француз...

Голос Лещенко.

Судьи будут к нам строги,
Но, в конце концов, поверьте -
Скажут нам, что мы боги,
Скажут: молодцы, черти!

И вновь по периметру облепляют котельную малолетние любители эротики...

Голос Лещенко.

Мы верим твердо
В героев спорта,
Нам победа, как воздух, нужна,
Мы хотим всем рекордам
Наши звонкие дать имена!

И вновь летят в ладонь Длинного двугривенные...

Голос Лещенко.

Шествуй на Олимп гордо,
К солнечной стремись награде,
Ради красоты спорта,
Родины своей ради!
Надо побеждать честно,
Надо жить на свете ярко
Сложат и о нас песни.
Будет небесам жарко!

И вновь идет по кругу бутылка портвейна «семь-семь-семь»...

Голос Лещенко.

Мы верим твердо
В героев спорта,
Нам победа, как воздух, нужна,
Мы хотим всем рекордам
Наши звонкие дать имена!

И вновь бежит к реке неразлучная троица...

И вновь резвится троица в речке, и идет по водной глади прогулочный катер...

Голос за кадром. Так бы и прокатилось до сентября то далекое лето восьмидесятого. Прокатилось, если бы не собрал наконец Француз у себя в подвале ламповый радиоприемник.

Одна из подвальных комнат интерната. Капнув последней канифолевой слезинкой на клемму, Француз вставляет плату внутрь корпуса радиоприемника. Закуривает. Зажмуривает глаза. Нащупывает кнопку-пимпочку «вкл». Нажимает. Комнату заполняет женский голос из динамика. Француз открывает глаза, и лицо его растягивается в улыбку. Женский голос тем временем продолжает свой рассказ...

Женский голос из динамика. ...И в заключение выпуска коротко об основных новостях.

Звучат позывные радиостанции и вслед за ними мужской голос.

Мужской голос. Вы слушаете «Голос Америки» из Вашингтона.

Женский голос. В Белом доме прошла пресс-конференция президента США Рональда Рейгана, где глава Белого дома выразил озабоченность увеличением контингента советских оккупационных войск в республике Афганистан. Советские правозащитники направили коллективное письмо о нарушении прав человека на территории СССР в адрес всех спортивных делегаций, прибывших в Москву для участия в Олимпийских играх. Среди подписавших петицию академик Андрей Сахаров, писатель Владимир Войнович и скульптор Эрнст Неизвестный. Представитель Национального олимпийского комитета Великобритании выступил с предложением о проведении альтернативных спортивных состязаний с участием команд из стран, бойкотирующих Московскую Олимпиаду. Предположительно соревнования пройдут в сентябре нынешнего года.

По данным источника из ЦК КПСС в целях демонстрации свободы слова и лояльности властей в отношении деятелей культуры сразу после церемонии закрытия Олимпийских игр на Стадионе имени Ленина состоится двухчасовое выступление популярного советского оппозиционного барда, артиста Театра драмы и комедии на Таганке Владимира...

Наплывший сигнал глушит последние слова диктора. Спустя пару секунд помеха исчезает, и женский голос из динамика продолжает информационное сообщение.

Женский голос. ...И, учитывая место выступления, программа концерта будет состоять из двадцати песен спортивной тематики...

Блаженная улыбка слетает с лица Француза. Он вдавливает в пепельницу недокуренную сигарету и пулей вылетает из комнаты...

Москва. Старая площадь. У подъезда, по обеим сторонам которого висят застекленные таблички с надписью «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза», останавливается серая «Волга». Из авто выходит Семенов и заходит в подъезд.

По длинному коридору, устланному ковровой дорожкой, идет Семенов. Останавливается у одной из дверей. Выдыхает. Тянет дверь на себя.

Приемная. Референт, сидящий за письменным столом, поднимает голову, смотрит на вошедшего Семенова.

Семенов. Добрый день.

Референт. Здравствуйте.

Семенов. Моя фамилия — Семенов. Я из Центра управления полетами. Мне назначено на одиннадцать тридцать.

Референт. Секундочку.

Нажимает на кнопку селектора.

Лутовиново. Интернат. Кабинет директора. За столом — директор Сергей Абрамович, Амбарыч. Напротив него сидят на стульях Длинный, Француз и Козырь.

Амбарыч. Значит, в Москву собрались, правильно я вас понял?

Француз. Правильно. (*Кивнув на лежащие перед Сергеем Абрамовичем три исписанных листочка.*) Мы же все написали.

Сергей Абрамович мельком пробегает взглядом лежащие перед ним заявления.

Амбарыч. Французов — в радиотехникум, Козырев — туда же, а Куликов — в кулинарное училище?

Длинный. Или в Суворовское. Я еще не решил.

Амбарыч. Ну, в Суворовское, положим, принимают до четырнадцати лет. А ты у нас в седьмом классе два лишних года пересидел.

Длинный. Значит, в кулинарное.

К о з ы р ь. Вы, Сергей Абрамович, главное, нам свидетельства выдайте и метрики с характеристиками.

А м б а р ы ч. Я только одного не понимаю — чего ж вы до июля дотянули?

Д л и н н ы й. Думали. Решали.

А м б а р ы ч. Ну, а наш город чем вас не устраивает?

Д л и н н ы й. Уровнем образования.

Ф р а н ц у з. И еще негативными ассоциациями.

А м б а р ы ч. Чем?

Ф р а н ц у з. Ассоциациями с трудным детством. А в столице нашей Родины мы начнем новую жизнь и все забудем. Может быть, даже курить бросим. А лет через пять, вполне возможно, вернемся на малую родину сознательными строителями светлого коммунистического завтра.

К о з ы р ь. Вы, главное, документы нам выдайте. Сегодня.

А м б а р ы ч. Да, конечно, выдам, Козырев. Вот только не сегодня. И даже не завтра.

К о з ы р ь. А когда?

А м б а р ы ч. После третьего августа.

К о з ы р ь. Почему?

А м б а р ы ч. Потому что до закрытия Олимпиады в Москву вы все равно не попадете. Закрыта Москва для иногородних до третьего августа. А где вас до этого времени носить будет, мне совершенно неизвестно. Согласно же циркуляру Минобразования от 12.07.65-го — до поступления в новое учебное заведение юридическую ответственность за воспитанников интерната несет его дирекция. То есть я.

Москва. Старая площадь. Из подъезда выходит Семенов. Подходит к серой «Волге». Открывает дверь, садится на переднее сиденье рядом с шофером.

Ш о ф е р. Ну как, Сергей Петрович?

С е м е н о в. Порядок, Михалыч. Будет «кристалликам» их Володя.

Лутовиново. Баскетбольный мяч, ударившись о щит, падает в корзину.

Баскетбольная площадка интернатовского стадиончика. Обводя невидимых соперников и бросая по кольцу, Длинный играет сам с собой в баскетбол. Рядом с площадкой на травке лежат Француз и Козырь.

Ф р а н ц у з (*резко привстав*). Блин! Первый официальный концерт! (*Козырю.*) Ты хоть понимаешь, что для бати твоего это значит?!

К о з ы р ь. Понимаю.

Ф р а н ц у з. На стадионе! В Лужниках, блин! А мы из-за падлы Амбарыча будем в это время здесь груши околачивать!

Длинный бросает по кольцу и с разворотом ловит мяч на отскоке.

Д л и н н ы й. Да ксивы — это туфта! На Горючке их нам с полпинка нарисуют! Хоть московские, хоть тамбовские! *(Делает обводку, подбегает к щиту, забрасывает мяч, подпрыгивает и, ухватившись обеими руками за обод, виснет на кольце.)* Тамразу в том году, когда он после кассы на Сычевке в бега отваливал, там вообще диплом инженерский закроили! (*Спрыгивает на землю.*) Главное — башли, Французик. Будут башли — будет жизнь.

Подходит к Французу с Козырем, закуривает, ложится рядом.

Ф р а н ц у з. Ну и сколько нужно?

Д л и н н ы й. Башлей-то? Посчитай: за три ксивы — три сотни, билеты в Москву и назад — столько же, погужеваться в Белокаменной — двести самое малое, ну и, чтоб к батяне козыревскому на концерт протыриться, — еще соточка, если не две.

Ф р а н ц у з. На концерт-то столько зачем?

Д л и н н ы й. Ты, Француз, хоть и умный, а тупой. Думаешь, билетики в кассах стадиона будут лежать?

Ф р а н ц у з. А где же?

Д л и н н ы й. Да у барыг все они уже давно. Весной, когда «Песняры» у нас лабали, сколько с рук входной стоил?

Ф р а н ц у з. Червонец или пятнаху.

Д л и н н ы й. Правильно мыслишь, товарищ. Только это в Мухосранске нашем и на «Песняров». А там — Москва и...

К о з ы р ь. Тысяча.

Ф р а н ц у з. Чего тысяча?

К о з ы р ь. На круг получается ровно тысяча рублей.

Букинистический магазин. На прилавок опускается стопка книг. Верхняя книга в стопке — «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго.

Рядом с прилавком стоит Козырь. За прилавком — продавец. Быстро перебрав книжную стопку, продавец щелкает на счетах и отсчитывает Козырю несколько смятых купюр.

По лестнице интерната, обливаясь потом, с ламповым радиоприемником на плече спускается тщедушный Француз.

Из дверей котельной выходит Длинный и шмарообразная.

В ладонь Длинного сыплются двадцатикопеечные монеты.

Овощной ларек. У ларька стоит грузовик. Из кузова шофер подает Козырю последний ящик с виноградом. Козырь заносит его в ларек и ставит поверх другого ящика. Всего в ларьке таких ящиков около полусотни. Стоящий у прилавка кавказец оборачивается к Козырю и протягивает ему червонец.

По одной из улиц, обливаясь потом и чуть пошатываясь, идет Француз с приемником на плечах.

Из дверей котельной выходят Длинный и вторая шмарообразная.

В ладонь Длинного сыплются двадцатикопеечные монеты. Но сейчас их уже в ладони Длинного значительно меньше, чем после первого сеанса.

Чья-то рука перечеркивает чернильным крестом одну из страниц сберкнижки и захлопывает ее. Спустя пару секунд та же рука опускает поверх закрытой сберкнижки пять десятирублевок.

Из дверей сберкассы выходит дядя Сеня и протягивает деньги Козырю — пятьдесят рублей. Что-то коротко бросив дяде Сене, Козырь быстро уходит вверх по улице. Дядя Сеня смотрит Козырю вслед, улыбается, разворачивается и хромает в противоположную сторону.

Комиссионный магазин. На прилавок опускается ламповый радиоприемник.

У прилавка стоит Француз. За прилавком — продавец. Воткнув штепсель приемника в розетку, продавец нажимает кнопку «вкл», несколько раз прокручивает туда и обратно круглую ручку поиска радиошкалы, выключает приемник, достает из кармана денежную стопку и отсчитывает Французу несколько купюр.

Из котельной выходят Длинный и третья шмарообразная.

В ладонь Длинного сиротливо падают три двадцатикопеечные монеты, а спустя секунду — еще два пятачка.

Одна из подвальных комнат интерната. За столом, где еще вчера стоял радиоприемник, сидят Длинный, Козырь и Француз. Последний заканчивает подсчет денег, лежащих по центру стола.

Ф р а н ц у з. Сто четыре рубля шестьдесят пять копеек.

К о з ы р ь. Может, еще раз посчитать?

Ф р а н ц у з. От этого больше не станет.

Д л и н н ы й. И у меня больше не встанет. Я, наверное, теперь на всю жизнь кастратом останусь.

Ф р а н ц у з. Не кастратом, а импотентом.

Д л и н н ы й. Один хрен.

Сон Николая Козырева

Москва. Красная площадь. Кремлевские куранты на Спасской башне бьют четыре или пять раз. У Вечного огня стоят Козырь и Бард с гитарой в правой руке. Левая рука Барда лежит на плече Козыря. После последнего удара курантов Козырь и Бард идут вдоль кремлевской стены.

К о з ы р ь. Можно мне задать тебе один вопрос?

Б а р д. Конечно.

К о з ы р ь. А если бы, когда я родился, мама тебе написала, ты бы приехал к нам?

Б а р д. Обязательно.

К о з ы р ь. И женился бы на ней?

Б а р д. Я ведь тогда уже был женат.

К о з ы р ь. Жалко.

Б а р д. Но я все равно бы приехал.

К о з ы р ь. Зачем?

Б а р д. Забрал бы вас в Москву. Одолжил бы на кооператив. И мы бы каждый день с тобой виделись.

К о з ы р ь. А куда мы сейчас?

Б а р д. Домой. Поужинаем и спать. А завтра в театр тебя возьму. Ты насчет пельменей как?

К о з ы р ь. Нормально. Их мама очень хорошо делала...

Радиодинамик, висящий на стене у двери палаты. После шести сигналов палату заполняет бодрый голос диктора.

Голос диктора. В столице девять часов. Передаем выпуск последних известий. Пять золотых, четыре серебряные и две бронзовые медали пополнили вчера копилку советской команды. Особо отличились наши девушки-гимнастки, которые после вольных упражнений и опорного прыжка два раза занимали весь пьедестал почета...

Д е ж у р н ы й. Отряд, подъем...

В палате начинается обычная вялая утренняя суета. Лишь Козырь, Длинный и Француз продолжают спокойно лежать на своих койках. Из-за спины дежурного в палату входит Амбарыч.

А м б а р ы ч. Козырев! Куликов! Французов! А вас общая команда не касается?!

Д л и н н ы й. Так мы ж теперь не по вашему ведомству, Сергей Абрамыч. Третьего ведь все равно отчаливаем.

А м б а р ы ч. Ясно. (*Кричит.*) Дежурный! Где дежурный?!

Из-за спины Амбарыча выходит дежурный.

Д е ж у р н ы й. Я здесь, Сергей Абрамович.

А м б а р ы ч. Четвертый стол к завтраку не накрывать, ясно?!

Д е ж у р н ы й. Ясно.

Амбарыч выходит из палаты.

Ф р а н ц у з. Вот сучило...

Стадион интерната. Три пары рваных кед топочут по беговой дорожке.

Вокруг футбольного поля вместе со всеми бегут Козырь, Француз и Длинный.

Ф р а н ц у з. Я тут ночью еще придумал насчет денег.

Д л и н н ы й. Только учти — я со вчерашнего дня кастрат.

Ф р а н ц у з. Да ни при чем здесь твои шмары, Длинный.

Д л и н н ы й. Не шмары, а девушки. Учитесь культурно выражаться, молодой человек.

К о з ы р ь. Ну, так чего придумал?

Ф р а н ц у з. Во-первых, можно сдать кровь. Это, считай, на троих еще полтинник...

Длинный. А во-вторых?

Француз. А во-вторых... Ты в колечко из десяти раз сколько попадаешь?

Длинный. Если сосредоточиться — могу из десяти десять.

Француз. Точняк?

Длинный. Обижаешь, Французик. У меня первый разряд. Я еще два года назад за область по юношам играл. В Москве, между прочим.

Француз. Вот и молодец.

Пивная кружка, на две трети заполненная двадцатикопеечными монетами. Рядом с кружкой на землю одна за другой падают две монеты.

Открытый пивной загончик на задах городского рынка. У кружки с монетами сидит на корточках урловый лет сорока.

Урловый. Кидаем, попадаем, весь кон забираем!

За нарисованной мелом чертой, метрах в пятнадцати от кружки стоит небольшая очередь из желающих испытать судьбу. Вся пивная с интересом наблюдает за процессом. Среди наблюдающих и наша троица, пристроившаяся с кружками за одним из дальних столиков-стоячков.

Один не очень уже трезвый «испытатель» судьбы бросает из-за черты три монетки подряд. Все они падают очень далеко от кружки. Урловый встает, подбирает монетки с земли, бросает их в кружку и вновь опускается на корточки.

Урловый. Не жми монету, корефан, — жене сварганишь сарафан! Кидаем, попадаем, весь кон забираем!

И вновь монетки очередного бросателя падают на землю очень далеко от кружки.

Козырь (*Французу*). И чего, никто никогда не попадает?

Француз. При мне ни разу. Я в прошлом году сам два рубля прокидал.

Длинный. Может, потому что бухие все?

Француз. Трезвые тоже не попадают.

Козырь. Почему?

Француз. Видимо, рассчитано все.

Длинный. Что рассчитано?

Француз. Расстояние от кружки, ее диаметр...

Длинный. Ну так чего — я пошел?

Француз. Подожди. Сейчас бумажки пойдут.

К урловому подходит человек в засаленном комбинезоне и протягивает ему трояк.

Человек в комбинезоне. Давай на все.

Урловый отсчитывает из кружки пятнадцать монеток и ссыпает их в ладонь человека в комбинезоне. Трехрублевку же он опускает в кружку поверх лежащих в ней монет.

Урловый. Риск для кармана, но все без обмана! Кидаем, попадаем, весь кон забираем!

И вновь летят одна за другой монетки мимо кружки.

Француз. Психология кольца.

Длинный. Это как?

Француз. Чем больше денег в кружке, тем больше желающих. Чем больше желающих — тем больше денег в кружке. (*Кивнув на урлового.*) Я даже думаю, что он, когда только приходит, в кружку свое бабло подкладывает. Для разогрева почтенной публики.

Козырь. И сколько выходит, если кружка под завязку?

Француз. По моим подсчетам, может и до двухсот дойти. А может, даже больше. (*Заметив, как Длинный делает из кружки большой глоток.*) Ты бы, Длинный, с пивком поаккуратней. Глазомер собьешь.

Длинный. Не ссы, Французик. Я, когда за область играли, в четвертьфинале бухой в ноль с подбора три двухочковых подряд положил. (*Протягивает Французу ладонь.*) Так что сыпьте мячики и о плохом не думайте.

Француз. Пять хватит?

Д л и н н ы й. Хватит одной. Но на всякий случай давай пять.

В ладонь Длинного рука Француза опускает пять двугривенных.

Кружка тем временем заполнена уже на три четверти и вперемешку с монетами в ней лежит с десяток бумажных купюр — от рубля до червонца.

Длинный подходит к меловой черте.

У р л о в ы й. Кидаем, попадаем, весь кон забираем! (*Длинному.*) Бросай, молодой, пока не седой, — с велосипедом придешь домой!

Одна за другой летят пять монет в сторону урлового, и последняя опускается аккурат по центру кружки. Пивная в секунду затихает. Длинный же тем временем спокойно подходит к урловому, поднимает из-под его ног кружку и ссыпает ее содержимое в свою матерчатую кепочку с выцветшей надписью «Всесоюзная спартакиада школьников — 78».

Рынок. Вышедшим из дверей пивной Французу, Козырю и Длинному преграждают путь трое урловых.

П е р в ы й у р л о в ы й (*Длинному, кивнув на кепку с деньгами в его руках*). Ну, чего, фартовый, — дашь кепарик померить?

Д л и н н ы й. Не дам.

В т о р о й у р л о в ы й. А вот это зря, фартовый. Тебя ж по-хорошему просят.

Опускает руку в карман и через секунду щелкает выкидным лезвием. Еще секунда и... Но вдруг откуда-то сзади раздается низкий голос.

Н и з к и й г о л о с. Спрячь перо, Султан.

Француз, Козырь и Длинный одновременно поворачивают головы в сторону голоса. Взгляды их упираются в жилистого седоватого мужчину. С кружкой пива в татуированной ладони он стоит, опершись спиной о косяк открытой двери пивной. На лицах урловых вырисовывается что-то среднее между растерянностью, непониманием и страхом. Седоватый делает глоток пива из кружки.

С е д о в а т ы й. Я не прозрачно сказал, Султанчик?

Второй урловый щелчком убирает лезвие внутрь наборной ручки и опускает нож в карман.

Т р е т и й у р л о в ы й (*седоватому, кивнув на Длинного*). Так он же весь кон срубил, Валерий Серафимыч.

С е д о в а т ы й. Честно срубил? (*Пауза.*) Честно.

В т о р о й у р л о в ы й. Ну и чего?

С е д о в а т ы й. Ничего. (*Кивнув на Длинного.*) Этот длинный Вени Куличка высерок. Слыхал про такого?

В т о р о й. Ну слыхал.

С е д о в а т ы й. Так, а я с Веней две первые ходки на соседних шконках по малолетке чалился. Знатный он шнифер был, понимаешь, Султанчик? Сейчас таких нет. Если б не женился сдуру, его б еще лет двадцать назад в закон короновали.

В т о р о й у р л о в ы й. Так бы и сказали.

С е д о в а т ы й. Я и говорю.

Все трое урловых, обойдя Длинного, Француза и Козыря, проходят мимо стоящего в дверях Седоватого и растворяются среди посетителей пивной.

С е д о в а т ы й (*Длинному, Французу и Козырю*). А вы больше сюда не ходите, ясно?

Д л и н н ы й. Ясно.

С е д о в а т ы й. И кон больше не рубите. Меня не будет, попишут они вас. И попишут за дело. Деньги-то с кона все на общак городской идут, усекли?

Д л и н н ы й. Усекли. Спасибо вам.

С е д о в а т ы й (*усмехнувшись*). Не за что.

Рынок. Между рядов идут Француз, Длинный и Козырь.

Ф р а н ц у з (*Длинному*). А ты этого седого раньше видел?

Д л и н н ы й. Не-а.

К о з ы р ь. А «шнифер» — это что такое?

Д л и н н ы й. Не знаю. (*Французу.*) Слышь, Француз, так, может, теперь ну ее на фиг эту кровь, а? У меня, когда на сборах анализ из пальца брали, я чуть в обморок не упал.

Ф р а н ц у з. Посмотрим.

Выходят за ворота рынка. Проходят мимо синюшной женщины, сидящей на ящике. В ногах у женщины целлофановый пакет с грибами и замызганный граненый стакан.

С и н ю ш н а я ж е н щ и н а (*в спину троицы*). Витюша!.. Витенька!

Д л и н н ы й (*Французу*). Тебя.

Ф р а н ц у з. Пускай. Идем.

С и н ю ш н а я ж е н щ и н а. Витюша!.. Сы́ночка!

Француз останавливается. Останавливаются и Козырь с Длинным.

Ф р а н ц у з. Вы идите. На остановке меня подождите.

Резко разворачивается и идет в сторону синюшной женщины.

Длинный и Козырь переходят дорогу и садятся на лавочку у остановки.

Француз подходит к синюшной женщине.

С и н ю ш н а я ж е н щ и н а (*пьяно улыбаясь*). А я уж думала, ты не слышишь меня. Машины-то кругом а-а, а-а...

Ф р а н ц у з. Ну и чего надо?

С и н ю ш н а я ж е н щ и н а. Ничего. На тебя, на кровиночку мою посмотреть.

К о з ы р ь (*кивнув в сторону синюшной женщины и Француза*). Кто это?

Д л и н н ы й. Мать.

К о з ы р ь. Так он же говорил, что она умерла.

Д л и н н ы й. А она, считай, и умерла. Для Француза.

Синюшная женщина вдруг падает с ящика на колени, обнимает Француза за ноги и начинает слезно голосить.

С и н ю ш н а я ж е н щ и н а. Ты прости меня ради Христа!.. Витенька! Сы́ночка!

Француз резко выдергивает ноги из рук женщины и делает шаг назад. Потеряв опору, женщина падает на карачки. Поднимает голову. На лице ее снова пьяная улыбка.

С и н ю ш н а я ж е н щ и н а. А я грибочков тебе с утра набрала.

Подползает к пакету. Берет его в руки. С трудом поднимается.

К о з ы р ь. Так, может, и отец у него живой?

Д л и н н ы й. Не-а. Отец-то как раз мертвый. Про взрыв на Лоскутной слыхал?

К о з ы р ь. Слыхал.

Д л и н н ы й. Батя Француза как раз в ту смену в забое был. (*Кивнув в сторону Француза и синюшной женщины.*) Она после этого и потекла. Водяра с бабами быстро договаривается. (*Закуривает.*) У нашего Амбарыча, кстати, в том же забое двоих сыновей завалило.

К о з ы р ь (*чуть ошалело*). Как?

Д л и н н ы й. Молча. Уголечком. Всей шахтой неделю откапывали.

К остановке подбегает Француз с одеревеневшим лицом.

Ф р а н ц у з. Деньги где?

Длинный достает из-под рубашки кепку с деньгами. Француз выхватывает из кепки пятерку и через дорогу бежит назад к рыночным воротам. Подъехавший автобус загораживает Длинному и Козырю то, что дальше происходит между Французом и матерью. Когда автобус уезжает, перед ними стоит Француз с пакетом грибов в руке. Он подходит к лавочке и садится рядом с Козырем. Спустя несколько секунд резко встает и с размаху кидает пакет в бетонную стену остановки. Вылетевшие из разорвавшегося пакета покрошенные от удара грибы рассыпаются по земле. Француз опускается на лавочку и закрывает лицо руками.

Ф р а н ц у з (*сквозь всхлипы*). Тварь... Тварь...

Козырь и Длинный не смотрят в сторону плачущего Француза. Неподвижные взгляды их устремлены через дорогу. На шатающуюся синюшную женщину с граненым стаканом в опущенной руке, входящую в рыночные ворота.

Сон Николая Козырева

Кухня. За столом сидит Бард. Рядом с ним прислоненная грифом к столу стоит гитара. Напротив Барда сидит Козырь с чашкой в руке.

Б а р д. Чайку подлить?

К о з ы р ь (*отрицательно мотнув головой*). Спасибо.

Б а р д. А я себе подолью.

Придвигает чашку к электрическому самовару и открывает вентилек.

К о з ы р ь. Красивый самовар.

Б а р д. Это мне в Туле после концерта подарили.

Закрывает вентилек и придвигает к себе наполненную чашку.

Б а р д. Слушай, а можно, я теперь тебя попрошу?

К о з ы р ь. Конечно.

Б а р д. Расскажи мне про мать.

К о з ы р ь. А что?

Б а р д. Что хочешь.

К о з ы р ь. Она сказки мне сочиняла. До семи лет. Представляешь? Придумает, потом запишет печатными буквами в тетрадке и мне оставляет. А потом уходила на работу… Я по ее сказкам читать научился. В три года.

Б а р д. Смешно.

К о з ы р ь. Что смешно?

Б а р д. Я тоже в три года читать научился.

В соседней комнате раздается телефонный звонок.

Б а р д. Ну ты смотри — ни днем, ни ночью… Я сейчас.

Встает из-за стола и выходит из кухни.

Козырь некоторое время сидит неподвижно, а потом встает, перегибается через стол и проводит большим пальцем по струнам бардовской гитары…

Школьный стадион. И вновь наша троица нарезает вместе со всеми круги по пыльной беговой дорожке.

Д л и н н ы й. Я знаешь, о чем подумал, Французик?

Ф р а н ц у з. О чем?

Д л и н н ы й. Четыреста пятьдесят колов у нас есть, так?

Ф р а н ц у з. Ну, так.

Д л и н н ы й. Значит, получается, если мы ксивы на Горючке мастырить не будем, а в Москве зашикуем по-скромному, то можем завтра спокойно отчаливать. (*Козырю.*) Ты на это как, Козырь?

К о з ы р ь. Давайте.

Ф р а н ц у з. Получается, без документов поедем?

Д л и н н ы й. Почему без документов? С документами.

К о з ы р ь. С какими?

Д л и н н ы й. Да с нашими. Ночью шкафчик у Амбарыча в кабинете подломим, и все тип-топ.

Ф р а н ц у з. Проснулись все-таки гены.

Д л и н н ы й. Чего?

Ф р а н ц у з. Да ничего. «Шнифер» по-блатному, знаешь, что такое?

Д л и н н ы й. Ну?

Ф р а н ц у з. Специалист по вскрытию сейфов.

Д л и н н ы й. Умный ты, Француз. Пора тебя сажать.

Ф р а н ц у з. Типун тебе...

Д л и н н ы й. А чего — феню ты знаешь, приемники паяешь. Будешь на зоне радиокружок вести. В свободное от лесоповала время.

Ф р а н ц у з. Урод!

Пытается на бегу дать Длинному поджопник. Но тот выгибается и с радостным гоготом уходит в отрыв. Француз тоже увеличивает скорость, периодически дрыгая правой ногой в попытке все-таки отвесить пенделя по заднице Длинного...

Темнота. Звук выломанного замка. Скрип медленно открывающейся двери. Луч фонаря из проема двери освещает фрагменты кабинета Амбарыча.

В кабинет заходят Длинный со стамеской в руке, Француз с фонарем и Козырь. Последний остается у двери, а Длинный с Французом, обогнув стол, подходят к шкафу с документацией. На дверях шкафа висит средних размеров замок. Длинный засовывает стамеску под скобку замка и одним движением сбивает его. Затем открывает двери шкафа. Луч фонаря высвечивает длинный ряд картонных папок. На корешке каждой папки выведены большие буквы — от «А» до «Я».

Ф р а н ц у з. Давай сначала ваши, на «кэ».

Длинный вытаскивает из шкафа папку с буквой «К» на корешке. Из папки на пол падают бумаги вперемешку со свидетельствами о восьмиклассном образовании.

Д л и н н ы й. На пол свети.

Луч фонаря соскальзывает со шкафа на лежащие на полу бумаги. Длинный опускается на корточки и начинает перебирать корочки свидетельств. Козырь отходит от двери и садится на стол.

К о з ы р ь. Ну, чего?

Д л и н н ы й. Нету. Ни тебя, ни меня. Перепрятал, гнида.

Ф р а н ц у з. А меня?

Рука Длинного тянется к папке с буквой «Ф» на корешке. В эту же секунду в кабинете зажигается свет. Все трое резко оборачиваются на дверь. В дверях стоит Сергей Абрамович, Амбарыч. Из одежды на нем только трусы и майка.

А м б а р ы ч. Не там ищешь, Куликов. В столе они. (*Пауза.*) Открывай стол, Козырев, открывай. А ты, Куликов, папку пока на место поставь.

Ошалевший Длинный запихивает в папку выпавшие из нее бумаги и ставит ее на полку. Козырь тем временем выдвигает ящик стола и видит лежащие в нем три корочки об окончании восьми классов, два свидетельства о рождении и один паспорт.

А м б а р ы ч. Если поступите, напишите. А кто не поступит — возвращайтесь. (*Разворачивается и делает шаг в коридор.*) Да... И когда уходить будете, свет погасите.

Взгляд Козыря упирается в фотографию, стоящую на столе Амбарыча.

В объектив улыбается Амбарыч, положивший обе руки на плечи стоящих по бокам от него двум парням-близнецам лет двадцати.

За кадром раздается щелчок фотоаппарата, а в кадре фотографию Амбарыча с сыновьями сменяет другая фотография. На ней — молодой мужчина, очень похожий на Длинного, обнимает за плечи женщину-ровесницу и девочку лет восьми. Камера панорамирует с фотографии вниз — на три фамилии, выбитые на плите памятника. Даты рождения под каждой фамилией разные, а дата смерти под всеми тремя одна и та же.

Городское кладбище. На лавочке, метрах в двадцати от могилы и стоящего у ограды Длинного, сидят Француз и Козырь. В ногах у них две наплечные сумки из кожзаменителя.

К о з ы р ь. А я и не знал, что у Длинного сестра была.

Ф р а н ц у з. Была. Старшая.

К о з ы р ь. Она тоже вместе с родителями, в аварии?

Ф р а н ц у з. Да в какой, блин, аварии. (*Встает.*) Ладно, пошли. У входа его подождем.

Козырь поднимается с лавочки вслед за Фрацузом. Забросив на плечи сумки, они идут по аллее в сторону выхода.

Ф р а н ц у з. Зарезал он их. А потом себе вены вскрыл.

К о з ы р ь. Кто?

Ф р а н ц у з. Да батяня Длинного. Когда с последней ходки вернулся. Ему еще в лагере нашептали, что жена налево пошла.

К о з ы р ь. И он жену вместе с дочерью?

Ф р а н ц у з. Дочь за то, что мать покрывала... Сегодня ровно пять лет.

К о з ы р ь. А Длинный где был?

Ф р а н ц у з. На тренировке.

Длинный достает из сумки бутылку портвейна, стакан и кусочек черного хлеба, обернутый в салфетку. Проходит за ограду. Зубами открывает бутылку. Делает из нее большой глоток. Затем наливает портвейн в стакан и ставит его рядом с могилой. Поверх стакана кладет кусочек черного хлеба.

Открытая тумбочка Козыря. На задней стенке тумбочки — четыре бумажных следа от отклеенной фотографии Барда...

Одна из подвальных комнат интерната. Камера панорамирует сначала по паяльнику, затем по его шнуру и замирает на вынутой из розетки вилке паяльника...

Вокруг котельной кто на ящиках, кто прямо на земле сидят два десятка малолеток. Взгляды их устремлены на открытую дверь, которую покачивает легкий ветерок. За кадром раздается длинный гудок поезда.

Москва. Театр драмы и комедии. По коридору идет Семенов. Останавливается у дверей одной из гримерек. Выдыхает. Поднимает руку, чтобы постучать. Замирает.

Г о л о с и з-з а д в е ри. Если ты сейчас развяжешь, то больше уже никогда не завяжешь! Никогда!

Семенов еще раз выдыхает и стучит в дверь. Звук приближающихся шагов. Дверь чуть приоткрывается. В образовавшемся проеме Семенов видит со спины кудрявого человека.

К у д р я в ы й ч е л о в е к (*в глубь гримерки*). Плевать?! А когда на Лубянку дернут, тоже плевать будешь?! Пойми — они тебя такого за полкопейки купят! Ампулу на столик выкатят, и ты им за эту ампулу про май, комсомол и весну писать начнешь! Тебе это нужно?! Это?!

Разворачивается к Семенову, делает шаг за порог гримерки и с силой захлопывает за собой дверь.

С е м е н о в. Здравствуйте.

К у д р я в ы й ч е л о в е к (*шумно дыша*). Слушаю вас.

С е м е н о в. Моя фамилия Семенов. Я из Центра управления полетами. У нас...

К у д р я в ы й ч е л о в е к (*оборвав Семенова*). Вы извините ради бога. После спектакля зайдите, пожалуйста.

Дергает дверь на себя, переступает порог гримерки, с силой захлопывает дверь.

Лутовиново. Зал ожидания вокзала. В окошко одной из касс просовывается голова Француза. Рядом с ним стоит Козырь.

Ф р а н ц у з. Нам три билета до Москвы, девушка.

К а с с и р ш а. До третьего на Москву не продаем. Только по командировочным и спецпропускам.

Ф р а н ц у з. А куда продаете?

К а с с и р ш а. По московскому направлению только до Челябинска.

Ф р а н ц у з. А от Челябинска до Москвы какой километраж?

К а с с и р ш а. Я не мерила.

Ф р а н ц у з. Ладно. Давайте три до Челябинска. Это сколько будет?

К а с с и р ш а. Купе, плацкарт?

Ф р а н ц у з. Плацкарт.

Кассирша бегло щелкает пальцами по аппарату.

К а с с и р ш а. Сорок восемь шестьдесят.

Француз лезет в карман, достает деньги и начинает отсчитывать нужную сумму. В это время у окошка кассы появляется Длинный и накрывает ладонью купюры, выложенные Французом на алюминиевую тарелочку.

Ф р а н ц у з. Ты чего, Длинный?

Д л и н н ы й. Ничего. Экономика должна быть экономной.

Москва. Театр драмы и комедии. Переполненный зрительный зал. Камера выхватывает Семенова, сидящего на приставном месте. На сцене — артисты, играющие роли Короля, Королевы, Полония, Офелии, Розенкранца и Гильденстерна. Их мизансцена простроена параллельно свисающему с колосников гигантскому, в ширину всей сцены, серому занавесу из грубой мешковины.

К о р о л ь. ...Чем взвинчен принц, что, не боясь последствий,
В душевном буйстве тратит свой покой?

Р о з е н к р а н ц. Он сам признал, что не в своей тарелке,
Но почему — не хочет говорить.

Г и л ь д е н с т е р н. Выпытыванию он не поддается.
Едва заходит о здоровье речь,
Он ускользает с хитростью безумца...

Лутовиново. Дальний путь железнодорожного полотна. Два сержанта-краснопогонника играют в карты, сидя на тамбурной ступеньке вагон-зака, прицепленного к длинному товарному составу.

Г о л о с и з в а г о н-з а к а. Начальник! Ссать! Слышь, начальник!

П е р в ы й с е р ж а н т (*не оборачиваясь*). На стоянке не положено!

Г о л о с и з в а г о н-з а к а. Тогда пить! Слышь, начальник?! Воды давай, падла!

Первый сержант кладет свои карты на ступеньку и заходит в вагон.

Вагон-зак. По проходу идет первый сержант. Останавливается у одного из боксов. В боксе одной рукой прикованный наручниками к решетке сидит в одиночестве морщинистый бритый зэк. Первый сержант открывает дверь бокса. Заходит внутрь.

П е р в ы й с е р ж а н т (*очень спокойно*). Ты чего, Фролов, хочешь, чтоб я тебя не довез?

З э к Ф р о л о в. Пить давай...

П е р в ы й с е р ж а н т. Еще раз вякнешь, гнида, всю парашу у меня выхлебаешь.

Улыбнувшись, сильным ударом в лицо впечатывает зэка Фролова в стенку бокса. Зэк Фролов вырубается. Из его носа и рта появляются красные струйки.

Первый сержант закрывает дверь бокса, идет по проходу, выходит в тамбур и видит стоящих у вагона Длинного, Француза и Козыря. Первый сержант садится на тамбурную ступеньку рядом с напарником.

В т о р о й с е р ж а н т (*первому*). Ну чего, Серень, возьмем пацанов до Челябы? У нас же три бокса пустые.

Д л и н н ы й. Понимаете, у нас на три билета денег не хватает.

П е р в ы й с е р ж а н т. А на три «Агдама» с носа хватит?

Ф р а н ц у з. Это шесть бутылок?

Д л и н н ы й. Хватит.

П е р в ы й с е р ж а н т. Тогда в лабаз бегите. Через полчаса отходим.

Москва. Театр драмы и комедии. По коридору идет Семенов. Останавливается у двери гримерной. Прислушивается. Выдыхает. Стучит.

Голос из-за двери. Да!

Семенов открывает дверь и заходит в гримерку. Перед зеркалом, за одним из двух гримерных столиков сидит голый по пояс крепко сбитый мужчина. В руках у него полотенце. С лица и торса стекают крупные капли пота. Больше в гримерке никого нет.

Семенов (*растерянно*). Извините... А мне бы...

Крепко сбитый (*оборвав Семенова, не оборачиваясь*). Минут восемь назад ушел. Сразу после поклонов. Спешил куда-то. Даже не ополоснулся.

Семенов. Моя фамилия Семенов. Я из Центра управления полетами. Насчет выступления. По прямой линии связи. Для космонавтов.

Крепко сбитый. Ого. Ну космонавты — это святое. У вас бумага есть?

Семенов. Да, конечно.

Достает из внутреннего кармана пиджака блокнот, выдергивает из него лист, подходит к крепко сбитому.

Семенов. Вот, пожалуйста.

Опускает лист на столик перед крепко сбитым. Тот берет в руки карандаш, что-то быстро чиркает на листе и возвращает его Семенову.

Крепко сбитый. Только если что — телефон вам дал не я.

Семенов. Понял.

Крепко сбитый. Правда, насчет выступления вам лучше не по телефону. Он по телефону договариваться не любит. Может отказать. Да и не дозвонитесь вы. У него с неделю уже то ли линию за неуплату отключили, то ли сам трубку не берет.

Семенов. А как же тогда договориться?

Крепко сбитый. Лично. Или с ним, или с Валерием.

Семенов. Это кудрявый такой?

Крепко сбитый. Ну да. Администратор наш.

Семенов. И где же его теперь лично? Следующий спектакль у вас только через неделю. А мне раньше нужно.

Крепко сбитый. Выдаю последнюю военную тайну — послезавтра в десять вечера у него концерт в ДК «Химприбора». Варшавка, семнадцатый километр, а там указатель будет. Я у них на прошлой неделе выступал.

Семенов. Спасибо.

Крепко сбитый. Да не за что. Космонавтам привет.

Семенов. Обязательно.

Идет к двери, останавливается у порога, оборачивается. По взгляду Семенова камера панорамирует по висящему на стуле черному свитеру, прислоненной к гримерному столику гитаре и замирает на длинном столбике пепла дымящейся в пепельнице сигареты с золотым ободком вокруг фильтра.

Поздний вечер. С длинным низким гудком «пролетает» сначала тепловоз, затем прицепленные к нему товарные вагоны, а за ними — два вагон-зака с зарешеченными окнами.

Купе конвоя. За столиком, на нижних койках, друг против друга сидят два сержанта-краснопогонника и наша троица. На столике шесть бутылок «Агдама» и открытые банки сухпайковой тушенки. Первый сержант разливает портвейн по стаканам. За ним на крючочке покачивается китель с погонами старшего лейтенанта. Когда наполняется последний стакан, с верхней полки свешивается всклокоченная голова старлея-начконвоя. Лет ему около тридцати, лицо малиновое.

Старлей (*пьяно*). Пошему... постронние... в... (*икает*) вагоне?

Второй сержант (*подняв голову*). Это не посторонние, товарищ старший лейтенант.

Старлей. А кто?

Первый сержант. Наши шефы.

Поднимает вверх руку с полным стаканом. Старлей берет стакан.

С т а р л е й. Откуда (*икает*) ...шефы?

П е р в ы й с е р ж а н т. Из ЦК ВЛКСМ.

Старлей залпом выпивает стакан и замертво падает на подушку. Рука же его с пустым стаканом безжизненно свешивается с полки.

П е р в ы й с е р ж а н т. Раз... Два... Три... Ап!

Ладонь вырубившегося старлея разжимается и выпускает стакан, который внизу ловко ловит первый сержант.

П е р в ы й с е р ж а н т (*наполняя по-новой пустой стакан*). С Красноярска, козел, не просыхает. (*Поднимает стакан.*) Ну чего — за красные погоны и тесные вагоны.

Все чокаются и выпивают. Сидящий у окна Козырь ставит на стол пустой стакан, закуривает и поворачивает голову в сторону заоконной темноты...

Сон Николая Козырева

Вечер. Уютная комната. За окнами комнаты — рубиновые звезды башен Кремля.

У кровати, на которой лежит маленький Козырь, на стульях сидят Мама и Бард. К спинке стула Барда прислонена гитара.

М а м а. И вот выходит из лесу серый волк, подходит к открытому окошку, заглядывает в комнату и говорит...

Б а р д. А почему это мальчик Коля Козырев из старшей группы до сих пор не спит? За это я тебя сейчас буду кушать...

М а м а. «Не будешь», — смело сказал серому волку мальчик Коля.

Б а р д. «Это еще почему?» — удивился волк и щелкнул зубами.

М а м а. «Потому что на самом деле ты добрый», — ответил Коля.

Б а р д. Но я ведь съел бабушку Красной Шапочки...

М а м а. Это просто ты проявил слабость и отсутствие силы воли...

Маленький Козырь отворачивается к стене.

М а м а. Ты чего, Коль?

К о з ы р ь. Это старая сказка. Ты ее еще во вторник сочинила.

М а м а. А новую не успела, потому что работы было много.

К о з ы р ь. Тогда пусть папа споет. У него тоже сказки есть.

М а м а. Папа устал. У папы сегодня был сложный спектакль и два концерта.

К о з ы р ь. Ну и что. Я ведь всего одну песню прошу.

Бард протягивает руку за спинку стула, берет гитару и кладет себе на колени.

М а м а (*Барду*). Только негромко, ладно?

Выходит из комнаты.

Б а р д. Какую ты хочешь?

К о з ы р ь. Про Чудо-Юдо.

Бард проводит рукой по струнам...

Ночь. Один из боксов вагон-зака. Лежащий на нижней полке Козырь просыпается от голоса диспетчера станции, на которой стоит состав.

Г о л о с д и с п е т ч е р а. Пятый маневровый, освободите второй путь для новосибирского. Повторяю — пятый маневровый, освободите второй путь...

Со второй нижней полки поднимается сонный Француз и выходит из бокса. Он идет по проходу в сторону туалета мимо боксов со спящими заключенными. Когда Француз проходит бокс с прикованным зэком Фроловым, тот его окликает.

З э к Ф р о л о в. Парень...

Француз останавливается.

Ф р а н ц у з. Я?

З э к Ф р о л о в. Ты, ты. Вы до Челябы катите?

Ф р а н ц у з. Да.

Свободной рукой зэк Фролов проталкивает сквозь решетку папиросу.

З э к Ф р о л о в. Возьми.

Ф р а н ц у з. Спасибо. У нас сигареты есть.

З э к Ф р о л о в. Малява это.

Ф р а н ц у з. Что?

З э к Ф р о л о в. Письмо по-вашему. В гильзе оно.

Француз берет «беломорину».

З э к Ф р о л о в. Адрес запомни: Чехова, семь. Зайдешь — скажешь: от Фрола для Цыгана. Запомнил?

Ф р а н ц у з. От Фрола для Цыгана...

З э к Ф р о л о в. Только передай. Не замыль. Важно это. И не бзди. Там с тобой никакой шняги не будет.

Ф р а н ц у з. Я передам.

З э к Ф р о л о в. Только конвою не коланись.

Ф р а н ц у з. Хорошо.

Француз опускает «беломорину» в нагрудный карман рубашки и идет дальше по проходу.

Окраина Челябинска. Поздний вечер. Узкая улица. С обеих сторон старые деревянные частные дома. Прямо посередине улицы под единственным фонарем — огромная мусорная куча. С крыльца одного из домов спускается бичеватая женщина. В руке у женщины алюминиевое ведро. Она подходит к мусорной куче и вываливает на нее содержимое ведра. Появляются Длинный, Француз и Козырь.

Д л и н н ы й. Блин, прямо как на Горючке у нас. Даже хуже. Там хоть на домах номера есть.

Ф р а н ц у з (*женщине с ведром*). Извините, вы не подскажете, где дом номер семь?

Ж е н щ и н а. Дальше, через два. Крылечко там зеленое.

Ф р а н ц у з. Спасибо.

Троица обходит мусорную кучу и женщину с ведром.

Д л и н н ы й. Ты хоть читал маляву-то?

Ф р а н ц у з. Чужие письма читать неприлично.

Д л и н н ы й. А блатоте шестерить прилично?

Ф р а н ц у з. Ну почему шестерить? Человек в беде. Культурно попросил, я согласился. Можно подумать — ты бы не согласился.

Д л и н н ы й. Я бы — нет. А если б согласился — прочитал. Может, он в маляве написал, чтобы Цыган этот нас порешил и где-нибудь здесь закопал.

К о з ы р ь. Вот он.

Троица останавливается у двухэтажного дома-развалюхи с зеленым крыльцом. На ступеньках крыльца курит раздетый по пояс человек без возраста. Грудь его синяя от многочисленных татуировок.

Ф р а н ц у з. Добрый вечер.

Т а т у и р о в а н н ы й. Кому как.

Ф р а н ц у з. Вы случайно не Цыган?

Татуированный поднимает голову и три раза свистит. В окне второго этажа появляется чья-то белобрысая голова.

Т а т у и р о в а н н ы й (*белобрысой голове*). Скажи Цыгану — фраерки тут залетные до него.

Б е л о б р ы с ы й. А чего у них?

Ф р а н ц у з (*татуированному*). Малява у нас для него. От Фрола. Может, вы сами передадите, а мы пойдем?

Т а т у и р о в а н н ы й (*ухмыльнувшись*). Так не бывает, фраерки.

Большая комната на втором этаже дома. Накурено. В комнате — человек десять блатных. Кто-то на большом продавленном диване играет в карты, кто-то сидит за столом и выпивает, кто-то, лежа на топчане у окна, трень-

кает на гитаре. Короче говоря, самая настоящая малина. Дверь комнаты открывается, и татуированный пропускает вперед Длинного, Француза и Козыря. Зависает настороженная тишина. Сидящий за столом брюнетистый парень лет тридцати с пару секунд сверлит вошедших взглядом. Это и есть Цыган.

Ц ы г а н. Ну, так что за малява?

Ф р а н ц у з. От Фрола.

Француз достает из кармана рубашки «беломорину», подходит к столу и кладет ее перед Цыганом.

Ф р а н ц у з. Вот.

Цыган штопором выковыривает из гильзы свернутую в трубочку бумажку. Разворачивает. Читает. Француз тем временем отходит от стола и встает у двери рядом с друзьями.

Б е л о б р ы с ы й. И чего там?

Ц ы г а н. На пересуд его привезли. Подогрева просит.

Б е л о б р ы с ы й. Подогрева... Только с каких таких херов, когда на дне вторую неделю лежим?

Ц ы г а н (*белобрысому*). Завянь, плесень. Он паровозом в том числе и за тебя чалится.

Б е л о б р ы с ы й. Ну коль такой развал — давай теперь все бросим, ломанемся в дело и запалимся. Чтоб Фролу было не обидно в одинаре чалиться.

Цыган бьет белобрысого кулаком в лоб, и тот выпадает из-за стола.

Ф р а н ц у з (*Цыгану*). Так мы пойдем?

В эту же секунду автоматная очередь с улицы разносит в щепки и осколки окно. Малина пригибается и замирает. И лишь ничего не понимающие Длинный, Француз и Козырь остаются стоять у двери в полный рост. Вслед за автоматной очередью слышен голос, усиленный громкоговорителем.

Г о л о с. Внимание! Дом оцеплен! Бегство и сопротивление бесполезно! В случае неповиновения открываем огонь на поражение!

Б е л о б р ы с ы й (*с пола, сдавленно, Длинному, Французу и Козырю*). Навели, падлы...

Пригнувшийся к столу Цыган, медленно опускает руку вниз, поднимает с пола пустую водочную бутылку, и бросает ее в электрическую лампочку на потолке. Темнота.

Подмосковье. Вечер. Серая «Волга» останавливается у здания Дворца культуры в стиле сталинского ампира. На фронтоне ДК выложено большими буквами: «Дворец культуры завода «Химприбор», а чуть ниже укреплен подсвеченный по периметру лампочками кумачовый транспарант с надписью: «XXII Олимпиаде — наш ударный труд!» Из открытых окон слышится песня в исполнении Барда.

Салон «Волги». На переднем сиденье — водитель Михалыч и Семенов. Последний открывает дверцу авто и удивленно смотрит на окна ДК, из которых доносится песня в исполнении Барда.

С е м е н о в (*посмотрев на часы*). Странно. (*Михалычу.*) На твоих сколько, Михалыч?

М и х а л ы ч (*посмотрев на часы*). Половина.

С е м е н о в. Раньше, что-ли, начали?

М и х а л ы ч. Наверное.

ДК «Химприбор». Лестница служебного входа. По ступенькам поднимается Семенов. С каждой новой ступенькой песня в исполнении Барда становится все слышнее. Дошагав до второго этажа, Семенов сворачивает в коридор, ведущий к порталу сцены и идет на звук доносящейся песни. Дойдя до портала, Семенов останавливается. Выдыхает. Шагает в портал. Голос Барда звучит уже совсем близко. Аккуратно ступая, Семенов подходит вплотную к выходу на сцену. Осторожно заглядывает в портальный проем. И видит... что на

сцене никого нет. Ничего не понимая, Семенов выходит на сцену и несколько секунд в недоумении смотрит сначала в пустой зрительный зал, а затем озирается на огромные колонки, из динамиков которых звучит песня в исполнении Барда. Громкий щелчок. Песня обрывается на полуслове.

Голос из радиорубки. Вам что, товарищ?

Семенов (*вглядываясь в темноту над зрительным залом, откуда донесся голос*). Моя фамилия Семенов! Я из Центра управления полетами!

Голос из радиорубки. Очень приятно. Вы подойдите к микрофону. Я сейчас включу.

Семенов подходит к микрофону.

Семенов (*в микрофон*). Скажите, когда начнется концерт?

Голос из радиорубки. А не будет концерта. Отменили концерт. Еще вчера. Профком пробил, а партком запретил.

Семенов. Ерунда какая...

Голос из радиорубки. Ну почему же ерунда. Говорю же вам — отменили концерт.

Семенов (*с вызовом*). Что же, для Космоса, получается, можно, а на Земле нельзя?

Голос из радиорубки. У вас в Космосе свое начальство, у нас на заводе — свое.

Семенов (*решительно махнув рукой*). Е-рун-да!

Быстрыми шагами уходит со сцены.

Челябинск. По ночному городу колонной едут милицейская «Волга» и пять «воронков».

Черно-белый экран телевизора. Восторженный комментарий Николая Озерова. В правом верхнем углу картинки мигают английские буквы «REP». На экране в замедленном повторе совершает свой легендарный «серебряный» тройной прыжок Виктор Санеев. Крупно — счастливые лица болельщиков, заполнивших Большую спортивную арену. И снова в кадре замедленный повтор санеевского прыжка.

Чья-то рука поворачивает до упора налево ручку громкости телевизора. Николай Озеров замолкает на половине фразы.

Один из кабинетов следственной части ИВС УВД Челябинской области. За столом сидит следователь с добрым лицом лет пятидесяти. Напротив него у стены, на привинченных к полу табуретах — Длинный, Француз и Козырь. На столе перед следователем переносной телевизор «Юность» продолжает беззвучную трансляцию соревнований.

Следователь (*отвернувшись от экрана телевизора*). Молодец Витек. Ветеран, а как он их сделал, а?

Длинный. Кто?

Следователь. Санеев. Виктор Санеев.

Длинный. Молодец.

Следователь. Ну, чего? Может, тогда тоже посоревнуемся?

Козырь. В чем?

Следователь. Кто из вас первый признаваться начнет. Чтобы срок поменьше получить.

Француз. Нам не в чем признаваться, товарищ следователь. Честное комсомольское.

Следователь (*усмехнувшись*). «Комсомольское»... Комсомольское — это когда следствию помогаешь... (*Заглядывает в лежащее перед ним одно из свидетельств о восьмиклассном образовании.*) Дорогой ты мой человечище Французов Виктор Эдуардович.

Козырь. Но мы же, действительно, ничего не знаем.

Следователь. Это понятно. Другое непонятно: что вы все трое на малине делали? Взносы комсомольские Цыгану принесли?

Длинный. Письмо мы передали. И всё.

С л е д о в а т е л ь. Какое письмо? Кому? От кого?

Ф р а н ц у з. Мы его не знаем. Просто в поезде вместе ехали. Он попросил — мы передали.

С л е д о в а т е л ь. Хорошо. (*Поднимает телефонную трубку.*) Алексей Иваныч, давай конвой на малолеток.

Д л и н н ы й. Ну зачем конвой, товарищ следователь?

С л е д о в а т е л ь. В камеру вас сопроводить.

Д л и н н ы й. А в камеру за что?

С л е д о в а т е л ь. Ни за что. Вы же ни в чем не виноваты. Семьдесят два часа посидите, пока мы все проверим, а потом свободны.

Отвернувшись к телевизору, следователь поворачивает ручку громкости. И вновь восторженный голос Николая Озерова комментирует очередную победу советского спортсмена.

В кабинет входит конвойный.

К о н в о й н ы й (*Длинному, Французу и Козырю*). Встали!

Троица встает с табуреток. Следователь отворачивается от телевизора.

С л е д о в а т е л ь. Да, чуть не забыл. Цыган с орлами своими думает, что это вы нас на них навели. (*Конвойному.*) В какой они у нас камере, Захаров?

К о н в о й н ы й. В триста шестой.

С л е д о в а т е л ь. Ну и этих давай туда же.

К о н в о й н ы й. Руки за спину!

Ф р а н ц у з (*следователю*). Вы не имеете права.

Д л и н н ы й (*Французу, зло*). Да подожди ты! (*Следователю.*) А может, как-нибудь без камеры, товарищ следователь?

С л е д о в а т е л ь. Ну давайте попробуем. (*Конвойному.*) Выйди пока, Захаров.

И вновь телетрансляция. И восторженный голос Озерова. А на экране поднимается на первую ступень пьедестала женская сборная по спортивной гимнастике. Озеров замолкает. Звучат первые аккорды гимна Советского Союза. Крупно — медленно плывущий к потолку Дворца спорта красный флаг с серпом и молотом в левом верхнем углу. И вновь рука следователя поворачивает до упора налево ручку громкости. Гимн Советского Союза обрывается на половине музыкальной фразы. Заплаканные счастливые лица наших гимнасток, стоящих на пьедестале.

А Длинный, Француз и Козырь снова сидят у стены на привинченных табуретках.

С л е д о в а т е л ь (*отвернувшись от телевизора*). Молодцы девчонки. От горшка два вершка, а страну не опозорили.

Д л и н н ы й. У нас в вещах четыреста четырнадцать рублей.

С л е д о в а т е л ь. Богатые.

Д л и н н ы й. Вы прикажите, чтобы их принесли.

С л е д о в а т е л ь (*улыбнувшись*). У меня к вам другой интерес, дорогой товарищ Куликов Федор Вениаминович. (*Достает из ящика стола исписанный бланк протокола допроса.*) Вот у меня какой к вам интерес. Даже не к вам — к одному из вас. Любому.

Ф р а н ц у з (*кивнув на бланк*). А что это?

С л е д о в а т е л ь. Чистосердечное признание.

К о з ы р ь. В чем?

С л е д о в а т е л ь. В краже со взломом. Из табачного ларька. Товаров на сумму двадцать два рубля шестьдесят копеек.

К о з ы р ь. И что?

С л е д о в а т е л ь. Да ничего, дорогой ты мой человек Козырев Николай Иванович. Висит, понимаешь, на управлении дельце это плевое с мая текущего года. Дельце плевое, но показатели раскрываемости может испортить. А никому из вас, насколько я понимаю, восемнадцати нет, так ведь?

Д л и н н ы й. Так.

С л е д о в а т е л ь. Значит, суд в худшем случае полгода или год условно даст. Скорее же всего, просто отпустит на поруки. По месту учебы. За активное сотрудничество со следствием, малый материальный ущерб... Ну-у и по моей личной неформальной просьбе.

Д л и н н ы й. А до суда — в камеру?

С л е д о в а т е л ь. Да бог с тобой, Федор Вениаминыч. Я же не гестаповец какой. У меня у самого двое таких, как вы... Хозчасть у нас есть. Там кто эту бумажку подмахнет, суда и подождет. А уже недели через две вольным казачком от нас выпорхнет. (*Встает из-за стола.*) Так что вы тут это дело порешайте, а я минут через пять вернусь.

Ф р а н ц у з (*следователю*). Две недели — это вроде как пятнадцать суток получается?

С л е д о в а т е л ь. Даже меньше.

И снова черно-белые кадры Олимпиады. Только за кадром вместо голоса комментатора — звук метронома. На экране же в замедленном повторе метатель молота Юрий Седых совершает свой «золотой» бросок. Снаряд медленно парит над белыми разметками и зарывается в траву на рекордной отметке. Атлет победно вздымает вверх обе руки. Счастливые лица вскочивших со своих мест болельщиков.

К о з ы р ь. Ну чего — жребий кинем?

Д л и н н ы й. Можно.

Ф р а н ц у з. Не надо никакого жребия.

Д л и н н ы й. Это почему?

Ф р а н ц у з (*Длинному*). Потому. Козырь отпадает — ему в Москву больше всех надо. Мне четырнадцать, тебе шестнадцать — значит, дать могут больше.

К о з ы р ь. Он же сказал, что ничего не дадут.

Ф р а н ц у з. Условно же могут дать. Так что лучше, чтоб меньше. Выходит по всему — мне и оставаться.

Д л и н н ы й. Ты погоди, Француз, не гони.

Ф р а н ц у з. А чего «не гони»? Все же из-за меня. Значит, мне и оставаться.

К о з ы р ь. Может, жребий?

Ф р а н ц у з. Не надо. Я через две недели вас найду.

Д л и н н ы й. Где?

Ф р а н ц у з. В Москве. Если доберетесь, каждый день в три часа к Политехническому музею подходите. Это где-то в центре. А не доберетесь — в интернате встретимся.

Встает с табуретки, подходит к столу, садится на место следователя и, не читая, подписывает протокол. Затем снимает очки и смотрит прямо перед собой. За кадром раздается щелчок фотоаппарата. Лицо Француза становится черно-белым и неподвижным. За кадром снова раздается щелчок, и фас Француза сменяет его правый профиль. Еще щелчок, и на экране — фотография левого профиля...

Коридор следственной части ИВС УВД Челябинской области. По коридору от камеры идут Длинный и Козырь.

Г о л о с з а к а д р о м. Конечно же, мусор нас наколол, и Французу вломили четыре года. То ли оттого что на малине у Цыгана нас накрыли во время Олимпиады, то ли просто потому, что судья с прокурором оказались суками. Такими же, как и следователь, купивший нас по нашей же дурости за три копейки. Но обо всем этом я узнал только через два месяца.

Длинный и Козырь заворачивают из коридора на лестницу.

На деревянный прилавок опускаются сначала две наплечные сумки, затем чья-то рука кладет возле каждой сумки по десятирублевой купюре.

Комната дежурного по ИВС. По одну сторону деревянного прилавка стоят Длинный и Козырь, по другую — толстый милиционер в форме капитана.

К о з ы р ь (*капитану*). У нас больше денег было.

Д л и н н ы й (*капитану*). У меня сто и (*кивнув на Козыря*) у него сто.

К а п и т а н. Сколько было — столько отдаю.

К о з ы р ь. Деньги верните, пожалуйста.

К а п и т а н (*тяжело вздохнув*). Я гляжу — вам у нас понравилось. (*Поднимает телефонную трубку, набирает трехзначный номер.*) Сан Саныч, тут твои подозреваемые деньги какие-то вымогают... Ну да, у исполняющего служебные обязанности. Так что ты подошли кого-нибудь из своих, чтобы вопросик этот утрясти... Понял... Понял тебя...

Не дослушав разговор капитана, Длинный и Козырь хватают свои сумки с червонцами, пару секунд пятятся спинами к двери, а затем выбегают из дежурной части.

Капитан отводит руку с трубкой от уха и, улыбаясь, смотрит на незакрытую дверь.

К а п и т а н (*коротко ухмыльнувшись*). Вот же козлики гунявые...

Трубка опускается на рычаг телефона.

Утро. Окраина Челябинска. Длинный и Козырь идут по улице.

К о з ы р ь. Ну чего — домой на электричках?

Д л и н н ы й (*на сильном взводе*). Вот уж херушки. Француза на киче оставили и домой на электричках?! Нет, Козырек. Я завелся. Потому что тебя и меня с огромным нетерпением ждет столица нашей Родины. Понял?!

К о з ы р ь. А деньги откуда возьмем?

Д л и н н ы й. Не знаю. Откуда-нибудь. Кассу подломим.

К о з ы р ь. Где?

Д л и н н ы й. А вот хотя бы здесь!

Длинный и Козырь останавливаются у металлических ворот. Сбоку от ворот на желтом каменном заборе застекленная табличка: «Госпиталь № 14 Уральского военного округа МО СССР».

К о з ы р ь (*удивленно*). Здесь?

Д л и н н ы й. Здесь, здесь, здесь! В кабинете главврача наверняка сейфик стоит. А в сейфике взятки от больных военных. Вояки же у нас богатые. Вот ночью и пойдем.

Идут вдоль госпитальной стены.

К о з ы р ь. Может, лучше кассу?

Д л и н н ы й (*все так же на взводе*). И загреметь, как Француз, да? Только уже не на две недели.

К о з ы р ь (*кивнув на госпитальную стену*). А здесь не загремим?

Д л и н н ы й. Здесь не загремим. (*Длинный обгоняет Козыря, на ходу разворачивается к нему лицом и, пятясь назад, почти кричит. Глаза его слегка безумны.*) Может, там сейчас как раз маршал какой-нибудь с аппендицитом лежит! И два генерала! И пять полковников! И десять майоров! И сто капитанов!

Замирает у газетного стенда. К стенду прикреплена кнопками газета недельной давности. На первой странице газеты — большая групповая фотография членов Политбюро и лично товарища Брежнева, сидящих в почетной ложе Стадиона имени Ленина на церемонии открытия Олимпиады.

Д л и н н ы й (*фотографии, тихо, сквозь слезы*). Я все равно вас достану... Слышите?... (*В истерике, уже орет.*) Я!.. Все равно! Вас!..

Кулак Длинного впечатывается в газетную фотографию и проламывает стенд.

Главный зал ЦУП, заполненный людьми в белых халатах. В проеме одной из дверей верхнего яруса виден Семенов, сидящий за столом. Пальцем он накручивает телефонный диск. Набрав последнюю цифру, подносит трубку к уху.

В одной из комнат квартиры Барда звонит телефон. Звонок. Еще звонок. На стене над тахтой висит гитара. Фотография в рамке на книжной полке. С фотографии весело улыбаются в объектив Колдунья и Бард, снятые на фоне Эйфелевой башни. А телефон все звонит...

ЦУП. Комната на верхнем ярусе. За столом сидит Семенов. Безнадежно глядя куда-то перед собой, он держит у уха телефонную трубку. Секунда — и безнадежность в его глазах вдруг сменяется торжеством.

С е м е н о в (*вскочив со стула, в трубку*). Ой! Добрый день!.. Очень прошу извинить за беспокойство! Моя фамилия Семенов! Я из Центра управления полетами!..

Космос. По орбите вокруг Земли плывет космический корабль.

П е р в ы й г о л о с (*за кадром*). С добрым утром, «Кристаллы».

В т о р о й г о л о с (*за кадром*). С добрым.

П е р в ы й г о л о с (*за кадром*). Как самочувствие?

В т о р о й г о л о с (*за кадром*). Нормальное.

П е р в ы й г о л о с (*за кадром*). Напоминаю, послезавтра сеанс телевизионной связи.

В т о р о й г о л о с (*за кадром*). Как насчет Володи?

П е р в ы й г о л о с (*за кадром*). Будет вам Володя ваш, «кристаллики». Довольны?

В т о р о й г о л о с (*за кадром*). Очень.

П е р в ы й г о л о с (*за кадром*). Ну тогда — конец связи.

Челябинск. Столовая. На поднос опускается тарелка с квашеной капустой. На другой поднос опускается тарелка с винегретом.

На раздаче и за кассой — две девушки лет двадцати в белых халатах. Длинный с Козырем придвигают свои подносы к выставленным перед девушкой-раздатчицей вторым блюдам.

Д л и н н ы й (*раздатчице, нагловато заигрывая*). Девушка, можно вас попросить — вы котлетки уберите, а гарнирчик двойной сделайте.

Р а з д а т ч и ц а (*улыбнувшись*). Чего, мальчики, мани, мани, дырочка в кармане?

Д л и н н ы й (*наклонившись к девушке, понизив голос*). Денег — как грязи. Диета у нас. Вес сбрасываем. (*Перейдя на громкий заговорщицкий шепот.*) Штангисты мы. Завтра в Москву уезжаем. Так что смотрите телевизор. (*Стрельнув глазами на кассиршу.*) А еще, между прочим, я — ваш будущий коллега...

Женский палец с накрашенным ногтем нажимает на кнопку «пуск» кассетного магнитофона. Из динамика магнитофона выплескивается радостно-хоровое:

Все, все, что в жизни есть у меня!
Все, все, в чем радость каждого дня!
Все, все, что я зову своей судьбой!
Связано, связано только с тобой!

Подсобка столовой. Длинный «зажигает» в танце с раздатчицей и кассиршей. Козырь же в одиночестве сидит за столом, курит и смотрит на танцующих. Перед ним — три бутылки шампанского и десяток общепитовских тарелок со вторыми блюдами. На спинках двух из четырех стульев, стоящих у стола, висят белые халаты.

Р а з д а т ч и ц а (*Длинному, перекрикивая музыку*). А чего друг у тебя молчаливый такой и не танцует?!

Д л и н н ы й. Книжек много прочитал! Умный очень! А умные всегда молчат! (*Козырю.*) Правда, Козырек?!

Козырь в ответ глуповато улыбается.

К а с с и р ш а. А может, он у тебя просто целенький и нас тушуется?! Так это мы поправим!

Д л и н н ы й. Вы мне Козырька не трогайте! Он просто в ожидании большого и светлого чувства! (*Козырю.*) Правда, Козырек?!

Козырь снова глупо улыбается.

Р а з д а т ч и ц а (*глубоко выдохнув*). Все, ускакалась! (*Подходит к столу и тяжело падает на стул.*) Молодой человек, налейте девушке шампанского!

Козырь наливает в стакан шампанское.

Р а з д а т ч и ц а. И себе!

Козырь наливает и себе.

Два стакана, наполненных шампанским, со звоном ударяются один о другой.

Сон Николая Козырева

По длинному больничному коридору идут Мама в белом халате и Бард с гитарой в правой руке. Левая рука Барда лежит на плечах Мамы. Пара доходит до конца коридора, сворачивает на лестницу.

Больничный двор. Вечер. У большого развесистого тополя стоит, опершись на палочку, дядя Сеня. На нем прожженный в нескольких местах синий ватник. Его щеки и лоб черные от копоти. Взгляд дяди Сени устремлен на одно из окон второго этажа больницы. Окно зашторено марлевой занавеской. Мужская и женская тени за окном делают шаг навстречу друг другу, а потом сливаются в долгом поцелуе...

Ночь. Подсобка столовой. Козырь, лежащий на стареньком топчане, просыпается, потому что стоящий у двери Длинный включает свет. В руках у Длинного два белых халата. Один он кидает на топчан Козыря, второй надевает на себя. Подходит к зеркалу.

Д л и н н ы й. Слышь, Козырь, а может, мне в медицинское поступить?

Козырь встает с топчана и берет в руки халат. Затем вместе с Длинным выходит из подсобки в кухню. Прямо на полу кухни, на двух матрасах спят раздатчица и кассирша. Третий матрас лежит между ними.

К о з ы р ь (*зацепив взглядом спящих девушек*). Чего — не стал кастратом?

Д л и н н ы й. Да вроде нет.

Ночь. Козырь и Длинный, одетые в белые халаты, идут по аллее в сторону приемного отделения.

Козырь и Длинный, озираясь, идут по коридору госпиталя.

Д л и н н ы й. А вот и он.

Останавливаются у двери с табличкой «Главный врач Либерзон Н.С.».

Длинный наклоняется к замку и несколько секунд изучает его «личинку». Распрямляется, опускает руку в карман халата. В эту же секунду со стороны лестницы в коридор выходят молодая женщина-врач и старенькая санитарка.

С а н и т а р к а (*кивнув на Длинного и Козыря, торжествующе*). Да вот же они, Евгения Петровна.

Длинный медленно вынимает пустую руку из кармана.

С а н и т а р к а (*глядя в испуганные глаза Длинного и Козыря*). Э-э, э. Их на практику посылают, а они столбиками по коридорам околачиваются. (*Врачу.*) Вы, Евгения Петровна, обязательно ихнему директору в училище напишите.

Из открывшихся дверей большого госпитального лифта Длинный и Козырь вывозят две каталки. На каталках, еще под наркозом, лежат два парня лет девятнадцати — двадцати. По шею они укрыты простынями, но по тому, как простыни облегают их туловища, видно, что у одного нет правой ноги, а у дру-

гого — обеих. Вслед за Длинным и Козырем из лифта выходит Евгения Петровна.

Евгения Петровна. В шестнадцатую обоих везите.

Длинный и Козырь катят тележки с прооперированными туда, куда указала Евгения Петровна. Врач идет за ними. Все трое останавливаются у двери с табличкой «16».

Евгения Петровна открывает дверь. Свет из коридора освещает палату. Длинный и Козырь замирают на пороге. Их ошеломленные взгляды блуждают по одноногим, однoруким, безногим и безруким. Кто-то из раненых спит молча, кто-то стонет во сне, кто-то лежит с неподвижными открытыми глазами, глядя в белый потолок палаты. Всем им от восемнадцати до двадцати.

Евгения Петровна. Ну что же вы? Завозите.

Длинный и Козырь подвозят каталки к двум свободным койкам.

Евгения Петровна (*с порога палаты*). Только аккуратнее сгружайте.

Длинный и Козырь берут прооперированных на руки и осторожно опускают на кровати. Затем накрывают их простынями. Козырь поправляет подушку под головой «своего» парня. Тот вдруг открывает глаза.

Безногий прооперированный (*глядя Козырю в лицо, улыбнувшись, тихо*). Здравия желаю, товарищ старший лейтенант...

Длинный, Козырь и Евгения Петровна молча идут по коридору. Первым приходит в себя Козырь.

Козырь (*негромко*). А кто они?

Евгения Петровна (*очень ровным усталым голосом*). Из шестнадцатой? Лягушатники.

Длинный. Это как?

Евгения Петровна (*так же ровно*). Мина-лягушка. Когда наступаешь или упираешься рукой — не замечаешь, а как сходишь или руку убираешь — она взрывается.

Козырь. И где их всех?

Евгения Петровна. За речкой. В дыре.

Длинный. В какой дыре?

Евгения Петровна. Дэ-эр-а. Демократическая республика Афганистан.

Полдень. Подмосковье. Город Королёв. К затормозившей у главного подъезда ЦУП серой «Волге» сбегает со ступенек Семенов. Из авто выходит человек в черном костюме.

Семенов (*растерянно вглядываясь в окна «Волги»*). Не понял... А где же?..

Черный костюм. Где же... Все там же. Дома у себя.

Семенов. Как дома?!

Черный костюм. Не знаю. Меня даже на порог не пустили. Сказали, что заболел, и всё. Короче — динамо крутанул твой шансонье всея Руси.

Взбегает по ступенькам к стеклянным дверям подъезда ЦУП. За ним — Семенов.

ЦУП. Семенов и мужчина в черном костюме идут по верхнему ярусу главного зала, в котором — гигантская, в подсветке, карта двух земных полушарий, испещренная разными линиями, и полторы сотни людей в белых халатах, сидящих у мониторов, приборов, панелей, приборных досок.

Семенов. Я же в ЦК его пробивал... По телефону с ним говорил — он согласился. Обрадовался даже, сказал, что в микрофоны всякие перепел, а в открытый Космос еще не довелось... Ребята ждут на орбите... Он же Бог для них. Хуже, чем Королёв. В смысле — лучше... А чем заболел — не сказали?

Черный костюм. Сказали. Свинкой.

С е м е н о в. Так она же только у детей...

Черный костюм останавливается. Останавливается и Семенов.

Ч е р н ы й к о с т ю м (*в лицо Семенову*). Слушай, Семенов, — ты же не полный идиот. Ну чем он может заболеть? С утра заправился по третью ступень, вот и вся его болезнь.

Рывком трогается с места. За ним — Семенов.

С е м е н о в. Да нет же... Не-е-ет. Нет.

Ч е р н ы й к о с т ю м. Ну, если нет — значит, концерт где-нибудь левый зарядил. К нам же он за интерес должен был? За интерес. А один левак у него сейчас, говорят, столько стоит, сколько ребята за весь полет получают... Ладно, перебьются «кристаллики». У них на борту десять кассет с песнями его. Сам для них записывал.

С е м е н о в. А на сеансе теперь что же?

Ч е р н ы й к о с т ю м. Да все то же. Из Олимпиады что-нибудь покажем — футбольчик или гимнастику женскую.

Один из ближних пригородов Челябинска. На пригорке возле сельского магазинчика сидят Длинный и Козырь. В руках у них по бутылке кефира и четвертинке черного хлеба.

К магазину подъезжает старенький «газик». Из его кабины спрыгивает на землю человек с инкассаторской сумкой и заходит в магазин.

Козырь и Длинный допивают кефир. Пустые бутылки и недоеденный хлеб они аккуратно складывают в большой измятый целлофановый пакет с нарисованным на нем олимпийским Мишкой. Длинный достает из кармана пачку «Примы», вынимает из нее сигарету и разламывает надвое. Одну половинку сигареты он протягивает Козырю, вторую прикуривает сам.

Из магазина выходит человек с инкассаторской сумкой и садится в машину. «Газик» отъезжает от магазина и исчезает за деревьями хвойного лесочка.

Д л и н н ы й (*щелкнув окурком в сторону*). Ну чего — пошли?

К о з ы р ь. Куда теперь? Сберкассу грабить?

Д л и н н ы й (*рассеянно*). Сберкассу?

К о з ы р ь. Или еще чего-нибудь. Двигать отсюда надо куда-то. Менты вокзальные уже косяка на нас давят. Третью ночь там зависаем.

Д л и н н ы й. Сдался я, Козырек.

К о з ы р ь. Значит, домой, к Амбарычу?

Д л и н н ы й. Значит, домой. На электричках. Безо всяких маляв и сейфов. А к бате твоему после Олимпиады сгоняем. Если один концерт разрешили, значит, скоро и другой будет.

Козырь и Длинный встают с травы, забрасывают за плечи сумки и спускаются с пригорка. Огибают магазин и выходят на грязную мокрую дорогу, зажатую с двух сторон хвойным лесочком. Метрах в тридцати от себя они видят буксующий в грязи инкассаторский «газик». Глаза Длинного загораются. Он озирается вокруг.

Д л и н н ы й (*Козырю*). А ну-ка, Козырек, давай направо в лесок и подгребай к тачке.

К о з ы р ь. Зачем?

Д л и н н ы й (*азартно*). Давай, давай. Только чтоб тебя видно не было.

Козырь переходит дорогу и заходит в лесок. Длинный же неспешной походкой идет по левой обочине в сторону «газика». Он идет и словно не видит буксующей машины. Когда «газик» уже за спиной Длинного, его из кабины окликает инкассатор.

И н к а с с а т о р (*выключив мотор*). Паренек!.. Слышь, паренек!

Длинный останавливается и оборачивается.

Д л и н н ы й. Я?

И н к а с с а т о р. Не в службу, а в дружбу, подтолкни, а?

Длинный идет к газику, обходит его и упирается руками в запаску. Инкассатор открывает дверцу кабины и поворачивает голову назад.

И н к а с с а т о р. Ты где там?

Длинный выходит из-за машины.

Д л и н н ы й. Здесь.

И н к а с с а т о р. Давай в раскачечку.

Длинный заходит за машину и вновь упирается руками в запаску. Инкассатор включает мотор и начинает газовать. Упершегося руками в запаску Длинного окатывает из-под заднего колеса коричневой жижей. Погазовав с десяток секунд, машина глохнет. Инкассатор выходит из кабины.

Д л и н н ы й. Она, по-моему, у вас на мост села.

Инкассатор опускается на корточки и смотрит под машину.

И н к а с с а т о р. Да вроде нет. Только два задних засели.

Д л и н н ы й. Тогда надо пару досочек под колеса. Или елочек. (*Указав рукой вперед.*) Вон впереди две сухие. (*Обернувшись назад.*) И вон.

Идет назад в сторону двух сухих елочек. Инкассатор идет вперед. Вдруг Длинный на полпути останавливается и оборачивается на инкассатора. Тот, не оглядываясь, идет к «своим» елочкам. Длинный в три прыжка оказывается у машины и тихо открывает переднюю дверцу. Его взгляд упирается в лежащие на кожаном сиденье инкассаторскую сумку и автомат Калашникова. Дернув на себя сумку, Длинный отбегает от «газика» и ныряет в лесок. Сидящий на корточках Козырь при виде Длинного с инкассаторской сумкой в руке вскакивает как ошпаренный.

Д л и н н ы й. Валим, Козырек! Только очень быстро!

Козырь и Длинный срываются в глубь лесочка. Им кажется, что бегут они очень долго. Останавливаются. Тяжело дышат.

Д л и н н ы й. Вот так, Козырек... Будет тебе и Москва, и батяня, и красная икорка с мармеладом.

В эту же секунду тишину разрывают две автоматные очереди. Ойкнув, Длинный хватается за бедро правой ноги и медленно валится на землю. С той стороны, откуда прозвучали выстрелы, слышится отдаленный шорох. Длинный убирает руку с бедра и с секунду смотрит на свою окровавленную ладонь.

Д л и н н ы й. Подранил...

Не вставая с земли, открывает сумку, достает из нее денежную пачку и протягивает Козырю. Козырь молча берет пачку из рук Длинного.

Д л и н н ы й. А теперь вали!

К о з ы р ь (*растерянно*). Куда?

Д л и н н ы й. Вперед!.. Давай!

К о з ы р ь. Я не пойду... Я с тобой...

Длинный, обернувшись в сторону нарастающего шороха.

Д л и н н ы й. Да вали же ты, мудила! Двоим больше дадут! Двое — это уже групповое! Ну!

Шорох слышится уже совсем близко.

Заплаканное лицо Козыря.

Д л и н н ы й (*за кадром*). Привет батяне!

Взлетная полоса аэродрома. По полосе сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее катит ТУ-104. В конце полосы лайнер отрывается от земли и плавно набирает высоту.

Г о л о с з а к а д р о м. После того как Длинный вышел из тюремной больницы, его долго били мусора. Потому что очень хотели узнать, куда он подевал тысячу рублей из инкассаторской сумки. Но Длинный меня не заложил. Денег же, которые он мне дал, хватило надолго и на многое. Даже на то, чтобы у барыги в аэропорту купить не только билет на Москву, но и специальное разрешение для въезда в столицу Олимпиады-80.

Москва. Ночь. Не выключая мотор, КамАЗ-рефрижератор останавливается у въезда на Садовое кольцо.

Кабина КамАЗа. В кабине водитель и Козырь.

В о д и т е л ь. Всё, командир. Приехали. Нынче нам за Садовое не положено.

К о з ы р ь. Спасибо.

В о д и т е л ь. Да не за что.

Козырь открывает дверь и спрыгивает на асфальт со ступеньки кабины. КамАЗ уезжает. Козырь оглядывается и переходит пустынное Садовое кольцо. Перед ним длинная улица. Козырь закуривает, вновь оглядывается по сторонам и делает первый шаг по улице. Идет он прямо по проезжей части. Идет до тех пор, пока не наступает на гвоздику, лежащую прямо на мостовой. Козырь останавливается, поднимает цветок, улыбается. Потом смотрит вперед и видит, что вся улица впереди него усыпана цветами. Какие-то раздавлены шинами авто, но есть и целые...

Козырь, улыбаясь, шагает по странной улице. Завидев целый цветок, он останавливается и поднимает его. А потом снова шагает. В руке у него уже целый букет...

Вскоре впереди он видит белое четырехэтажное здание. На крыше здания три огромных плаката. На первом плакате написано: «Гамлет», на втором — «Пугачев», на третьем — «Послушайте!». У входа в здание молча стоят несколько десятков людей. Козырь прибавляет шаг...

Метров за десять до белого здания цветочный ковер обрывается...

Козырь останавливается напротив входа в здание. Из-за спин людей он ничего не видит. Только слышит, как из динамика кассетника, стоящего на тротуаре, тихо поет Бард. Козырь подходит ближе. Один из стоящих (а это Семенов) оборачивается на него и, увидев в руках цветы, пропускает вперед...

Первое, что видит Козырь, — это гитара, прислоненная к стеклянной двери и горящие свечи, неровной шеренгой стоящие прямо на асфальте. Затем взгляд его скользит по букетам цветов и упирается в небольшой ватманский лист с фотографией Барда в центре. По краям лист обрамлен черной рамкой...

Чья-то рука опускается Козырю на плечо. Козырь оборачивается и видит перед собой лицо человека лет сорока. Очень простое лицо.

Ч е л о в е к. Такие вот дела, сынок. (*Кивнув на цветы в руках Козыря.*) Ты иди, положи, не тушуйся. Я тоже на похорона припоздал.

Козырь отворачивается от человека, но почему-то остается стоять на месте. К нему подходит молодая девушка.

Д е в у ш к а. Давайте я положу.

Козырь молча протягивает букет девушке.

По орбите вокруг планеты Земля плывет космический корабль. Сквозь его блестящую обшивку с небольшими радиопомехами прорывается в открытый Космос песня в исполнении Барда, подхваченная с Земли из динамика кассетного магнитофона, стоящего на асфальте около входа в театр.

У театра. Козырь выходит из толпы и по улице, усыпанной цветами, возвращается к Садовому кольцу. Метрах в десяти перед ним из переулка на середину улицы выезжает поливальная машина. Развернувшись, она включает боковые струи...

Сметаемые водным напором цветы разлетаются по обе стороны проезжей части и впечатываются в бордюры тротуара...

«Поливалка» едет очень медленно, и Козырь от нее практически не отстает...

Г о л о с з а к а д р о м. Через два дня я вернулся в свой город, где и живу до сих пор. Живу вместе с дядей Сеней — моим настоящим отцом, которого очень люблю. Люблю точно так же, как и маму, за два дня до смерти придумавшую для меня свою последнюю сказку. Чтобы после того, как ее не станет, хоть что-то держало меня на плаву. Ведь одно дело — узнать вдруг в две-

надцать лет, что отец твой — одноногий больничный истопник, и совсем другое — узнать то, что тогда, в больничной палате, узнал я. И дядя Сеня маму понял. И не обиделся на нее. И хранил их общую тайну до июля 80-го. Того далекого июля, отнявшего у меня одного отца и подарившего другого.

А струи «поливалки» все впечатывают и впечатывают цветы в асфальтовые бордюры...

...На берегу речки сидит мужчина лет сорока.

По речке идет прогулочный катер, радиодинамик которого гремит каким-то современным ритмом.

Голос за кадром. Но самое смешное, что и о дяде Сене, и обо всем остальном ни Длинный, ни Француз ничего не знают. Потому что после своих сроков в наш город не вернулись, и я их больше никогда не видел. А значит, если они живы, то моим отцом до сих пор считают того, кого считали тогда, двадцать пять лет назад. И если честно, иногда я тоже так считаю. Когда мы видимся во сне. Вот только в последнее время сны мне снятся все реже и реже. Поэтому с каждым годом я все больше и больше люблю своего папу Сеню.

Кадры видеохроники. Байконур. Со стартовой площадки, отбрасывая «ступени», взлетает в небо космический корабль.

Космос. По орбите вокруг Земли плывет космический корабль. Сквозь радиопомехи еле слышны отголоски переговоров космонавтов с Центром управления полетами. Корабль выплывает из кадра. Камера медленно наезжает на одну из мерцающих зеленых точек до тех пор, пока та не заполняет своим светом весь кадр.

Титр: «В 1987 году именем русского поэта Владимира Высоцкого была названа одна из малых планет Солнечной системы».

P.S. От автора

— Было плохо слышно, но, кажется, «Голос Америки» передал, что сегодня умер Высоцкий...

Дедушка стоит на крыльце, складывая антенну уже выключенного радиоприемника, когда мы с отцом появляемся на участке.

— Ефим Яковлевич, он же уже на прошлой неделе у вас умирал...

Отец устало поднимается на крыльцо и заходит в дом.

— На прошлой неделе они передали, но потом через час извинились, а сегодня никто не извинялся...

— Если тогда наврали, значит, и сегодня тоже. Просто извиняться надоело. Вон он вчера в «Маленьких трагедиях» по телевизору был живой-здоровый.

Это уже я, усевшись на лавочку рядом с умывальником, ввязываюсь в дискуссию с дедушкой. Но не ради установления истины, а просто чтобы впервые за день поговорить о чем-нибудь кроме предстоящих через месяц экзаменов. А истина мне не нужна, потому что я ее знаю, твердо уверенный в том, что дедушка либо что-то напутал, либо «голоса», как было уже неделю назад, опять вогнали «порожняк» из-за своей любви к сенсациям.

— Ну, во-первых, по телевизору была запись...

— Не, подожди! — обрываю я дедушку — Когда, они сказали, он умер?

— Сегодня утром...

И я подскакиваю на лавочке, почувствовав вдруг близость легкой победы над дедушкой. Пусть победы не на идеологическом фронте, для которой у меня никогда не хватало ни выдержки, ни аргументов, но все-таки победы.

— Если они сказали, что умер утром, значит, в «Вечерке» уже должен быть некролог, так? Он ведь артист, значит, должен быть некролог, а?

Предвкушая миг торжества, я уже разворачиваю извлеченную из заднего кармана брюк смятую газету.

— Ну, во-первых, могли еще не успеть, а во-вторых, о нем могут и не написать...

— Не могут, не могут! Он же артист, а значит, обязательно должен быть некролог!

Мне весело. Я представляю, как через пару секунд подам дедушке газету, где на последней странице напечатаны какие угодно некрологи, но только не этот, ведь его просто не могло быть. И его не было...

Нет, был среди трех напечатанных в том номере «Вечерки» некрологов один с фамилией Высоцкий. Но ясно, что это был не тот Высоцкий. Другой. Наверное, однофамилец или родственник. Какой-то Владимир Семенович...

Семенович...

Конечно, думалось так мгновение, не больше. Пока не пробежал я глазами по всем буковкам и словам в жирненьком черном квадратике...

А уже года через три Юрий Лоза спел на мотив «Цыганочки»:

И выть на небо хочется,
А вокруг такая тишина...
Как его по отчеству?
Вот и я не знал...

И я не знал. Никто не знал. Фамилия была. Имя было. Просто — Владимир Высоцкий. И всё. Без всякого отчества...

В тот июльский вечер впервые за лето дедушкин «ВЭФ» в присутствии отца был настроен не на частоту «Маяка». Но вялых перепалок не было. Потому что все транзисторные приемники дачного поселка, номенклатурных работников Центрального статистического управления Совета Министров СССР были настроены в ту пятницу на одну частоту и хрипели в наступающей темноте одним голосом...

А может, все было не совсем так. И далеко не все приемники нашего поселка были настроены в тот вечер на волну «Голоса Америки». Может быть... Знаю точно лишь то, что на нашем участке старенький дедушкин «ВЭФ» хрипел. Весь вечер. Одним голосом. Голосом человека, у которого никогда не было и не будет отчества. Во всяком случае, для меня. А значит, и некролога никакого не было...

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО» ЗА 2007 ГОД

Цифрами обозначен номер журнала

З Д Е С Ь И Т Е П Е Р Ь

Андрею Тарковскому 75 4

Артемьев Эдуард. Как поют деревья. *(Беседу ведет Олексий-Нестор Науменко.)*

Джоуиз Дэн. Тарковский и феминизм

Зельдович Александр. Интонация, как у Бродского

Кончаловский Андрей: «Мы оказались очень разными». *(Беседу ведет Олексий-Нестор Науменко.)*

Мамин Юрий. Круг Тарковского. *(Беседу ведет Олексий-Нестор Науменко.)*

Нортон Джеймс. Следуя за «Сталкером»

Попогребский Алексей. Тарковский для меня — автор «Зеркала»

Хржановский Илья. Тарковский остался, хотя мода на него прошла

Большой террор 11

Дондурей Даниил — Орешкин Дмитрий — Драгунский Денис. Почему забыли о Большом терроре?

Померанц Григорий. Могила неизвестного зэка

«Груз 200» 7

Балабанов Алексей: «Всегда живем в России». *(Беседу ведет Евгений Гусятинский.)*

Гудков Лев. Расползающееся общество

Лидерман Юлия. Балабанов снял «тот» фильм

Про уродов и людей. «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Зара Абдуллаева, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Лев Карахан, Алексей Медведев**

Чужой Степан. Русский Пол Пот

Десятников Леонид. Шум времени и работа часовщика. *(Беседу ведет и комментирует Ирина Любарская.)* 2

Дондурей Даниил — Магун Владимир — Медведев Сергей. Общество взаимного попустительства 9

Как опознать современное искусство? В дискуссии принимают участие **Эдуард Бояков, Даниил Дондурей, Петр Поспелов, Елена Фанайлова** 3

Кинодраматургия: кризис профессии или индустрии? «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Александр Велединский, Елена Гремина, Даниил Дондурей, Сэм Клебанов, Александр Митта, Кирилл Разлогов, Александр Роднянский, Сергей Сельянов, Владимир Хотиненко, Сергей Члиянц, Павел Чухрай, Жоэль Шапрон, Сергей Шумаков** 8

Почему российское кино не конвертируется? «Круглый стол» «ИК». В дискуссии принимают участие **Том Бирченоу, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Сэм Клебанов, Виталий Манский, Виктор Матизен, Андрей Плахов, Раиса Фомина, Алексей Ханютин, Сергей Члиянц, Алена Шумакова** 10

Свободное плавание? Российское кино—2006. Итоги года. В дискуссии принимают участие **Зара Абдуллаева, Евгений Гусятинский, Даниил Дондурей, Нина Зархи, Алексей Медведев** 1

Современно ли современное искусство? Анкета «ИК»: **Елена Гремина, Рената Литвинова, Владимир Мирзоев, Марина Разбежкина, Кирилл Разлогов, Кирилл Серебренников, Альберт Филозов, Алексей Ханютин, Александр Хван, Павел Чухрай, Борис Юхананов** 6

Тема ГУЛАГа 5

Тема ГУЛАГа. Значимое отсутствие. В дискуссии принимают участие **Александр Даниэль, Даниил Дондурей, Николай Досталь, Андрей Немзер**

Экштут Семен. Вредное мыло

И М Е Н А

КЕЙТ БЛАНШЕТТ 5

Бланшетт Кейт: «Я — пленница текста». *(Интервью ведет и комментирует Ричард Портон.)*

ХАМФРИ БОГАРТ 2

Буров Андрей. Кинобиография Хамфри Богарта

ВЛАДИСЛАВ ГАЛКИН 5

Галкин Владислав: «Актер — это архитектор». *(Интервью ведет и комментирует Арина Абросимова.)*

ОЛЕГ ДАЛЬ 1

Белозубкина Ю. Две стороны одного Даля

БРЮНО ДЮМОН 4

Майзель Евгений. Великий немой, или Кино без иллюзий

АНДРЕЙ ЗВЯГИНЦЕВ 8

Звягинцев Андрей. Реальность — миф. *(Интервью ведет Галина Переверзева.)*

ГЕНРИ КИНГ 10

Лаврентьев Сергей. Обыкновенное волшебство

ЭМИР КУСТУРИЦА 10

Дульгеру Елена. Небесные свадьбы Эмира Кустурицы

ХЕЛЕН МИРРЕН 3

Цыркун Нина. Хелен Мирен: «Я королева!»

БОРИС МИХАЙЛОВ 6

Михайлов Борис. Гений мест. *(Беседу ведет Дмитрий Десятерик.)*

АННА МИХАЛКОВА 5

Машукова Александра. Случай Михалковой

РОБЕРТ ОЛТМЕН 2

«Он был великим человеком». О Роберте Олтмене вспоминают **Элиот Гулд, Джулия Кристи, Майк Ли, Джулиан Феллоус**

Цыркун Нина. Правила игры

ПАК ЧХАН УК 3

Анашкин Сергей. Актуальная архаика

ДЖАФАР ПАНАХИ 9

Панахи Джафар: «Реальность невидима». *(Беседу ведет и комментирует Евгений Гусятинский.)*

КСЕНИЯ РАППОПОРТ 10

Машукова Александра. Дар крупной лепки

ВИКТОР СУХОРУКОВ 8

Машукова Александра. Что царь, что не царь...

АЛЕКСАНДР ТАТАРСКИЙ 12

Внутри гэга жил другой гэг. Об Александре Татарском вспоминают **Наталья Березо-**

вая, Сергей Меринов, Юрий Норштейн, Алена Оятьева, Евгения Сивоконь, Михаил Тумеля, Федор Хитрук, Елена Чернова

Ковалев Игорь: «Татарский вырос среди клоунов». *(Беседу ведет и комментирует Лариса Малюкова.)*

Малюкова Лариса — Ковалев Игорь — Прохоров Анатолий. Весь мир — метаморфоза

Татарский Александр. Участие в жизни — тоже фильм. («Письмо счастья», «Страховой случай», «Полет медведя»).

КОНСТАНТИН ХАБЕНСКИЙ 1

Машукова Александра. Неврастеник смутного времени

ЦЗЯ ЧЖАНКЭ 7

Кушнарева Инна. Цзя Чжанкэ: на сцене повседневности

К О М М Е Н Т А Р И И

Белопольская Виктория. Смерть и удивительные приключения ПБОЮЛов 8
Быков Дмитрий. Свобода versus справедливость 10
Гусятинский Евгений. Естественный отбор 8
Дондурей Даниил. В роли протестантской этики 5
Донова Дарья. Рукопись надо продать 4
Зинцов Олег. Голый русский 11
Куприянов Борис. Оригинал превращаем в подделку 3
Любарская Ирина. Сочи в SHORTах 8
Москвина Татьяна. Фюрер красоты 3
Разлогов Кирилл. Крест и полумесяц 2
Трауберг Наталья. Матвеевский садик 4
Цыркун Сергей. Код Гайдара: автопортрет в багровых тонах 1
Экштут Семен. «В чинах мы небольших» 6
Экштут Семен. Дыхание времени 9
Экштут Семен. «Мировая закулиса» и странности любви 2
Экштут Семен. «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный...» 11
Юрьев Дмитрий. Музыка вместо сумбура 5
Юрьев Дмитрий. Три постмодернизма 3
Юрьев Дмитрий. Тупик текстократии 2
Юрьев Дмитрий. Что такое хорошо? 4

M E D I A

Богословская Кира. Сериалы: welcome в мир иной 9
Дондурей Даниил. Большая постановка жизни 11
Зверева Вера. Реальность «Дома-2» 2
Пажитнов Алексей: «Еще пять лет, и кино может отдыхать». *(Беседу ведет и комментирует Александр Липков.)* 6
Памяти Александра Липкова 6
Полуэхтова Ирина. Можно ли обойтись без рейтингов? 11
Розовская Мария. «Неродиська» — наше все 4
Смирнова Вика — Майзель Евгений. Желание по сходной цене 2

О П Ы Т

Абдрашитов Вадим: «А что, произошла смена эпох?» *(Беседу ведет Олексий-Нестор Науменко.)* 9
Адабашьян Александр: «Режиссура — это склад характера...» *(Интервью ведет Галина Переверзева.)* 5
Айрапетян Борис. Неформат. *(Беседу ведет Зоя Кошелева.)* 2
Бадалян Армен: «Аудитория всегда права». *(Интервью ведет Екатерина Самылкина.)* 10
Балаян Роман: «Есть о чем мечтать». *(Беседу ведет Олексий-Нестор Науменко.)* 10
Брускин Гриша. Вселенная на столе 3
Володарский Эдуард. Нелюбовный треугольник. *(Беседу ведет Наталья Баландина.)* 2
Гремина Елена. Маленький большой театр. *(Беседу ведет Марина Шимадина.)* 6
Дрезен Андреас: «В нужное время в нужном месте». *(Беседу ведет и комментирует Томас Биноттo.)* 3
Клебанов Сэм: «Будущее у артхауса есть». *(Интервью ведет Екатерина Самылкина.)* 10
Ковалева Ольга. Таежные старлетки рвутся в Москвуд. *(Интервью ведет и комментирует Николай Алексеев.)* 9
Леконт Патрис: «Еще три фильма, и я уйду из кино». *(Беседу ведет и комментирует Синтия Лючиа.)* 11
Мур Майкл: «Предлагаю создать Антимуровский фестиваль». *(Интервью ведет Софи Бенамон.)* 10
Саркисян Светлана. Новая «Норма» 2
Спилберг Стивен: «Мы станем свидетелями атомного распада Голливуда». *(Беседу ведет Жан-Пьер Лавуанья.)* 6
Трауберг Наталья: «Притча легко совпадает с действительностью». *(Беседу ведет Наталья Баландина.)* 6
Туровская Майя. Обыкновенный фашизм, или Сорок лет спустя. *(Беседу ведет и комментирует Ирма Каплан.)* 7
Угаров Михаил. Театр для всех. *(Беседу ведет Марина Шимадина.)* 3
Хлебников Борис. Инертные люди. *(Беседу ведет Зоя Кошелева.)* 6
Хоу Сяосень. Движение и постоянство. *(Интервью ведет Софи Ву.)* 11
Элвин Ребекка М. Не то чтобы революция, но ренессанс 10

П У Б Л И К А Ц И И

Авлошенко Вадим. Рядом с солдатом 5
Жижек Славой. Семья, либидо и история 6
Зимина Татьяна. Фьюжн 1
Карапетян Гагик. Защита Чухрая 7
Корсунская Элла. Рассказы 12
Купреянова Ипполита. Семья 1
Рязанцева Наталья. Семейные легенды 1
Соловьев Сергей. Борисов: «Все нужно строить» 8
Соловьев Сергей. Гена 11
Соловьев Сергей. Гося-сан 9
Что измеряет рейтинг? В дискуссии принимают участие **Дмитрий Астрахан, Александр Атанесян, Даниил Дондурей, Наталья Ивашко, Лев Карахан, Виктор Коломиец, Александр Костюк, Виктор Матизен, Олег Погодин, Инна Ткаченко, Сергей Члиянц** 4
Школьников Семен. Фронтовой кинооператор 5

Р А З Б О Р Ы

Абдуллаева Зара. № 16 4
Анохина Юлия. Тарковский: музыкальные цитаты 4

Артюх Анжелика. Нуар: голос из прошлого 5
Бакштейн Иосиф. Цитадель элитарности 3
Белопольская Виктория. Обломки будущего 2
Гращенкова И. Серебряный век. В поисках лица 4
Гудкова Анна. Особенности национального конкурса 8
Гусятинский Евгений. Максимум реальности, минимум кино 5
Гусятинский Евгений. С двойными субтитрами 10
Десятерик Дмитрий. Рефрен 6
Десятерик Дмитрий. Софиты 6
Зайцева Елена. Искусство против всех 9
Зинцов Олег. Тела и границы 3
Клейман Наум — Разлогов Кирилл. Что наследуем. *(Беседу ведет и комментирует Анна Слапиня.)* 1
Кошелева Зоя. Автор и/или герой 11
Кушнарева Инна. Другая история «Кайе дю синема» 5
Миркина Зинаида. ГУЛАГ и заповеди Христа 8
Померанц Григорий. После крушения последних канонов 11
Разбежкина Марина. Горизонтали маленького мира 8
Разлогов Кирилл. Привилегированное сословие. *(Беседу ведет и комментирует Анна Слапиня.)* 10
Стишова Елена. Кино одиночек 1
Стишова Елена. Частная жизнь 11
Теракопян Мария. Назад в будущее 9
Фокина Ксения. Больше, чем обещание 9
Фродон Жан-Мишель: «Мы не хотим захлопывать дверь». *(Беседу ведет Инна Кушнарева.)* 5
Хессман Робин. Открытие Америки. *(Беседу ведет Екатерина Самылкина)* 10
Чистякова Виктория. Смерть кино? 10
Эстетика — насилие над реальностью? Фестиваль действительного кино «Кинотеатр.doc»: **Зара Абдуллаева, Бакур Бакурадзе, Виктория Белопольская, Андрей Карпенко, Дмитрий Мамулия, Михаил Синев, Екатерина Суворова, Мария Тюляева.** *(Интервью ведут и комментируют Екатерина Самылкина и Анна Слапиня.)* 6
Цыркун Сергей. Ультра-си 11

Р Е П Е Р Т У А Р

Абдуллаева Зара. Бедные люди 11
Абдуллаева Зара. Зона солидарности 7
Абдуллаева Зара. Искусственный отбор 11
Абдуллаева Зара. Работа режиссера над собой 3
Анастасьев Алексей. Изображая бога: игра в индейцев 1
Анашкин Сергей. Координаты: «Юг» 6
Артемьева Ольга. Подглядывающий 9
Артемьева Ольга. Требуется няня... 10
Артюх Анжелика. Одна смерть 9
Артюх Анжелика. Черный винтаж 3
Белозубкина Юлия. Простой паразитолог 10
Гусятинский Евгений. Без тайны 7
Гусятинский Евгений. Без фальши 3
Гусятинский Евгений. Хроника рока 1
Десятерик Дмитрий. В поисках утраченного пространства 2
Долин Антон. Кроме шуток 11
Долин Антон. Культ-просвет 5
Долин Антон. По сю сторону удовольствия 3
Долин Антон. Трудно быть богом 4
Дондурей Даниил — Плахов Андрей — Карахан Лев. Гонка за лидером 7
Дроздова Марина. Базовые модели 3
Дроздова Марина. Тремор 8
Зиборова Ольга. Рояль в кустах 4
Зинцов Олег. Олимпия, Метрополис, нуар 5
Кузьмина Лидия. Ловец призраков 1
Кузьмина Лидия. Майские запахи 4
Кушнарева Инна. Поездки за город 7
Кушнарева Инна. Табакерка вальяжной работы 11
Ларгина Надежда. История по моде сезона 4
Ларгина Надежда. Одиссея капитана Иванова 5
Леонова Евгения. Оттепель 10
Локтев Джулия: «Мой фильм — не пособие по терроризму». *(Интервью ведет Анжелика Артюх.)* 9
Лукичев Олег: «Незачем прятать операторскую работу». *(Интервью ведет Галина Переверзева.)* 10
Любарская Ирина. Духless 1
Любарская Ирина. Король былого и грядущего 4
Любарская Ирина. Нет смерти для меня 7
Любарская Ирина. Они в отсутствие любви и смерти 6
Любарская Ирина. Сопротивление бесполезно 2
Пальцев Николай. Метаморфозы одного романа 9
Плахов Андрей. Письма без флагов 3
Плахова Елена. Жизнь как смертельная болезнь 3
Плахова Елена. Иракский нуар 11
Рейгадас Карлос: «Я верю в реальность...» *(Интервью ведет Игорь Сукманов.)* 7
Рождественская Ксения. Мои гонобобелевые ночи 7
Рождественская Ксения. Товарняк 11
Ростоцкий Станислав Ф. Бремя желаний 8
Савельев Дмитрий. Взгляд на «Вещи» 8
Сиривля Наталья. Телекома 5
Сиривля Наталья. Человеческое, слишком человеческое... 2
Смирнова Вика. Любители 1
Спилберг Стивен: «Холокост допустили люди». *(Интервью ведет Дмитрий Десятерик.)* 2
Стишова Елена. В координатах вечности 7
Стишова Елена. «Разве можно понять что-нибудь в любви...» 9
Стишова Елена. Степь уходящая 3
Стишова Елена — Разлогов Кирилл. Неинтересных фильмов нет 8
Сторожева Вера: «Когда слова не нужны». *(Интервью ведет Галина Переверзева.)* 10
Сукманов Игорь. Жизнь как чудо 7
Сукманов Игорь. Катарсис по-японски 7
Тучинская Александра. Край моря и связь времен 9
Тучинская Александра. Ужас обыденности 7
Тыркин Стас. Опасные связи, или Скрытое предназначение 11
Цыркун Нина. Американские граффити 10
Цыркун Нина. Берлин переходит на личности 3
Цыркун Нина. Второе нашествие 9
Цыркун Нина. Зверь смеющийся 4
Цыркун Нина. Испанское каприччо 5
Цыркун Нина. Между погодой и спортом 2
Цыркун Нина. Правдивая ложь 6
Цыркун Сергей. Лицензионное пиратство 5
Щербакова Ирина. Гудбай, «Штази» 10

Ф Е С Т И В А Л И

АМСТЕРДАМ-2006 2
Белопольская Виктория. Обломки будущего
БЕРЛИН-2007 3
Абдуллаева Зара. Работа режиссера над собой

Артюх Анжелика. Черный винтаж
Гусятинский Евгений. Без фальши
Долин Антон. По сю сторону удовольствия
Дроздова Марина. Базовые модели
Плахов Андрей. Письма без флагов
Плахова Елена. Жизнь как смертельная болезнь
Стишова Елена. Степь уходящая
Цыркун Нина. Берлин переходит на личности
ВЕНЕЦИЯ-2007 11
Абдуллаева Зара. Бедные люди
Абдуллаева Зара. Искусственный отбор
Долин Антон. Кроме шуток
Кушнарева Инна. Табакерка вальяжной работы
Плахова Елена. Иракский нуар
Рождественская Ксения. Товарняк
Тыркин Стас. Опасные связи, или Скрытое предназначение
ГАТЧИНА-2006 2
Айрапетян Борис. Неформат. *(Беседу ведет Зоя Кошелева.)*
Саркисян Светлана. Новая «Норма»
ЕКАТЕРИНБУРГ-2007, *Открытый фестиваль неигрового кино «Россия»* 11
Кошелева Зоя. Автор и/или герой
КАНН-2007 7
Абдуллаева Зара. Зона солидарности
Гусятинский Евгений. Без тайны
Дондурей Даниил — Плахов Андрей — Карахан Лев. Гонка за лидером
Кушнарева Инна. Поездки за город
Любарская Ирина. Нет смерти для меня
Рейгадас Карлос: «Я верю в реальность...» *(Интервью ведет Игорь Сукманов.)*
Рождественская Ксения. Мои гонобобелевые ночи
Стишова Елена. В координатах вечности
Сукманов Игорь. Жизнь как чудо
Сукманов Игорь. Катарсис по-японски
Тучинская Александра. Ужас обыденности
КАРЛОВЫ ВАРЫ—2007 11
Стишова Елена. Частная жизнь
МОСКВА-2007, *Амфест — Фестиваль американского кино в Москве* 10
Разлогов Кирилл. Привилегированное сословие. *(Беседу ведет и комментирует Анна Слапиня.)*
Хессман Робин. Открытие Америки. *(Беседу ведет Екатерина Самылкина.)*
МОСКВА-2007, *фестиваль действительного кино «Кинотеатр.doc»* 6
Эстетика — насилие над реальностью?
МОСКВА, *ММКФ-2007* ..... 9—10
Артемьева Ольга. Подглядывающий 9
Артемьева Ольга. Требуется няня... 10
Артюх Анжелика. Одна смерть 9
Леонова Евгения. Оттепель 10
Локтев Джулия: «Мой фильм — не пособие по терроризму». *(Интервью ведет Анжелика Артюх.)* 9
Лукичев Олег: «Незачем прятать операторскую работу». *(Интервью ведет Галина Переверзева.)* 10
Пальцев Николай. Метаморфозы одного романа 9
Сторожева Вера: «Когда слова не нужны». *(Интервью ведет Галина Переверзева.)* 10
РОТТЕРДАМ-2007 5
Гусятинский Евгений. Максимум реальности, минимум кино
САН-СЕБАСТЬЯН-2007 10
Гусятинский Евгений. С двойными субтитрами
Лаврентьев Сергей. Обыкновенное волшебство
СОЧИ-2007, *Открытый Российский кинофестиваль «Кинотавр»* 8
Белопольская Виктория. Смерть и удивительные приключения ПБОЮЛов
Гудкова Анна. Особенности национального конкурса
Гусятинский Евгений. Естественный отбор
Дроздова Марина. Тремор
Любарская Ирина. Сочи в SHORTах
Ростоцкий Станислав Ф. Бремя желаний
Савельев Дмитрий. Взгляд на «Вещи»
Стишова Елена — Разлогов Кирилл. Неинтересных фильмов нет
ТРЕНЧИН-2007, *МКФ Artfilm* 9
Панахи Джафар: «Реальность невидима». *(Беседу ведет и комментирует Евгений Гусятинский.)*
ФРИБУР-2007 6
Анашкин Сергей. Координаты: «Юг»

Ч Т Е Н И Е

Беленицкая Нина. Павлик — мой бог 3
Богард Дирк. Вверх и вниз 5
Богард Дирк. Человек правил ..... 9—11
Гоноровский Александр: Ла Ё. Книги Хун-Тонга 1—2
Долгопят Елена. Дверь 6
Забалуев Владимир, Зензинов Алексей. Медвежья шкура 12
Зуев Владимир. Шарманка 12
Исаева Елена. Уходящая натура 3
Пальчикова Анастасия. Время говорить глупости 10
Погодин Олег. Дом ..... 1—2
Рубинштейн Илья. Пять снов Николая Козырева. *(Предисловие Одельши Агишева.)* 12
Тышкевич Беата. Не всё на продажу ..... 7—8
Хмелик Мария. Маленькая Вера (Next Time) 4
Червяков Денис. Все со всеми 8

ФИЛЬМЫ И ТЕЛЕПРОГРАММЫ, О КОТОРЫХ ПИСАЛИ В «ИСКУССТВЕ КИНО» В 2007 ГОДУ

«4 месяца, 3 недели и 2 дня» (4 luni, 3 saptamini si 2 zile) (Зара Абдуллаева 7
Даниил Дондурей — Андрей Плахов — Лев Карахан) 7
«7 кабинок» (Наталья Сиривля) 2
«12» (Зара Абдуллаева) 11
«29 пальм» (Twentynine Palms) (Евгений Майзель) 4
«300 спартанцев» (300) (Олег Зинцов) 5
«Александра» (Лев Карахан — Андрей Плахов 7
Елена Стишова — Кирилл Разлогов 8
Александра Тучинская) 7
«Алле-оп!» (Виктория Белопольская) 8
«Ангел» (Angel) (Зара Абдуллаева) 3
«Ангелы с грязными лицами» (Angels with Dirty Faces) (Андрей Буров) 2
«Андрей Битов. Писатель в полуписьменном мире» (Зоя Кошелева) 11
«Анна. От 6 до 18» (Александра Машукова) 5
«Антенна» (La T.V. y yo) (Евгений Гусятинский) 5
«Антикиллер» (Александра Машукова) 8

«Апокалипсис» (Apocalipto) (Алексей Анастасьев) 1
«Аризонская мечта» (Arizona Dream) (Елена Дульгеру) 10
«Армагеддон» (Armageddon) (Славой Жижек) 6
«Артель» (Виктория Белопольская 8
Зоя Кошелева) 11
«Артистка» (Юлия Белозубкина) 10
«Бакенбарды» (Александра Машукова) 8
«Банзай, режиссер!» (Kantoku banzai!) (Зара Абдуллаева 11
Антон Долин) 11
«Батад» (Batad sa pang palay) (Сергей Анашкин) 6
«Бедный, бедный Павел» (Александра Машукова) 8
«Белый шар» (Badkonake sefid) (Джафар Панахи — Евгений Гусятинский) 9
«Березовая улица, 51» (51 Birch Street) (Робин Хессман — Екатерина Самылкина) 10
«Битва на небесах» (Batalla en el cielo) (Карлос Рейгадас — Игорь Сукманов) 7
«Битва при Хадифе» (Battle for Haditha) (Евгений Гусятинский) 10
«Бобби» (Bobby) (Ирина Любарская) 4
«Болото чудовищ» (Baixio das bestas) (Евгений Гусятинский) 5
«Борис Эйфман. Репетиция балета» (Зоя Кошелева) 11
«Бравадос» (The Bravados) (Сергей Лаврентьев) 10
«Брат» (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Будда рухнул от стыда» (Buda az sharm foru rikht) (Евгений Гусятинский) 10
«Бунт. Дело Литвиненко» (Лев Карахан) 7
«В движении» (Александра Машукова) 1
«В долине Эла» (In the Valley of Elah) (Зара Абдуллаева) 11
«Ветер, что колышет ячмень» (The Wind That Shakes the Barley) (Евгений Гусятинский) 1
«Видок» (Vidocq) (Мария Теракопян) 9
«Властелин колец» (The Lord of the Rings) (Мария Теракопян) 9
«Внутренняя империя» (Inland Empire) (Антон Долин) 5
«Вожделение, предосторожность» (Se, Jie / Lust, Caution) (Зара Абдуллаева 11
Стас Таркин) 11
«В ожидании чуда» (Надежда Ларгина) 4
«Возвращение» (Андрей Звягинцев — Галина Переверзева) 8
«Воин свалок» (Garbage Warrior) (Робин Хессман — Екатерина Самылкина) 10
«Война и мир полковника Керского» (Зоя Кошелева) 11
«Война миров» (War of the Worlds) (Славой Жижек) 6
«Волкодав из рода Серых Псов» (Ирина Любарская) 1
«В память обо мне» (In memoria di me) (Нина Цыркун) 3
«Время танцора» (Вадим Абдрашитов — Олексий-Нестор Науменко) 9
«Время цыган» (Dom za vesanje / Time of the Gipsies) (Елена Дульгеру) 10
«В старом Чикаго» (In Old Chicago) (Сергей Лаврентьев) 10
«В четверг и больше никогда» (Ю.Белозубкина) 1
«Высокая Сьерра» (High Sierra) (Андрей Буров) 2
«Гадкие лебеди» (Елена Стишова) 1
«Гельветика» (Helvetica) (Робин Хессман — Екатерина Самылкина) 10
«Гер» (Марина Разбежкина) 8
«Гербарий» (Зоя Кошелева 11
Ирина Любарская) 8
«Главный подозреваемый» (Prime Suspect 6: The Last Witness) (Нина Цыркун) 3
«Глянец» (Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Госфорд-парк» (Gosford Park) (Нина Цыркун) 2
«Готовое платье» (Prêt-à-Porté) (Нина Цыркун) 2
«Груз 200» (Зара Абдуллаева — Даниил Дондурей — Нина Зархи — Лев Карахан — Алексей Медведев 7
Алексей Балабанов — Евгений Гусятинский 7
Лев Гудков 7
Евгений Гусятинский 8
Юлия Лидерман 7
Елена Стишова — Кирилл Разлогов 8
Степан Чужой) 7
«Два велосипеда» (рубрика «Разборы») 6
«Два в одном» (Зара Абдуллаева 4
Евгений Гусятинский 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Двойная страховка» (Double Indemnity) (Анжелика Артюх) 5
«Девушки с календаря» (Calendar Girls) (Нина Цыркун) 3
«День знаний» (Ирина Любарская) 8
«День ноль» (Day Zero) (Кирилл Разлогов — Анна Слапиня) 10
«День ночь день ночь» (Day Night Day Night) (Анжелика Артюх 9
Джулия Локтев — Анжелика Артюх) 9
«День рождения Инфанты» (Евгений Гусятинский 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Дети Адама» (Ирина Любарская) 8
«Джесси Джеймс» (Jesse James) (Сергей Лаврентьев) 10
«Догвиль» (Dogville) (Дмитрий Десятерик) 6
«Доказательство смерти» (Death Proof) (Ирина Любарская) 7
«Долгий сон» (The Big Sleep) (Андрей Буров) 2
«Долгое прощание» (The Long Goodbye) (Нина Цыркун) 2
«Дом Алисы» (A casa de Alice) (Сергей Анашкин) 6
«Дом-2» (Вера Зверева 2
Вика Смирнова — Евгений Майзель) 2
«Другая жизнь» (Виктория Белопольская 8
Зоя Кошелева) 11
«Другой» (El otro) (Сергей Анашкин 6
Нина Цыркун) 3
«Дьявол приехал верхом» (The Devil Came on Horseback) (Робин Хессман — Екатерина Самылкина) 10
«Елизавета I» (Elizabeth I) (Нина Цыркун) 3
«Женская собственность» (Александра Машукова) 1
«Женя, Женечка и «катюша» (Ю.Белозубкина) 1
«Жертвоприношение» (Юлия Анохина) 4
«Живой» (рубрика «Здесь и теперь») 1
«Жизнь других» (Das Leben der Anderen) (Славой Жижек 6
Ирина Щербакова) 10
«Жил-был у дедушки...» (Виктория Белопольская) 8
«Жмурки» (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Завещание. Александр Зиновьев» (Зоя Кошелева) 11
«Завещание Ленина (Варлам Шаламов)», *ТВ* (Зинаида Миркина 8
рубрика «Здесь и теперь») 5

«Замок» (Александра Машукова) 8
«Замужество Туйи» (Tu ya de hun shi) (Елена Стишова 3
Нина Цыркун) 3
«Звездные войны: Эпизод 2» (Star Wars: Episode II — Return of the Jedi) (Мария Теракопян) 9
«Здравоохранение» (Sicko) (Майкл Мур — Софи Бенамон) 10
«Зеркало» (Юлия Анохина 4
Эдуард Артемьев — Олексий-Нестор Науменко) 4
«Зина. Жила-была» (Зоя Кошелева) 11
«Иваново детство» (Юлия Анохина) 4
«Игра окончена» (Зоя Кошелева) 11
«Игрок» (The Player) (Нина Цыркун) 2
«Идиот», *реж. Ю.Панасенко, С.Стрельникова* (Ирина Любарская) 8
«Изгнание» (Даниил Дондурей — Андрей Плахов 7
Андрей Звягинцев — Галина Переверзева 8
Елена Стишова 7
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Изображая жертву» (рубрика «Здесь и теперь») 1
«Иметь и не иметь» (To Have and Have Not) (Андрей Буров) 2
«Империя солнца» (Empire of the Sun) (Славой Жижек) 6
«Импорт-экспорт» (Import/Export) (Даниил Дондурей — Андрей Плахов — Лев Карахан) 7
«Инопланетянин» (E.T.: The Extral-Terrestrial) (Славой Жижек) 6
«Ирина Палм» (Irina Palm) (Антон Долин) 3
«История насилия» (A History of Violence) (Евгений Гусятинский) 10
«Каждому свое кино» (Chacun son cinéma ou Ce petit coup au Coeur quand la lumière s'eteint et que le film commence / To Each His Cinema) (Даниил Дондурей — Андрей Плахов — Лев Карахан) 7
«Как ловится рыбка сегодня?» (Jin tian de yu zen me yang?) (Сергей Анашкин) 6
«Калигула» (Caligola) (Нина Цыркун) 3
«Калифорнийская мечта» («Неоконченное») (California Dreamin' (Nesfarsit) (Елена Стишова) 11
«Канзас-Сити» (Kansas City) (Нина Цыркун) 2
«Касабланка» (Casablanca) (Андрей Буров) 2
«Кладбищенский клуб» (The Cemetery Club) (Виктория Белопольская) 2
«Клуб Honeydripper» (Honeydripper) (Евгений Гусятинский) 10
«Ковчег», *реж. Е.Демидова* (Марина Разбежкина) 8
«Ковчег», *реж. С.Карандашов* (Зоя Кошелева) 11
«Когда папа был в командировке» (Otac na sluzbenom putu) (Елена Дульгеру) 10
«Код да Винчи» (The Da Vinci Code) (Славой Жижек) 6
«Коза» (Ирина Любарская) 8
«Колокол для Адано» (A Bell for Adano) (Сергей Лаврентьев) 10
«Комедия строгого режима» (Александра Машукова) 8
«Компаньоны» (A Prairie Home Companion) (Нина Цыркун) 2
«Королева» (The Queen) (Нина Цыркун) 3
«Королева Хайберских стрелков» (King of the Khyber Rifles) (Сергей Лаврентьев) 10
«Король Лир» (Ю.Белозубкина) 1
«Костя и Мышь» (Зоя Кошелева) 11
«Край моря» (La fine del mare) (Александра Тучинская) 9
«Красные» (Reds) (Славой Жижек) 6
«Кремень» (Евгений Гусятинский 8
Марина Дроздова 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Кровавый алмаз» (Blood Diamond) (Нина Цыркун) 2
«Круг» (Dayereh) (Джафар Панахи — Евгений Гусятинский) 9
«Куколка» (Сергей Цыркун) 11
«Кускус с рыбой» (La Graine et le mullet) (Зара Абдуллаева) 11
«Леди Чаттерлей» (Lady Chatterley) (Николай Пальцев) 9
«Лёнин конь и Лёня» (Виктория Белопольская 8
Зоя Кошелева) 11
«Лучшее время года» (Елена Стишова) 9
«Любовь преодолеет все» (Mo shi mo wang) (Сергей Анашкин) 6
«Люди из камня» (Ирина Любарская) 8
«Май» (Лидия Кузьмина) 4
«Маккейб и миссис Миллер» (McCabe & Mrs Miller) (Нина Цыркун) 2
«Мальтийский сокол» (The Maltese Falcon) (Анжелика Артюх 5
Андрей Буров) 2
«Мальчики» (Марина Разбежкина) 8
«Матрица» (The Matrix) (Мария Теракопян) 9
«Мать», *реж. П.Костомаров, А.Каттин* (Зоя Кошелева) 11
«Мент в Чистом поле» (Зоя Кошелева) 11
«Меня там нет» (I'm not there) (Зара Абдуллаева 11
Ксения Рождественская) 11
«Место для рекламы» (рубрика «Разборы») 6
«Мертвые дочери» (Лидия Кузьмина) 1
«Мир» (Shijie) (Инна Кушнарева) 7
«Мистификация» (The Хоах) (Нина Цыркун) 6
«Мне не больно» (рубрика «Здесь и теперь») 7
«Мои черничные ночи» (My Blueberry Nights) (Ксения Рождественская) 7
«Мой лучший друг» (Mon meilleur ami) (Патрис Леконт — Синтия Лючиа) 11
«Мой мир» (Марина Разбежкина) 8
«Молодой Шерлок Холмс» (Young Sherlock Holmes) (Мария Теракопян) 9
«Монастырь: господин Виг и монахиня» (The Monastery: Mr. Vig & the Nun) (Виктория Белопольская) 2
«Монгол» (Нина Цыркун) 9
«Москва», *реж. Б.Бакурадзе, Д.Мамулия* (Ирина Любарская 8
рубрика «Разборы») 6
«Мухсин» (Mukhsin) (Сергей Анашкин) 6
«Назови свое имя по буквам» (Spell Your Name) (Дмитрий Десятерик 2
Стивен Спилберг — Дмитрий Десятерик) 2
«Наследство Куки» (Cookie's Fortune) (Нина Цыркун) 2
«Натурщица» (Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Натюрморт» (Sanxia haoren) (Евгений Гусятинский 5
Инна Кушнарева) 7
«Небо в алмазах» (Александра Машукова) 5
«Незваный друг» (Ю.Белозубкина) 1
«Незнакомка» (La Sconosciuta) (Ольга Артемьева 10
Александра Машукова) 10

«Не родись красивой», ТВ (Мария Розовская) 4
«Несколько дней спустя» (Chand rooz ba'd...) (Сергей Анашкин) 6
«Не страшно» (Зоя Кошелева) 11
«Не стреляйте в музыкантов!» (Зоя Кошелева) 11
«Нет страны для стариков» (No Country for Old Men) (Лев Карахан) 7
«Никита и Никита» (Марина Разбежкина 8
рубрика «Разборы») 6
«Ничего личного» (Ольга Артемьева) 9
«Новенькая» (Сергей Цыркун) 11
«Новогоднее дитя» (New Year Baby) (Виктория Белопольская) 2
«Норма» (Борис Айрапетян — Зоя Кошелева 2
Светлана Саркисян) 2
«Ностальгия» (Юлия Анохина 4
Дэн Джоунз) 4
«Ночь нежна» (Tender Is the Night) (Сергей Лаврентьев) 10
«Нэшвил» (Nashville) (Нина Цыркун) 2
«Обыкновенный фашизм» (Майя Туровская — Ирма Каплан) 7
«Одна любовь на миллион» (Ольга Зиборова) 4
«Окаменевший лес» (The Petrified Forest) (Андрей Буров) 2
«Остановился поезд» (Вадим Абдрашитов — Олексий-Нестор Науменко) 9
«Остановите Потапова!» (Вадим Абдрашитов — Олексий-Нестор Науменко) 9
«Остров», *реж. Павел Лунгин* (рубрика «Здесь и теперь» 1
Елена Стишова) 1
«Отель девять звезд» (Malon 9 kochawim) (Сергей Анашкин) 6
«Отец» (Надежда Ларгина) 5
«Открытие в Москве» (Opening in Moscow) (Робин Хессман — Екатерина Самылкина) 10
«Отпуск в сентябре» (Ю.Белозубкина) 1
«Отредактировано» (Redacted) (Зара Абдуллаева 11
Елена Плахова) 11
«Отрыв» (Евгений Гусятинский 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Отставной учитель» (Виктория Белопольская) 8
«Офсайд» (Offside) (Джафар Панахи — Евгений Гусятинский) 9
«Падение Берлина» (Славой Жижек) 6
«Параноид-парк» (Paranoid Park) (Лев Карахан) 7
«Парк Юрского периода» (Jurassic Park) (Славой Жижек) 6
«Персеполис» (Persepolis) (Андрей Плахов) 7
«Пираты Карибского моря» (Pirates of the Caribbean) (Мария Теракопян) 9
«Пираты Карибского моря: На краю света» (Pirates of the Caribbean 3: At World's End) (Сергей Цыркун) 5
«Письма с Иводзимы» (Letters from Iwo Jima) (Андрей Плахов 3
Нина Цыркун) 3
«Платформа» (Zhantai) (Инна Кушнарева) 7
«Площадь Спасения» (Plac Zbawiciela) (Елена Стишова) 11
«Повар, вор, его жена и ее любовник» (The Cook the Tief His Wife & Her Lover) (Нина Цыркун) 3
«Подполье» (Bila jednom jedna zemlja / Underground) (Елена Дульгеру) 10
«Поезд на Дарджилинг (The Darjeeling Limited) (Зара Абдуллаева 11
Инна Кушнарева) 11
«Полумгла» (Эдуард Володарский — Наталья Баландина) 2
«Полярный экспресс» (The Polar Express) (Мария Теракопян) 9
«Помоги мне, эрос» (Bangbang wo aishen) (Зара Абдуллаева) 11
«Порок на экспорт» («Восточные обеты», «Восточные обещания», Eastern Promises) (Евгений Гусятинский 10
Олег Зинцов) 11
«Последний забой» (Елена Стишова) 1
«Последний король Шотландии» (The Last King of Scotland) (Нина Цыркун) 4
«Последняя воля» (Last Orders) (Нина Цыркун) 3
«Привилегированное сословие» (Cake Eaters) (Кирилл Разлогов — Анна Слапиня) 10
«Призраки Гойи» (Goya's Ghosts) (Нина Цыркун) 5
«Приключения Андре и Уолли Б.» (The Adventures of Andre and Walley B.) (Мария Теракопян) 9
«Принцесса Небраски» (The Pricess of Nebraska) (Евгений Гусятинский) 10
«Простые вещи» (Виктория Белопольская 2
Евгений Гусятинский 8
Дмитрий Савельев 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Прощай, детка, прощай» (Gone, Baby, Gone) (Кирилл Разлогов — Анна Слапиня) 10
«Птичий дом» (The Bird House) (Сергей Анашкин) 6
«Путешествие в соль мажоре» (Voyage en sol majeur) (Виктория Белопольская) 2
«Путешествие с домашними животными» (Евгения Леонова 10
Олег Лукичев — Галина Переверзева 10
Вера Сторожева — Галина Переверзева) 10
«Путь на Восток» (Way Down East) (Сергей Лаврентьев) 10
«Пушкин. Последняя дуэль» (Семен Экштут) 2
«Ребро» (Зоя Кошелева) 11
«Ревущие 20-е» (The Roaring Twenties) (Андрей Буров) 2
«Ренессанс» (Renaissance) (Олег Зинцов) 5
«Репортаж с асфальта» (Вадим Абдрашитов — Олексий-Нестор Науменко) 9
«Рим вместо тебя» (Romawa la n'touma) (Сергей Анашкин) 6
«Рожденные в СССР. 21 год» (Зоя Кошелева) 11
«Роллер» (Roller) (Марина Разбежкина) 8
«Романс Надира» (Виктория Белопольская) 8
«Ромола» (Romola) (Сергей Лаврентьев) 10
«Россошь... Рэгтайм» (Виктория Белопольская) 8
«Русалка» (Евгений Гусятинский 8
Станислав Ф. Ростоцкий 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
«Русская муза» (Зоя Кошелева) 11
«Сады осенью» (Jardins en automne) (Вика Смирнова) 1
«Самый главный босс» (Direktøren for der hele) (Антон Долин) 4
«Свадьба» (The Wedding) (Нина Цыркун) 2
«Свидетели» (Les témoins) (Елена Плахова) 3
«Свинарник» (Porcile) (Дмитрий Десятерик) 6
«Свободное плавание» (рубрика «Здесь и теперь» 1
Борис Хлебников — Зоя Кошелева) 6
«Свои» (Александра Машукова) 5
«Связь» (Александра Машукова 5
рубрика «Здесь и теперь») 1
«Северные болота» (Mýrin) (Елена Стишова) 11
«Седьмое небо» (Seventh Heaven) (Сергей Лаврентьев) 10

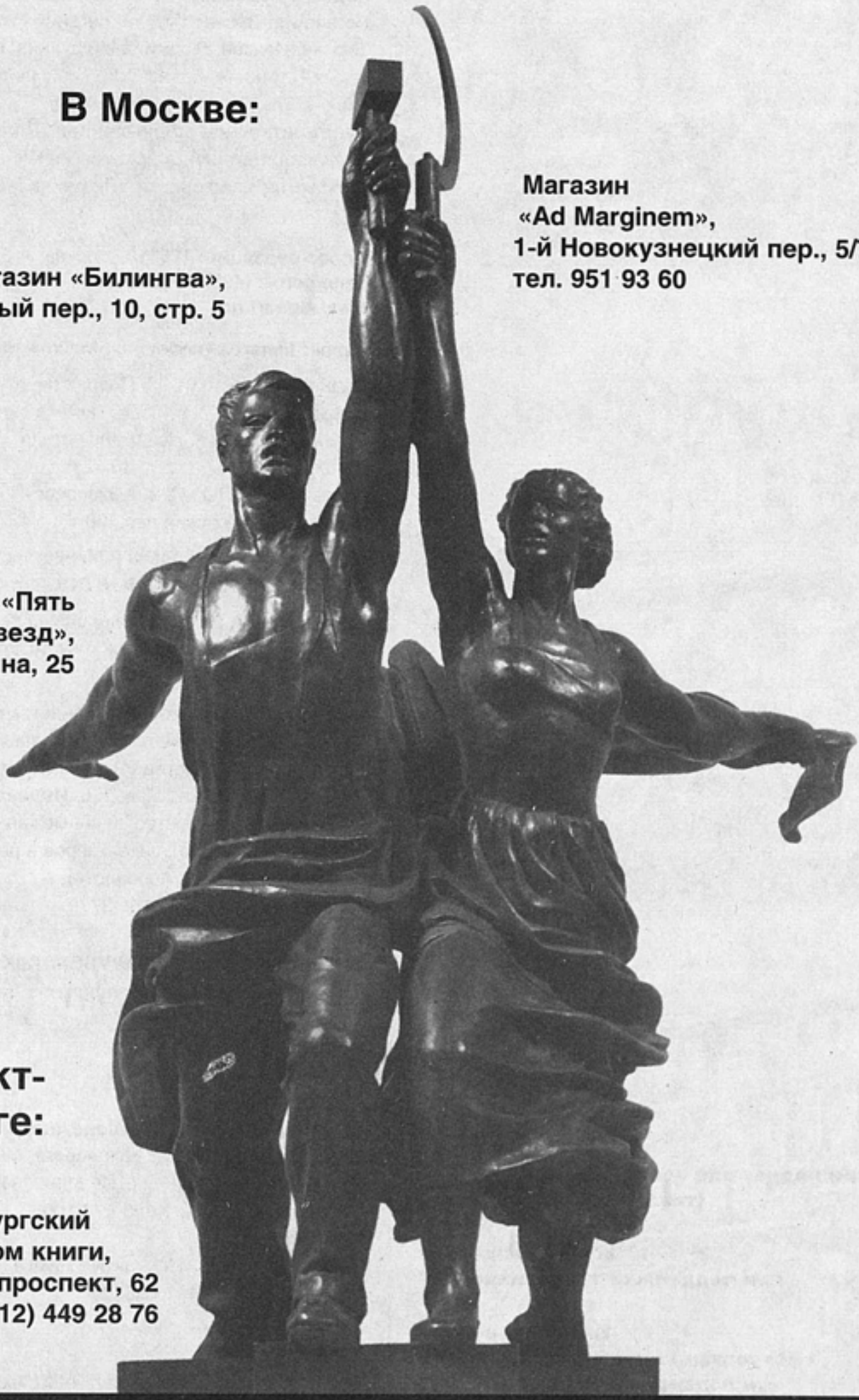
«Сестра» (Зоя Кошелева) 11
«Сибирский цирюльник» (Александра Машукова) 5
«Синдромы и век» (Sangsattawat) (Сергей Анашкин) 6
«Скандальный дневник» (Notes on a Scandal) (Кейт Бланшетт — Ричард Портон) 5
«Слово для защиты» (Вадим Абдрашитов — Олексий-Нестор Науменко) 9
«Слуга» (Вадим Абдрашитов — Олексий-Нестор Науменко) 9
«Смерть президента» (Death of President) (Евгений Гусятинский) 5
«Снега Килиманджаро» (The Snows of Kilimanjaro) (Сергей Лаврентьев) 10
«Сны о рыбе» (Sonhos de Peixe) (Евгений Гусятинский) 5
«Сокровища Сьерра-Мадре» (The Treasure of Sierra Madre) (Андрей Буров) 2
«Солнце в зените» (Taiyang zhaochang shengqi) (Зара Абдуллаева) 11
«Солярис» (Юлия Анохина 4
Эдуард Артемьев — Олексий-Нестор Науменко) 4
«Сонька — Золотая ручка» (Кира Богословская) 9
«Сочувствие господину Месть» (Boksuneum naui geot) (Сергей Анашкин) 3
«Сочувствие госпоже Месть» (Chinjeolhan geumjassi) (Сергей Анашкин) 3
«Спасительный рассвет» (Rescue Dawn) (Евгений Гусятинский) 5
«Список Шиндлера» (Schindler's List) (Славой Жижек) 6
«Срезки» (Short Cuts) (Нина Цыркун) 2
«Сталин. Live», *ТВ* (Семен Экштут) 5
«Сталкер» (Эдуард Артемьев — Олексий-Нестор Науменко 4
Джеймс Нортон) 4
«Столкновение с бездной» (Deep Impact) (Славой Жижек) 6
«Столыпин... Невыученные уроки» (Эдуард Володарский — Наталья Баландина) 2
«Странная свобода бытия» (Марина Разбежкина) 8
«Стрелок» (The Gunfighter) (Сергей Лаврентьев) 10
«Сувениры» (Souvenirim / Souvenirs) (Виктория Белопольская) 2
«Сцены сексуального характера» (Scenes of a Sexual Nature) (Ирина Любарская) 6
«Сыщик» (Sleuth) (Зара Абдуллаева) 11
«Тайное сияние» (Milyang) (Евгений Гусятинский 7
Андрей Плахов) 7
«Танго для ЗК» (Виктория Белопольская) 8
«Тара» (Vratné lahve) (Елена Стишова) 11
«Театральный роман», *ТВ* (Александра Машукова) 8
«Титаник» (Titanic) (Славой Жижек) 6
«Тихий свет» (Luz silenciosa) (Карлос Рейгадас — Игорь Сукманов 7
Игорь Сукманов) 7
«Траурный лес» (Mogari no mori) (Инна Кушнарева 7
Игорь Сукманов) 7
«Трон» (The Throne) (Мария Теракопян) 9
«Тупик» (Dead End) (Андрей Буров) 2
«Ты в гимнастике» (Сергей Цыркун) 11
«Тысяча лет усердной мольбы» (A Thousand Years of Good Prayers) (Евгений Гусятинский) 10
«Убийство Джесси Джеймса трусом Робертом Фордом» (The Assassination of Jesse James by the Coward Robert Ford) (Зара Абдуллаева) 11
«Убийцы» (The Killers) (Анжелика Артюх) 5
«Угольная пыль» (Зоя Кошелева) 11
«Уехал» (Ирина Любарская) 8
«Утопленники» (Cercle des noyés) (Сергей Анашкин) 6
«Участок», *ТВ* (Кира Богословская) 9
«Фальшивомонетчики» (Die fälscher) (Евгений Гусятинский 3
Нина Цыркун) 3
«Фей Грим» (Fay Grim) (Нина Цыркун) 10
«Финальная фантазия» (Final Fantasy: The Spirits Within) (Мария Теракопян) 9
«Фландрия» (Flandres) (Евгений Майзель) 4
«Франкенштейн Мэри Шелли» (Mary Shelley's Frankenstein) (Славой Жижек) 6
«Хозяин» (Gwoemul) (Евгений Гусятинский) 5
«Хороший немец» (The Good German) (Анжелика Артюх 3
Кейт Бланшетт — Ричард Портон) 5
«Целуй меня крепче» (Виктория Белопольская) 8
«Час пик» (L'ora di punta) (Зара Абдуллаева) 11
«Человек с поезда» (L'Homme du train) (Патрис Леконт — Синтия Лючиа) 11
«Человечность» (L'Humanité) (Евгений Майзель) 4
«Черная книга» (Zwartboek) (Ирина Любарская) 2
«Черная кошка, белый кот» (Crna macka, beli macor / Black Cat, White Cat) (Елена Дульгеру) 10
«Черный лебедь» (The Black Swan) (Сергей Лаврентьев) 10
«Чудо с косичками» (Сергей Цыркун) 11
«Шиза» (Александра Машукова) 8
«Эйфория» (рубрика «Здесь и теперь») 1
«Эскалибур» (Excalibur) (Нина Цыркун) 3
«Это свободный мир» (It's a Free World) (Зара Абдуллаева) 11
«Юрий Арабов. Механика судьбы» (Зоя Кошелева 11
Ирина Любарская) 8
«Я киборг, но это нормально» (Sai bo gu ji man gwen chan a) (Марина Дроздова) 3
«Я не хочу спать один» (Heiy an quan) (Евгений Гусятинский) 5
«Я остаюсь» (Наталья Сиривля) 5
«Яптик-Хэссе» (Виктория Белопольская) 8
«Яр» (Евгений Гусятинский 8
Елена Стишова — Кирилл Разлогов) 8
AFR (Евгений Гусятинский) 5
M*A*S*H (Нина Цыркун) 2
Oldboy (Сергей Анашкин) 3

Где приобрести журнал «Искусство кино»?

В Москве:

Магазин «Билингва»,
Кривоколенный пер., 10, стр. 5

Магазин
«Ad Marginem»,
1-й Новокузнецкий пер., 5/7
тел. 951 93 60



Кинотеатр «Пять звезд»,
ул. Бахрушина, 25

В Санкт-Петербурге:

Санкт-Петербургский
Дом книги,
Невский проспект, 62
тел. (812) 449 28 76

НАШ ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 70402
В КАТАЛОГЕ РОСПЕЧАТИ

Журнал издается
при поддержке Федерального агентства
по культуре и кинематографии РФ

13 МАР 2008
08-10291

Журнал издается
при поддержке компании «СТС Медиа»
(телеканал «Домашний»)

Журнал издается
при поддержке телеканала ТНТ

Интернет-версия
«Искусства кино» осуществляется
при поддержке Татьяны Друбич

ISSN 0130-6405

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1931 года

Учредители: Союз кинематографистов России, Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, редакция журнала «Искусство кино»

Главный редактор Даниил Дондурей
Исполнительный директор Елена Карташова
Заместитель главного редактора Нина Зархи
Ответственный секретарь Лариса Калгатина
Редактор спецпроектов Лев Карахан
Редакция: Леонид Гурьян, Евгений Гусятинский, Татьяна Иенсен, Людмила Мишунина, Елена Паисова, Елена Плоткина, Елена Стишова, Нина Цыркун, Галина Элькина
Художественное оформление: Дмитрий Демский
Обложка: Евгений Добровинский
Компьютерная верстка: Людмила Мишунина

•

Адрес редакции: 125319, Москва, А-319, ул. Усиевича, 9
Телефоны: (495) 151-5651, 151-3779. **Факс** (495) 151-0272
www.kinoart.ru

e-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru

Сдано в набор 10.01.08. Подп. к печати 23.01.08
Формат бумаги 70 x 100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная
Печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 13,52
Заказ 0325. ООО «Принт Экспресс»,
Москва, Денисовский пер., 30

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ № 01632 от 7.10.92

Фото и адреса актеров редакция не высылает
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

•

«Искусство кино» распространяется во всех странах СНГ. Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи по каталогам агентства «Роспечать»: СНГ — с. 138, РФ — с. 237, Москва — с. 256. **Индекс** 70402.
В Москве на «Искусство кино» можно подписаться с получением вышедших номеров в редакции по адресу: ул. Усиевича, 9 (м. «Аэропорт»), телефон для справок: 151-3779.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДПИСЧИКОВ!
You can subscribe to our magazine through:
«Periodika»
Guilyarovsky st. 39
129110, Moscow, Russia
Tel. (495) 681-9137
Other: «East view publications, inc.»
3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA
Tel. (612) 550-0961. Fax (612) 559-2931
Toll–free in the USA: 1-800-477-1005
Our address:
Usievich st. 9, 125319 Moscow, Russia
Tel. (495) 151-5651, 151-3779
Fax (495) 151-0272
www.kinoart.ru
e-mail: filmart@yandex.ru, filmfilm@mtu-net.ru

© Журнал «Искусство кино», 2007

ДОМ-2

ТНТ

СЧАСТЛИВЫ ВМЕСТЕ

ТНТ

НАША РАША

ТНТ

www.tnt-tv.ru

Индекс 70402

ИСКУССТВО КИНО

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Материалы З.АБДУЛЛАЕВОЙ, И.БАКШТЕЙНА, В.БЕЛОПОЛЬСКОЙ, К.БОГОСЛОВСКОЙ, Г.БРУСКИНА, Е.ГУСЯТИНСКОГО, Л.КАРАХАНА, А.КОСТЮКА, Г.МОРЕВА, Д.ОРЕШКИНА, Н.ПАЛЬЦЕВА, И.РУБАНОВОЙ, Л.САРАСКИНОЙ, Н.ЦЫРКУН

В РУБРИКЕ ***«ЗДЕСЬ И ТЕПЕРЬ»***

Завершилась ли эпоха Просвещения?
Сериалы против кино

В РУБРИКЕ ***«РЕПЕРТУАР»***

«12» Никиты Михалкова
«ОТРЫВ» Александра Миндадзе
«ДУШКА» Йоса Стеллинга
«МЕЧТЫ КАССАНДРЫ» Вуди Аллена
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Дмитрия Светозарова
«БЕСЫ» Феликса Шультесса
«МАТЬ» Павла Костомарова

В РУБРИКЕ ***«ИМЕНА»***

АЛЕКСЕЙ БАЛАБАНОВ
СЕРГЕЙ ЛОЗНИЦА
ЮРИЙ СТЕПАНОВ
НАУМ КЛЕЙМАН

В РУБРИКЕ ***«РАЗБОРЫ»***

Конец классического кино
Тема смерти в творчестве Ингмара Бергмана
Антропологический аспект в документальном кино

В РУБРИКЕ ***«MEDIA»***

Мифология телесериалов
Кто, что, где и когда смотрит по телевизору

В РУБРИКЕ ***«ОПЫТ»***

ДЭВИД ЛИНЧ
СТИВ БУШЕМИ
АННА МЕЛИКЯН
ИЗАБЕЛЬ АДЖАНИ
АЛЕКСАНДР МИНДАДЗЕ

В РУБРИКЕ ***«ПУБЛИКАЦИИ»***

Сергей Соловьев об Александре Абдулове, Владимире Дмитриеве

В РУБРИКЕ ***«ЧТЕНИЕ»***

Елена Долгопят. ВАНЮША

2 0 0 7